

Маски авторитарности: Очерки о гуру

Джоэл Крамер и Диана Олстед

The Guru Papers: Masks Of Authoritarian Power

Joel Kramer and Diana Alstad

North Atlantic Books/Frog Ltd. Berkeley, California

Прогресс-Традиция Москва

Издание осуществлено при содействии отдела культуры посольства США

Перевод с английского Т. В. Науменко, О. А. Цветковой, Е. П. Крюковой

Крамер Д., Олстед Д. Маски авторитарности: Очерки о гуру. — Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2002. — 408 с.

УДК 3

ББК 60.55

К 78

ISBN 5-89826-031-5

Под авторитаризмом, который привычно ассоциируется с политикой, социальными структурами или же с личностями отдельных диктаторов, скрывается авторитаризм более глубокий, всепроникающий и тщательно завуалированный. Он глубоко укоренен в нашей культуре, религии, морали, в общественных ценностях и семейных отношениях. Вся психика человека насквозь пропитана ядом авторитарности, что оказывает сильнейшее воздействие на нашу повседневную жизнь. Книга посвящена выявлению и разоблачению именно этого скрытого авторитаризма, рассматриваемого как основной фактор социальной дезинтеграции и главная угроза существованию человечества.

Первая часть посвящена авторитарному контролю на уровне отдельных людей. В качестве основной модели рассматриваются взаимоотношения между гуру и его учениками (в роли гуру может выступать любой авторитарный лидер, духовный или светский), для которых характерны добровольное безоговорочное подчинение учеников и всеобъемлющий контроль над их сознанием, осуществляемый гуру. Во второй части подробно освещается проблема идеологического авторитаризма и его роль в формировании общественной и религиозной морали. Актуальность темы и подчеркнутая полемичность позиции авторов объясняют острый интерес, который книга возбудила на Западе.

На переплете: Аристотель и Филлис.

Сосуд для воды; бронза; фламандский мастер нач. XV в.

© Joel Kramer and Diana Alstad, 1993

© Ваншенкина Г. К, оформление, 2002

© «Прогресс-Традиция», 2002 (5:)

Содержание

Содержание	1
Предисловие	4
В чем суть авторитаризма?	8
Авторитет, иерархия и власть	10
Часть I. Личности и маски	16
Религии, культы и духовный вакуум	16
Религия и мораль	17
Наука бросает вызов	18
Кто определяет реальность в религиях и культах?	20
Пересматривая священное	23
Гуру и времена перемен	24
Соблазны капитуляции	26
Контроль и капитуляция	28
Скандалы, святые и эгоцентризм	29
Истинное лицо авторитарного контроля	31
Уловки гуру	33
Побуждение к капитуляции	33
Сохранение превосходства	35
Атака на разум	38
Стадии культов: Обращение в паранойю	39
Мессианское обращение	39
Апокалиптическая паранойя	40
Притягательность культовой иерархии	42

	2
Гуру и сексуальные манипуляции	45
Преданное доверие	46
Духовный гедонизм	48
Гуру, психотерапия и подсознание	49
Ловушки для гуру	52
Нарциссизм и лесть	54
Обман и коррупция	55
Джим Джонс и массовое самоубийство в Джонстауне	56
Связь с бесплотными авторитетами	58
Предположения о сути медиумизма	59
«Курс чудес» — пример медиумического послания	60
Что передают медиумы?	64
Создаете ли вы свою собственную действительность?	65
Восстановление подорванного доверия к себе	71
Часть II. Идеологические маски	74
Введение. Война нравов	74
Фундаментализм и потребность в уверенности	75
Сущность фундаментализма	77
Затруднения ревизионизма	79
Ревизионизм и стремление к целостности	83
Что поставлено на карту?	84
Сатанизм и культ запретного: Почему приятно быть плохим	85
Добро и зло	86
Проблема зла	88
Сатанизм как путь к власти	90
Расколотое «я»: добро и зло как усвоенные истины	93
Теневая сторона монотеизма	94
Кто контролирует ситуацию: Авторитарные корни зависимости	95
Что такое зависимость?	95
Расколотая психика — симптом дефектной морали	98
Укрощение зверя: внутренняя борьба за власть	101
Зависимость как мятеж против внутреннего диктатора	106
Недостатки моделей болезни и ответственности	110
«Двенадцать ступеней» — куда?	114
Развитие целостности и доверия к себе	116
Любовь и контроль: Скрытый авторитаризм идеальной любви	120
Что такое безоговорочная любовь?	121
Любовь, время и вневременность	123
Самопожертвование, власть и любовь	124
Контроль и межличностные барьеры	129
«Любовная зависимость»	132
Оценки и роли	134
Прощение и игнорирование	136
Религиозные основы безоговорочной любви	138
Вневременная любовь во времени	139
Единство, просветление и опыт мистического переживания	140
Мистическое переживание	140
Дуализм и отрешенность	142
Функциональная суть просветления	143
Односторонность понятия Единства	146
Холизм и взаимосвязанность	148
Отрешенность как накопительство	151
Власть абстракций: Божественное слово и эволюция морали	151
Абстракции и власть	152
От анимизма к политеизму: конкретные абстракции идолопоклонства	154
Монотеизм: универсальная абстракция	158
Единство — вершина религиозной абстракции	161
Абстракция, мышление типа «или-или» и дуализм	164
Системы символов и власть	166
Преобразование системы символов: диалектический аспект	167

Эпилог: Куда нам идти?

Предисловие	9
В чем суть авторитаризма?	18
Авторитет, иерархия и власть	24
Часть I. Личности и маски	39
Религии, культы и духовный вакуум	41
Религия и мораль	42
Наука бросает вызов	44
Кто определяет реальность в религиях и культах?	50
Пересматривая священное	55
Гуру и времена перемен	59
Соблазны капитуляции	65
Контроль и капитуляция	68
Скандалы, святые и эгоцентризм	70
Истинное лицо авторитарного контроля	75
Уловки гуру	80
Побуждение к капитуляции	80
Сохранение превосходства	84
Атака на разум 91 (6:)	
Стадии культов: обращение в паранойю	95
Мессианское обращение	95
Апокалиптическая паранойя	98
Притягательность культовой иерархии	103
Гуру и сексуальные манипуляции	110
Преданное доверие	112
Духовный гедонизм	116
Гуру, психотерапия и подсознание	121
Ловушки для гуру	127
Нарциссизм и лесть	131
Обман и коррупция	134
Джим Джонс и массовое самоубийство в Джонстауне	136
Связь с бесплотными авторитетами	142
Предположения о сути медиумизма	143
«Курс чудес» — пример медиумического послания	147
Что передают медиумы?	155
Создадите ли вы свою собственную действительность?	158
Восстановление подорванного доверия к себе	173
Часть II. Идеологические маски	179
Введение: война нравов	181
Фундаментализм и потребность в уверенности	184
Сущность фундаментализма	188
Затруднения ревизионизма 193 (7:)	
Ревизионизм и стремление к целостности	200
Что поставлено на карту?	204
Сатанизм и культ запретного: почему приятно быть плохим	207
Добро и зло	209
Проблема зла	213
Сатанизм как путь к власти	218
Расколотое «я»: добро и зло как усвоенные истины	224
Теневая сторона монотеизма	227
Кто контролирует ситуацию: авторитарные корни зависимости	230
Что такое зависимость?	231
Расколотая психика — симптом дефектной морали	237
Укрощение зверя: внутренняя борьба за власть	243
Зависимость как мятеж против внутреннего диктатора	255
Недостатки моделей болезни и ответственности	264
«Двенадцать ступеней» — куда?	272
Развитие целостности и доверия к себе	278
Любовь и контроль: скрытый авторитаризм идеальной любви	287

Что такое безоговорочная любовь? 289
Любовь, время и вневременность 294
Самопожертвование, власть и любовь 297
Контроль и межличностные барьеры 308
«Любовная зависимость» 315
Оценки и роли 318
Прощение и игнорирование 322
Религиозные основы безоговорочной любви 328
Вневременная любовь во времени 330
Единство, просветление и опыт мистического переживания 333
Мистическое переживание 333
Дуализм и отрешенность 338
Функциональная суть просветления 340
Односторонность понятия единства 346 (8:)
Холизм и взаимосвязанность 351
Отрешенность как накопительство 356
Власть абстракций: божественное слово и эволюция морали 359
Абстракции и власть 360
От анимизма к политеизму: конкретные абстракции идолопоклонства 364
Монотеизм: универсальная абстракция 374
Единство — вершина религиозной абстракции 381
Абстракция, мышление типа «или-или» и дуализм 387
Системы символов и власть 392
Преобразование системы символов: диалектический аспект 394
Эпилог: куда нам идти? 401 (9:)

Предисловие

История этой книги не совсем обычна. Многие очерки из ее первой части были написаны еще в 1984 году и представляли собой, по сути, черновые наброски. Впоследствии они были обработаны, дополнены и изданы в виде небольшого буклета, рассчитанного, главным образом, на друзей. Позже нам было предложено опубликовать эти материалы в виде книги, и мы воспользовались представившейся возможностью, чтобы добавить еще несколько очерков и раскрыть тему авторитарности более широко. Начав с ее конкретных проявлений, мы постарались исследовать проблему в целом, при этом нам удалось прояснить многие концептуальные положения, связанные с формированием цивилизации.

Исторически авторитаризм всегда был частью структурной основы любого социального образования и по сию пору продолжает скрытно присутствовать почти в любых человеческих взаимоотношениях, включая религию, мораль, власть, социальные институты, семейные и сугубо интимные отношения, а также взаимоотношения, связанные с личностной зависимостью. Оказалось, что психика человека насквозь пропитана ядом авторитарности, и это оказывает на нашу повседневную жизнь гораздо более сильное воздействие, чем принято думать. Ведь для большинства людей проблема авторитарности и диктатуры ассоциируется, главным образом, с политикой и социальными взаимоотношениями, или же с конкретными личностями. При этом упускается из вида влияние авторитаризма на формирование мировоззрения и социальной шкалы ценностей, а также стереотипов, которым человек подсознательно следует, строя свою жизнь и (10:) жизнь своих близких. В процессе работы над книгой мы стали яснее понимать, почему авторитаризм был и во многом остается мощнейшим средством сплочения общества, а также почему теперь он становится главной причиной социальной разобщенности.

Со времени выхода нашего буклета накопилось так много материала по данной проблеме, что мы решили подготовить обширное издание под названием «Контроль», составной частью которого должна была стать данная книга. К первоначальным очеркам было добавлено более тридцати новых, где описывались проявления авторитаризма в таких сферах человеческих взаимоотношений, как родительский долг, зависимость, любовь, контроль интимных отношений, деторождение и прерывание беременности, экология, цензура, свобода и равенство, смертная казнь, анимизм, буддизм, мистицизм, карма, перерождение и другие. При этом стало ясно, что конца и края здесь не видно. Поэтому мы решили опубликовать книгу в том виде, в каком она сейчас лежит перед вами, включив в нее очерки о гуру (I часть) и шесть глав из упомянутой более обширной работы «Контроль» (II часть), где показано, как авторитаризм прячется под маской идеологии.

Во вступительной главе «Авторитет, иерархия и власть» мы хотели продемонстрировать различия между авторитетом и авторитарной властью, между иерархией и авторитарной иерархией. Авторитет и иерархия неизбежны при любом социальном строе, однако это вовсе не означает, что они непременно авторитарны по своей сути. Правда, иерархические структуры были (и остаются) преимущественно авторитарными, но мы полагаем, что неприятие, которое они вызывают у многих людей, связано не с иерархией как таковой, а с кроющимся за ней авторитаризмом.

В главе «Религии, культы и духовный вакуум» утверждается, что основная причина повсеместного упадка морали связана с так называемыми религиями отрешенности и с мировоззрениями, давно уже не способными справиться с бесконтрольной властью, обладающей всей мощью научно-технического прогресса. Здесь же говорится о том, почему религии отрешенности непременно должны быть авторитарными и почему необходимо пересмотреть традиционные взгляды на природу святости.

Часть I — «Личности и маски» — посвящена вопросам контроля и манипуляций на уровне индивидуумов. В качестве примера (11:) рассматриваются характерные взаимоотношения между харизматическими лидерами и их последователями — эти отношения столь явно и осязаемо авторитарны, что могут служить прекрасным объектом наблюдения обычно скрытых механизмов действия авторитарности. Взаимоотношения «гуру-ученик» ярко демонстрируют, как происходит капитуляция одного человека перед другим, также состоящим из плоти и крови, но принимающим на себя функции «спасителя» и «носителя истины». Это иллюстрация того, что значит «доверять другому больше, чем самому себе».

Традиционная схема взаимоотношений гуру и ученика выявляет крайние притязания любого авторитаризма — абсолютное повиновение и полная капитуляция с одной стороны и всеобъемлющий контроль с другой. При этом манипулирование личностью при ментальном авторитаризме происходит безо всякого физического принуждения — речь идет о контроле над сознанием. Мы поставили себе цель показать, как подобного рода традиционные авторитарные взаимоотношения порождают соблазны и ведут к моральной деградации. Модель «гуру» — крайнее и упрощенное проявление авторитарности, но именно на этой модели можно наглядно проследить, как действует и к чему приводит авторитаризм. В других ситуациях сделать это много труднее.

Хотя в глазах большинства представление о гуру уже давно прочно ассоциируется с коррупцией, многие упорно продолжают объяснять все эти негативные проявления чисто человеческими слабостями. Мы же утверждаем, что коррупция и злоупотребление властью — отнюдь не следствие порочности конкретной человеческой природы, а прямое порождение структуры взаимоотношений, присущих системе гуру. В очерках о гуру и культах мы постарались наглядно отобразить картину этих взаимоотношений, проникнутых интригами, жадной наживы и тайными манипуляциями, показать опасность капитуляции перед каждым, кто объявляет себя всевидящим и всезнающим. Быть может, понимание механизмов узурпации власти и способов манипулирования сознанием поможет людям избежать в будущем возможных ловушек.

В первой части мы особенно подробно исследовали взаимоотношения «гуру-ученик», поскольку авторитарная власть проявляется в них наиболее наглядно. При этом мы старались не ограничиваться лишь рассмотрением конкретных примеров, но пытались (12:) показать, как применить полученные рекомендации в других, менее очевидных случаях. Так, в главе «Соблазны капитуляции» исследуются эмоции, делающие людей восприимчивыми к авторитарному контролю. Глава «Связь с бесплотными авторитетами» помогает понять, почему многие люди относятся к медиумам с тем же пиететом, что и к гуру, и почему, независимо от того, насколько феномен медиумизма реален, его следует рассматривать исключительно в рамках авторитарной системы убеждений. Глава «Создаете ли вы свою собственную действительность?» посвящена критике мировоззрения, поддерживаемого многими лидерами течения «Новый Век». По сути, она является частью главы книги «Контроль», посвященной авторитарности идеологии кармы и реинкарнации. В главе «Восстановление подорванного доверия к себе» даются некоторые рекомендации тем, кто пострадал в этом отношении особенно остро.

Все авторитарные лидеры усиленно пропагандируют идеологию, оправдывающую их власть и действия, поэтому столь важно понять, к каким способам сохранения власти они прибегают. Несмотря на то, что одни идеологии стремятся замаскировать авторитаризм, а другие нет, ясно одно — если власть авторитарна, то авторитарна и ее идеология. В любом случае использование идеологии для оправдания авторитарного контроля и эгоизма всегда стараются скрыть.

Во второй части — «Идеологические маски» — проблема идеологического контроля освещается более подробно. Шесть глав, куда вошел материал из различных разделов книги «Контроль», преследуют единую цель — разоблачить и вывести на чистую воду авторитаризм, кроющийся в сформированных им мировоззрении и духовных ценностях. Для этого мы постарались проследить истоки восприимчивости человека к внешнему контролю и показать, каким образом такой контроль устанавливается, чем и почему привлекает людей и насколько серьезными могут быть его последствия. Дума-

ется, читатель убедится, что авторитарная идеология не только калечит личность, но и подталкивает человечество к краю пропасти всеобщего кризиса, угрожающего самой жизни на нашей планете. О том, что именно поставлено на карту, говорится в предваряющем вторую часть очерке «Война нравов». Наше будущее зависит от исхода борьбы между старым и новым в человеческом сознании.

Примеры явного проявления авторитаризма западного образца в таких идеологиях, как фундаментализм и ревизионизм, подробно (13:) исследуются в главе «Фундаментализм и потребность в уверенности». Мы изучили природу менталитета, свойственного этим идеологиям, а также провели анализ присущих им проблем, постаравшись не только показать, в чем сила и привлекательность фундаментализма и ревизионизма, но и объяснить, почему они с таким трудом поддаются пересмотру.

В главе «Сатанизм и культ запретного» утверждается, что сатанизм является, по сути, крайней формой реакции на усеченную мораль, понижающую все плотское и земное. Методы действия сатанистов также насквозь пропитаны духом авторитаризма, ибо они стараются бороться с «врагом» его же оружием с целью высвобождения и поощрения всего запретного. В данной главе мы показали, каким образом абсолютизация понятий добра и зла и их антагонистическое противопоставление друг другу порождают в людях лишь глубокие противоречия, провоцируя тягу ко всему темному и запретному. Тогда становится понятно, почему подчас так соблазнительно быть «плохим». В этой главе и в следующей, посвященной проблеме зависимости, предлагается система взглядов, показывающая, что дуалистическая мораль создает все предпосылки для раздвоения личности и возникновения внутреннего конфликта, ибо сама мораль подразумевает диктат, от которого человек пытается избавиться либо путем «ухода в сатанизм», либо попадая в зависимость.

В главе «Кто контролирует ситуацию» патологический характер, который приобретает зависимость, и порождаемые этим конфликты рассматриваются как одно из следствий общепринятых авторитарных ценностей. Анализ движущих сил, тающих в авторитарной психике, позволяет понять, почему люди подвержены внешним влияниям и контролю и почему они склонны к различного рода зависимостям. Мы считаем, что зависимость развивается при наличии внутренней психической борьбы за возможность самоконтроля. Дуализм психики в условиях авторитарной идеологии весьма наглядно проявляется, в частности, при детальном изучении внешне безобидных в этом плане так называемых «модели болезни» (на которой, в частности, построена широко практикуемая в США при борьбе с алкоголизмом и наркоманией программа «Двенадцати ступеней») и «модели ответственности».

Зависимость — наглядный результат влияния скрытого авторитаризма на повседневную жизнь человека, когда и мировоззрение (14:) зависимых людей, и их попытки исправить ситуацию диктуются идеологией авторитаризма. Иными словами, внутренний авторитаризм является отражением внешних, более знакомых черт этого явления. Любой, кто хоть раз чувствовал, что «теряет над собой контроль», может воспользоваться предлагаемой нами схемой, чтобы проанализировать собственное поведение и понять, не связано ли оно с авторитарностью, кроющейся в глубинах его сознания. Только дав себе отчет в наличии «внутреннего диктатора», можно освободиться от его влияния. И хотя многие социальные структуры поощряют именно людей с расщепленной психикой, существуют способы покончить с внутренней борьбой за власть и восстановить цельность своего «я».

В главе «Любовь и контроль» речь идет о том, чего мы обычно не замечаем: авторитарная идеология прочно коренится в самых сокровенных и интимных сферах нашей жизни. Такие идеальные построения, как безграничная любовь, вечная любовь или чистая любовь, зиждутся на морали отрешенности, являющейся, по своей сути, сугубо авторитарной. Идеология авторитаризма не только воздействует на чувства и эмоции, но и стремится подчинить их своим принципам, искажая и уродуя все святое до неузнаваемости. Власть имущие используют идеальные представления о семейной и общественной жизни для контроля над людьми в условиях иерархической социальной структуры. Мы рассматриваем отношения между любовью и властью в рамках таких понятий, как межличностные барьеры и меры, прощение и самопожертвование. Наша основная цель при этом — избавить людей от слишком узкого взгляда на любовь, грозящего ей крахом.

В главе «Единство, просветление и опыт мистического переживания» рассматривается идеология, которую используют большинство духовных учителей Востока (а теперь уже и Запада) для оправдания и поддержания своего авторитета и положения. В основе идеологии Единства, а также производного от нее «принципа просветления» лежит весьма утонченный и *умело* замаскированный религиозный авторитаризм, сформировавшийся в процессе переосмысления концепции мистического переживания общности. В этой главе мы постарались объяснить читателю, что за внешне безупречной идеологией всеобщего Единства, которую, казалось бы, невозможно заподозрить в стремлении манипулировать людьми, на самом деле стоит все тот же пресловутый авторитаризм. (15:)

В главе «Власть абстракций» исследуется глубинная связь между концептуальными воззрениями общества, властью и контролем. Разворачивая перед читателем эволюцию религиозной мысли и общественной морали, мы старались обратить его внимание на то, как с помощью абстрактных идей,

существующих на каждом этапе развития общества, формируются механизмы контроля над людьми. Мировоззрение реализуется посредством определенного набора терминов и абстракций. Мы анализируем разнообразные способы, позволяющие использовать абстрактные представления для построения конкретных социальных взаимоотношений, и стараемся наглядно показать, как с помощью абстрактных систем морали религия укореняла авторитаризм в сознании людей и в социальных структурах. Все мы знаем, какие реальные силы высвобождаются при реализации абстрактной научной мысли, тогда как мощь религиозных абстракций, особенно в светских культурах, не столь заметна. В конечном итоге нам бы хотелось, чтобы читатель смог не только научиться понимать и выявлять авторитарные аспекты в любом мировоззрении, но и попытаться бы представить себе, какой должна быть неавторитарная система ценностей и соответствующая ей идеология.

Надеемся, что вам придется по вкусу свободная последовательность подачи материала, и хотя логическая обоснованность наших выводов постепенно усиливается к концу книги, изложение построено так, что читатель может следить за интересующей его темой, свободно переходя от одного раздела к другому. Этому способствует обилие перекрестных ссылок, помогающих заполнить пробелы и более разносторонне осветить проблему. Большинство из них отсылают к главам, где та же проблема рассматривается под иным углом зрения, но часть ссылок относится к материалам из книги «Контроль», о которой говорилось выше. Этим мы хотим подчеркнуть, что тема далеко не исчерпана, и вызвать у читателей интерес к нашим дальнейшим исследованиям.

Мы надеемся, что ни у кого не сложится мнение, будто мы, проводя свои изыскания, относимся предвзято к какому-либо мировоззрению или же намекаем на каких-либо конкретных людей — поэтому мы и не называем никаких имен, хотя большинство примеров имеют реальную основу. Кроме того, хотя известно, что роль авторитарного лидера случалось играть и женщинам, все же (16:) представление о гуру традиционно связывается с мужским полом, что и сказало на нашем употреблении этого термина в мужском роде.

Понятие «парадигма», к которому мы часто прибегаем в этой книге, используется нами в широком смысле — как некое фундаментальное представление о мире. Таким образом, «смена парадигмы» означает изменение господствующего мировоззрения — например, переход от постулата, согласно которому источником истины служит божественное откровение, к представлению, что истина рождается в процессе научного познания.

Иногда некоторые слова в нашем тексте мы берем в кавычки — например, «духовный» или «духовность». Это значит, что в данном случае называемое «духовным», по нашему убеждению, в действительности является составной частью авторитаризма. Мы вовсе не призываем отказаться от идеи духовности и не пытаемся ее дискредитировать. Мы лишь противимся попыткам сконструировать некий идеальный «духовный» мир, для достижения которого необходимо следовать непререкаемым указаниям авторитетного лидера, которого мы, таким образом, сами же создаем. Мы полагаем, что истинная духовность должна пронизывать всю нашу повседневную жизнь и быть неотделима от нее, но это уже тема другой книги.

Мы совершенно убеждены в правильности высказываемых в этой книге идей, поскольку они помогли нам самим понять, почему наша жизнь устроена именно так и почему ее следует изменить. Мы постарались придать своим рассуждениям максимальную убедительность. Возможно, из-за этого кое-кто сочтет тон книги излишне безапелляционным и даже спросит себя, не авторитарна ли она сама. На это мы можем лишь ответить, что занимались обсуждаемыми вопросами много лет и внимательно изучали, что думают об этом другие. Нам не удалось обнаружить более широкого подхода к проблеме, что также подкрепляет нашу уверенность в своей правоте. Но убежденность не бывает авторитарной, если человек готов прислушиваться к критике и признавать свои ошибки. Суть идеологического авторитаризма не в убежденности, а в непререкаемости. Мы готовы пересмотреть свои взгляды или даже отказаться от них, если к тому будут веские основания.

Нам хотелось бы, чтобы критерием приятия или неприятия изложенных здесь идей служили только их собственные достоинства. Поэтому мы не ссылаемся на чьи-либо авторитеты и не стремимся (17:) демонстрировать свою эрудицию. Главная наша забота — ясность изложения. Читатель должен понять ход наших мыслей, а уж соглашаться со сделанными выводами или нет, он решит сам. Личный опыт людей и их здравый смысл — вот к чему апеллирует эта книга, призывающая руководствоваться в жизни доверием к собственной личности.

Рождение этой книги — результат многолетнего и не всегда простого процесса выработки общей позиции, так что теперь мы зачастую не можем сказать, кому из нас принадлежит та или иная идея. Друзья и близкие с самого начала поддерживали нас, и многие люди помогали нам, высказывая ценные замечания о работе. Перечень имен слишком обширен, что бы приводить его здесь, но всем им мы искренне признательны. Особо хочется упомянуть Сирену Кастальди и Курта Фишера, чья роль была исключительно велика. И наконец, без понимания и терпения нашего издателя Ричарда Гроссингера книга просто не увидела бы свет.

В чем суть авторитаризма?

Не мы одни обеспокоены ходом современного развития человечества. Многие задаются вопросом, почему столь высокоразвитый в интеллектуальном отношении вид, способный творить чудеса в науке и технике, до сих пор не сумел создать универсальные для нашей планеты позитивно-созидательные социальные взаимоотношения между людьми. Почему именно в этой сфере мы вдруг становимся столь бездумными и беззаботными? Наиболее пессимистический ответ сводится к тому, что в силу порочности человеческой природы зло всегда будет довлеть над добром и что люди фатальным образом не способны побороть сиюминутное своекорыстие.

Наше видение будущего более оптимистично и обнадеживающе. Между тем авторитаризм и авторитарные идеологии столь глубоко укоренились в сознании людей, что стали главным препятствием на пути творческого решения проблем выживания человечества. Ведь творчество неотъемлемо связано с верой в себя, а ее-то и подавляет авторитаризм

Один из наших друзей как-то высказал мысль, на первый взгляд кажущуюся банальной: «Если вы действительно заинтересованы в переменах, то лучшая для этого стратегия — оптимизм». Однако если мы попытаемся найти подтверждение этому тезису в исторических фактах, то потерпим фиаско — история свидетельствует, что человек не способен разумно обращаться с властью и справляться с (19:) проблемами, порождаемыми технологическим прогрессом. Иными словами, общество явно не успевает интегрировать бурно развивающиеся технологии. Никакое обращение к опыту прошлого не поможет сократить этот разрыв — как прежде, так и теперь мы не способны даже отдаленным образом представить себе структуру человеческого общества будущего. В связи с этим становится понятной позиция тех, кто ищет выход из создавшейся ситуации в принципиально новой структурной модели, новом мировоззрении — в том, что теперь принято называть «сменой парадигмы».

У оптимизма мало шансов прочно укорениться в сознании людей, так что он рискует остаться всего лишь полетом человеческой фантазии, терпящим крушение при столкновении с пессимизмом или цинизмом. Поэтому поиски новых парадигм идут в основном в рамках теорий развития или эволюционных теорий, когда есть возможность проследить процессы преобразования, не теряя из виду нить истории. При этом совершенно очевидно, что по-настоящему новый подход должен трансформировать саму арену жизнедеятельности существующего общества и реализации его потенций. Стало быть, вопрос состоит не только в том, что представляет собой сущность новой парадигмы, а еще и в том, как к ней прийти.

Авторитаризм является неотъемлемой составляющей всех старых парадигм, хотя его далеко не просто распознать в содержании той или иной структуры, тех или иных институтов, этики и мировоззрения. Легче всего его проявления можно проследить при изучении способов и методов удержания власти в данной социальной структуре, включая и способы приобретения и удержания власти над сознанием людей.

В какой бы незнакомой форме ни предстало перед нами кажущееся новым мировоззрение, какие бы новые ценности оно ни проповедовало, но если оно создавалось и внедрялось авторитарно, то вся его новизна — лишь удачная маска. Какой бы ни была новая парадигма, она должна быть признана людьми добровольно, без принуждения. Она должна представлять собой структуру, открытую для обсуждения и критики, чтобы накапливаемый людьми опыт позволял ее совершенствовать. Иными словами, любая жизнеспособная модель является таковой только тогда, когда позволяет людям верить в себя, свои силы и опыт и ценить их, а не принимать на веру сомнительные положения и ценности. Для всякой претендующей на (21:) новизну системы ценностей опыт и традиции прошлого не должны вставать на пути прогресса, основы которого закладываются в живом реальном настоящем и без которого не может существовать оптимизма в отношении будущего.

Идеологии, мировоззрения и все то, что, как принято считать, есть проявление знания, так или иначе пытается завладеть сознанием людей, доказывая свою истинность. Однако в большинстве критических жизненных ситуаций не было, да, пожалуй, и не могло быть абсолютного единодушия в отношении безусловной истинности того или иного мировоззрения. В этой книге мы постараемся со всей ясностью продемонстрировать важность разоблачения авторитаризма и методов, которыми он пользуется для того, чтобы нужным образом сформировать взгляды членов общества на действительность и направить их образ мыслей. Большинство существующих в мире идеологий и мировоззрений уже во многом преуспели на пути самоутверждения в качестве носителей истины. В реальности убеждения слишком часто формируются под давлением личных предпочтений и интересов. Люди могут без конца спорить о том, какое из мировоззрений истинно и какое — нет. Единственное, что может быть установлено в отношении любой идеологии, мировоззрения и учения, так это то, является ли их основа по своей сути авторитарной и не скрываются ли под внешними убеждениями и уверениями их приверженцев интересы тех, кто использует их для сохранения своего контроля.

Сразу оговоримся — мы не собираемся решать проблему авторитаризма, исследуя общеизвестные, откровенно авторитарные системы, в частности политические, которые в качестве основных способов контроля и самоутверждения используют физические угрозы и принуждение. Они достаточно хорошо изучены, однако представляют собой, на наш взгляд, лишь верхушку айсберга. Куда интереснее было бы попытаться разобраться в глубоко скрытых и невероятно живучих механизмах авторитарного управления и контроля, успешно функционирующих на уровне менталитетов, веры и убеждений, чувств и эмоций, целей и устремлений людей, заставляя их сомневаться в собственных силах. Когда человек перестает доверять себе, он неизбежно становится легкой добычей всевозможных манипуляторов.

В определенные узловые исторические моменты фундаментальные устои социального принуждения начинают рушиться, (21:) поскольку то, что утвердило и упрочило их в прошлом, уже не является столь же незыблемым в настоящем. По мнению многих, мы переживаем сейчас именно такой исторический период. Поэтому именно сейчас необходим особенно скрупулезный анализ существующих социальных идеологий, мировоззрений и учений, ибо, на наш взгляд, все основные проблемы непосредственно связаны с их основными положениями. Прежде всего, любая социальная структура характеризуется способом управления и контроля. Ни одно общественное устройство не может долго существовать исключительно за счет силового принуждения; оно должно провозглашать ценности, которые бы воспринимались обществом и передавались следующему поколению.

Мораль — это система ценностей, которые утверждаются и всячески отстаиваются в условиях определенного социального строя, являясь своеобразным цементирующим средством для сохранения его целостности. Мораль, следовательно, не может существовать сама по себе и лишена всякой силы в отрыве от общества. Она интегрирована в то или иное мировоззрение, которое формирует и утверждает ее. Сам процесс социализации, по большому счету, был до настоящего времени авторитарным, основывающимся на идеологии, направленной на утрату личностного доверия к самому себе, ибо это остается самым простым и эффективным средством, дающим возможность контролировать поведение людей.

Исторически мировоззрения всех цивилизаций Земли были авторитарными и претендовали на безоговорочное владение «истиной», в особенности истиной моральной. Это порождало сознание своей внутренней правоты, а следовательно, и права контролировать других. Первоочередная функция внутренней уверенности в своей безупречности состояла в предоставлении одному человеку (или целой группе людей) права диктовать людям, что они должны делать. Это использовалось также в качестве основы для самоконтроля. Вот почему убежденность в моральной правоте всегда оказывалась эмоционально наиболее привлекательной. Но для поддержания убежденности, конечно же, необходимы убеждения, и эти убеждения будут сохранять свою незыблемость даже при явном расхождении их основополагающих постулатов и объективной реальности. Убежденность, уверенность — это особое психологическое состояние, и когда оно подкрепляется убеждениями, сформированными не базе (22:) неоспоримых аргументов (авторитарное убеждение), то такие убеждения и осуществляемые на их основе управление и контроль не подвластны никаким изменениям. Если же перемены настолько велики, что требуют пересмотра основополагающих ценностей и лежащих в их основе мировоззрений, в этом случае противостояние новациям негативно сказывается на состоянии людей и общества в целом. Судя по всему, мы переживаем сейчас именно такое время. Традиционные, зачастую умело скрывающиеся авторитарные методы распространения и ограничения информации ведут к деградации личности и всего сообщества. Степень авторитарности культуры является мерой ее дисфункциональности.

Все разновидности идеологического авторитаризма, особенно в том, что касается власти и управления, имеют, по сути, одинаковую структуру, независимо от конкретного содержания. Наиболее распространенная среди основополагающих форм авторитарного мировоззрения базируется на внушении и утверждении недоверия к себе. Но существуют и иные способы утверждения авторитаризма, и главная цель этой книги — расшифровать и разоблачить их.

В своем анализе мы, иногда не очень явно, исходим из предпосылок, которые могут быть названы эволюционными и диалектическими. Ведь человечество является непосредственным участником эволюционного процесса, в который, кроме него, вовлечены и другие земные виды и экосистемы. Этому процессу противостоят отживающие и деструктивные обычаи людей и общества. Диалектичность же нашего подхода заключается в рассмотрении традиционно противостоящих друг другу категорий, таких как соперничество-сотрудничество, эгоизм-альтруизм и т.п., которые, как известно, находятся в динамичном процессе единства и борьбы. Возможно, излагаемая здесь точка зрения будет способствовать укреплению позиций сторонников эволюционно-диалектического мировоззрения, однако авторы не ставили перед собой подобной цели — прежде всего мы делали упор на то, чтобы читатель мог как можно более отчетливо представить себе, каковы механизмы распространения и реализации авторитарного управления и в чем его опасность.

Изменения, даже самые насущные, не должны исходить от той или иной личности или группы людей, утверждающих, что именно они являются носителями новой истины. Как раз такую практику, по нашему мнению, и следует искоренить. Ошибочным было бы (23:) также полагать, что новое содержание может зародиться в рамках старых форм. Авторитаризм умело скрывается за многими очевидными истинами, некоторые из которых даже принято считать священными. Впрочем, выявление авторитарного начала отнюдь не обязательно означает безоговорочное отрицание самих этих истин. Просто есть возможность лишний раз убедиться: не все то золото, что блестит.

При всем внешнем разнообразии, все известные высокоразвитые цивилизации базируются на авторитарном правлении. Низкоразвитые племенные социальные структуры не являются в этом плане исключением, с той лишь разницей, что авторитарное управление в этом случае осуществляется не с использованием некоего института власти или отдельной личности, а заложено в самой социальной группе. Современные демократии ведут беспощадную борьбу не только с основными составляющими авторитаризма, но и с возрождением его фракционных разновидностей.

Мы убеждены, что приблизиться к решению проблем эволюции человечества можно, лишь поборов наследие авторитаризма. Для этого необходимо выявить его основные движущие силы, понять, в чем заключается его внешняя привлекательность, благодаря которой авторитарная идеология прочно укоренилась не только в социальных системах, но и в душах людей, и, конечно же, постараться разрушить тяжкие оковы этого наследия. Точно так же, как никто в прошлом не мог предвидеть современных последствий научно-технического прогресса, так и сейчас вряд ли кто-либо возьмет на себя ответственность предсказать последствия, которые будет иметь кардинальная смена человеческих ценностей. Авторитаризм является неотъемлемой составной частью старых парадигм, а посему невозможно представить, себе как бы реализовались человеческие возможности без него. Формирующиеся в настоящее время неавторитарные структуры — это не только новые перспективы, но и новые надежды.

Авторитет, иерархия и власть

Весь мир стремится к переменам. Их насущная необходимость все более очевидна. Вопрос лишь в их направленности и методах осуществления. Некоторые мечтают вернуться к старым формам существования, на которых зиждился мир, — во всяком случае, тот мир, к которому они привыкли. Другие, наоборот, склонны к поискам новизны, всецело опираясь на идеологию «новой мирового порядка» или «смены основной парадигмы». Ориентируясь на перемены, мы интересуемся главным образом их масштабом и результатами. Тем не менее, любой, кто хоть когда-либо занимался творческой деятельностью, знает, что конечный результат практически всегда отличается от ожидаемого. Это, отчасти, объясняется тем, что только сам процесс деятельности определяет, какого рода информацию использовать или не использовать в качестве обратной связи. В связи с этим становится ясно, что конечный результат в существенной степени зависит от средств, затраченных на достижение цели.

Реструктуризация социальных сфер подразумевает реструктуризацию власти. Если для достижения нового порядка или смены жизненных ценностей прибегнуть к авторитарным методам, результаты в любом случае будут авторитарными. Все достигнутые таким образом новации будут касаться лишь исключительно самих властных структур, определяя, кто именно держит бразды правления, и не затронут способы получения и сохранения власти. Факторы, делающие (25:) процесс авторитарным, не всегда лежат на поверхности, обычно они глубоко запрятаны в ценностях, традициях, правах и привилегиях — в том, что большинству людей кажется само собой разумеющимся. Нас же особо интересует, каким образом авторитарность проникает в человеческие души. Критикуя авторитаризм, мы, тем не менее, отнюдь не склонны предполагать, что авторитет, иерархия и власть могут быть полностью исключены из сложного цикла человеческих взаимоотношений. Мы лишь утверждаем, что они не обязательно должны реализовываться через авторитарность.

Некоторые пытаются доказать, что авторитарная иерархия присуща человеку как биологическому виду — ведь в генетической структуре социальных животных заложено доминирование и подчинение. Можно, в принципе, аргументировано обосновать и то, что сексуальность, стремление к конкуренции и агрессивность составляют сущность мужского начала, а воспроизведение потомства — женского. Наконец, все это можно вполне логично объяснить ходом эволюционного развития. Отбросив в сторону все «за» и «против» подобной аргументации, зададимся вопросом, обязательно ли биологическая природа явления означает биологический детерминизм? Даже если женщина генетически запрограммирована на воспроизведение потомства, разве она не может прибегнуть к разуму и «не подчиниться программе», если сочтет это целесообразным? Неужели то обстоятельство, что авторитаризм тесно связан с биологическими механизмами доминирования и подчинения, означает, что человеческий интеллект совершенно не в состоянии противостоять им даже тогда, когда вопрос идет о жизни и смерти? Однако даже если не представляется никакой возможности полностью избавиться

от вышеупомянутых инстинктов, особенно в совокупности с агрессивностью, все равно остается альтернатива — либо безоговорочно смириться с их катастрофическими последствиями, либо стараться каким-то образом смягчить их влияние.

Столкновение природного инстинкта и осознанного интеллекта — вечный спутник человеческой драмы. Природа человеческих инстинктов и их функциональная значимость — это до сих пор «тайна за семью печатями». Любая жизненная форма, какой бы она ни была, делает все возможное для продолжения своего существования, так что можно утверждать, что это стремление инстинктивно. Человеческая натура в этом отношении не является исключением, (26:) однако люди, в отличие от других живых существ, при определенных обстоятельствах способны совершать самоубийство. О чем это говорит? Об отсутствии у них инстинкта самосохранения или же о способности человеческого сознания побеждать инстинкты? Если человек в состоянии игнорировать инстинкт самосохранения, то не может ли он сделать то же самое во имя жизнеутверждения?

Многие согласны с тем, что жизнь, особенно человеческая, связана с риском. Он подспудно движет и стремлением человека к новациям. Техническая мысль стала мощным рычагом власти, что поставило под угрозу не только всю флору и фауну нашей планеты, но и нас самих. Согласитесь, что было бы куда разумнее использовать совокупный человеческий интеллект во всем его блеске для решения наших социальных проблем, чтобы окончательно разрушить старый фундамент социальных и моральных структур, основанный на принципах авторитаризма.

Современная демократия — это есть, по сути дела, попытка обуздать авторитаризм в области политики. Тем не менее, до тех пор, пока в сознании большей части людей продолжают жить авторитарные установки, разрешение любых кризисно конфликтных ситуаций будет осуществляться исключительно авторитарными средствами. Если таким образом будут решаться жизненно важные проблемы, то элемент риска дополнительно усилится.

Трудно что-либо изменить, а тем более утвердить без полного понимания *сущности* проблемы. Если скрытый авторитаризм находит питательную почву в социальных структурах и человеческой душе, необходимо прежде всего осознать, как и почему это происходит. Зачастую и те, кто питает отвращение к проявлениям авторитаризма, пытаются бороться с несправедливостью авторитарными методами. А поскольку власть зачастую действует скрытно и побудительные мотивы ее действий, как правило, завуалированы, подобная тенденция приводит лишь к обострению ситуации.

Авторитаризм, конечно, тесно переплетен с такими понятиями, как авторитет, иерархия и власть, но не идентичен им. Поэтому следует постараться по возможности разграничить вышеупомянутые понятия, хотя это не всегда просто. Согласно словарю Вебстера, «авторитарное — характеризуемое безоговорочным повиновением авторитету». Применительно к вопросам политического характера, это понятие подразумевает использование силы для (27:) безальтернативного управления народными массами. Мы расширили смысловые границы этого термина, включив в него наличие непоколебимых убеждений и идею некоего третейского судьи — обладателя и хранителя непреложного знания о том, что есть правильно, а что неправильно, что подходит, а что нет для данной личности. Таким образом, мы считаем идеологии и системы убеждений авторитарными, если не существует реальной возможности обсудить или оспорить их положения.

После того, как мир узнал о безмерных людских страданиях, причиной которых стал нацизм, возник жгучий интерес к авторитарной личности, готовой слепо выполнять любые, даже самые бесчеловечные приказы. Готовность безропотно следовать за кем-либо и стремление безоговорочно подчиняться — все это вполне можно связать с присущей социальным животным генетической программой доминирования и подчинения. Независимо от того, существует или нет такая программа у человека, совершенно невозможно отделить ее врожденную составляющую от привнесенной, поскольку доминирование и подчинение встроены практически во все социальные структуры нашего общества, начиная с обучения детей. Отношение общества к половым различиям и функциям — еще один пример того, как нерушимые социальные формы, идеализируемые и утверждаемые всевозможными способами, включая принуждение, начинают затем считаться «естественными».

Не все люди склонны к слепому безрассудному повиновению. Более того, если людей заставляют повиноваться, то при первой же возможности они попробуют заставить повиноваться других. Воспитание в духе неверия в собственные силы создает благоприятную почву для последующего процветания авторитаризма, ибо подрастающее поколение неизбежно начнет искать себе «идола», способного защитить в минуту опасности. Это красноречиво доказывает, что авторитаризм, несмотря на генетическую основу, является, по большому счету, благоприобретенным свойством человечества. Если же общественная идеология станет всецело способствовать формированию настоящих личностей или, хотя бы, просто уверенных в себе гармонично развивающихся людей без ущербной психологии «затравленного зверя», то можно полагать, что видимых естественных причин возникновения зачатков авторитаризма в таком обществе не будет. (28:)

Ментальный и психологический авторитаризм зарождается либо из потребности подчиняться кому-то или чему-то, обладающему умственным, физическим, моральным или еще каким-либо превосходством, либо из стремления самому стать таким авторитетом для других. Оба эти состояния отнюдь не являются взаимоисключающими, напротив, они прекрасно уживаются в одном и том же человеке и проявляются, в зависимости от обстоятельств. Но даже если потребность подчинять и подчиняться, так же как, скажем, и склонность к агрессии, признать неотъемлемой природной составляющей человеческой природы, это вовсе не означает, что авторитаризму и формам его проявления (равно как и агрессивности) нужно всячески потакать или принимать их как должное. Надежды человечества на лучшее будущее основываются на его способности не повторять ошибок прошлого. Психологический авторитаризм, благодаря усилиям поддерживающих его идеологий, часто предстает под личиной добродетели. Ведь лишь тщательно замаскировав свои диктаторские замашки, он может рассчитывать на успешное функционирование. Знание всей подноготной психологического авторитаризма, его этиологии и движущих сил позволит человечеству разработать, в конечном итоге, здравую стратегию его преодоления.

Авторитаризм как способ утверждения и поддержания власти настолько распространен, что его зачастую отождествляют с властью как таковой. Любая социальная иерархия подразумевает распределение власти и авторитета. В целях оправдания власти используется, в числе прочего, и мораль. Пытаясь разобраться в том, что всегда было и продолжает оставаться основой любой власти, и понять, в чем она может проявляться, мы отнюдь не хотим дискредитировать власть как таковую. В нашем понимании власть, так или иначе, проявляется в любых взаимоотношениях. Проще говоря, власть — это способность индивида или системы оказывать какое бы то ни было влияние на другие индивиды или системы. Власть не существует сама по себе, это категория относительная. Поэтому когда мы говорим, что «X обладает властью», мы на самом деле подразумеваем, что «X обладает властью по отношению к Y». Так, скажем, Солнце обладает властью (энергией) для поддержания жизни на Земле, ибо без таковой здесь ничего бы не было. Власть (энергия) Солнца осязаема реально — она поддерживает жизнь и она же способна ее уничтожить. Говоря о мощности автомобиля, мы имеем в виду его (29:) более высокие технические возможности в сравнении с другим, менее мощным. Красота, благополучие, физическая сила, сексуальность и все остальное в этом мире, что приковывает наше внимание, несомненно обладает властью. Власть — это именно тот неотъемлемый сопутствующий фактор любых взаимоотношений, всякая попытка устранения которого является, по сути, очередным испытанием его на прочность.

Принято считать, что власть развращает. Но почему? И какие свойства человеческой природы делают власть столь притягательной? При этом не секрет, что тех, кто стремится к власти, часто стараются опорочить. О том, что кто-то гонится за властью, мы обычно говорим с осуждением. Тем не менее, совершенно очевидно, что любой, кто хочет сам строить свою судьбу, непременно будет искать власти. Желание быть независимым или обладать хоть каким-то влиянием на окружающих также непосредственно связано с властью. Цензура — это одна из форм проявления властного контроля, что-то вроде запрета водить машину в нетрезвом виде. Но если власть существует везде, неужели неизбежна всеобщая развращенность? Можно, конечно, утверждать, что понятие «власть» используется нами в слишком широком смысле и, говоря о развращающем действии власти, следует, скорее всего, иметь в виду «власть принуждения». Возникает вполне резонный вопрос: развращаются ли родители, прибегающие к принуждению по отношению к своим чадам? И что такое психологическое принуждение — социальное давление? внушение страха? навязывание того, от чего нельзя отказаться? обольщение путем удовлетворения невротических потребностей? неотвратимое наказание в соответствии с законом?

Разложение власти наблюдается тогда, когда задача ее сохранения в существующем виде становится более важной, нежели ее использование в других целях. И хотя такая опасность существует при любых человеческих взаимоотношениях, вероятность ее значительно увеличивается, когда власть сочетается с высоким положением в обществе. Власть, приобретаемая благодаря общественному положению, именно на нем и зиждется, а положение — это как раз то, что обеспечивается иерархией. Почти как трюизм воспринимается сейчас знаменитое высказывание лорда Эктона о сути власти: «Власть склонна развращать, а абсолютная власть — развращает абсолютно». Абсолютная власть достигается лишь на вершине иерархии. Именно (30:) такая власть передается максимальному моральному разложению и коррупции. И даже не будучи противником власти как таковой, можно сопротивляться установлению иерархии. Чтобы лучше понять, почему протестовать против иерархии не *разумнее*, чем противиться власти, необходимо более подробно уяснить суть иерархии как таковой.

Этимология термина «иерархия» восходит к греческим словам *hieros* — «священный» — и *archos* — «правитель». Иерархом мог быть священнослужитель высокого или наивысшего ранга, и от него Слово Божье передавалось нижестоящим священникам и далее по нисходящей — «простым смертным». Концепция иерархии основывалась на религиозных представлениях, заключающихся в том,

что святое Слово (власть) снисходит к людям по пирамидальной структуре¹. Построенное в соответствии с данной структурой общество разделялось на тех, кто всячески стремился сохранить свое положение в нем, и на тех, кто всеми силами старался продвинуться выше. Права, полученные по праву рождения либо с помощью других механизмов, регулирующих положение в обществе, — самый простой и традиционный способ сохранения своего общественного статуса. Авторитарные иерархии оправдываются авторитарным мировоззрением и моралью. Господствующая идеология регламентирует права и привилегии разных уровней иерархии. Если идеология авторитарна по своей сути, нетрудно догадаться, каким будет ее правление. Демократия как политическая идеология позволила иерархическим структурам существовать под своим знаменем, так что не всякая власть исходит сверху.

Иерархические структуры встречаются в природе на физическом, биологическом и социальном уровнях. Солнечная система, тело человека и колония муравьев являются в определенном смысле наглядными примерами подобных структур, где прослеживается взаимосвязь различных уровней власти. Человеческое тело состоит из органов, клеток, молекул и атомов. Для функционирования всего организма важнее орган, чем одна клетка. У социальных животных иерархические структуры могут быть устроены весьма сложно и часто перекрываются, так что в зависимости от ситуации одна и та же особь может занимать на иерархической лестнице различное (31:) положение. И здесь, в животном мире, лидирующие особи или группы борются за сохранение своего статуса не на жизнь, а на смерть, порой в течение всей жизни. Иерархические структуры присущи самой природе, и человек, возможно, естественным образом приспособлен к их использованию. Развитие любой цивилизации связано с изобретением предметов материальной культуры — инструментов, облегчающих человеческую деятельность. Изобретение социальной иерархии принципиально ничем не отличается от изобретения колеса — оно, как и любое изобретение и открытие, независимо от того, в какой сфере оно реализуется, расширяет возможности человека и облегчает контакт между различными культурами. Понятно, что, ощутив это, человек не желает отказываться от достигнутого, ибо обретает некую реальную власть в том или ином ее проявлении. Изобретение колеса дало колоссальное преимущество в выполнении огромного числа самых разнообразных задач. Видя его очевидные достоинства, люди стали применять его повсюду. То же самое справедливо и для социальной иерархии — она стала частью социальной системы, и пути назад не существует.

В условиях жестокой конкуренции, соперничества или конфликтов победит тот, кто умело применяет свои изобретения и открытия. Это касается и использующих в качестве инструмента власти иерархию, поскольку она является механизмом, позволяющим организовать и нужным образом направить деятельность людских масс. Это самый эффективный из известных способ решения социальных задач. В конечном результате культура, построенная на основе иерархии, получает возможность не только более рационально использовать труд людей, но и увеличить свое население, захватить новые территории, накопить новые богатства и даже полностью поглотить другую культуру, не знакомую с иерархией²².

Поскольку авторитаризм по своей сути иерархичен, нетрудно заключить, что и иерархия должна непременно быть авторитарной, учитывая, что авторитарная иерархия всегда была и есть основной способ организации общества. Иерархия как организованная и отлично отлаженная машина власти постоянно подвергалась многочисленным нападкам со стороны разнообразных идеологов равноправия — марксистов, анархистов, феминистов, трайбалистов и др. (32:)

Причина лежит на поверхности: иерархия навязывает явно неравномерное распределение власти и авторитета, причем создается впечатление, что эти привилегии прочно оседают в пределах самих властных структур, главной задачей которых становится увековечение иерархии и удовлетворение интересов тех, кто находится наверху, — какие бы цели ни провозглашались публично. Нам тоже не нравится авторитарная иерархия, однако отказаться от использования ее в качестве организационного механизма не представляется возможным. По крайней мере, пока не ясно, чем можно было бы ее заменить. Все дело в том, что сама природа власти требует ее концентрации, и всякая попытка более или менее равномерного ее распределения также, по сути, невозможна без иерархии.

Авторитарные иерархии порождают, воспитывают и поощряют так называемые авторитарные добродетели, которые помогают иерархическим структурам безотказно функционировать, так как воспитывают в людях «чувство глубокого удовлетворения» и ограниченность, дабы пресечь их размышления о том, как в реальности действуют рычаги власти внутри иерархической структуры. Этими добродетелями являются преданность, чувство долга и повиновение. Преданность как таковая не

¹ Связь между святым Словом и властью, а также основными религиозными абстракциями и управлением подробно рассмотрены в главе «Власть абстракций».

² О происхождении социальной иерархии и ее связи с земледелием и накоплением подробно говорится в главе «Власть абстракций».

может не вызывать уважения, особенно если она заслуженна. То же касается чувства долга, если оно никем не навязано, и даже повиновения, если оно гармонически согласуется с конкретным образом жизни, выбранным для себя человеком. Однако когда вышеупомянутые качества ценятся лишь сами по себе, они могут быть легко использованы в качестве средства манипулирования людьми, без учета их интересов. Такая «идеологическая безответственность», используемая для поддержания иерархической идеологии, может приобретать большую власть над людьми. Известное оправдание «Я всего лишь выполнял приказ!» является прекрасной иллюстрацией того, как высоко люди склонны ценить слепое повиновение, не заботясь о последствиях, к которым оно может привести.

Если иерархия — это способ построения власти, авторитет — средство ее упрочения, то мораль — это средство узаконить власть авторитета. Древние законы морали авторитарны и догматичны, а по сему требуют строгого соблюдения. Заповедь «Не убий!» непреложна, однако желание убить всякого, кто нарушит этот запрет (как, впрочем, и другие), указывает на то, что на самом деле важно не (33:) соблюсти правило, а защитить всеми силами стоящий за ним авторитет³. Поняв, как поддерживается и укрепляется власть авторитета, можно судить о степени его авторитарности. Если иерархию устранить невозможно, то единственный способ защититься от коррупции внутри власти — это создать совершенно неавторитарную власть. Возможно ли это — вот в чем вопрос!

Не всякая власть является авторитарной, и это крайне важно понять. Властью может быть облечен человек, занимающий высокое общественное положение, играющий определенную социальную роль или обладающий некими особыми личными качествами, — впрочем, часто все это тесно переплетается между собой. Если, например, некто считается авторитетом в медицине, это означает, что он обладает определенным высоким потенциалом знаний и опыта в данной области. Роль врача, так же как и роль учителя и воспитателя, предполагает компетентность. Роль гуру или духовного наставника подразумевает, что человек, который берет ее на себя (по собственному почину или побуждаемый к этому другими), лучше остальных знает жизнь и может научить, как дальше следует жить всем остальным. В этой ситуации доказательством прав на авторитет считаются специальные познания. Такая власть может быть в различной степени авторитарной, в зависимости от того, как она используется и каким способом была получена. Власть гуру можно априорно считать авторитарной, ибо безоговорочное повиновение ему считается наивысшей добродетелью⁴.

На уровне личных взаимоотношений не представляет большого труда установить степень авторитарности власти. Так, если она требует не только безоговорочного подчинения, но и либо наказывает непокорных, либо отказывается иметь с ними дело, то такая власть считается, безусловно, авторитарной. С другой стороны, если люди верят в то, что должны беспрекословно повиноваться, ибо в противном случае не получают обещанных благ, и при этом считают, что это в порядке вещей, то и здесь следует говорить об авторитарности (34:) отношений. Впрочем, авторитет, который основывается на особых знаниях или социальной роли, вовсе не обязательно должен быть авторитарным. Специалисты могут делиться знаниями и опытом, совершенно не рассчитывая на безоговорочное подчинение или согласие, а такие роли, как роль учителя, вовсе не нуждаются в том, чтобы быть авторитарными. Люди вправе сами искать себе наставника, если испытывают в нем потребность, и относиться к нему так, как сами считают нужным.

Установить, является ли авторитарным авторитет, занимающий определенное положение в общественной иерархии, гораздо сложнее. Так как авторитаризм формируется и проявляется в рамках иерархической структуры и так как авторитет внутри иерархии признается непререкаемым для ее нижних уровней, то иерархия, сама по себе, априорно является, пожалуй, авторитарной. Иерархия может служить и в качестве инструмента, используемого различным образом. Поэтому установить, является ли конкретная иерархия авторитарной, можно только при непосредственном наблюдении данного инструмента в работе, то есть того, каким образом власть проявляет себя при поддержании авторитета внутри иерархии. Разница между увольнением людей за неповиновение и их расстрелом отнюдь не в степени серьезности наказания — отличие здесь сугубо принципиальное. Чисто финансовый бизнес-контракт — это отнюдь не то же самое, что церковное послушание, от которого невозможно отказаться.

Организация любого строительства, например, постройки дома, требует определенной системы иерархического подчинения. Подрядчик определяет, какие задачи должны решать плотники, какие — электрики, и т.д., причем все они должны обладать некоторой квалификацией. У каждого из специалистов могут быть помощники, а если строительство достаточно масштабное, то у тех, в свою оче-

³ О двойных стандартах, неявно присутствующих в подобных правилах, и о том, как люди ищут этому оправдание, говорится в главе «Фундаментализм и потребность в уверенности».

⁴ В главе «Притягательность культовой иерархии» показано, почему принадлежность к авторитарной иерархии облегчает обретение цели и смысла жизни, а также уверенности в себе. Об этом, кроме того, упоминается в разделе «Как распознать авторитарный контроль» в главе «Соблазны капитуляции». (34:)

редь, свои помощники, и т.д. Всякий, кто в рамках этой иерархической структуры отказывается выполнять положенную работу, может быть уволен. Если электрик выгнал своего помощника за то, что тот ему не подчинился, будет ли это авторитарным использованием власти? Безусловно, именно так это и выглядит, поскольку налицо установка: «Делай так, а иначе...». Следует, однако, учитывать, что для того, чтобы иерархическая структура работала, нижестоящий уровень должен, как правило, выполнять команды вышестоящего. (35:)

К примеру, помощник электрика мог отказаться выполнять указания, поскольку считал, что сам он лучше знает, что и как надо делать. Не исключено, что он прав. Однако подрядчик вряд ли сочтет возможным объяснять каждому рабочему, в чем именно заключаются его обязанности. Требуя четкого выполнения приказаний, он исходит из совершенно других соображений, заботясь о том, чтобы следовать проекту и экономить время и деньги. Еще более очевидна необходимость подчинения в армии. Генерал не станет обсуждать свои приказы с каждым солдатом, да это было бы не на пользу и солдатам, так как увеличило бы риск их гибели. Военная иерархия не может надежно функционировать без повиновения, и эта истина, по крайней мере иногда, никем не оспаривается. Справедлива она и в отношении других иерархических структур.

К счастью, внутренние проблемы иерархии не заложены априорно в ее структуре; они, скорее, являются следствием того, каким образом в ней устанавливается и поддерживается власть. Функция иерархии состоит в том, чтобы утвердить авторитет и, соответственно, власть. Если рассматривать только внутренний механизм функционирования иерархии, то он, несомненно, выглядит в той или иной степени авторитарным. Высказывание «иерархия не обязательно должна быть авторитарной» относится не к процессу формирования и распределения власти по иерархическим уровням, а к тому, как эта власть проявляет себя в целом. В связи с этим необходимо установить, что является движущей силой иерархии — власть или задача. Для этого, а также для того, чтобы выяснить, является ли данная иерархия авторитарной, необходимо ответить на ряд вопросов:

Какова цель иерархии?

Кто и как решает, удалось ли достичь поставленной цели?

Насколько члены иерархии свободны в выборе права входить в иерархию и покидать ее? Иными словами, в какой степени людей принуждают оставаться в рамках иерархии?

Достаточной ли гибкостью обладает эта иерархия, чтобы изменяться внутренне и внешне, и насколько она открыта для внутренних и внешних обратных связей? А также, кто определяет уместность таковых?

В каком направлении действует власть? Строго сверху вниз или же более демократичным способом, когда нижние (36:) уровни информированы о том, кто стоит над ними и какова функция этих верхних этажей иерархии?

По большому счету, постановка вопроса о движущей силе иерархии не совсем корректна, так как иерархии, движимые властью, в большинстве случаев выдвигают определенный круг задач, которые намереваются решать, причем часто придают им обличье возвышенных идеалов. В связи с этим ключевым при определении природы иерархии является вопрос: «Кто конкретно заинтересован в решении выдвигаемых задач?» Если основная цель, так или иначе, сводится к тому, чтобы возвеличить тех, кто наверху, или увековечить их власть, то движущей силой такой иерархии является власть. Так, известные из истории Крестовые походы основной своей задачей провозглашали обращение язычников в христианскую веру — для их же блага и во славу Господа. На самом же деле идея сводилась к расширению сфер влияния церкви и установлению ее власти, а также к устранению конкурентов в лице знати. Движущей силой Крестовых походов являлась власть. Ею же руководствовались и правящая верхушка в период строительства египетских пирамид. Ни новообращаемых язычников, ни рабов Древнего Египта никто не спрашивал об их истинных интересах.

Иерархия и авторитет — неотъемлемые элементы социальной структуры человеческого общества. Если их основной задачей является удержание власти, то они неизбежно становятся авторитарными. Этого можно попытаться избежать, если осторожно и бдительно контролировать процесс формирования власти, учитывая ее структурные, психологические и исторические особенности. Цель любой иерархии — обеспечить порядок. Возникает вопрос: для чего? Задача поддержания порядка является важнейшей для всех движимых властью иерархий, причем, как правило, порядок нужен для сохранения власти тех, кто ею уже обладает. В принципе, представить себе иерархию, движимую некой возвышенной целью и не стремящуюся к авторитаризму, наверное, можно. В частности, демократия пытается разработать механизмы, которые в идеале позволяют нижестоящим воздействовать на вышестоящих, в частности, смещать и назначать начальство. В самой иерархии или в более широкой социальной формации, в которую данная иерархия входит как составной элемент, могут функционировать определенные механизмы управления, способные принимать решения о том, выполняется ли (37:) должным образом та или иная поставленная задача или же нет, выявляя недостатки и причины сбоя.

К примеру, иерархическая структура, необходимая для постройки конкретного здания, исчезнет после того, как строительство будет завершено.

Однако построить дом относительно просто, гораздо труднее справиться, скажем, с проблемами здравоохранения. Если же иерархическая структура создается для решения задачи, которую в принципе невозможно решить окончательно, то в конечном итоге основной целью такой иерархии, как правило, становится не решение заявленной задачи — она отходит на второй план, — а сохранение власти. Если общество намерено бороться с коррупцией власти, необходимо внимательнейшим образом контролировать структуру иерархии и не допускать трансформации ее целей. Совершенно очевидно, что когда власть и привилегии достигаются благодаря положению, занимаемому в иерархической структуре, то защита этого положения любой ценой становится главной заботой.

Принимая во внимание чрезвычайную изобретательность человеческой природы, есть основания надеяться, что она поможет нам при попытках воспрепятствовать превращению власти в авторитарную. Все, что для этого необходимо, — единодушная поддержка предпринимаемых в этом направлении действий. В качестве примера таких действий можно назвать первые десять поправок к Конституции США. Однако в последние годы, как известно, соотношение между реальными правами власть имущих и простых граждан, вынужденных подчиняться власти, явно выросло в пользу первых. То, что мы привыкли считать основными правами человека, сейчас урезается, и люди фактически сами, что называется, подписывают себе приговор, голосуя за отказ от своих собственных прав. Причина этого понятна: старый порядок уступает место насилию, хаосу и страху. Боязнь и неуверенность в себе приводят к тому, что люди сами отдают имеющуюся у них власть тем, кто сможет, как они надеются, стать их надежной опорой и защитой. И трагичность ситуации в том, что в результате такой капитуляции добровольно расстающийся с властью становится совершенно беззащитным от тех, кого он избрал в качестве гаранта своей безопасности. Ретроспективный исторический анализ красноречиво показывает, как подобные ситуации приводят к зарождению коррумпированных движимых идеями власти иерархий, мало заботящихся о благополучии людей. (38:)

Современная ситуация во многом напоминает балансирование на краю пропасти, ибо крайне насущной стала проблема реформирования власти. Если реструктуризация власти будет осуществляться с помощью авторитарных средств, то, очевидно, следует ожидать авторитарных последствий ее, что, увы, не ново. Поэтому необходимы такие механизмы реструктуризации, которые не позволили бы предлагаемым «реформам» стать эффективным прикрытием для пытающихся продлить свой век старых структур. Научно-технический прогресс сформировал новую среду, в которой старые авторитарные методики правления уже не способны функционировать столь же эффективно, как и раньше. Иными словами, существующая элитарная власть уже не в состоянии удерживать в своих руках нити управления социальными процессами и мировыми ресурсами в новых условиях возрастающего материального благосостояния человечества. Таким образом, суть проблемы, стоящей сейчас перед мировым сообществом, заключается в том, как использовать иерархию, авторитет и власть, чтобы они не заразились вновь старой пресловутой болезнью авторитаризма. Иерархия и авторитет вовсе необязательно должны быть авторитарными, а власть коррумпированной. Но для этого нельзя допускать авторитарности внутри самой иерархии.

Часть I. Личности и маски

Религии, культы и духовный вакуум

Человеческое сознание устроено таким образом, что оно вряд ли когда-нибудь смирится с нестабильностью, неуверенностью и беспорядком, существующими в этом мире, а посему нет ничего необычного в том, что человек всегда стремится к познанию непознанного. Что есть жизнь, откуда она берется и куда исчезает? Как следует поступать по отношению к окружающим? Возможно ли уйти от несправедливости, боли и страданий, туда, где собственное «я» и его бесконечные потребности утрачивают свой смысл? Возможно ли сделать так, чтобы все было хорошо и всем было хорошо? На все эти и многие другие аналогичные, по сути, вопросы принято отвечать с позиций духовно-религиозного мировоззрения, позволяющего делать это, по крайней мере, до настоящего времени, наиболее аргументировано и убедительно.

В принципе, религии были (и во многом остаются) средством, с помощью которого удаётся придать неизвестному хотя бы видимость известного. Все они предлагают мировоззрение, разъясняющее основополагающие проблемы бытия, а именно: как все, включая человека, появилось на свет (сотворение), что есть жизнь (смысл, продолжительность, сохранение), как и почему все имеет конец (смерть и разрушение). В индуизме, например, перечисленные категории связаны с деятельностью трех воплощений Бога: Брахмой — Творцом, Вишну — Хранителем и Шивой — Разрушителем. (42:)

Религия и мораль

Мораль обеспечивает целостность цивилизации, а религия предназначена для фундаментальной поддержки морали, и, таким образом, самой цивилизации внутри сложного клубка переплетенных культур. Поскольку совершенно необходимо, чтобы человеческие взаимоотношения регулировались строгими правилами, возникла потребность в высшем авторитете, на который бы эти правила опирались, иначе их можно счесть произвольно придуманными. Исторически сложилось, что в качестве такого авторитета — источника абсолютных истин — успешно использовалась религия. Она придавала жизни смысл и идейную направленность, безоговорочно утверждая существование Авторитета Высшей Власти, пути которой, как известно, неисповедимы. Мораль как абстрактная концепция добродетели или правильности поведения человека сформировалась в согласии с религией. Считающиеся ниспосланными свыше посредники между Богом и людьми, иногда принимавшие человеческий облик (Христос), учили, как следует жить¹.

Таким образом, религии, благодаря тщательно разработанным принципам и традициям, стали мостом между материальным и духовным. Прежде всего, они ввели общепринятые правила поведения, позволившие несколько смягчить человеческий эгоцентризм. Кроме того, эгоцентризм удалось регламентировать, создав и узаконив систему прав и привилегий, в рамках которых он мог проявляться. Раз человек получил от Бога власть над всеми остальными живыми тварями, тем самым он приобрел право использовать по своему усмотрению все то, что сочтет «стоящим рангом ниже». Однако использование окружающих без учета их интересов также можно считать проявлением эгоцентризма. Руководствуясь узаконенными таким образом правами, властитель мог распоряжаться своими подданными, а мужья — женами. Этому способствовала и провозглашенная религией мораль самоотречения — принесения в жертву собственных интересов во имя будущего высшего блага. В то же время, эгоцентризм в разнообразных своих проявлениях трактуется религиозными учениями как воплощение зла, мешающего человеку приобщиться к Истине. Чтобы обрести духовность, (43:) необходимо всецело подчинить свою волю воле Божьей или законам кармы, что обычно требует самопожертвования.

В отсутствие социальной справедливости это, как правило, позволяет обеспечить и сохранить порядок и стабильность в обществе. Идеализация жертвенности и возведение бескорыстия в ранг высшей добродетели способствуют, как показывает опыт, формированию социальных отношений, если не на уровне общественных систем, то по крайней мере внутри них. С другой стороны, за идеалами милосердия и бескорыстия, подразумевающими самопожертвование, скрывается совершенно иная мораль, оправдывающая использование нижестоящих вышестоящими. С ее помощью религиозные круги поддерживают социальную и религиозную иерархию, фактически узаконивая злоупотребления и эксплуатацию, а заодно и применение насилия для удержания нижестоящих в повиновении, а посторонних — на должном расстоянии. Еще одним способом, при помощи которого религии отрешенности поддерживают структуры власти, можно считать проповедь идеи справедливости любой кары как заслуженной (наказание за первородный грех) или как посылаемой в назидательных целях и для испытания праведности. Это заставляет людей смириться со своим бессилием и покориться злоупотреблениям, а также воспитывает чувство покорности и равнодушия к окружающим.

Религиозное мировоззрение в той или иной степени позволяет избавиться от врожденного человеческого страха перед неизвестностью, хаосом и смертью, провозглашая идеи вечной жизни и достойной участи для праведников (степень праведности определяется в соответствии с нормами религиозной морали). Вера в религиозные заповеди и их неукоснительное соблюдение приносят некоторый покой и утешение, рождающиеся из непоколебимой убежденности. Вера — это плата за убежденность, избавляющую (по крайней мере, в сознании) от страха и сомнений.

Большинство западных религий воспринимают зло как необходимость, существующую для того, чтобы предоставить людям свободу выбора. И только выбор, сделанный в пользу добра, позволяет убедиться, что этот человек достоин спасения. С другой стороны, многие религии Востока рассматривают зло как продукт иллюзии обособленности, являющейся также, по сути, иллюзорной субстанцией. Зло рассматривается как неведение, как (44:) недостаток чего-то, а не как самостоятельная сила. С этих позиций духовный путь человека — это переход от невежества к просвещению. И хотя религии Востока и Запада кажутся такими разными, все они трактуют превратности и несчастья, сопровождающие человеческую жизнь, как проявление Высшего Промысла, непостижимого уму простых смертных.

Управление и контроль в рамках религий осуществляются путем хорошо известной системы «кну-та и пряника» — наказаний и прощений, вины, позора и вознаграждений. Поскольку очевидно, что в реальности добродетель не всегда торжествует, а грешники часто не несут заслуженного наказания,

¹ История становления взаимоотношений между религией и моралью изложена в главе «Власть абстракций». (43:)

то для того, чтобы не дискредитировать систему, окончательное «справедливое воздаяние» откладывается на период загробной жизни. Итак, бессмертие (в небесной или лучшей, следующей, жизни) считается основой религиозной морали. Поскольку эта жизнь призвана подчиняться некой концепции следующей жизни, отрешенность считается не только оправданной но и обязательной. Таким образом, страх перед неотвратимой космической репрессалией после смерти является ключевым гарантом надежного управления и контроля.

Наука бросает вызов

Поиски смысла жизни — это, по сути, поиски *пути*, как жить, а возможно, и причины существования в более широком философском аспекте. С обывательской точки зрения смысл всегда определялся внешними факторами — культурными и семейными традициями и устоями, преломляемыми сквозь призму лежащего в их основе религиозного мировоззрения. Если люди безоговорочно соглашались признать в качестве смысла своего существования то, что навязывало им общество, это во многом упрощало их жизнь, привнося в нее упорядоченность и определенную гармонию. По сути дела, для большинства людей в подобной ситуации просто нет особого выбора, и они вынуждены подчиняться, ибо выживание на правах изгоя — вещь весьма проблематичная, а отчасти и невозможная. Безоговорочная убежденность предопределяет групповое согласие, за пределами которого большинство конфликтов и непонятных жизненных явлений либо не воспринимаются серьезно, либо просто упускаются из вида. (45:)

Уникальная философская сила религии и ее привлекательность во многом связаны с убежденностью, которая подчас значит куда больше, нежели внутреннее осмысление сути данного мировоззрения. Иными словами, совершенно не важно, истинно предлагаемое учение или ложно, — главное, чтобы существовало убеждение в его правильности. Все религии сходны в одном: вера помогает победить или, по крайней мере, уменьшить страх, вызывает состояние умиротворенности, являющееся следствием более осознанного представления о цели и смысле жизни, и рождает чувство общности у единоверцев. Формируется социальное мировоззрение, позволяющее каждому не только получить убедительные ответы на вопросы: «Зачем и почему человек приходит в этот мир, что ему надлежит здесь делать и куда он в конце концов придет?», но и руководствоваться им в повседневной жизни — растить детей, общаться с окружающими, помогать друг другу.

Неудивительно поэтому, что люди, утратившие веру, тоскуют по тем временам, когда они считали себя принадлежащими к какой-либо религии. Они чувствуют, что лишились убежденности, а с нею и четкого представления о жизненных правилах, следовать которым было так удобно и спокойно. Таким образом, благодаря убежденности и строгой регламентации человек получал некое подобие душевного комфорта и покоя (возможно, иногда даже и реального), однако в современных условиях неопределенности бытия религиозное мировоззрение не является столь мощным, как ранее, средством достижения стабильности. По крайней мере, в наши дни довольно трудно сохранять безоговорочную веру. Как только начинают возникать вопросы и сомнения, так *тут* же исчезает убежденность и пришедший с нею столь вожделенный покой. Любая разновидность фундаментализма должна постоянно бороться за сохранение убежденности, ибо именно в убежденности его сила и привлекательность².

На протяжении веков наука занималась тем, что срывала покровы таинственности со всего непознанного, и, в конце концов, расшатала и разрушила систему религиозных представлений, которая была создана когда-то, чтобы отвечать на постоянно возникавшие вопросы все новых и новых поколений. Наука уничтожила абсолютность веры, ибо подвергала ее сомнению и не могла мириться с (46:) догматичностью мировоззрения. Коперник, Ньютон и Дарвин существенно усложнили возможность буквального восприятия и толкования Библии. Ньютона сменил Эйнштейн. Что будет дальше? Можно попытаться использовать квантовую механику, чтобы обосновать события, описанные в Упанишадах, или попробовать объяснить теорию Гигантского Взрыва, претендующую на моделирование акта сотворения Вселенной. Но как далеко имеет смысл двигаться в этом направлении? Суть проблемы заключается в том, что наука способна, в конце концов, развеять тот или иной миф, но при этом она не может создавать собственные ценности и определять смысл жизни. Именно поэтому человечество предпочитает следовать религиозным моральным предписаниям, даже потеряв веру в породившие их религиозные учения. Неверующие и даже откровенные агностики считают в порядке вещей посылать своих детей в воскресные школы или на церковные службы, считая священнослужителей специалистами в области морали, подобно тому, как психологов признают специалистами в области человеческого сознания.

Природа любых религий такова, что истины, лежащие в основе их учений, облачаются в форму символов, мифов, мистерий, которые, в свою очередь, призваны служить мостом на пути постижения

² См. главу «Фундаментализм и потребность в уверенности». (46:)

истины, быть ее посредником. Люди, даже не склонные буквально верить в религиозные постулаты (например, в Рождество Христово), насыщают эти символы и обряды собственным смыслом и чувствами, строя на них культурную традицию. В этом секрет притягательности религиозных ритуалов. Постепенно их символическая значимость перерастает рамки исходного содержания, и они становятся почвой для человеческих контактов.

Религиозная символика, таким образом, передается из поколения в поколение либо посредством устной традиции, либо в виде писаний или изображений, постепенно принимая канонические формы. История и время, конечно же, вносят определенные коррективы, однако суть символов, отражающих убежденность в неизменности власти Творца, сохраняется. Именно поэтому религиозные догмы не претерпевают принципиальных изменений и не подвержены эволюции.

С точки зрения диалектики, существует динамически развивающаяся связь между такими универсальными противоположностями, как созидание и разрушение, «я» и другие, обособление и (47:) объединение, целое и частное, соперничество и сотрудничество, контроль и бесконтрольность. Основная суть заключается в совместном, а не обособленном существовании данных пар и в их взаимодействии, притом, что перечисленные философские категории существуют в историческом контексте, накладывая на них свой отпечаток. Время идет, эпохи сменяют друг друга, и сfm-вол, исходный смысл которого привязан к конкретному историческому периоду, под грузом прошлого размывается и постепенно трансформируется. Таким образом, увеличивается разрыв между нынешним значением символа и его первоначальным смысловым содержанием.

Убежденность формируется на основе незыблемости религиозной символической структуры, которая включает в себя не только мифы и притчи, но и религиозные заповеди и предписания. По мере того, как эти структуры становятся анахронизмом, некоторые верующие начинают еще строже и безоговорочнее им следовать, тогда как другие пытаются их обновить, пересмотреть их содержание и придать им новый смысл, чтобы на его основе создать адаптированную к изменившимся условиям структуру. Однако во многие души закрадываются сомнения, неуверенность порождает вопросы, а с ними появляются разногласия. Казавшиеся прочными убежденность и чувство общности, основанные на старых, всеми признанных ценностях, постепенно утрачиваются.

Это и есть начало крушения, которое можно сейчас наблюдать на примере, скажем, западной цивилизации, о пресловутом моральном разложении которой уже давно и открыто говорят. По сути, сложилась следующая ситуация: социальная формация вышла из-под контроля прежней системы моральных ценностей, которая не смогла подготовить себе достойную замену. В итоге традиционные точки зрения теряют всякий смысл, и религиозные устои, служившие основой морали, рушатся на глазах. Это неизбежно приводит к разрыву в непрерывном процессе исторического развития. В результате, с одной стороны, усиливаются попытки возврата к фундаментализму, причем все возникающие проблемы объясняются изменой старым истинам. С другой — возрастает тяга к экспериментаторской новизне в духовной и мирской сферах, ставящей целью достижение реальных изменений или же улаживание конфликтов в рамках старых мировоззрений. Несмотря на болезненность и даже (48:) разрушительность этого процесса, противоборство между фундаментализмом и экспериментаторством, как и между конформизмом и уклонизмом, иными словами — между старым и новым, неизбежно, когда происходит распад системы моральных ценностей, то есть именно то, что мы наблюдаем сегодня³.

Научно-технический прогресс, становясь рычагом новых властных структур, порождает такие проблемы этического характера, которые не могут быть разрешены с помощью старой системы моральных ценностей. Именно науку многие склонны винить в создании оружия массового уничтожения, в безжалостной эксплуатации природных ресурсов, в загрязнении окружающей среды, в централизации власти и в бесконтрольном росте численности и плотности населения. Все это — характерные черты наступающего кризиса, постепенно принимающего планетарные масштабы. Возникает естественный вопрос: способен ли человеческий интеллект, доведший планету до грани уничтожения, проявить в критический момент свой позитивный потенциал и восстановить жизнеспособные механизмы созидательного взаимодействия не только в рамках социальных структур, но и во всей экосистеме в целом?

По всей видимости, от смертельно опасного балансирования на краю бездонной пропасти нашу цивилизацию может спасти только такая этика, которая провозгласит все, что происходит в нашем мире, делом первостепенной важности. Старые авторитарные системы ценностей всегда были неразрывно связаны с властными структурами, оправдывая политику экспансии в мире, который долгое время казался миром неограниченных ресурсов. По мере появления экологических и демографических проблем и с началом кардинального передела мировых сфер влияния и перестройки властных структур, эти системы уже не кажутся столь незыблемыми, ибо их мораль неотвратимо утрачивает

³ См. «Введение: Войны нравов» и главу «Фундаментализм». (49:)

свою жизнеспособность. Принимая во внимание тот факт, что никакие глубокие структурные изменения не могут произойти без отмирания старых форм и взаимодействий, можно утверждать, что человечество сейчас находится накануне серьезных изменений — неизбежного следствия социальной эволюции.

Вера в неотвратимость справедливого загробного возмездия за грехи этой жизни, на которой основывалась старая мораль, смягчала (49:) насилие или, по крайней мере, не позволяла ему выходить за некие установленные рамки. Но это, тем не менее, отнюдь не избавляло общество от постоянных проявлений несправедливости и социальной неприязни. Власть узаконила насилие во время войн, а также как способ утверждения и отстаивания собственных прав. На протяжении всей истории человечества убийство или его угроза в качестве наказания за неповиновение оставалось крайней формой проявления власти. Не являются исключением и наши дни.

Все религии, несущие в себе идею отрешенности, основаны на страхе перед Высшим Судией, которому известны все наши действия и помыслы и который в будущем воздаст каждому по заслугам. Под высшей властью обычно подразумевается Бог, который спасает или карает по своему усмотрению, или же обезличенная сила — карма, от которой зависит качество последующей жизни. Страх, тесно вплетенный в паутину моральных запретов, находит выражение в простой заповеди: «Делай добро — и тебе воздастся, сделаешь зло — будешь наказан». В любой религии непременно заложен страх перед безжалостной высшей силой, как бы ее ни представляли — в виде строгого Бога-отца, в виде Шивы и Кали, персонифицирующих разрушение, или же в виде абстрактной силы — кармы⁴.

Впрочем, в настоящее время все они утратили свою власть. В наши дни куда уместнее говорить об ином проявлении чувства страха, возникающего перед лицом безысходности, хаоса и насилия, которые начинают беспредельно господствовать на месте распадающихся старых убеждений, поддерживавших некогда порядок. Основное, к чему сводятся нынешние страхи людей, — это боязнь друг друга. Учитывая царящую вокруг ненависть и порожденное старыми порядками неравноправие, эти опасения совсем не кажутся бесосновательными. Попробуйте сказать члену банды, орудующей где-нибудь в гетто, что если он не прекратит насилие, то непременно попадет в ад. В ответ вы, скорее всего, услышите: «Мне не надо никуда идти, я и так уже в аду!».

В наше время все табу оспариваются и нарушаются. Похоже, что человечество переживает возвращение к поведению, которое, согласно Фрейдю, было «вытеснено в подсознание». Гитлер, Вьетнам, Хиросима, революции в России и Китае, жестокость, боль и (50:) кровопролитие в таких масштабах, которые невозможно осознать. Если же мы перейдем на уровень личности, то вряд ли сумеем найти хотя бы одну разновидность официально табуированного поведения, которая не была бы хоть раз где-то и когда-то нарушена и не получила бы при этом общественного оправдания. В журнале «Пентхауз» было опубликовано высказывание представителя группы людей, обвиненных в совращении малолетних. Он заявил, что втягивание детей в половые отношения влияет на них благотворно, так как сексуально их раскрепощает. Сатанизм и сектанство, садизм, изнасилования и извращенность, кровосмешение и пропаганда насилия, садизм и прочее, о чем в прежние века даже, наверное, и подумать в слух было небезопасно, в наше время открыто признаются и даже романтизируются. Некоторые системы новых ценностей поддерживают проявления гедонизма и даже в определенном смысле пропагандируют крайние формы эгоизма, сводящиеся к бессовестной формуле «я — пуп земли». Поэтому нет ничего удивительного в том, что словесные клише типа «кто не успел — тот опоздал» или «а что я буду с этого иметь?» стали уже не просто модными афоризмами, а выразителями общественного сознания.

Кто определяет реальность в религиях и культах?

Нет ничего удивительного в том, что все харизматические лидеры появляются именно во времена кризисов и беспорядков, когда с грохотом рушатся старые, казавшиеся незыблемыми, идеалы и люди лихорадочно ищут новые, способные вселить в их сердца и души прежде чувство уверенности, защищенности и комфорта. В последнее время многие доверяются духовным учителям, обещающим привести их к спасению. Могут ли эти гуру, как они заявляют, открыть страждущим врата в мир религиозных переживаний, делающих жизнь более содержательной? Скорее, их популярность свидетельствует о серьезной потребности общества в таких наставниках, что косвенным образом указывает на изъяны и провалы в нашей культуре, на глубокое неверие людей в собственные силы и возможности и на их стремление искать авторитеты на стороне.

Обращение к спасителю или источнику особой мудрости для того, чтобы привести человечество (или себя лично) к спасению или выживанию, было традиционным для религиозного мировоззрения. (51:)

⁴ О том, как проявляется действие кармы, кратко говорится в главах «Создаете ли вы свою собственную действительность?» и «Власть абстракций» (50:)

Это неотъемлемое следствие бессознательного авторитаризма, глубоко укоренившегося в истории человечества, традициях и мифах всех развитых социальных культур. За поисками авторитетов, кажущихся столь привлекательными, по сути, скрывается примитивная, даже детская надежда на получение извне магического ответа на насущные проблемы бытия и стремление избавиться от страха смерти. В такой ситуации формируются крайне авторитарные по своей структуре взаимоотношения между гуру и его учениками, наглядно демонстрирующие механизмы управления и капитуляции, увеличивающие добровольную склонность к подчинению. Эти же взаимоотношения в общих чертах позволяют судить о механизме формирования так называемого культового менталитета.

Термин «культ» используется в контексте данного произведения для характеристики авторитарно организованных групп, в которых власть лидера не сдерживается ни священными текстами, ни традициями, ни другим «высшим» авторитетом. Это основное различие между культом и традиционной религией или сектой, ставшей общепризнанной частью культуры. Вполне вероятно, что всякое религиозное течение, имевшее конкретного основателя, первое время было культом. Постепенно оно трансформировалось в религиозное направление благодаря тому, что его символика и сама структура становились все более общепризнанными и более важными по сути, нежели сменяющие друг друга лидеры — последователи основателя течения. Таким образом, можно утверждать, что культы перерастают в религии тогда, когда на их основе формируются традиции, возникают мифы, притчи, писания, устанавливаются догмы, которые интерпретируются и проповедуются специалистами (священниками и т.п.), считающими себя отнюдь не носителями истины, а именно ее защитниками.

В качестве последней авторитетной инстанции религиозные структуры используют либо священные писания, либо передаваемые в течение веков из уст в уста неписанные истины. Иными словами, основным религиозным авторитетом служит традиция (высказывания, верования и священные книги, дошедшие из прошлого и рассказывающие о прошлом). Это заставляет религиозных лидеров довольствоваться ролью интерпретаторов и распространителей уже существующей традиции, где многое считается священным, поэтому возможность вводить какие-либо новшества или (52:) изменения весьма ограничена. Даже папа скован рамками вполне определенных полномочий. Так же как в прежние времена кардинал, избравшийся папой, он всего лишь первый среди равных и не всегда является моральным или духовным лидером. Он, так же как и все остальные, обязан подчиняться церковным канонам, так же должен исповедоваться. И несмотря на то, что теоретически слово папы при решении любых проблем католицизма всегда остается последним, его реформаторская деятельность может осуществляться лишь в определенных границах.

В условиях культа вождь и есть тот самый непререкаемый абсолютный авторитет, власть которого практически ничем не ограничена. Это подразумевает, что он не просто проповедник своего течения (основателем которого он же, как правило, и является), но и творец выражаемой этим течением истины, а значит, и верховный правитель. При такой ситуации совершенно не важно, основывается ли его авторитет на традиции или религии, ибо его и так почитают как пророка, действующего от имени самого Бога, или же как «живого» Бога или Божью силу.

Как и религии, культы предполагают наличие цели, смысла, личности и общности. Однако чувство единения при культах куда сильнее, так как их прочность напрямую зависит от способности противостоять нападкам извне. Таким образом, лояльность и подчинение являются следствием безжалостного подавления всякого инакомыслия внутри культовой группы. Как и у социальных животных, проявление наиболее сильных чувств часто бывает у нас следствием групповой общности. Культы формируют мощную энергетическую структуру, способную подавлять индивидуальность человека и подчинять его себе. Так, чаще всего человек оказывается под влиянием не самого лидера или проповедуемых им идей, а под воздействием оказываемого данным учением чувственно-эмоционального давления, отчасти приводящего к состоянию капитуляции. Капитуляция перед тем, кто воспринимается как «живое божество», обычно несет чрезвычайно яркую эмоциональную окраску. Накал страстей, сопровождающих культовые взаимоотношения, весьма велик, причем легко включает элементы насилия. Даже если с течением времени гуру превращаются в параноиков, или их обуревают жадность, или они попросту всем надоедают, как это случается в большинстве случаев, они (53:) по-прежнему будут пользоваться у своих последователей громадным авторитетом и неограниченной властью⁵.

Появление ничем не ограниченных лидеров наиболее характерно для восточных религий, поскольку, в соответствии с их учениями, люди, достигшие духовного просветления, кардинальным образом отличаются ото всех остальных. Поэтому большинство гуру провозглашают себя лишенными обычных человеческих слабостей, исходящих из так называемого «эго»⁶. Теоретически восточные

⁵ См. главы «Соблазны капитуляции» и «Стадии культов».

⁶ Более подробно эта тема освещается в разделе «Функциональная суть просветления» в главе «Единство, просветление и опыт мистического переживания». (54:)

религии подразумевают, что любой человек может достичь божественной непогрешимости. В противоположность этому христианство, иудаизм и ислам являются религиями, относящимися к категории трансцендентно-дуалистических, утверждающих, что Бог — творец всего окружающего мира, однако сам не принадлежит ему и стоит над ним. Христос — это Бог, принявший человеческий облик, однако сам человек никогда не сможет стать Богом. Инакомыслящие обвинялись в ереси, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Для многих западные религии уступают восточным в создании жизнеспособного мировоззрения. Чтобы понять, чем же так привлекательны восточные гуру, необходимо почувствовать обаяние самого восточного типа мышления. Кроме перспективного обещания слиться воедино с великим космическим сознанием, восточные религии предлагают еще три заманчивые вещи: 1) перспективу отрешения от всех житейских проблем и познания всего сущего как совершенного; 2) освобождение от эмоций и мирских желаний; 3) существование кармы (или перерождения) — системы, гарантирующей моральную справедливость, возможность постоянного самосовершенствования и бесконечность существования. Идея отдаленной космической перспективы многим западным людям может показаться новой, однако на самом деле она является порождением западной мысли — еще Спиноза упоминал когда-то о «взгляде из вечности». Поначалу все это кажется совершенно непохожим на ту эмоциональную связь с Богом, которая характерна для христианина. Ведь гуру становится для своих учеников личным живым божеством, способным возбуждать у них (54:) даже более сильные чувства, нежели христианский Бог, чье присутствие физически неощутимо.

Религиозное мировоззрение, основанное на отрешенности, подразумевает все существующее реальное бытие вторичным по отношению к чему-то более важному и священному, не ощущаемому, но предполагаемому. Оно способно иногда облегчить человеческие страдания, но, как показывает история, так и не смогло — и мы убеждены, что и не сможет — решить те проблемы, которые сделали отрешенность от мира столь привлекательной⁷. Уход от мирской суеты хорош лишь тогда, когда есть куда удалиться. Однако чем дальше, тем труднее найти место, где можно было бы забыть обо всех заботах и беспорядках, да и вряд ли можно выжить, спрятавшись от проблем за удобной верой.

Мировоззрение отрешенности, построенная на нем мораль и проистекающие из них жизненные установки непременно авторитарны, как это будет показано далее. Сама концепция формирования категории священного подразумевает существование не священного, и это является ключевым моментом проблемы. В результате принесение не священного в жертву священному подразумевает неизбежным и естественным, ибо существуют непререкаемые авторитеты, определяющие, как именно это следует делать. На этой парадигме тысячелетиями основывался основной механизм контроля и управления, и результаты служат лучшим доказательством того, что пора поискать что-нибудь новое. В качестве примера можно хотя бы вспомнить, что католическая церковь запрещает женщинам уклоняться от деторождения, поскольку принесение в жертву жизни женщины и ее тела согласуется с Божьей волей⁸.

Здесь весьма уместно подвергнуть критике отношения «гуру-ученик», ибо это один из характерных примеров устаревшей парадигмы, явно не соответствующей более представлению о духовном авторитете. Впрочем, это отнюдь не означает, что следует оспаривать способность всех гуру глубже проникать в суть вещей, чем их (55:) последователи. Однако принятие роли духовного авторитета, даже из самых благих побуждений, непременно приводит в действие вполне определенную систему взаимоотношений — механистичную, предсказуемую и чреватую коррупцией. Далее мы постараемся показать, что практически неизбежная коррупция объясняется отнюдь не недостатками или пороками отдельных людей, а является неотъемлемой частью авторитарных взаимоотношений и, что менее очевидно, морали отрешенности.

По большому счету, безоговорочное подчинение гуру — это одна из самых мощных и действенных форм эмоционально-чувственного и умственно-психологического контроля и управления внутри социальной структуры. Кроме того, эта форма весьма жизнеспособна, так как легко заполняет в душе человека духовный вакуум, который то и дело возникает в современной социальной среде. Особенно коварны и потенциально опасны формируемые при этом представления о превосходстве, связанном с высшей мудростью, нравственной чистотой и просветленностью учителя. Не важно, обладает ли гуру всеми этими качествами — этот вопрос может обсуждаться бесконечно, — нас интересует то, как используется предполагаемая мудрость. Само по себе утверждение, что один человек безусловно знает, что для других хорошо, а что плохо, — явное проявление авторитаризма. А если такая точка зрения

⁷ О сути и смысле отрешенности подробнее говорится в книге «Контроль» — в главе «Буддизм и злоупотребления отрешенностью».

⁸ Более подробно о сути и ограничениях религии отрешенности см. «Дуализм и отрешенность» в главе «Единство...» и «Системы символов и власть» в главе «Власть абстракций». Глава «Связь с бесплотными авторитетами» дает подробное описание того, как авторитаризм и отрешенность маскируются в современных убеждениях. (55:)

оказывается общепринятой, в общественных отношениях формируется цепь неизбежных шаблонов, потенциально опасных для формации в целом и для отдельных ее социальных элементов.

Пересматривая священное

Стремление почувствовать связь с чем-то более возвышенным, находящимся вне пределов нашей обыденной жизни, мы называем религиозным или духовным порывом. Религия всегда выступала в роли катализатора данного процесса в обществе. В принципе, не так интересно, что именно вызывает у человека подобное стремление. Важно понять, в чем сила религии, способной заставить человека воспринимать реальный мир как некий камень преткновения, за которым скрывается высшая форма существования. Ясно, что при подобном подходе всегда найдутся опытные и сведущие в вопросах религии руководители, которые укажут путь, по которому следует (56:) идти, чтобы приобщиться к высшей духовности, и жертву, которую следует при этом принести. Такой жертвой всегда оказывается собственное «я», а процесс изживания эгоизма относится к категории бесконечных.

Когда среди приверженцев любого мировоззрения, проповедующего отречение, возникает духовный порыв, это заставляет их испытывать чувство единения. При этом, как правило, возводится стена, отделяющая «своих» от «чужих», что испокон веков было простейшим способом заполнить смысловой вакуум и прочно связать друг с другом людей внутри некой общности. Сейчас, когда превалирует чувство всеобщей разобщенности, все это выглядит особенно привлекательно. Добиться единения с окружающими и сделать жизнь осмысленной, но так, чтобы при этом не замыкаться на принадлежности к узкой группе, — воистину насущная потребность нашего времени.

Сила традиционных религий заключается в том, что они предлагают неоспоримые ответы на любые вопросы. Следовательно, они авторитарны по своей сути. Религиозное знание не нуждается в каких-либо исследованиях и не признает их, оно базируется лишь на нерушимой вере и преданности. При этом считается непреложной истиной, что ни один человек не может обладать знаниями, достаточными для того, чтобы оспорить религиозные постулаты. Кроме этого, существует социальный запрет, фактически накладывающий вето на любые попытки научного анализа религиозных учений. Мы не оспариваем право людей верить в то, во что они хотят. Однако концепция религиозной терпимости обычно трактуется еще шире, с тем, чтобы исключить какое бы то ни было осуждение чужих верований, поскольку считается, что вера по природе иррациональна и не может являться предметом оценки с точки зрения разумности. Но это справедливо лишь в отношении содержания *учений* и не может распространяться на последствия, проистекающие из этих учений, и их воздействие на общество. Если вера заставляет детей воевать и обещает, что их ждет за это райское блаженство, то никакой терпимости по отношению к такому вероучению быть не может.

Терпимость, как мы ее понимаем, подразумевает простое отсутствие попыток принудительного навязывания другим своих взглядов. Однако концепция терпимости, полностью отменяющая саму возможность что-либо разумному анализу, представляется нам, в (57:) сущности, авторитарной. Почему религия, обладающая колоссальной властью, должна пользоваться особыми привилегиями? Человеческому существованию на Земле угрожают экологическая безответственность, перенаселенность и отсутствие заботы о детях. Согласно нашим представлениям, структуры, которые содействуют всему этому, аморальны, и их деятельность должна быть предметом тщательного рассмотрения. Почему же религия, считающая регулирование рождаемости грехом, не может быть подвергнута критике? Быть может, эту проблему стоит обсудить?

В самом деле, сам акт сакрализации определенных действий, направлений, институтов и образа жизни можно обоснованно считать авторитарным, ибо он не допускает никаких отклонений, сомнений и вопросов по этому поводу. Любая идеология, закрытая для разума и отвергающая саму возможность изменяться и реагировать на новые обстоятельства, обладает потенциалом безграничных злоупотреблений. Официальное возведение некой категории в ранг священной чаще всего подразумевает, что в иных условиях она, скорее всего, может оказаться несостоятельной. Традиционным религиозным концепциям изначально присущ дуализм — одно считается священным, а другое нет. Тайные священные церемонии должны были заставить людей приносить божеству жертвы. Именно здесь и формируется граница, отделяющая духовное от мирского, что является квинтэссенцией любой морали отрешенности. Наверное, в наши трудные времена, проводя переоценку ценностей, прежде всего следует пересмотреть все, что было признано священным⁹.

Согласно одной из модных в последнее время точек зрения, истину, если она и существует, познать невозможно, ибо все, что о ней известно или косвенно ее касается, заложено в языково-культурных контекстах, которые по своей сути субъективны. Такая точка зрения — вполне объяснимая реакция протеста против авторитарно навязываемых «абсолютных» и «универсальных» истин, выдаваемых за объективные, тогда как на самом деле за ними кроются эгоистические интересы Реля-

⁹ В главе «Власть абстракций» обсуждается, как возник и развивался разрыв между духовным и мирским. (58:)

тивизм сам по себе является, по сути, замаскированным абсолютизмом, а посему всячески препятствует исследованиям возможности или невозможности выхода за рамки обусловленного культурой субъективизма. (58:)

Мы полагаем, что общепризнанные истины, порожденные процессом культурного развития человечества, несут в себе нечто большее, нежели просто отражение чьих-то корыстных интересов, личных предпочтений или даже достижений *культуры*, хотя это не всегда осознается. К числу истинных мы, в частности, относим утверждение, что человечеству грозит опасность, поскольку научно-технический прогресс предоставил в распоряжение власти столь мощные рычаги управления, что их невозможно удержать в рамках старых моральных ограничений. Все это, конечно, можно оспаривать, однако ощущение, что путь, которым идет человечество, может привести к катастрофе, существует, и следует убедиться, насколько это соответствует действительности. Более важной темы для исследования невозможно себе представить. Только сами люди могут ответить на вопрос, что есть истина и как ее найти. И на что еще может надеяться человечество в нынешней кризисной ситуации, как не на то, что свет истины в конце концов укажет ему верный путь.

Гуру и времена перемен

Во времена перемен или надвигающихся катастроф, когда люди чувствуют себя беспомощными перед лицом многочисленных проблем и неизвестности, особенно велика потребность в лидере, который бы принял на себя всю ответственность. В качестве спасителей обычно выступают либо политики, либо духовные лидеры, а иногда люди, сочетающие обе эти роли.

Как раз такое время мы сейчас и переживаем. Под угрозой оказалась не только безопасность отдельных людей или культурных ценностей, но и, впервые за всю историю существования человечества, само существование нашего вида. Безвозвратно разрушается прежняя мораль и ее институты, что порождает духовный вакуум, отчуждение, безысходность, ложные ценности. Впрочем, подобная неразбериха и развал являются необходимой составной частью так называемого переходного периода, ибо только тогда возникает движущая сила, под воздействием которой создаются и утверждаются новые жизненные ценности, формы и сознания, позволяющие выжить. Во время любого переворота всегда растет страх, увеличивается число конфликтных ситуаций, порождаются страдания, насилие и хаос. Именно в этой ситуации люди часто стремятся вернуться к старым ценностям, нормам жизни, чувственно-эмоциональному состоянию. Отсюда обычно берут свое начало политический консерватизм, религиозный фундаментализм, расизм и ненависть, (60:) стремление любым способом обеспечить себе личную безопасность, здесь зарождаются культы и «магическое мышление», — и все это мы видим вокруг себя.

Неудивительно поэтому, что большинство видит в духовном лидере некую панацею от всех личных бед и проблем. Когда чувствуешь себя бессильным, возрастает желание подчиниться некой высшей власти или авторитету. История знает множество таких примеров, и при желании можно ознакомиться с ними во всем их многообразии. Однако сейчас слепое следование за вождем, даже если он мудрее всех мудрецов, — это не то, что требуется. Добровольная капитуляция перед авторитетом порождает весьма опасные и глубоко укореняющиеся стереотипы, оказывающие существенное влияние на психику как самого лидера, так и его последователей.

Страх перед неопределенностью, возникающий в результате крушения привычных устоев, вынуждает людей пересматривать свое мировоззрение. Те, кого не устраивают западные религиозные учения, начинают искать ответы в иных конфессиях. Среди них наиболее привлекательными оказываются восточные, поскольку они более абстрактны и философски более изощренны, а посему и лучше соотносятся с современной наукой. Для людей определенного склада ума они являются средством обретения истины и мудрости, предлагая способы трансформации сознания и, посредством этого, избавления от нежелаемых чувств путем установления контроля над эмоциями, что, в конечном итоге, открывает прямой доступ к религиозным или мистическим переживаниям. Тысячелетние упражнения в области йоги и медитации позволяют проникнуть в суть таких внутренних психологических состояний, как страх, печаль, скорбь, получить представление о сути человеческой природы¹.

Гуру является неким духовным наставником, или учителем, который, как считается, через повиновение своему гуру приобрел способность к духовной реализации и может передать полученную им духовную силу всякому, кто готов аналогичным образом ему подчиниться. Наставнический способ передачи учения — от гуру (индуизм) или учителя (буддизм) к ученику — важнейшее условие поддержания восточных религиозных традиций. При этом (61:) возможность духовного самообразования

¹ В нашей более обширной книге «Контроль», в главе «Восток и Запад: взгляд изнутри и извне» обсуждается, какие перспективы открывают восточные учения перед людьми западной культуры. (61:)

и самосовершенствования считается весьма сомнительной, поскольку утверждается, что только наличие духовного наставника позволяет избежать заблуждений и самообмана².

На Востоке гуру имеют особый статус и рассматриваются верующими как непосредственное и совершенное проявление божественности. Гуру — единственные среди всех смертных, полное повиновение которым по всем вопросам признается обязательным. Само собой разумеющимся считается и умение гуру управлять и контролировать ситуацию. В первой части книги показано, что способы управления, используемые гуру в религиозной практике, базируются на умелом манипулировании страхом и желаниями и в этом отношении ничем не отличаются от тех, которые используются в иных социальных взаимоотношениях. В духовной сфере страх и желание становятся в умелых руках мощным рычагом управления и контроля, особенно если человек максимально сфокусирован на этих эмоциях. Далее в этой же части книги описываются способы и методы, тщательно оттачиваемые и впоследствии эффективно используемые на протяжении тысячелетий не одним поколением гуру с целью воспитания в сознании людей чувства покорности. Взаимодействия между гуру и учениками являются, по сути, характерным примером реализуемых в практической деятельности не основанных на физическом воздействии способов контроля и управления в рамках идеологии превосходства и подчинения, базирующейся на потенциальном экстремальном проявлении ментального авторитаризма. Такая идеология довольно прочно укоренилась в сознании людей, ибо самым тесным образом связана с существующими повсеместно формами авторитарного правления.

Жесткие культурные традиции Востока от рождения предписывают каждому человеку определенную семейную и социальную роль, за рамки которой большинство людей практически не имеют шансов каким-либо образом выйти, а посему единственным санкционированным путем освобождения личности является духовный. Для того чтобы хоть сколько-то приобщиться к духовности, требуется полностью дистанцироваться от обычной жизни, от ее обязательств и уз. Концептуальная роль духовного наставника — (62:) служить реальным примером отрешенности от мирского существования. Именно наставник должен показать, как стать настоящим хозяином своей жизни и смерти, навсегда оградив свой внутренний мир от повседневных проблем. Только духовные учителя обладают временем или способностями, позволяющими им погрузиться в психологический и философский мир духовного знания, и поэтому только они, получив это знание от наставника или из личного духовного опыта, могут указать альтернативный жизненный путь. Выбравшего отречение от мирской суеты привлекает возможность добиться контроля над своим эмоциональным состоянием. За этим «освобождением» от реальности следует «погружение» в иную социально санкционированную деятельность — духовную, с приобретением статуса послушника, монаха, пилигрима, странствующего саддху или отшельника.

Разумеется, традиция общения с наставником не только способствовала развитию рассудочного познания, но затрагивала и эмоциональную сферу, воздействуя на сердца людей с помощью религиозных обрядов, искусства и литературы. Она создавала как бы некий духовный оазис, где можно было укрыться от тягот жизни и установить контакт с космическими силами. Исследуя эту систему и подвергая ее критике, мы не интересуемся тем, насколько исторически обосновано или полезно было ее появление. Скорее, мы хотим выяснить, почему сейчас эта или любая другая авторитарная форма не только не продуктивна, но и деструктивна. Понимание причины привлекательности системы духовного наставничества и породившего ее мировоззрения позволит показать, почему авторитарные средства распространения информации более не жизнеспособны. Именно авторитарные механизмы передачи информации в существенной степени повинны в том, что мир оказался на грани катастрофы. Данная книга ставит себе целью объяснить, почему эти механизмы и средства перестали отвечать насущным потребностям человечества, которому сейчас, как никогда ранее, необходимо духовное перерождение, без которого ему не выжить.

Взаимоотношения гуру-ученик строятся на такой основе, которая по сути своей не допускает злоупотреблений, освобождая человека от груза коррумпированной власти, а значит, и от корыстных интересов, являющихся первопричиной коррумпированности власти. Думается, читатель вынужден будет согласиться с (63:) утверждением, что любой человек, независимо от степени его информированности и понимания ситуации, не может полностью отбросить тот факт, что эгоизм не только присущ всему человеческому роду, но и является необходимым условием его выживания.

А существует ли вообще некий критерий, согласно которому можно с уверенностью утверждать, что кому-то (пусть даже одному конкретному человеку) удалось одержать окончательную победу над своекорыстием и застраховаться от развращающего воздействия власти? В политике, например, присущая власти коррупция воспринимается как нечто неизбежное. В духовной сфере власть, которой может обладать один человек по отношению к другому, гораздо сильнее, ибо в ее основе лежит глу-

² См. раздел «Функциональная суть просветления» в главе «Единство, просветление и опыт мистического переживания». (62:)

бокая вера в то, что духовный наставник непосредственно стоит у врат к спасению. Нетрудно догадаться, насколько велика и близка к абсолютной может быть такая власть и насколько экстремальными могут оказаться ее проявления и последствия.

Нетрудно также предположить, что обладающие такой властью могут ею злоупотреблять. Обычно в таких случаях принято утверждать, что излишне высокое доверие было оказано тому, кто оказался на деле не таким надежным, как предполагалось. На самом же деле все обстоит не так просто, и коррупция в духовных сферах отнюдь не является следствием ненадежности облеченной властью персоны. Да и вообще, не аморально ли с точки зрения духовной этики и менталитета говорить о ненадежности того, кому столь высокая власть была вверена благодаря признанию его безупречности и морального превосходства? Не следует ли на самом деле искать причину коррупции не в конкретно избранном лидере со всеми его недостатками, а в самой структуре, допускающей и узаконивающей градацию по принципу духовного совершенства и чистоты?

Если люди безоговорочно верят своему лидеру, то во имя спасения могут исполнять все его приказания, включая убийство и самоубийство. Научно-технический прогресс вооружил человечество уникальными средствами связи, что не только расширило потенциальные возможности злоупотребления на всех ступенях властных структур, но и позволило харизматическим лидерам управлять громадными массами людей, воздействуя на их умы и сердца через средства массовой информации, не вступая с ними в личный контакт. При желании, можно без особого труда найти множество (64:) примеров, особенно в современной жизни, когда лидеры умело соединяли религиозный фундаментализм с реальной политической властью, добиваясь своих корыстных целей ценою десятков и сотен тысяч жизней своих подчиненных, которым торжественно вручались «ключи от роя» перед тем, как отправить их на кровавое сражение с иноверцами и еретиками.

Для того, чтобы человечество могло адекватно реагировать на возникающие проблемы, необходимо создать условия, которые помогали бы развитию у людей чувства ответственности и способности к самоконтролю. В частности, в наше время перемен глубоко заложенное в человеческой природе стремление к поискам лидера, на которого можно было бы переложить свои проблемы, должно рассматриваться просто как одна из составляющих человеческой истории, потерявшая свою актуальность. На протяжении многих веков это пристрастие к авторитетам было причиной возникновения иерархий, оправдывавших существование привилегированных слоев и позволивших властным структурам обрести стабильность, становясь постепенно частью традиции. Обращение к традиции во все времена не только позволяло существенно ослабить страх перед социальным хаосом, но и утверждало связь между властью и привилегиями. Сейчас подобные формы традиционности, считавшиеся доселе незыблемыми, уже более не в состоянии вместить в себя новое содержание радикально меняющегося на глазах мира. В кризисных ситуациях притягательность гуру³ и других авторитетов, как мирских, так и духовных, возрастает, так как их воспринимают в качестве гарантов стабильности. Далее мы постараемся показать, как и почему та или иная личность, идеология или структура, которая в течение какого-то времени занималась тем, что подрывала веру людей в собственные силы, способна лишь усугубить, а не решить проблему. (65:)

Соблазны капитуляции

Появившись на свет, ребенок не только не осознает себя как личность, но и не воспринимает должным образом все происходящее вокруг него. Грань, отделяющая его от окружающих людей, слишком зыбка. Он живет в мире неконтролируемых эмоций, ощущая себя центром вселенной, причем это чувство может быть довлеющим. Окруженный заботой и вниманием, ничего не ждущий от других, не заботящийся о будущем и не сожалеющий о прошлом, ребенок пребывает в блаженном состоянии невинности, которое, однако, не может длиться вечно. Каждый некогда пребывал в этом состоянии — день, неделю, месяц или дольше, — испытав ни с чем не сравнимое ощущение полной безопасности и власти надо всем окружающим. Однако неизбежность смерти, ожидающей нас в конце земного пути, накладывает на все свой отпечаток.

³ Хотя концепция гуру пришла к нам с Востока, структура и динамика этой власти, по сути, характерны для любой группы, возглавляемой непререкаемым лидером. Поэтому мы используем термин «гуру» применительно к самым разным лидерам (неважно, как они называются), непререкаемость которых в основном базируется не на физическом принуждении. (65:)

Постепенно уходящее в небытие пережитое чувство блаженного благоденствия навсегда запечатлевается в глубинах подсознания и всякий раз, когда что-то в нашей жизни не складывается, напоминает о себе, рождая тоску по безвозвратно утраченному. Зачастую наши духовные искания питаются подспудным желанием если не вернуться к тому состоянию, то хотя бы найти нечто похожее, уводящее от конфликтов и переживаний реальной жизни, дающее возможность слиться со всемогущим и милосердным высшим разумом, чтобы вновь почувствовать себя бессмертным. Это (66:) означает, что поиски духовности, которым предаются многие люди, основываются не на потребности духовного развития или более глубокого понимания устройства мира, а на стремлении к неизвестному. Однако на самом деле все, к чему мы стремимся, это возвращение к уже пережитому¹.

Покорность авторитету, чей духовный облик соответствует идеалу, по которому мы тоскуем, является наиболее легким способом имитации утраченного чувства невинности. Поскольку взаимоотношения гуру-ученик построены на покорности, их можно рассматривать как модель подчинения одного человека другому. Покорность и капитуляция — это ключ к пониманию сущности авторитаризма. Сам акт капитуляции приводит к предсказуемым психологическим последствиям, способным объяснить, почему гуру привлекают к себе столь разных людей. Схема гуру-ученик является, по сути, уникальным окном, сквозь которое можно заглянуть в самую глубь авторитарных структур с тем, чтобы понять природу их привлекательности.

В отличие от западных религий, где лишь Бог считается совершенным и непогрешимым, большинство восточных учений утверждают, что любой смертный сможет достичь состояния божественности, если будет вести добродетельную жизнь (хорошая карма). Это означает, что духовность напрямую связана с поиском или достижением некоего состояния «просветленности», когда ищущий обретает космические или духовные «познания». Таким образом, налицо два основных состояния — ищущий и обретший. Погрузившийся в тайны бытия и достигший глубин проникновения в суть вещей неизбежно испытает естественное желание поделиться своим знанием. Однако готовность взять на себя роль учителя-знатока должна совпадать с потребностью ищущих обрести такой авторитет, которому они могли бы доверять и подчиняться. Получить известность в качестве «познавшего» — одна из самых соблазнительных и трудных ролей. Особое отношение к знатоку вполне объяснимо — ведь его считают вместилищем истины! Такое восприятие базируется на заранее составленном представлении о его духовном облике, которое не допускает даже мысли о том, что учитель может не соответствовать своей роли. (67:)

Духовные лидеры, обладающие высоким авторитетом и признаваемые носителями особого знания, претендуют на исключительность, совершенно так же, как и в любой сфере, где высокое положение в обществе обычно означает власть, богатство и влияние. Более того, для выступающего в качестве носителя мудрости стремление выглядеть безупречным еще более очевидно, нежели в других областях деятельности, поскольку именно знание дает ему преимущество перед другими претендентами на непогрешимость. Любая, даже самая незначительная, но ставшая очевидной для окружающих оплошность легко может сыграть роковую роль в утрате авторитета и низвержении с пьедестала, а свято место, как известно, пусто не бывает. Всякий духовный лидер в какой-то степени осознает, что его последователи жаждут убежденности, и если он ее им не даст, это сделает кто-то другой. Поэтому он не может позволить себе сказать: «Я знаю многое, но могу и ошибаться», поскольку каждый, кто заявит: «Я знаю все и никогда не ошибаюсь», безусловно, выиграет. Таким образом, духовный лидер сам находится под большим давлением.

Сама концепция просветленности подразумевает непогрешимость гуру. Состояние просветленности понимается как нечто абсолютное и стабильное, всеобъемлющее и безграничное. С этим конечным состоянием, несколько необычным в рамках представлений об эволюционирующем космосе, никак не согласуется предположение, что современное воплощение просветленного существа может донести до нас истину гораздо лучше, чем это было сделано тысячелетия назад. Ведь если бы просветленность зависела от исторического контекста или же сама по себе могла бы эволюционировать, то никто не решился бы утверждать, что обладает окончательной и полной истиной. Кроме того, вера, что просветленность не подвластна истории, не претерпевает изменений и непогрешима, усиливает убежденность в том, что просветленные не подвержены ни обычным человеческим слабостям и страстям (эгоизму, страху, желанию), ни обычным правилам поведения².

Традиционно взаимоотношения гуру-ученик подразумевают подчинение воли учеников воле гуру, ибо без этого он не сможет вести их путем истины, требующим отречения от приобретенных ранее суетных мирских привязанностей. К таковым в первую (68:) очередь относятся, разумеется, сугубо

¹ В разделе «Любовная зависимость» главы «Любовь и контроль» показано, как эмоциональная капитуляция, будь то в любви или религии, может стать психологической зависимостью. (67:)

² См. раздел «Функциональная суть просветления» главы «Единство, просветление и опыт мистического переживания». (68:)

материальные пристрастия, но, что еще важнее, капитуляция рассматривается как средство избавления от более глубоких психологических привязанностей, в существенной степени определяющих человеческую индивидуальность и структуру личности (то, что называется «эго»).

Поскольку капитуляция, полное подчинение гуру — это неотъемлемая составляющая ученичества, мы попробуем исследовать, какие потребности удовлетворяются путем моральной капитуляции, какие эмоции при этом зарождаются и как все это связано со стремлением человека изменить свою жизнь. Судя по всему, для того, чтобы как следует разобраться в механизмах капитуляции, надо рассматривать ее в совокупности с контролем.

Контроль и капитуляция

Контроль, надзор, руководство, с одной стороны, и капитуляция, подчинение, отказ от самостоятельности — с другой представляют собой два взаимосвязанных и противоположных друг другу состояния. Одно, как правило, сосуществует с другим и является его антитезой. Поэтому когда речь идет об утере контроля (то есть о капитуляции), то имеется в виду, что происходит изменение формы, а отнюдь не содержания: скажем, внутренний контроль сменяется внешним. Если речь идет о человеке, то такое изменение просто подразумевает изменение уровня самоконтроля, хотя границы этого уровня весьма расплывчаты. При этом зачастую наличествует некоторый скрытый аспект, под влиянием которого и осуществляется изменение формы. Так, для того, чтобы капитулировать перед каким-то учением или идеологией, их необходимо прежде укоренить в себе, то есть задействовать механизм самоконтроля. Например, такой контролирующий механизм, как совесть, отчасти насаждается извне в соответствии с общепринятыми моральными устоями. Это позволяет утверждать, что контроль и капитуляция настолько тесно взаимосвязаны, что могут плавно переходить друг в друга. Чисто психологически капитулирующий чувствует себя совершенно иначе, нежели контролирующий, ибо подчинение подразумевает готовность к восприятию того, что поступает извне, к открытости, при которой границы личности как бы распахиваются. Заметим при этом, что чем более безоговорочной оказывается капитуляция, тем (69:) абсолютнее становится контроль, формируя условия, в которых проявляется капитуляция³.

В индуистской религии эта же взаимосвязь нашла выражение в изречении «нет шакти без бхакти». Шакти — это проявление трансцендентной энергии, а бхакти⁴ — некое подобие капитуляции. Опыт встречи с трансцендентным и переживание этого опыта, как правило, присутствуют в таких сферах, как любовь, искусство и, разумеется, религия, а также и в таком, казалось бы, далеком от духовности занятии, как спорт, то есть везде, где человек ослабляет собственный контроль и подчиняется внешнему фактору. В спортивной команде каждый игрок следует установке тренера, что позволяет добиться командного успеха. Личные интересы здесь уходят в сторону, уступая место командным. Тот, кто хотя бы раз в жизни был членом команды, испытывал ощущение, что он является частью хорошо отлаженного механизма, где все детали действуют как единое целое. Иными словами, кажется, будто нечто целостное управляет отдельными составными элементами. Такие моменты высшего подъема в спорте обладают совсем особой энергетикой.

Капитуляция — состояние, связанное с наиболее сильными эмоциями, которые бывает суждено испытать человеку. Посвятить (отдать) всего себя чему-либо или кому-либо (человеку, идеалу, искусству, религии, политике и т.п.) — все это есть, по сути, проявление страсти. Капитуляция — это путь к страсти. Страсть дает человеку колоссальную возможность сделать свою жизнь одухотворенной, целенаправленной, освободить от нудных оков повседневности. Ради достижения этого, для удовлетворения своей страсти человек готов пойти на все, а посему потенциальные возможности капитуляции (как пути к страсти) настолько высоки, что переоценить их невозможно. Не зря бытует выражение «одержимый страстью», означающее, что страсть становится смыслом жизни, отодвигая все остальное на второй план. Капитуляция и контроль являются воистину основными составными частями человеческой жизни. А посему исследование явления капитуляции как неотъемлемой части авторитарного контроля вполне оправдано как с научной, так и с познавательной точек зрения. (70:)

На Востоке гуру — более чем учитель. Он, скорее, олицетворяет собой врата, сквозь которые человек обретает возможность вступить в более глубокую связь с миром духовности. Для этого требуется признать, что исключительность гуру и его мастерство далеко превосходят возможности обычного человека. Поэтому для каждого, стремящегося стать прилежным его учеником, главным смыслом жизни должна быть духовная реализация. А для этого единственной эмоциональной связью в этом мире для него должна быть связь с гуру. Капитуляция призвана защитить тех, кто ей отдается, от внешних привязанностей, считающихся препятствием на пути к духовному совершенствованию.

³ См. раздел «Побуждение к капитуляции» главы «Уловки гуру». Более подробно о контроле см. главу «Кто контролирует ситуацию».

⁴ Буквально — преданность, самоотверженная любовь. (Прим. перев.). (70:)

Однако она не исключает самой сильной и самой коварной привязанности — привязанности к внешнему авторитету. Но это относится только к ученикам, а на самого гуру не должно распространяться. Объектом привязанности, непререкаемым авторитетом становится он сам, прочно укореняясь в жизни учеников. Возможно, некоторые усмотрят здесь определенное противоречие. Ведь гуру, как правило, проповедуют идеологию отречения, однако, становясь объектом привязанности для своих учеников, полностью ему подчиняющихся, и сами становятся привязанными к власти, дающей им возможность повелевать другими. Однако это противоречие, как правило, игнорируется, ибо привязанность к гуру считается духовной, а сам гуру, считающийся просветленным, по определению не может иметь никаких привязанностей.

Скандалы, святые и эгоцентризм

Многочисленные скандалы, связанные с духовными общинами, о которых в последние годы так много говорилось, по сути, сводятся к одному — лидер или лидирующая верхушка, выступающая от имени лидера, прямо или косвенно уличаются в деятельности, которая, грубо говоря, противоречит провозглашенным ими же миссии и этическим ценностям. Иными словами, налицо явное злоупотребление властью. Вполне резонно считать, что эти злоупотребления следует рассматривать не просто как отдельные случайные факты, а как проявление некоей закономерности, подтверждающей положение, что сама по себе капитуляция перед авторитетом не только увеличивает вероятность коррупции, но и делает ее почти неизбежной. Неудивительно, что все злоупотребления, о которых говорилось выше, (71:) вполне можно, не боясь сильно ошибиться, отнести к одному из следующих типов, отражающих наиболее распространенные проявления коррупции:

Сексуальные злоупотребления. При этом в качестве средства утверждения власти лидера используются и такие крайние формы, как совращение детей, изнасилование и поощрение занятия проституцией. Причем все это, как правило, лицемерным образом прикрывается внешне невинной проповедью безбрачия или моногамии, а на деле оборачивается тайным развратом⁵.

Материальные злоупотребления. Они проявляются в заинтересованности в богатстве, противоречащей провозглашенным принципам и пропагандируемым моральным ценностям, основанным на аскетизме и отречении, — тайные банковские счета, культ роскоши, дорогие автомобили, самолеты и прочее. Обычно лидер и его приближенные ведут экстравагантную жизнь, купаясь в богатстве, в то время как подчиненные вынуждены тяжело трудиться и при этом владеть жалким существованием.

Злоупотребления властью. Это, по сути, прямое использование находящихся в зависимости людей в личных интересах с целью сохранения власти. Прикрываясь возвышенными лозунгами, призывающими к добру, миру, альтруизму, любви и защите планеты, лидирующая верхушка отнюдь не гнушается прибегать к угрозам и насилию, чтобы добиться повиновения и оградить себя от всего, что считается опасным для группы и ее лидера. Известны случаи, когда для наказания заблуждающихся учеников посылались наемные убийцы. Покарать неверных и отколовшихся — разве не священная миссия, право на выполнение которой считается почетным долгом и великой честью для избираемых? Злоупотребления властью — это, по сути, еще одно из доказательств того, что представление о бескорыстии гуру ложно.

Невоздержанность и распущенность. Многие лидеры проповедуют умеренность и воздержание как способ сохранения тела, ибо тело — это храм духа, здоровое тело есть признак здорового ума, а здоровье необходимо для умения сохранять спокойствие и контролировать свои эмоции. Однако в личной жизни они оказываются (72:) подвержены порокам — пьянству, обжорству, мстительности, вспышкам ярости, а также целому ряду болезней, которые обычно называют психосоматическими, — аллергии, язвенной болезни, гипертонии и т.п. Если внимательно проанализировать все, что известно истории о религиозных лидерах, можно убедиться, что многим из них было свойственно то, что мы бы назвали стремлением к саморазрушению.

При публичном разоблачении злоупотреблений лидер либо все отрицает, либо оправдывает свое поведение, ссылаясь на то, что «враги истины» и «силы зла» крайне заинтересованных в его скорейшем низвержении или уничтожении. Последователи, естественно, всему этому верят, ибо считают своего вождя праведником. Те, в души которых закрадывается сомнение, сначала ощущают себя подавленными, сбитыми с толку, но постепенно это перерастает в досаду и гнев от осознания, что они оказались обманутыми. Отпирательства и оправдания всегда звучат одинаково: ни один непосвященный не в состоянии постичь мотивы действий того, кто достиг просветления, а следовательно, никто не смеет его судить и критиковать. Любое поведение гуру, пусть даже и кажущееся со стороны неприглядным, регламентируется неким тайным учением или посланием, недоступным пониманию простых смертных. Короче говоря, что дозволено Юпитеру...

⁵ В главе «Гуру и сексуальные манипуляции» показано, что сексуальная несдержанность не только порочит провозглашаемые идеалы, но и в корне подрывает авторитет самих гуру и их учений. (72:)

Таким образом, если воспринимать гуру как личность совершенную и исключительную, вряд ли уместно пытаться оценивать его поведение — исключительность подразумевает оправдание всех его поступков без исключения. Идя дальше, можно подо все деяния гуру подвести оккультную базу — достаточно того, что он, как принято считать, берет на себя карму или грехи всех остальных, а посему нет ничего страшного в том, что его тело продолжает жить своей мирской, полной слабостей, жизнью. Гуру тучен или нездоров потому, что он слишком добр, чтобы отвергать приносимые ему дары. Щедро делясь энергией со своими ближними, он может позволить себе некие излишества и послабления. Непокорных он наказывает отнюдь не по злобе, а по необходимости, как это делал бы хороший отец. Пытаясь объяснить, что есть энергия и отрешенность, он в качестве наглядного примера использует сексуальную активность. А почему бы и нет? Он живет в роскоши лишь для того, чтобы разрушить предрассудки, связанные с упрощенным представлением о (73:) внешних проявлениях утраты «эго» Кроме того, это способ продемонстрировать отрешенность гуру и его безразличие к тому, что о нем думают другие. Достигший просветления может позволить себе все что угодно. И те, кто в это верит, все ему простят.

Возникает вполне резонный вопрос: почему и зачем люди стараются логически обосновать оправдать в образе жизни гуру все то, что для остальных считается неприемлемым и запретным, прилагая при этом громадные эмоциональные усилия, чтобы заставить себя верить в добропорядочность и чистоту своего учителя? Зачем и почему необходимы образцы абсолютного совершенства и всеведения? Ответ на эти вопросы следует искать в природе основывающихся на капитуляции взаимоотношений типа гуру-ученик. Чем больше масштабы капитуляции, тем величественнее образцы совершенства. Вряд ли люди подчинялись бы тому, кто стремится лишь к собственному благополучию. Трудно повиноваться тем, кто допускает ошибки, особенно такие, которые чреваты неприятными или трагическими последствиями для окружающих. Следовательно, всякий, претендующий на ответственную и почетную роль гуру, не имеет права на ошибку, не может быть эгоцентричен, должен уметь контролировать свои эмоции. Гнев в его святых руках используется лишь как педагогический прием.

Почему же все-таки люди так хотят верить в то, что кто-то где-то свободен от свойственных человеку слабостей или может быть выше них? Чтобы ответить, попробуем вместо перечисления способов, к которым прибегают человеческие существа, чтобы свалить вину друг на друга, разглядеть в их поступках такое свойство человеческой натуры, как эгоцентризм Моральные устои любой формации исходят от некоего, считающегося допустимым, усредненного уровня эгоцентризма, поэтому подавляющее большинство моральных суждений являются реакцией общественного мнения на чрезмерное проявление эгоцентризма. Так, например, предельный эгоцентризм, который заложен в идеологии беспощадного насилия, в обывательском представлении непременно попадает в категорию преступного Следовательно, хорошим человеком считается тот, кто менее эгоцентричен, ну а лучшим из лучших — вообще лишенный эгоизма.

Духовный рост в традиционном представлении подразумевает постепенный отказ от любых проявлений своего «я», воспитание (74:) чувства отвращения к таким проявлениям эгоизма, как ревность, зависть, дух соперничества, мелочность и т.д. Реальный пример человека, лишенного всех этих недостатков, вдохновляет на самосовершенствование и усиление самоконтроля. Вот почему необходима вера в святых — тех, кто смог, в традиционном понимании, полностью побороть свой эгоцентризм. Это дает надежду, что каждый может стать лучше, чем он есть⁶.

Образованному рассудительному человеку трудно непредвзято судить об эгоцентризме, не ощущая при этом определенного дискомфорта. Все основные проблемы современного мира, отравляющие нашу жизнь и причиняющие людям боль — экология, политика, голод, насилие, расизм, шовинизм и другие, — связаны именно с проявлениями эгоизма. Поэтому нет ничего удивительного в том, что попытки борьбы с этим пагубным явлением постоянно предпринимались и предпринимаются. Так, религии, проповедующие отречение, пытаются изжить эгоизм или по крайней мере удержать его в определенных рамках, внушая чувство вины, которое должно возникать при любых его проявлениях. Коммунистические режимы также пытались бороться с эгоцентризмом, по крайней мере теоретически, считая его порождением порочной социальной системы. Неудивительно, что в поисках духовного совершенствования многие ищут избавления от тех проблем и дискомфорта, которые несет с собой эгоизм. На Востоке отказ от «это» считается необходимым условием перехода к отношениям иного порядка — к возвышенной связи с духовным. Целью является уничтожение эгоизма через уни-

⁶ Последствия насаждения нежизнеспособной морали описаны в главе «Кто контролирует ситуацию». В книге «Контроль», о которой говорилось выше, в главе «Чему служит бескорыстное служение» подробно объясняется, почему возведение бескорыстия в ранг наиважнейших ценностей не только ни к чему не приводит, но и чревато коррупцией. (75:)

чтожение своего «я». Духовный идеал отрешенности родился именно из освобождения от страстей и потребностей «эго».

Христианство требует от человека осознания и признания своей греховности (то есть эгоцентризма), спасение от которой возможно лишь через принятие Христа и морали, которую он провозгласил. Самого Христа рассматривают как абсолютное воплощение бескорыстия, ибо он принес себя в жертву во имя искупления грехов всего рода человеческого. Вера в Христа и (75:) исполнение его заповедей, изложенных в Новом Завете, поможет обуздать эгоцентризм и, таким образом, спасти свою душу. Однако мало кто задумывается о том, что сама по себе заинтересованность в личном спасении, по сути, есть проявление эгоцентризма, а посему, в контексте данных исследований, требует самого пристального внимания. Наградой за капитуляцию перед авторитетом, будь то гуру или Христос, всегда служит появление ясной цели и страстного стремления ее достигнуть, при этом все напряжение, все конфликты с окружающим и с самим собой мгновенно улечиваются. Это психоэмоциональное состояние и даруемое им мироощущение столь пленительны, что сами по себе воспринимаются как лучшее доказательство справедливости учения и праведности учителя. Душевное просветление и успокоение используются многими в качестве лакмусовой бумажки, свидетельствующей об истинности их веры.

В чем же заключается сила, привлекательность и действенность восточных религий для стремящихся к духовному очищению? Наверное, в том, что перед взором любого приходящего предстает живой гуру — реальный носитель истины и высочайшего духовного состояния. Стараясь во всем подчиняться и подражать ему, можно попытаться достигнуть таких же духовных высот. Этот путь, который считается самым легким и надежным, называется «бхакти», или «преданность», и подразумевает поклонение и покорность гуру как живому воплощению Бога. При этом чем сильнее преклонение и подчинение, тем менее эгоцентричным ощущает себя верующий, поскольку всем своим служением он демонстрирует, что осознает свое ничтожество и признает кого-то или что-то гораздо более важным, чем самого себя. Вот почему повиновение гуру — самый простой путь к бескорыстию. Упорный труд во имя гуру и проповедуемых их высоких целей («карма йога») еще более укрепляет справедливость этого постулата.

Истинное лицо авторитарного контроля

Капитуляция перед идейным лидером рождает ощущение близости и единения со всеми, кто разделяет ту же веру. В обычном мире, где отношения строятся на ненадежной основе хрупких и меняющихся жизненных ценностей или совместно испытываемых (76:) удовольствий, многие чувствуют себя одинокими и заброшенными. Приобщение к коллективу единомышленников и отождествление себя с ним уничтожает барьеры, которыми личность отгораживается от враждебного или не понимающего ее внешнего мира. Привнесение в жизнь цели, смысла и надежды обогащает ее эмоциональное содержание. Неудивительно, что люди, примкнувшие к единоверцам, восхищаются тем, насколько лучше, духовно богаче стала их жизнь. Однако эта быстро возникающая однонаправленная связь основана исключительно на общей идеологии. Стоит человеку покинуть единомышленников, и она исчезнет столь же молниеносно, как и возникла.

Таким образом, капитуляция — это некое обязательное условие возникновения связи между учеником и гуру. Роль ученика позволяет максимальным образом приблизиться (в реальности, а не путем умозрительных построений) к особым ощущениям, обычно испытываемым в раннем детстве, к тому свободному от противоречий состоянию чистоты и невинности, которого всем нам так не хватает. Возможно, самым важным является чувство, что ты снова полностью защищен и окружен заботой. Это ощущение в какой-то степени возникает у любого подчиненного, но в случае полной капитуляции перед гуру достигает максимума. Поскольку гуру обещает своим последователям в случае полного повиновения особую защиту, им начинает казаться, что они находятся под покровительством самого Бога.

Подобное состояние зависимости способно удовлетворить и другие сильные желания, также произрастающие из младенчества, в частности, стремление ощутить себя центром вселенной. Правда, настоящий центр этой вселенной — гуру, но к нему, по крайней мере, можно приблизиться. Кроме того, гуру воплощает в себе образ родителя, полностью принимающего тебя и прощающего, такого родителя, какого, быть может, ты никогда не имел, но о каком всегда мечтал. Ученики верят в безусловную любовь к ним учителя, пусть даже эта любовь оплачена безоговорочным подчинением. Капитуляция избавляет их от всякого сожаления по поводу оставленного далеко позади прошлого и от страха, по крайней мере осознанного, за будущее. Свято веря в то, что всемогущий гуру способен изменить существующий мир, ученики его чувствуют и в себе потенциальную силу. Таким образом, (77:) капитулируя перед гуру, добровольно передавая ему всю власть и в результате превращаясь, по сути, в большого ребенка, ученик получает доступ к бесценному ощущению при-

ближенности ко Всемогущему Богу, надежно защищающему его настоящее и заботящемся о его будущем.

Капитуляция — это прямая дорога для принятия идеологии отрешенности и, в некоторой степени, следование ее морали, подразумевающей бескорыстие и повиновение некому высшему авторитету. Акт капитуляции, сам по себе, подразумевает отказ от собственного «эго» (или, по крайней мере, ограничение его до минимума), что считается показателем духовного прогресса. Капитуляция перед авторитетом, который берет на себя все функции управления и власти, является, по большому счету, самым быстрым и верным способом почувствовать себя добродетельным. Стоит подчиниться заранее составленной программе, как все сомнения и противоречия вмиг улечутся и наступит желанное душевное облегчение. Подчинение может выглядеть бескорыстным, однако это лишь видимость. Воспитывая ребенка, родители заставляют его выполнять, по сути, их волю, а не делать то, что хотелось бы самому ребенку. За послушание детей хвалят, а непокорных осуждают, часто называя эгоистами. Давно проверенным и надежным педагогическим приемом является так называемый метод кнута и пряника. Возможно, в педагогике без этого не обойтись. Однако между воспитанием, главная цель которого — упрочить родительский авторитет, и воспитанием, нацеленным на развитие в детях уверенности в собственных силах, лежит пропасть. Мы уверены, что дети, которых научили доверять себе, став взрослыми, будут гораздо менее склонны к слепому подчинению. Неважно, что, последовав за авторитетом, человек вначале чувствует себя лучше, зато впоследствии все, что подрывает доверие к себе, будет мешать ему стать взрослым⁷.

Подводя некий итог вышесказанному, можно утверждать, что в процессе капитуляции человек привязывается к тому психоэмоциональному состоянию, которое с ее помощью обретает, а не к конкретному гуру, которого ему никогда не бывает суждено узнать как человека. Падение авторитета гуру (или даже возникающие (78:) сомнения) означает возврат к прежним противоречиям, заблуждениям и бессмыслице. Подспудно сказывается и чувство сожаления о возможной при подобной ситуации невозможной утрате физической и эмоциональной энергии, отданной гуру в процессе капитуляции во имя спасения своей души. Не удивительно поэтому, что человек будет всячески стараться закрыть глаза на противоречия и недостатки в поведении гуру во имя сохранения собственного мира и спокойствия. Именно этим можно объяснить то, что человек, находящийся в авторитарном подчинении, будет всячески отрицать это, а для своего гуру будет всегда готов придумать бесчисленное множество оправданий, чтобы доказать его святость на фоне бесчинств других. Так что нет ничего необычного в том, что человек, находясь в авторитарных отношениях, даже не ведает об этом. В самом деле, такое знание может помешать капитуляции. Чтобы научиться распознавать в любых отношениях авторитарность, достаточно хорошенько ознакомиться со следующими характерными ее установками:

Нельзя отклоняться от линии группы. Каждый, чьи действия или чувства противоречат общепринятой позиции, считается ошибающимся или вредным.

Все, что делает вождь, считается совершенным и истинным, не терпящим никакой критики и порицаний.

Все, кто не с нами, те против нас.

Вверху лучше знают, что лучше.

Указания свыше не обсуждаются, а исполняются.

Страх наказания за инакомыслие в корне подавляет все возможные сомнения и колебания.

Извечный вопрос самопознания «что есть Я?» стимулирует в человеке процесс самоанализа и самоуглубления, позволяющий сконцентрироваться на характерных признаках личности, этимология которых уходит в далекое прошлое. По сути своей, духовная капитуляция подразумевает освобождение от прежних ограниченных представлений о самом себе и о своих возможностях. В этом внутреннем исследовании индивидуум приходит к осознанию себя как части окружающего мира. Капитуляция же перед человеком, пусть даже и лучшим, но также являющимся частью этого окружения, извращает настоящую красоту и смысл капитуляции. Капитуляция же перед тем, кто олицетворяет путь к спасению, приводит к (79:) тому, что люди остаются зависимыми, инфантильными, живущими заимствованными идеями. С другой стороны, осознанная капитуляция подразумевает понимание своего непосредственного участия в сложнейшем динамическом процессе как в качестве автора, так и исполнителя. Такой дуализм позволяет, с одной стороны, быть хозяином своей судьбы, а с другой — капитулировать перед неизбежностью. При этом человеку не приходится отказываться от собственной личности или власти.

Единственным способом обеспечения полноценной деятельности всякой живой системы является создание свободной двусторонней информативной связи как внутри нее, так и с ее окружением. Это особенно важно для социальных структур, где наиболее пышно процветают субъективизм и эгоцентризм, с которыми приходится постоянно вести борьбу. Авторитарные структуры всячески стараются

⁷ Более подробно об этом говорится в книге «Контроль», в главе «Дуализм родительского авторитета». (78:)

разрушить систему обратной связи, прерывая поток необходимой информации, как, например, в случае взаимоотношений гуру-ученик. Достижение же хотя бы частичной объективности возможно только посредством открытого интеллекта, живо реагирующего на любые изменения информационного поля.

Затрагивая столь животрепещущие и наболевшие проблемы, связанные с вечными вопросами общественной нравственности и духовности, трудно ожидать однозначной оценки читателя. Да это, честно говоря, не столь важно. Даже более того — это и хорошо, ибо аргументированное противопоставление одной точки зрения другой уже позволяет в некоторой степени дистанцироваться от авторитаризма, подразумевающего абсолютный приоритет одной, единственно правильной, точки зрения. Следует отказаться от того, чтобы отождествлять с духовностью те эмоции и страсти, которые возникают на основе капитуляции перед лидером. Наше выживание как вида зависит от взрослых, трезво смотрящих в будущее людей, способных сбросить оковы старых авторитетов и старых традиций и создать новые формы взаимоотношений как друг с другом, так и с планетой, на которой мы живем. Для этого мы должны использовать все, что имеем: наше тело, наши чувства, наш ум, всю поступающую к нам информацию. Слепая капитуляция перед авторитетом является потаканием эмоциям и порождает лишь иллюзию надежности, а такое поведение человечество позволить себе больше не может. (80:)

Уловки гуру

Неотъемлемой частью любой авторитарной структуры, как уже говорилось, является подчинение авторитету, почитание его, послушание, отказ от собственных суждений в угоду диктуемым сверху, — одним словом, все, что мы называем здесь капитуляцией. Традиционные отношения гуру-ученик также строятся на капитуляции. Подобно тому, как верующие христиане покоряются воле Божьей, ученики в восточных религиях полностью подчиняются гуру, что позволяет ему проявлять в отношении них чрезвычайную авторитарную власть. Однако не следует думать, что гуру все дается само собой, — он должен отлично уметь добиваться от людей покорности и удерживать их в этом состоянии. Люди обычно тянутся к гуру не просто из любопытства или каких-то личных симпатий, а чтобы получить то, чего им так недостает, — обрести смысл жизни и почувствовать себя приобщенным к миру духовности. На первом этапе это осуществляется через акт капитуляции.

Побуждение к капитуляции

Психологический авторитаризм базируется на умелом манипулировании желанием и страхом, поэтому мотивационная технология, используемая для побуждения к капитуляции и ее утверждения, по сути довольно проста — это обещание или вознаграждения (в этой или той жизни), или неотвратимого возмездия. При этом вознаграждение стимулирует капитуляцию, а возмездие, которое должно неизбежно настичь вероотступников, призвано удержать их от ухода (81:) от гуру. Так что же, собственно, побуждает человека к капитуляции? Всегда ли сам гуру сознательно манипулирует учениками? Ведь некоторые из них, наиболее фанатично преданные своему учению, всего лишь стараются подражать своим прошлым учителям, от которых они получили эзотерические познания и глубокую убежденность в том, что покорность — необходимое условие любого ученичества. Поэтому традиционные гуру учат тому, чему учили их самих, и обращаются со своими учениками так, как с ними обращались их собственные духовные наставники. А посему покорность признается важнейшей составляющей их учения, она всячески укрепляется и вознаграждается, тогда как любая попытка отказа от нее осуждается. В ход идут особое внимание к наиболее послушным и одобрение их деятельности, а также наказание провинившихся. И хотя некоторые гуру и говорят, что сомнения в некоторой степени оздоравливают, любое проявление нелояльности влечет за собой наказание, иногда весьма утонченное. Сомневающийся никогда не войдет в круг ближайших сподвижников гуру. Свято веря в то, что для передачи их учения капитуляция абсолютно необходима, многие гуру прекрасно осознают, что манипулируют людьми с целью подчинения их себе, но считают, что действуют во благо людей. Такой подход оправдывает не только умышленную манипуляцию людьми, но и их заведомый обман, прикрываясь благой целью — избавить людей от сомнений и открыть им дорогу к духовному совершенствованию.

На самой начальной стадии обольщения гуру и его ближайшее окружение делают каждого потенциального ученика центром всеобщего внимания, так что он чувствует себя очень важной персоной. Затем следуют похвалы, награды, обещания неведомых доселе духовных переживаний, предложения дружбы и любви, — короче, полный набор благ. Те, кто знал новообращенного прежде, находят, что он выглядит абсолютно счастливым, что также свидетельствует в пользу правильности сделанного им выбора. Когда этот первый этап пройден, в ход пускается технология дезориентации. Необходимо подорвать доверие человека к себе и лишить его прошлых привязанностей и систем поддержки. Кри-

тическое мышление и опора на предыдущий опыт считаются здесь источником прошлых или настоящих проблем человека¹. Один духовный лидер даже (82:) провозгласил самого себя настоящим отцом своих учеников, назвав биологических родителей «дьявольскими».

Весьма соблазнительно признать капитуляцию единственным правильным путем к достижению духовных вершин. Несогласным и сомневающимся обычно предъявляются два весьма весомых аргумента — возможность «познать Бога» и «выполнить свое кармическое предназначение». Что касается первого, то человек по своей сути не способен ни точно зафиксировать, ни полностью осознать, удалось ли достичь искомого, в результате чего чувствует себя неполноценным. В отношении второго роль гуру заведомо считается главенствующей, что исключает возможность совершить ошибку. Надо лишь следовать его мудрому руководству:

«Забудь, что я твой гуру, а ты мой ученик, ибо это сейчас неважно. Главное препятствие на твоём пути — отсутствие решимости. Пора отбросить в сторону все колебания и обрести мужество полностью отдаться чему-то. Неужели ты думаешь, что можно познать Бога, не посвятив ему всего себя целиком?»

«Может ли слепой судить о том, кто видит, а кто нет? Как может ученик знать, что в сердце у его гуру? Если он открывает свою душу гуру, то этим осуществляет свое кармическое предназначение. И если гуру не оправдывает доверие своих учеников, то это его плохая карма, а не их. Но может ли мудрец рубить сук, на котором сидит?»

В некотором смысле, при передаче ученику знания или мастерства заранее известна их особая цель и предсказуемый конечный результат. Так, например, людям говорят, что посредством особой медитации они могут увидеть некое голубое свечение или перед ними предстанет образ гуру, или произойдут другие необычные, казалось бы, явления. Любое обещание такого рода, по сути, мало что значит, поскольку в человеческом мозгу под воздействием внушения или самовнушения могут рождаться любые образы. Попытки же добиться обещанных высших ступеней трансформации сознания и, возможно, даже «просветления» могут растянуться не только на долгие годы, но и на всю оставшуюся жизнь². (83:)

Как только ученику удастся добиться определенных сдвигов в процессе перерождения, гуру и его окружение начинают всячески поддерживать, укреплять и усиливать веру в конечный успех мероприятия. Уже первое достижение такого рода, например, видение голубоватого свечения, преподносится как значительный шаг на избранном пути. Каждое заранее предсказанное переживание используется в качестве лишнего доказательства истинности учения гуру, что укрепляет его власть и авторитет. В действительности это лишь доказывает, что умело используемые приемы воздействия на человеческую психику, опирающиеся на знание ее свойств, позволяют добиться вполне предсказуемых результатов. В частности, людей приучают смотреть на гуру как на источник новообретенных положительных эмоций и ощущений, а затем, чтобы воспроизвести эти эмоциональные состояния, в сеансах медитации используют изображения гуру.

Сам по себе процесс капитуляции учеников перед Гуру может быть как постепенным, когда по прошествии времени они покоряются ему все больше и больше, так и быстрым, когда происходит фактически мгновенное обращение, сопровождающееся полной и безоговорочной капитуляцией. Такие быстрые и иногда неожиданные обращения к вере могут случаться в любой системе убеждений, хотя чаще их можно наблюдать в религиозных структурах. Всевозможные «видения света» позволяют ученику почувствовать себя свободным от старого багажа, обновленным и даже родившимся заново. Глубокое душевное потрясение, испытываемое в момент обращения, сопровождается, как правило, чувством глубокого облегчения, связанного с освобождением от прежней личности и обретением новой. Вся прошлая жизнь переоценивается с точки зрения нового мировоззрения, безвозвратно вытесняющего старое. Эйфория, порождаемая новым состоянием души, воспринимается как окончательное подтверждение истинности вновь обретенного знания, однако в действительности всякое изменение мировоззрения сопровождается душевным подъемом. А посему обещания гуру, прямые или косвенные, касающиеся удивительных и глубоких душевных ощущений, которые человек сможет пережить при условии подчинения гуру, отнюдь не оказываются пустым звуком. Убедившись в этом на практике, ученики начинают свято верить, что их гуру воистину является «просветленным». (84:)

Многие культы и евангелистские фундаменталистские религии не только применяют обращение, но и используют его в качестве важного свидетельства собственной истинности. Некоторые современные религиозные группы стимулируют обращение на своих «тренингах», доказывая отсутствие

¹ В главе «Атака на разум» описываются некоторые ключевые функции критического мышления и последствия его подрыва. (82:)

² В разделе о буддизме книги «Контроль» показано, что медитационные технологии отнюдь не лишены идеологической подоплеки и вовсе не являются простыми и безобидными, как это кажется на первый взгляд, ибо содержат скрытые авторитарные механизмы, явно способствующие насаждению авторитарного мировоззрения. (83:)

авторитаризма предполагаемым индивидуальным опытом переживания истинности этих вероучений. Однако на самом деле происходит нечто иное. Уже само по себе то, что столь многие группы со столь радикально различающимися вероучениями способны использовать единый прием, означает, что капитуляция перед каким-либо лидером или идеологией может мгновенно вызывать сильные чувства и приводить к полному перерождению личности. Ощущение обновления часто сопровождается полнейшим отказом от прежних моральных установок. Сила переживаний, испытываемых при обращении, заложена в психологическом переходе от запутанности к определенности. Затем возникает потребность поддерживать и защищать новые убеждения, не давая исчезнуть приятному чувству обретенной правоты.

Цена, которую за это приходится платить, — уступка одной из старейших форм авторитарного контроля над сознанием. Ее сила такова, что люди нередко готовы защищать святость авторитета даже ценой своей жизни. В этом случае перерожденный человек в конце концов отгораживается ото всего, что не согласуется с его новым, жестко очерченным мировоззрением. Он способен раскрыться только внутри своей группы, тогда как сама группа закрыта для посторонних. В итоге он чувствует себя комфортно только с теми, кто либо уже находится внутри системы, либо открыт для обращения в ту же веру.

Сохранение превосходства

Капитуляция перед авторитетом является неотъемлемой частью психологической основы авторитарной иерархии. Властные структуры, особенно те, которые претендуют на духовное лидерство, опираются на иерархию ценностей, согласно которой вождь признается наиболее достойным и безупречным из всех людей или вообще существом иного порядка. Далее приоритет отдается прямому наследнику или кругу приближенных. Таким образом, находящиеся на каждом уровне фактически отгорожены ото всех остальных, но (85:) особенно непреодолимая преграда отделяет всю структуру от тех, кто находится вне ее. Таким образом, капитуляция перед лидером (или гуру) означает вынужденную капитуляцию и перед самим авторитарным принципом иерархических взаимоотношений, подразумевающим господство и подчинение³.

Когда новые ощущения становятся привычными, эйфория исчезает, и вновь приходят сомнения. Чтобы не дать ослабнуть чувству преданности, необходима система поддержки, укрепляющая новую человеческую личность. Принцип работы данной системы во многом напоминает пресловутый педагогический прием «кнута и пряника». Чтобы сильнее сплотить группу вокруг себя, сделать ее приоритетной ценностью, гуру постоянно поощряет учеников, внушая им, сколь важно единение. При этом ужесточаются требования к покорности как единственному способу достижения духовного прогресса и обретения свободы от собственного «я». Что же касается «пряника», то его роль играют вождельные эзотерические знания — тот самый ключ от таинственной двери в царство спасения и очищения, который гуру готов передать лишь тем, кого сочтет «созревшим». Ожидание каждой новой «порции» сокровенного (ученики никогда не получают все сразу) удерживает возле гуру поклонников, жаждущих подтверждения своей исключительности. Ведь с каждым шагом они обретают знание, недоступное остальным.

Любой конфликт учеников с гуру трактуется как их отказ склониться перед высшей истиной, как негативное проявление их прежнего «я» или как нежелание порвать со старыми привязанностями. Поскольку вначале подчинение вызывает лишь положительные эмоции, это обстоятельство используется для мощного психологического давления. Ведь если люди начинают ощущать себя более достойными и открытыми, то они ошибочно делают вывод, что все способствующее этому также должно быть истинным и благим. Так «ощущение себя хорошим» и раскрытие границ своей личности ошибочно приравнивается к истине. И наоборот, все, что противоречит установкам гуру, получает клеймо «негативного», и любая информация, не согласующаяся с принятыми убеждениями, отторгается и преследуется. Такой прием успешно противостоит возникновению любых нежелательных эмоций в качестве ответной реакции на то, с чем трудно смириться. (86:)

Люди, власть которых основывается на подчинении окружающих, используют богатый набор приемов, позволяющих им отвергать и подавлять все, что ставит под сомнение или оспаривает их статус, поведение или убеждения. Они высмеивают или пытаются запутать людей, которые задают провокационные вопросы. Их излюбленный прием, простой, но безотказный, сводится к тому, чтобы просто-напросто «отфутболить» спрашивающего, попытавшись продемонстрировать окружающим его глупость или некомпетентность. К примеру, стоит кому-нибудь спросить, почему тот, кто проповедует аскетизм, живет столь расточительно, в ответ он услышит следующее: «Вы просто не понимаете истинной природы аскетизма, которому нет никакого дела до показной роскоши. Аскетизм — это полная свобода от привязанностей и сопоставлений. Неужели вы думаете, что все это имеет для меня ка-

³ См. главу «Притягательность культовой иерархии». (86:)

кое-либо значение? Но поскольку это важно для вас, и вы склонны сравнивать себя с другими, то, следовательно, вы не свободны. А только полностью свободный человек может постичь Вселенную». Такой ответ, как вы понимаете, никак не связан с заданным вопросом, однако в нем содержится намек на то, что, следуя учению гуру, каждый сможет приобщиться к тем же благам.

Еще одна из уловок, весьма эффективных и успешно используемых в обиходе любым гуру, заключается в том, что любые трудности и проблемы объявляются посланными специально для того, чтобы «испытать веру» его сподвижников. Умение с достоинством преодолевать все препятствия свойственно лишь истинно верующим. Чем труднее испытание, тем большее удовлетворение получает его преодолевший. При этом сам гуру подвергается наиболее трудным испытаниям и искушениям, а посему любой его эксцентричный и экстравагантный поступок может быть оправдан. Стоит отказаться от здравого смысла, и логически опровергнуть истинность любого утверждения уже невозможно. Вот почему даже самые высокообразованные интеллектуалы, попав в «сети» идеологии, готовы поверить во все, что угодно, сделать все, что угодно, и оправдать все, что угодно.

Учитывая, что власть гуру зиждется на покорности учеников, неудивительно, что некоторые гуру объявляют проявленные по отношению к ним неповиновение и неуважение самыми серьезными проступками, которые могут наиболее пагубно отразиться на духовном (87:) состоянии слушников, или даже, более того, наполнить тысячи других человеческих жизней болью и страданиями. Такая угроза — весьма эффективное средство добиться требуемой покорности.

Для утверждения своей веры и своего авторитета духовные лидеры всегда прибегали к помощи таинственных и сверхъестественных сил. Даже в наше время находятся люди, готовые поверить в то, что способность совершать какие-либо действия, не поддающиеся простому объяснению и выглядящие как чудо, доступна только тому, кто имеет доступ к истинному, высшему знанию. Если бы кто-то вдруг пролетел над землей, как птица, то многие люди отнеслись бы к рассказам того, кто это видел (или кому показалось, что он видел) вполне серьезно.

Издавна было известно о существовании людей, обладавших особой божественной силой. Они пользовались славой целителей, умели передавать энергию на расстоянии, владели магией и даром материализации объектов. Один гуру утверждал, что может научить людей становиться невидимыми и левитировать. Глядя на подобные явления, невольно задаешься вопросом — что же в действительности при этом происходит? Является ли все это просто хитроумным трюком или же демонстрацией реальных, пока необъяснимых, потенциальных способностей человека? Где кроется источник энергии, исходящей от гуру, — в нем самом или же в его аудитории, обладающей повышенной восприимчивостью, которой он успешно манипулирует? И что представляет собой та энергия или сила, с помощью которой творятся подобные чудеса, — действительно ли она признак духовности? Или же это нечто похожее на тот экстаз, в который впадают юные поклонницы рок-звезд, падающие в обморок при появлении своих кумиров? Иными словами, всегда ли особые способности являются признаком особой мудрости?

Все это, безусловно, представляет большой интерес, однако в контексте наших рассуждений куда важнее выяснить не природу сверхъестественных явлений, а то, для чего их обычно используют. Можно бесконечно спорить о реальности магических действий, а вот цель их демонстраторов вполне ясна и заключается, прежде всего, в желании добиться превосходства над толпой, укрепить в ней веру в свою связь с могущественными потусторонними силами и заставить окружающих трепетать и преклоняться. И если авторитет устанавливается с помощью подобной магии, то можно с уверенностью (88:) утверждать, что безотказно сработал древнейший способ установления авторитарного контроля над человеческим разумом.

Но какие бы силы не пускались в ход с целью дискредитировать здравый смысл и заставить людей слепо следовать за лидером, к мудрости все это не имеет никакого отношения. Утверждение, что мудрость подтверждается магическими способностями, оспаривается даже традиционными восточными мыслителями. Считается, что любой, кто попытается использовать сверхъестественные силы или сам окажется в их власти, подвергается величайшей опасности, которая только может подстергать человека на духовном пути. Обычно к чудесам прибегают для того, чтобы произвести впечатление. Но что для нас действительно является тайной, это то, почему люди демонстрируют свои необычные способности столь неуместным или даже тривиальным образом. Конечно, целительство, что ни говори, вещь хорошая, однако этот дар не обладает тем масштабным планетарным воздействием, которого можно было бы ожидать от объявляющего себя избранником Божьим. Впрочем, мир, находящийся на грани саморазрушения, ради своего спасения может использовать все, что ему предлагают. Но все же те, кто готов прибегнуть к любым экстраординарным средствам, лишь бы заставить других ему поклоняться, вызывают подозрения⁴.

⁴ См. главу «О связи с бесплотными авторитетами». В главе о магии книги «Контроль» также исследуется эта проблема. (89:)

Гуру обычно трактуют свою исключительность как итог целой серии очищений, через которые они прошли в течение прежних жизней. Негласно считается, что человек не может достичь просветления за одну жизнь, как бы не старался. Ведь намного легче заставить человека покориться некому воплощению Совершенства, нежели себе подобному. Вот почему гуру всегда заботятся о том, чтобы по отношению к ним применялись эпитеты, обычно используемые, когда речь идет о божестве, — всемогущий, всеумудрый, всеблагий и т.п. Ну и конечно же, все они заявляют, что могут показать людям путь к спасению, просветлению, блаженству, самопознанию, бессмертию, покою, победе над страданиями и познанию самого Бога. Путь этот весьма труден, однако цель в высшей степени привлекательна. Вступившего на него вдохновляет и укрепляет обещанная гуру безграничная любовь. Впрочем, совершенно неважно, какого рода эмоциональная связь при этом устанавливается, — главное, что (89:) она обусловлена капитуляцией и послушанием. Гуру умело насаждает те идеалы, которые укладываются в концептуальные представления его последователей о духовности и чистоте, не забывая при этом отметить ту мудрость, которую они проявили, всецело ему доверившись. Фактически, каждый слышит то, что хочет услышать.

Главный обман, на котором основаны почти все уловки, сводится к утверждению, что гуру вообще не имеют корыстных интересов. Традиционное понимание «просветленности» позволяет обману править свободно, поскольку гуру причисляют к категории «находящихся за пределами знаний и суждений других». Поэтому гуру удается логически обосновывать любое свое противоречивое поведение. Помимо этого, учеников весьма привлекает несложная мысль о том, что, достигнув просветления, можно делать все что угодно, и они тайно надеются на то, что, благодаря самопожертвованию, придут именно к этому. Такая психология позволяет успешно процветать мировоззрению Единства, основанного на целостности всего сущего как конечной реальности. В свете подобных представлений любое обособление или индивидуализация считаются либо абсолютно иллюзорными или, в лучшем случае, менее реальными, чем единение. В системе ценностей этого мировоззрения гуру представляет собой центральную фигуру — некое реальное, не имеющее «эго», воплощение такого Единства. Таким образом, концепции Единства и просветления, создавая замкнутую систему, работают в тандеме, где одно подтверждает другое: идеология Единства утверждает существование некоторого числа просветленных, которые, в свою очередь, удостоверяют истинность идеологии Единства.

Избранные должны свято верить не только в возможность будущего просветления, но и в праведность всего учения в целом. Знание того, чего другие люди не знают, но очень хотят узнать, автоматически определяет господство гуру. Люди, не верящие себе, ищут того, кому бы они могли полностью довериться. В результате власть захватывают те, кто выдвигает идею, четко выражающую то, что все хотят услышать. Кроме того, чтобы собрать последователей, необходимо уметь управлять человеческими притязаниями и заблуждениями и пообещать осуществление всех их желаний. Убежденность, в сочетании с традиционной схемой Единства, позволяет гуру относительно легко сохранять неприступные позиции. К тому же, использование словесных формул, проистекающих из идеологии (90:) Единства, например: «Мы все едины» или «Все совершенно», не представляет особой сложности и к тому же позволяет отклонить любые претензии или сомнения. Поэтому любой считающийся непререкаемым лидер с легкостью может прибегнуть к простой старой уловке — заявить, что в своих бедах каждый виноват сам⁵.

Еще одной уловкой, непременно используемой в рамках идеологии Единства, является придание отрешенности от всего мирского статуса величайшей ценности. Проще говоря, всякая привязанность к индивидуальному, к тому, что выпадает из общей концепции Единого как некой объективной реальности, является проявлением субъективизма, а значит, препятствует достижению просветления. Эта концепция побуждает людей отдавать все, чем они владеют, в том числе и самих себя, своему духовному учителю, поскольку, любые привязанности внутри материального мира препятствуют достижению просветленности. Проповедь отречения и самопожертвования авторитарна по определению — ведь именно авторитет диктует, от чего следует отречься. Если человек проникается вышеизложенной идеологией, то отречение от имущества, связей и даже от самого себя может вначале улучшить его самочувствие, потому что со всем этим часто связаны весьма болезненные проблемы⁶.

В основе авторитарного контроля заложен неосознанный принцип, согласно которому принятие новых убеждений способно сгладить существующие противоречия⁷. Мы считаем, что любое немед-

⁵ В главе «Единство, просветление и опыт мистического переживания» обсуждается вопрос, касающийся функции просветления, и то, почему ошибочно пытаться решать конкретные жизненные проблемы в рамках парадигмы Единства, не используя в равной степени подход, связанный с понятием разнообразия.

⁶ В главе «Буддизм и злоупотребления отрешенностью» книги «Контроль» содержится подробный анализ проблем, связанных с культивированием отрешенности.

⁷ В главе «Кто контролирует ситуацию» подробно говорится о различных аспектах действия этого принципа, по большей степени неосознанного. (91:)

ленное решение проблем, порожденных авторитарным контролем, приводит к тому, что они перерастают в проблемы завтрашнего дня. (91:)

Атака на разум

Чтобы поддерживать контроль над сознанием, необходимо подорвать доверие человека к себе. Для этого все, что способствует формированию и укреплению веры человека в собственные силы, вероломным образом разрушается. Вера в себя базируется на использовании в качестве обратной связи личного, непосредственного жизненного опыта, а также на формировании ментальных и перцепционных инструментов и схем для обработки, интеграции и оценки связи человека с внешним и с внутренними миром.

Обычно предполагается, что природа духовности не только в корне отлична от повседневной жизни, но и что это вообще вещи несопоставимые. Из этого делается вывод, что способы определения истинности или осмысленности утверждений, проистекающих из жизненного опыта, неприменимы к так называемым высшим истинам, носителями которых служат гуру и религия. Это многовековое деление на духовное и мирское глубоко проникло во все сферы цивилизации. Мы считаем такой раскол трагедией, приводящей к широко распространенному у современных людей распаду психики. Внутренняя битва между предположительно высшей и низшей (хорошей и дурной) частями человеческого «я» часто приводит к психологическим конфликтам, поскольку люди утрачивают способность воспринимать себя как целостное человеческое существо¹.

Мы никоим образом не отрицаем самой возможности трансцендентного опыта, недоступного восприятию разумом, и его (92:) важности. В действительности любой опыт по своей природе не вмещается в рамки тех понятий, с помощью которых люди пытаются его описать. Ведь невозможно с точностью передать ни смысл красного цвета, ни сущность того, что такое любовь. Верно также и то, что разум имеет пределы. Но несправедливо делать из этого вывод, что разум бесполезен или даже вреден, когда требуется свести все эти опыты воедино и извлечь из них общую сущность. Разум и здравый смысл можно назвать полезными инструментами, совершенно необходимыми при анализе и классификации явлений, и отвергать их чрезвычайно рискованно.

Восточный взгляд на просветление как на что-то лежащее за пределами разума, позволяет гуру отрицать разум². Уже одно это делает гуру неподвластным никакой внешней оценке, что весьма опасно, ибо автоматически освобождает его от ответственности за какое бы то ни было поведение. На любые претензии гуру может с легкостью ответить: «Поскольку вы не обладаете просветленностью, вам просто не дано понять то, что я делаю». Если соглашаться с таким подходом, всякое несоответствие между идеалами и реальными делами становится вполне допустимым. Гуру может отразить любую претензию или критику, сказав: «Это твоя проблема, и тебе мешает твое эго». У самого гуру, конечно же, вообще нет «эго». Расхожие фразы, используемые в качестве барьеров, ограждающих от всего, что подрывает духовный авторитет, звучат примерно так: «Это всего лишь ненужное умствование» (или аналитичность, рациональность, психологизм); «Это сопротивляется твое эго»; «Ты руководствуешься умом, а не сердцем»; «Это низменные соображения из материального мира» и т.п.³

Как только способность критиковать «обезврежена», последователи начинают воспринимать самые причудливые и несообразные поступки гуру как должное. Гуру проповедуют Единство бытия, изолируя в то же время себя от всех тех, кто с ними не согласен. Они проповедуют аскетизм, а живут в роскоши. Они проповедуют равенство, а требуют поклонения от своих последователей, которые, следуя примеру своего идола, пытаются ставить себя выше тех, кого считают менее духовными. Все, что бы ни делал гуру, может рассматриваться в качестве испытания веры и преданности. (93:)

Гуру отрицают разум как путь к пониманию. Когда они пускаются в дискурсивные изыскания, то часто особую ценность придают парадоксу. Парадокс является легким способом манипулирования сознанием. Неважно, какое положение ты занимаешь, тебе все равно дают понять, что гуру знает то, что неведомо тебе. Парадокс обычно завершается сдвигом уровней абстракции. В эзотерической «духовности» это представляет собой сдвиг из сферы индивидуализированного существования к абстрактному уровню абсолютного Единства. Например, когда рассматриваешь бытие как нечто состоящее из отдельных сущностей, то отдельные люди закономерно представляются вместилищем страдания. Концепция Единства разделяется с индивидуумами. Путем комбинирования различных уровней и игнорирования того, что они различны, могут быть сделаны парадоксальные утверждения типа: «Страдание существует, однако никто не страдает» и «Все несовершенства совершенны». Изменяя таким образом контекст, можно почти все обратить в парадокс, служащий намеком на особую мудрость. Парадокс может также использоваться для оправдания какого угодно поведения, в том по-

¹ О внутренней борьбе см. главу «Кто контролирует ситуацию». (92:)

² См. главу «Единство, просветление и опыт мистического переживания».

³ См. главу «Уловки гуру». (93:)

нимании, что гуру говорят о существовании в нем якобы скрытого смысла, являющегося частью парадоксальной природы вещей, и понятного, конечно же, только им⁴.

В некоторых кругах стало модным порочить разум и превозносить чувства и интуицию, пытаюсь с их помощью превозмочь сухость механистичной науки и линейного мышления. Но апелляция к чувствам или интуиции без разума свидетельствует о подходе столь же одностороннем и ограниченном, как и при использовании одного лишь разума. Ибо как ум бесплоден без сердца, так и сердце черство или хаотично без ума. Жить творчески — это искусство объединять чувство и понимание. Без разума легко стать «истинным верующим», принимающим те убеждения, которые порождают желаемые эмоции. Здесь если и используется мысль, то лишь для того, чтобы защитить убеждения путем сооружения неуязвимой, закрытой системы, непроницаемой для логики, неподобающих опытов и попыток прояснить противоречия. (94:)

Разумность подразумевает способность реагировать на информацию — как внутреннюю, так и внешнюю — путем адекватных изменений. Вмешательство в этот процесс является одним из самых коварных и часто применяемых авторитарных приемов — отрицается или подвергается резким нападкам собственный житейский опыт последователей, а также их аналитические способности. Это позволяет лидеру манипулировать даже высокообразованными людьми, особенно если их образованность не принесла им удовлетворения.

Наличие разума еще не гарантирует мудрости. Однако он является инструментом для обобщения опыта, из которого рождается вера человека в себя, а это не менее важно, чем мудрость. Когда же на критический разум навешивается ярлык бездуховности или когда его называют препятствием к постижению высшей истины, то создается впечатление, что нет другого пути, кроме как принять точку зрения или идеологию некоего высшего авторитета.

Стадии культов: Обращение в паранойю

Большинство культов в своем развитии неминуемо проходят две хорошо различимые стадии, что свидетельствует о том, что это расчленение определяется механизмами функционирования любых авторитарных структур, а не учением конкретного гуру. Похожесть этих стадий у различных групп демонстрирует также, что лидер любого культа вступает на определенный путь, свернуть с которого крайне трудно, а скорее всего — просто невозможно.

Мессианское обращение

Все культы, в сущности, выполняют одну и ту же миссию, хотя каждый заявляет о своей исключительности. И лидер, и члены группы утверждают, что находятся на пике осознания истины, духовности, эволюции — чего угодно. Подразумевается, что они являются предвестниками Нового века, который оздоровит жизнь и разрешит все мировые проблемы. Пока какое-либо движение набирает силу и число его приверженцев растет, растет и вера в конечную цель и идеалы учения, при этом лидер излучает оптимизм и удовлетворенность, а лица участников группы светятся счастьем. По отношению ко всем остальным они испытывают и демонстрируют чувство превосходства, выражая уверенность, что только присоединившиеся к их движению смогут, когда настанет время, увидеть свет. (96:)

Эту первую стадию можно назвать мессианской, поскольку проповедники учения, как правило, заявляют, что все труды организации, включая труды гуру, направлены к высшей цели, выходящей далеко за пределы группы, и эта цель — спасение человечества. Во время первой фазы, гуру уверен, что в конце концов его признают одним из тех, кто выведет мир из тьмы. Основная задача в это время — вовлечение в свои ряды все новых и новых обращенных. Паства растет, а с ней растет и власть гуру, и потоки изливаемой на него лести. Все это укрепляет уверенность гуру в том, что ему суждено стать признанным глашатаем нового порядка, и делает его счастливым и относительно милостивым ко всем, кто ему подчинился.

До тех пор, пока гуру все еще видит возможность реализации своих амбиций, он поддерживает власть, поощряя энтузиазм учеников похвалами и наградами, к числу которых относится и положение в иерархии. Пробуждая в своих адептах острое желание достичь духовного совершенства, гуру легко манипулирует ими, используя в качестве приманки обещания, что благодаря ему все непременно осуществится — возможно, даже в этой жизни. Атмосфера, царящая внутри группы, отражает настроение учителя — все предельно дружелюбно, участливо и активно помогают друг другу, испытывая чувство взаимной близости и единения. Все кажется совершенным, каждый уверенно продвигается по своему духовному пути. Гуру относительно доступен, очарователен, даже забавен. Все мечты представляются реальными — даже самые невероятные и, казалось бы, неосуществимые

⁴ Подробнее см. «Односторонность понятия единства» в главе «Единство, просветление...». Природа «духовного парадокса» обсуждается в конце главы «Власть абстракций». Об авторитарном использовании парадокса можно прочитать в книге «Контроль» (раздел о буддизме). (94:)

Если ряды общины растут, новообращенные восторженны и энергичны, а внимание публики и прессы возбуждено, — следовательно, культ является жизнеспособным и процветающим. Подтверждением тому, что культы являются источником истинной духовности на планете, должен служить непрекращающийся приток новых и потенциальных членов. Прозелитов привлекает соблазнительная возможность творить добро и вера в то, что лучше делать это вместе с единоверцами. Ощущение себя в авангарде питает чувство морального превосходства над окружающими и эмоционально отсекает своих от чужих, что еще глубже связывает членов общины друг с другом. Такая обособленность культовых общин от внешнего мира превращает их, по сути, в закрытые системы, куда можно попасть только через новообращение. В конце концов, (97:) новообращенные — это приток как свежих духовных сил, так и материальных ресурсов.

Все наиболее известные культовые организации действуют сходным образом — они стараются, чтобы их активность по вербовке новых сторонников не слишком бросалась в глаза. Само новообращение обычно проводится под знаком оказания помощи или благодеяния. Членам общины внушается, что поскольку сами они находятся на вершине эволюции, забота о других — их святая обязанность. Миссионеры уговаривают потенциальных новобранцев посетить вместе с ними показательные собрания общины, где также проповедаются соответствующие идеи. При этом с гостями обращаются с подчеркнутым и весьма лестным вниманием, всячески поощряя их интерес, а затем их обычно заставляют «делиться своими переживаниями» с другими.

Такой «обмен опытом», будучи более завуалированным способом обращения, весьма эффективен, поскольку позволяет привлечь в группу большее число новичков. Менее очевидно, но не менее важно другое: чем активнее новые или потенциальные члены делятся своими переживаниями, с посторонними, пытаясь объяснить, в чем состоит привлекательность их группы, и защитить ее, тем сильнее они сами отождествляют себя с группой. Новообращенные, как правило, обладают большим энтузиазмом, но часто еще недостаточно привязаны к группе эмоционально. В этой ситуации само их участие в процедуре вербовки является своеобразной разновидностью «посвящения» в полноценные члены общины.

Приемы, используемые приверженцами культа для привлечения свежих сил, весьма напоминают флирт и любовное обольщение. Группа изливает на потенциальных новых членов огромное количество сфокусированной энергии и внимания, пока они не покорятся ее авторитету, за которым, разумеется, стоит авторитет гуру и система его убеждений. Когда вербуемый наконец капитулирует, все начинают поздравлять его с этим радостным событием. Все это слегка напоминает свадьбу и медовый месяц, который длится до тех пор, пока группа не переключается на что-либо другое. (То же самое и в романтической любви — после завоевания объекта желания интерес обольстителя к нему угасает.) По завершении стадии «медового месяца» новообращенных ждет новая роль — из обольщаемых они должны превратиться в обольстителей. (98:)

Незаметно коварные приемы обольщения, завоевания и подчинения, используемые для привлечения неопитов, все глубже затягивают и самих вербовщиков. Чем более сильными они ощущают себя во взаимодействии с чужими, представляя перед ними в роли обладателей тайного знания, тем больше они верят в собственную избранность. Чем больше они преуспевают в пробуждении у слушателя любопытства и желания приобщиться к новой вере, тем больше обретают уверенность в себе. Эти чувства усиливают их убежденность, что они находятся на правильном пути. Обретенный неиссякаемый источник положительных чувственно-эмоциональных ощущений используется в качестве доказательства того, что они действительно нашли истину.

Власть имущие и верующие несомненно чувствуют себя лучше, чем слабые и лишенные моральной опоры. К сожалению, стремление к душевному комфорту слишком часто ведет к самообману. Сама по себе убежденность уже дает человеку преимущество перед сомневающимся, а чем глубже эта убежденность, тем более сильным он себя ощущает. Это, безусловно, привлекает окружающих, что, в свою очередь, усиливает его убежденность, — так возникает характерный замкнутый круг. Отказаться от убеждений, которые способствуют усилению власти, чрезвычайно трудно. Для того чтобы успешно торговать чем-либо, очень важно верить в то, что ты торгуешь чем-то действительно стоящим, а поверить в это гораздо легче, если ты заинтересован в успешности сделки.

Апокалиптическая паранойя

Неизбежно приходит время, когда популярность и власть группы достигают своего апогея, а затем постепенно начинают убывать. В конце концов становится очевидным, что гуру вовсе и не собирается принимать на себя руководство миром, по крайней мере в ближайшем будущем. Когда приходит осознание того прискорбного факта, что человечество слишком глупо и слепо, чтобы оказаться способным признать высший авторитет и мудрость гуру, наступает апокалиптическая фаза, и праздник кончается.

Затем события обычно начинают развиваться по одному из двух сценариев. В соответствии с первым, проповедь гуру становится все более пессимистической, в ней начинают звучать апокалиптические (99:) нотки, например: «Скоро цивилизация начнет рушиться, ее ждут страшные бедствия, и только мы сможем их избежать, если сумеем отстраниться ото всего происходящего, дабы защитить себя и сохранить свою чистоту. Наша группа выживет, подобно лучу света во тьме; а когда катастрофа минует, мы возглавим Новый век».

Другой вариант таков: для привлечения еще большего числа людей гуру делает эксцентричные заявления — например, о подвластности ему оккультных сил — и дает все более и более невероятные обещания — вроде скорого просветления или даже осуществления мирских желаний, касающихся богатства, любви и власти. Один гуру, как мы уже отмечали, зашел так далеко, что обещал обучить приемам левитации и тому, как стать невидимым. А лидер другой группы заявлял, что посредством соответствующего ежедневного песнопения можно добиться выполнения любого желания и получить все, что заблагорассудится. Такое потакание алчности оправдывалось утверждением, что осуществление всех желаний — это самый быстрый путь к отказу от них. На деле ни одна из этих стратегий — ни предсказания грядущих бедствий, ни обещания невероятных благ — не оказывается в конечном итоге достаточно действенной, поскольку большинство людей предпочли бы настроиться на оптимистическую точку зрения, а неистовые заявления их просто ошеломляют.

При переходе к апокалиптической стадии политика милостивого превосходства по отношению к посторонним, характерная для предыдущей фазы мессианского обращения, принципиально меняется. Теперь внешний мир — это главный объект, который должен пострадать от апокалиптической катастрофы, а потому всякое общение с теми, кто еще не ступил на путь очищения, считается опасным. Кардинальный переход от идеи спасения мира к идее его неизбежной гибели на самом деле направлен на выживание и защиту группы. Любой отступник несет в себе угрозу ее сплоченности и жизнеспособности. Впрочем, растущее недоверие к внешнему миру нельзя назвать абсолютно параноидальным — оно в какой-то мере оправдано, поскольку по мере того, как группа становится более закрытой и эксцентричной, окружающие начинают реагировать на нее более негативно. При этом внутри культовой структуры ее члены начинают под руководством гуру заниматься уже не деятельностью, связанной с духовным очищением, а отвлеченным тяжким физическим трудом, (100:) боевыми единоборствами, военной подготовкой и даже строительством бомбоубежищ, что объясняется как необходимая временная мера для сохранения внутренней «просвещенности» от посягательств погрязшего в смертных грехах мира. Таким образом, от привлечения новых членов группа переходит к самообороне. Страх за будущее становится важнейшим механизмом обеспечения власти гуру и целостности группы.

Неудивительно, что с переходом от оптимистической экспансии к параноидальному апокалиптическому образу мышления в группе начинается разброд и шатание, наименее истовые приверженцы уходят, а у остальных начинают закрадываться сомнения в могуществе и мудрости учителя. В попытках противостоять распаду группа становится более воинственной, и требования к повинению возрастают. Но даже когда культ переживает не лучшие времена, происходит некоторая вербовка новых членов, призванная восполнить потери. Однако теперь, во времена упадка, «продать» себя гораздо труднее — культ уже не выглядит столь привлекательным или исключительным. Однако наиболее стойкие «его приверженцы все еще ухитряются чувствовать себя избранными, поскольку убеждены, что именно им суждено выжить».

Таким образом, на данной стадии развития культа и гуру, и его последователи становятся замкнутыми, сосредоточенными на своей внутренней жизни, изолированным от окружающего мира. Внешние завоевания сменяются междоусобными перебранками и борьбой за власть. Когда гуру осознает, что большинство членов группы не намерены больше признавать его, он часть пытается компенсировать утраты (если только может себе это позволить) строительством монументальных сооружений, символизирующих его величие. Обычно это памятники или храмы, здания, образцовые общины и учебные центры. Праздник окончен. Теперь обещанные воздаяния откладываются надолго, быть может, в будущей жизни, и заслужить награду можно только упорной работой. Это не только поддерживает активность учеников и не позволяет сбить их с толку, но и просто жизненно необходимо, поскольку поступление средств, довольно обильное в период экспансии, почти прекращается. Поэтому и назначение активно рекламируемых грандиозных строительных проектов в существенной степени сводится к росту земельной собственности лидера (общины или ашрама) или пополнению его казны. (101:)

Если потребности гуру во власти не удовлетворяются экспансией, то обычно он компенсирует это, добываясь от своих адептов большего низкопоклонства и усиливая контроль и дисциплину путем жестких предписаний, диктующих, как им следует вести себя в повседневной жизни. Нуждаясь теперь, более чем когда-либо, в том, чтобы оставаться для учеников главной эмоциональной привязан-

ностью, гуру устраняет все, что этому мешает¹. И хотя, казалось бы, тесная связь с учениками необходима гуру как никогда раньше, он не только не старается сблизиться с ними, а наоборот, еще более отдаляется и обособляется от них, так что даже свои распоряжения теперь он спускает по иерархической лестнице. Все чаще от него исходят утонченно-хитроумные и откровенно прямые предупреждения и угрозы по поводу пагубных последствий неповиновения ему и доверия к чужим. Все чаще можно услышать: «Отказываясь подчиняться гуру, ты обрекаешь на страдания бесчисленное число жизней»; «Как ты можешь рассчитывать на просветление или спасение, если ты непослушен и мало работаешь?»; «Ты не должен осквернять себя общением с теми, кто духовно не развит» и т.д.

Хотя гуру по-прежнему призывает к единению всех людей, на деле он все сильнее изолируется от окружающих. Его проповеди — проповеди о любви, но он очень мало заботится о своих подопечных: они стали всего лишь инструментами для его амбиций. Все провалы своих мессианских устремлений и все неудачи гуру (сознательно или подсознательно) списывает на свое окружение. По мере того, как изоляция группы увеличивается, та же паранойя распространяется и на чужих, что в конце концов может послужить импульсом к насилию. Отколовшимся от группы, часто угрожают, их жестоко наказывают, а иногда и убивают. Эта стадия обычно завершается крупным скандалом или трагедией.

Авторитарные структуры, где власть лидера практически безгранична, формируют собственное представление о чувстве долга и единении, когда между своими и чужими возводятся громадные преграды². И пока холод отчуждения не вытеснил чувство единения, этот путь весьма эффективен для достижения поставленной цели. (102:)

Однако возведение этих жестких барьеров не укрепляет культы, а напротив, делает их весьма уязвимыми, поскольку их отношения с окружающим могут развиваться двояко: либо по пути прозелитизма, либо скатываясь к паранойе. Потенциал для насилия и злоупотребления в авторитарном культе всегда налицо, и не только потому, что любое слово лидера является законом, но также и потому, что все посторонние причисляются к категории «чужаков», что во все времена служило оправданием насилию³. (103:)

Притягательность культовой иерархии

Если кто бы то ни было признается образчиком всеведения и совершенства, то иерархические отношения в такой ситуации зарождаются автоматически. Структура такой организации всегда пирамидальна: лидер, разумеется, находится на вершине, далее следует тесный круг приближенных — несколько избранных, которые в отсутствие гуру исполняют его функции, затем идет «администрация», и так далее, а у самого основания оказываются новообращенные. Вся структура подразумевает проявление власти вышестоящих над нижестоящими, и даже «новообращенные» чувствуют свое преимущество перед теми, у кого не хватило ума стать членами организации. Иерархия является способом организации власти, и она же задает цели и смысл всей деятельности организации, а также служит средством удовлетворения возникающих потребностей.

В связи с этим весьма заманчиво обвинить иерархию как социальную структуру во всех смертных грехах, порождающих мировые проблемы и несправедливости, поскольку иерархия всегда использовалась для поддержания власти и существующих привилегий. Однако разумнее было бы не торопиться с подобными выводами. Ведь роль иерархии как уникального социального инструмента контроля и управления трудно переоценить. Обладая высокими организаторскими возможностями, столь необходимыми для многочисленных общественных структур, иерархии легко (104:) адаптируемы и весьма перспективны в плане развития общества, а потому, раз возникнув, становятся неизменной составляющей общественной культуры.

¹ О том, как это делается, см. «Гуру и сексуальные манипуляции».

² Мы называем «культом» такие структуры, где власть лидера несомненна и он считается непогрешимым. Термин «гуру» мы используем в отношении любого такого лидера. Подробнее об этом см. «Религии, культы и духовный вакуум». (102:)

³ См. главу «Джим Джонс и массовое самоубийство в Джонстауне». (103:)

Хотя все развитие человечества неразрывно связано с иерархией, из этого вовсе не следует, что все иерархические структуры обязательно авторитарны и что в них заложена несправедливость¹. Но поскольку авторитаризм по своей природе действительно всегда иерархичен, то проще всего предположить, что верно и обратное, а именно, что иерархия непременно авторитарна. Такое предположение может казаться обоснованным по той причине, что авторитарная иерархия действительно была и все еще продолжает оставаться наиболее распространенным на планете способом организации общества. Авторитарные иерархии поддерживаются авторитарным мировоззрением и моралью. Что бы там ни говорили, но главная цель авторитарной иерархии — существовать вечно, а это неизбежно развращает.

Простейший способ достичь какой-либо определенной цели — это встроиться в иерархию и действовать по правилам, в ней существующим, — тогда безопасность будет гарантирована. Ключевыми пунктами этих правил являются безоговорочная капитуляция перед авторитетом лидера и привязанность, доходящая до полнейшей зависимости, к существующей иерархической структуре. В этом случае любое продвижение вверх по ступеням ее лестницы всякий раз гарантирует расширение границ личной власти и уважение. Религиозные структуры часто выдвигают идею (иногда в завуалированном виде) о том, что положение в иерархии соответствует уровню достигнутого духовного прогресса. В случае гуру мерилом служит степень покорности учеников, их повинения и готовности к самопожертвованию. Таким образом, глубокая преданность гуру — это не только быстрый путь к духовному совершенству, но также и необходимое условие для продвижения по иерархической лестнице.

Иерархическая структура организации способствует развитию у ее членов неуклонного стремления к психологическому прогрессу, которое должно сочетаться со способностью к самоанализу и самооценке. На каком бы уровне иерархии ты не находился, ты выше тех, кто его еще не достиг. Такая постановка вопроса приучает людей (105:) постоянно совершенствоваться, чтобы продвигаться к достижению поставленной перед ними высшей цели. Необходимость постоянно подтверждать факт собственного соответствия занимаемому положению обычно объясняется тем, что, в соответствии с навязанной обществу авторитарной моралью, у каждого человека есть свой внутренний судья, непрерывно оценивающий все его поступки². Поэтому люди отправляются на поиски внешнего авторитета, у которого они могли бы получить психологическую поддержку или благословение. Поскольку духовные иерархии построены на принципе продвижения вверх по мере духовного роста, они тем самым предлагают наиболее краткий путь к обретению душевного равновесия. При этом гуру дает понять, что стоит приложить усилия — и можно подняться еще выше, на следующую ступень духовной лестницы. Это порождает и усиливает духовную жажду — чувство, от которого, раз его познав, нелегко отказаться. Духовная жажда, почитание учителя и постепенное, шаг за шагом, продвижение к идеалу являются взаимосвязанными составляющими психологии, лежащей в основе духовной иерархии.

Наблюдая таким авторитарным группам извне представляется, что их члены отказываются от своих прав в пользу лидера. Но большинство учеников при вступлении в группу обладали не столь большими личными правами, чтобы имело смысл стремиться их сохранить. Собственно говоря, они, по сути, жертвовали лишь возможностью самостоятельно выбирать свой жизненный путь. Но поскольку выбор, который они сделали тогда, когда еще обладали свободой самоопределения, не принес многим желаемого результата, то отказ от этой свободы поначалу не воспринимается как большая потеря.

Во времена кризисов или глобальных перемен люди особенно нуждаются в харизматических лидерах. Членами организаций, возглавляемых такими лидерами, обычно становятся те, кто мучается вопросами о смысле жизни, о человеческом родстве, страдают от отсутствия положительных эмоций. Для них присоединение к авторитарной структуре позволяет обрести не только уверенность и спокойствие, но и реальные цели, наполненные высоким смыслом. Им кажется, что их собственные возможности возросли по сравнению с (106:) тем, что было раньше, хотя, казалось бы, отказываясь от своих малых личных прав, они в действительности обменивают их на то, чтобы паразитировать на власти и правах гуру. Временами люди, уже обладающие некоторой властью, оставляют прежнюю жизнь, чтобы стать учениками гуру, поскольку их предыдущие успехи не могли их полностью удовлетворить. Интересно отметить, что эти люди обычно вскоре оказываются в числе приближенных учителя. Чем более высокое положение в организации занимает конкретный человек, тем больше личной власти и даже просто средств к существованию он получает. Это обстоятельство, надо сказать, весьма мешает удерживаться от осуждения несправедливости, алчности или извращенности поведения гуру или организации в целом.

¹ О существовании неавторитарных иерархий говорится в главе «Авторитет, иерархия и власть». (105:)

² О том, что стимулирует самосовершенствование, см. главу «Кто контролирует ситуацию». (106:)

Как правило, гуру извещает мир о том, что он находится на вершине эволюционного развития (или достиг еще каких-либо высот) и что любой, последовавший за ним, может оказаться на гребне волны истории. Любая претензия на исключительность неизбежно чревата соперничеством. Для сохранения жизнеспособности каждая группа должна верить в свое превосходство и отстаивать свое положение лучшей в достижении каких-либо высоких целей³.

Людам не нужен второсортный гуру; они хотят такого, который кажется им самым лучшим. В мире гуру все измеряется степенью чистоты и непорочности, и в соответствии с этим мериллом каждый Гуру должен отвечать высочайшим стандартам. Понятно, что в этой атмосфере легко расцветают ложь и подхалимство. Дабы соответствовать культивируемым образцам непорочности, гуру вынужден играть роль всемогущего, всесвятейшего, наичестнейшего, самого просветленного, самого любящего, самого мудрого обладателя самых глубоких истин; в противном случае люди пошли бы за тем, кто соответствует их идеалу. Вследствие этого, гуру, как правило, не может позволить себе действительную близость с кем бы то ни было, поскольку близкие отношения между взрослыми людьми обычно базируются на равенстве. Все его взаимоотношения с окружающими должны быть иерархическими, так как именно они являются фундаментом его притягательности и власти.

На первый взгляд кажется парадоксальным, насколько глубоко вся профессиональная деятельность гуру пронизана духом (107:) соперничества, поскольку публично оно всячески порицается. Мы не осуждаем гуру за его склонность к соперничеству, как и само соперничество. Скорее, мы критически настроены по отношению к заявлениям гуру, что конкуренция им не грозит. Поскольку гуру желают оставаться на самом вершине иерархической пирамиды, они должны выдерживать конкуренцию и одерживать победу над любыми происками недоброжелателей. Представляя себя неподвластным конкуренции, гуру провозглашают систему ценностей, которая не приемлет соперничества. Любого своего соперника они провозглашают порочным. Это один из способов, к помощи которого гуру прибегают, чтобы победить в конкурентной борьбе и сохранить свое положение, не показывая при этом, что они вообще могут снизойти до соперничества с кем-либо⁴.

Здесь, как и во всякой другой сфере деятельности, в конкурентной борьбе побеждает тот, кто выступает на своем поприще наилучшим образом. Победители чаще всего являются харизматическими лидерами, мастерски манипулирующими своим имиджем. Такие манипуляции — игра, с помощью которой завоевывается внимание общественности. Приемы, используемые и в целях рекламы, и для привлечения новых сторонников, скроены по единому образцу. Огромное внимание, уделяемое внешнему виду, в большей степени ограничивается заботой об упаковке, нежели о том, что в ней находится. Сосредоточенность гуру на имидже, в сущности, свидетельствует о его поверхностности; степень духовности учителя обычно обратно пропорциональна его великолепию — количеству костюмов, титулов и священных атрибутов.

Предполагается, что любой, кто находится на той или иной ступени так называемой духовной иерархии, должен играть соответствующую своему положению роль и обладать определенным имиджем. Это особенно верно в отношении гуру, который не только диктует, как должны выглядеть его подчиненные, но и сам обязан соответствовать тому образу, который может удовлетворить его учеников. Поскольку роли столь четко определены, «актеры» в некоторой степени взаимозаменяемы. Иерархии обычно оперируют шаблонами, отвечающими конкретным рангам и ролям. Роль ученика может исполняться любым человеком, должным образом (108:) подчиняющимся гуру. Но поклонение со стороны какого-то одного человека в конце концов наскучивает учителю, и ему уже хочется иметь много учеников. Особое внимание гуру уделяют тем из своих приверженцев, кто обладает богатством или властью; наличие среди адептов знаменитостей увеличивает влияние гуру, пополняет казну, привлекает новых членов. Кажущаяся очень сильной личной связь между гуру и его учеником по сути дела иллюзорна, ибо она полностью зависит от чувства преклонения, испытываемого учеником по отношению к гуру. Стоит этому чувству ослабнуть, и почти ничего не остается.

Роль гуру еще в большей мере, нежели другие, является шаблонной. Ведь ученикам нужен идеализированный образ, чтобы ему поклоняться. Такие образы, безусловно, имеются, причем на разный вкус: здесь и строгий, но заботливый отец; и грандиозный ловкач; и источник любви и благодати; и всезнающий; и борец за свободу, раскрепощающий людей; и даже тот, кто обещает: «вы все это получите» (последние два часто встречаются в одном лице). Каждый из этих типажей привлекает собственную клиентуру. Например, к «строгему отцу» обычно тянутся заброшенные юнцы; «всезнающий» может привлечь интеллектуалов-неудачников; за «борцом за свободу», естественно, пойдут бунтари.

³ Подробнее о мессианской фазе становления группы см. главу «Стадии культов». (107:)

⁴ В главе «Уловки гуру» описаны и другие способы, к которым гуру прибегают для поддержания своего авторитета. (108:)

Истинное же лицо гуру, скрываемое под маской довольства и невозмутимости, обычно принимаемых за духовность, как правило, недоступно постороннему взору. Удачливые гуру, подобно монархам прошлого, могут удовлетворять любую свою прихоть и окружены заботой. И хотя многие из гуру утверждают, что не нуждаются в каком-то особом обращении и что были бы столь же счастливы в пещере, на самом деле власть, которой они располагают, и лесть, которой они окружены, действуют на них сильнее, чем любой наркотик. Неудивительно, что они выглядят словно под кайфом, особенно на публике.

Внимательное наблюдение за кругом их приближенных также открывает многое. Ближайшие и самые посвященные ученики могут служить реальной иллюстрацией того, чего удалось достичь гуру после многих лет проповеднической деятельности. Показательно и то, кого гуру предпочитает видеть в своем ближайшем окружении. Действительно ли это сильные и интересные люди, или они назойливые лизоблюды, постоянно подпитывающие «эго» гуру? Способны ли (109:) его ученики когда-либо «опериться» и обрести способность к самостоятельному существованию или же они навсегда остаются послушными и привязанными к гуру детьми? Проясняет ситуацию и наблюдение за тем, как гуру относится к покидающим его гнездо.

Человек, находящийся на верхушке иерархической пирамиды и обладающий властью, определяемой этим положением, не может выказывать слабость или демонстрировать близость с теми, кто стоит ниже него. Многие гуру громогласно заявляют о том, что не поощряют старания своих учеников обожествлять их, но, якобы, ничего не могут с ними поделать. Ясно, что это еще одна попытка подправить свой имидж, поскольку в действительности гуру достаточно сильны, чтобы выстроить вокруг себя любое окружение, какое им только угодно. В ситуациях, где задействована власть, особенно важно обращать внимание прежде всего на то, что люди делают, а не на то, что они говорят. (110:)

Гуру и сексуальные манипуляции

Когда богатство и власть переходили от одного поколения к другому по наследству или в соответствии с законом, отношения между полами у людей считалось необходимым держать под общественным контролем. Современные средства сдерживания рождаемости ослабили этот контроль, но не упразднили его. Самой важной общественной функцией религии было определение нравственных основ, позволяющих регулировать половые связи и диктовать, что в этой области приемлемо, а что нет. Контролировать эту интимную сторону жизни человека — значит контролировать его главную жизненную функцию. Сексуальность как глубинная сила, присущая человеческим существам, лежит в основе привлекательности, а привлекательность помогает управлять вниманием и поэтому служит одним из ключей к личной власти. Таким образом, контролировать отношения полов — значит обладать реальной властью над отдельными людьми и всем обществом, осуществляемой посредством воздействия на брачные отношения и деторождение.

Задача каждой религии — убедить человека принять именно ту веру, которую она проповедует. Для западных религий самым важным является спасение души, для восточных — продвижение по цепи перерождений, и все, что отвлекает человека от главной жизненной цели, считается вредным. Такова одна из причин, почему все связанное с сексом часто относят к разряду низменного, плотского, (111:) животного, даже грязного инстинкта. Это объяснимо, ибо сексуальность, если предоставить ей свободу, рискует вывести людей из-под контроля и, что особенно важно, из-под контроля религии. Неудивительно, что все религии неизбежно приходили к тому, что брались определять, какие из проявлений сексуальности приемлемы, а какие нет. Прекрасно понимая, что недооценивать столь серьезного врага как сексуальное влечение, крайне опасно, религия кроме чисто идеологического давления, подразумевающего умелую манипуляцию страхом и чувством вины, обеспечивает (в строго регламентированных рамках) выход накапливающейся сублимированной энергии через культовые ритуалы и поклонения.

Подобным же образом гуру делают все возможное для того, чтобы стать исключительным объектом эмоциональной привязанности своих учеников. Поэтому, дабы контролировать сексуальность, гуру обычно прибегают к одному из двух основных способов: либо провозглашают безбрачие, либо поощряют полнейшую половую распущенность. И хотя кажется, что это вещи диаметрально противоположные, однако и то и другое служит одинаковую службу — уничтожает или сводит к минимуму возможность людей завязывать друг с другом глубокие отношения. Тем самым ликвидируются факторы, конкурирующие с вниманием к гуру.

Безбрачие (или, по меньшей мере, его видимость) — самый легкий для гуру путь к обретению власти, поскольку в этой ситуации он становится единственным объектом эмоциональной привязанности для большого числа людей. В самой природе сексуальной связи неизбежно заложено предпочтение, оказываемое, пусть временно, одному человеку перед всеми остальными. Если же такого рода предпочтение кому-либо из своих учеников оказывает сам гуру, это неизбежно скажется на положе-

нии «избранного» в общей иерархии. Но поскольку привлекательность гуру для многих людей заключается, в числе прочего, и в его афишированной готовности одинаково сильно и безоговорочно любить всех приходящих к нему, любое неравенство в этом отношении вызывает среди его последователей скрытую ревность и негодование. Безбрачие же в некоторой степени помогает сохранять контроль над своей энергией и эмоциями и, кроме того, согласуется с представлениями о непорочности. Следовательно, гуру намного легче добиться власти и сохранить ее, если он следует обету безбрачия — или создает видимость этого. (112:)

Когда гуру заявляет, что безбрачие — состояние более возвышенное, чем супружество, тем самым он противодействует установлению брачных связей. Это приводит к тому, что если даже среди членов группы и образуются пары, то не столько из-за взаимной привязанности, сколько ради совместного более полного служения учителю. Часто гуру берется контролировать самые важные стороны жизни своих последователей. Он решает, дозволено ли вести супружескую жизнь; указывает, кому и с кем вступать в брак, как часто и каким образом можно заниматься сексом, могут ли пары жить вместе и даже могут ли они заводить детей, и как их воспитывать. Некоторые гуру активно противятся рождению детей или отрывают их от родителей — это делается для сокращения числа факторов, отвлекающих от служения гуру. Один гуру даже заявлял, что лучше вообще не заводить детей, и поощрял операции по стерилизации. Кроме того, гуру, дабы противостоять влиянию семьи, часто пытаются разорвать связи учеников с их собственными родителями.

Преданное доверие

Когда религия, зародившаяся внутри консервативной культуры, переносится на новую почву, где культурная среда поощряет эксперименты, ее религиозные лидеры начинают ощущать себя свободными от каких-либо ограничений. Попадая на Запад, в атмосферу вольных нравов, гуру, воспитанные в жестких патриархальных традициях, где отношения между мужчинами и женщинами строго регламентировались, как правило, не в силах устоять перед сексуальностью. Наличие среди учеников привлекательных женщин является соблазном, противиться которому могут немногие (если вообще кто-либо может)¹. Эмоциональная изоляция, а возможно, и скука, а также отсутствие глубоких, накладываемых культурой, запретов, ограничивающих свободный секс, — все это приводит к тому, что гуру постоянно оказываются участниками скандалов на сексуальной почве. Этому способствует и то, что ученики всегда готовы (113:) прислуживать и развлекать гуру, — ведь он столько дает им взамен! Кроме того, в процессе воспитания у многих женщин формировалась тяга к мужчинам, находящимся у власти, что тоже усиливает соблазны, которым подвергается гуру.

Ниже перечислены некоторые из самых серьезных сексуальных злоупотреблений, имевших когда-либо место:

Использование религиозными лидерами своего высокого положения, чтобы соблазнять, оказывать сексуальное давление или принуждать к сексу — порою даже несовершеннолетних учеников. При этом чаще всего проповедуется либо безбрачие, либо супружеская верность.

Случаи изнасилования учеников и превращения их в «рабов любви».

Использование другими членами группы секса и романтического оболыщения с целью привлечения в ее состав новых членов.

Отделение родителей от детей, сопровождающееся иногда совращением детей и их изнасилованием.

Поощрение проституции для оказания группе материальной поддержки.

Откровенно распущенные в сексуальном отношении гуру часто пользуются своей властью для организации даже собственного гарема. Истинные мотивы, стоящие за их сексуальными играми, обычно маскируются: объявляется, что гуру «наставляет» своих учеников или «удостаивает их особым вниманием». Один знаменитый гуру имел сводню — позднее эта ученица, уже лишившаяся каких-либо иллюзий, описывала, как она выступала в этой роли. Обычно для каждого своего развлечения гуру заказывал партнершу с определенными физическими параметрами (блондинка, большой бюст, изящная и т.д.), и сводня подбирала кого-нибудь для его ночных утех. Когда эту ученицу потом спрашивали, как она для себя это оправдывала, она говорила, что в то время считала гуру подобным Богу, а Бог может делать все что угодно. Убежденность, что достигший просветления может делать все что угодно, с таким же успехом может оправдать все что угодно. (Более того, зачем быть Богом, если не можешь делать все, что желаешь?) Кроме того, ученица считала, что гуру отдавал людям слишком большую часть самого себя и потому заслужил право получать все, что может сделать его

¹ Здесь говорится лишь о гуру-мужчинах, поскольку во всех известных нам скандалах на сексуальной почве были замешаны духовные лидеры мужского пола. Причин тому множество, но мы их здесь не будем обсуждать. Отметим лишь, что случайные половые связи у женщин считаются более предосудительными, чем у мужчин, а женщина, стоящая у власти, вообще должна быть безупречной. (113:)

счастливым. Однако исполнение всех мыслимых (114:) мужских фантазий не сделало этого гуру счастливым. Он предавался афишированному саморазрушению и умер молодым.

Вступать в сексуальную связь со своими учениками, тайно или открыто, — значит действительно обманывать их доверие. Попробуем аргументировать это утверждение.

Гуру ставит свои потребности и желания на первое место, тем самым эксплуатируя окружающих. Когда он «удостаивает» ученицу секса, он беззастенчиво пользуется своим превосходством: ведь как может ученица, которую обязали служить и повиноваться, отказать учителю?

В число способов оказания глубокого психологического воздействия на личность входит поощрение женщин за их сексуальность. Женщины издавна умели пользоваться силой своих чар. В случае же, когда привлекательным женщинам — последовательницам — гуру кажется, что учитель относится к ним как-то по-особому, у них формируется стойкий стереотип, что добиться успеха можно только используя свою сексуальную привлекательность. Власть гуру огромна и во многом сходна с отцовской властью, ибо их ученики нуждаются в них, доверяют им и зависят от них. Кровосмешение, общепризнанно считающееся недопустимым и даже преступным, является, в числе прочего, величайшим предательством доверия, испытываемого дочерью по отношению к отцу. Ведь каждая дочь нуждается в том, чтобы отец помог ей самоутвердиться в жизни таким образом, чтобы это никак не было связано с ее сексуальностью. А поскольку гуру выполняет функцию духовного отца для учениц, вверивших ему заботу о своем духовном росте, секс с ними несомненно сродни кровосмешению. Сексуальные отношения гуру с тем, кто относится к нему как к отцу, безусловно способствуют использованию им секса для обретения власти. Вряд ли именно на это рассчитывали молодые женщины (или мужчины), последовавшие за гуру с целью приблизиться к духовному совершенству. Когда же гуру бросает их, что в конце концов неизбежно происходит, это порождает чувство глубочайшего стыда и сознание, что тебя предали, оставляющие в душе глубокие раны.

В случае половых отношений с ученицами (будь они явные или тайные) среди кандидаток в фаворитки разворачивается соревнование по степени их привлекательности для гуру и выстраиваются специфические иерархии предпочтения. Если же связь держится (115:) в тайне, ученица поневоле оказывается втянутой в атмосферу лжи и скрытности.

К сходным приемам завоевания власти, доверия и зависимости прибегают и психотерапевты, однако не в столь абсолютной форме. Они аналогичным образом берут на себя роль родителей или авторитетов, что легко можно использовать для возбуждения в восприимчивой пациентке эротических чувств. Если забыть о профессиональной этике, то чисто теоретически врач вполне может вступить в половую связь с клиенткой, и здесь вероятность, что это будет воспринято как предательство доверия, очень велика. Это тем более так, если врач не относится к подобной любовной связи серьезно или если он использует секс в качестве дополнительного средства терапии, проводимой для выздоровления пациентки.

Гуру, которые проповедуют безбрачие, и в то же время тайно занимаются любовью, склонны присваивать сексу статус особого ритуала в процессе эзотерического посвящения или провозглашать его наивысшей стадией духовного посвящения, которая должна сохраняться в тайне. При этом ученица оказывается вынужденной вступать с учителем в сговор и лгать, что влечет за собой серьезные эмоциональные последствия.

Когда возмущаются тем, что духовный лидер лжет относительно своей причастности к сексу, то основное внимание бывает привлечено, как правило, именно к сексу, а об обмане как-то забывают. В результате многие склонны оправдывать то, что делает гуру, и даже восхищаться им, поскольку его поведение лишней раз подтверждает, что в сексе нет ничего плохого. Приходилось даже слышать, как некоторые изъявляли свою радость по поводу того, что гуру «кого-то поимел».

Ложь во всем, что касается секса, прочно укоренилась в обществах, определяющих, что считается допустимым в сексуальных отношениях, а что нет. Поэтому вполне естественно, что люди привыкают к этому и начинают думать, что без лжи в этих вопросах обойтись просто невозможно. Однако для гуру именно ложь является настоящей проблемой. Обман, к которому он легко прибегает, указывает на то, что сама личность гуру, его образ как существа бескорыстного, не заботящегося о собственном «я», полностью лживы. Многие считают, что хотя гуру и лжет по поводу своего поведения, его проповедь, тем не менее, остается истинной. Но и в этом, и в (116:) других аналогичных случаях обман используется для того, чтобы скрыть корыстные побуждения. Если же гуру призывает стремиться к духовной чистоте и отказу от себялюбия, но при этом не чуждается обмана, следовательно он не только сам не сумел побороть эгоизм, но даже не знает, возможно ли это вообще. Если согласиться, что своекорыстие свойственно всем людям, то любая идеология, утверждающая противоположное, будет оказывать развращающее действие и на своих создателей, и на своих адептов. Этим объясняется наше утверждение, что символы непорочности развращают.

Духовный гедонизм

Взаимное идейное оплодотворение, произошедшее между Востоком и Западом, породило странный гибрид — новую породу гуру, которые сочетают гедонизм с отрешенностью. Они пытаются логически обосновывать это следующим образом: отрешенность, отказ от мирских желаний неизменно представляется ключом к духовному прогрессу, но кратчайший путь к его достижению, как заявляется, лежит не через аскетизм, а, скорее, через удовлетворение всех желаний. Эти специфические Гуру объявляют свои действия модернизацией древних эзотерических методологий (иногда относимых к тантрическим), которые предназначались для достижения самореализации посредством ритуального нарушения табу. Называя такой путь освобождением людей от ограничений и комплексов, они провозглашают его кратчайшей дорогой, по которой современные западные люди могут прийти к достижению духовных целей, не прибегая к аскетизму. Опьяняющая притягательность подобной проповеди вполне объяснима: реализуйте свои тайные желания и фантазии, испытайте любое удовольствие, нарушьте все табу, касающееся секса и даже насилия, — и будьте, несмотря ни на что, духовными. Здесь предполагается, что если человек следует правильной установке (то есть если его конечной целью является отрешенность), то «все оправдано». Этим соблазнительным и с виду освобождающим лозунгом вседозволенности гуру привлекли многих интеллектуалов, склонных к экспериментированию.

Самые строгие и давние запреты, существующие в человеческом обществе, касаются сексуальности, агрессии и насилия — с ними связаны глубочайшие табу. Один гуру на своих «семинарах» (117:) использовал различные проявления страсти, ярости и страха в качестве якобы эффективных средств, позволяющих преодолеть сковывающие человеческую природу ограничения. Спротивление было сломлено, и появилась безликая, «сексуально озабоченная» группа. Это поистине кратчайший путь к распаду личности. Внушая людям, что таким образом они познают свободу, можно заставить из нарушить самые страшные табу, не испытывая при этом естественного чувства вины. При этом у них не только возникнут сильные ощущения, связанные с высвобождением внутренней энергии, но и действительно появится чувство обретенной свободы — свободы от внешнего подавления. Когда взгляды человека резко меняются, и это сопровождается сильными эмоциональными переживаниями, такие изменения легко трактовать как величайший прорыв. Хотя разрушение личности может в некотором смысле также восприниматься как прорыв к свободе, здесь кроется существенный подвох: ведь именно гуру своим авторитетом как бы дает команду, разрешающую «самовыражаться». Таким образом, игнорировать или прощать вред, наносимый подобными действиями, можно лишь в том случае, если полностью признать приоритеты и мировоззрение гуру.

Освободившись от старой системы ценностей, «новоосвобожденные» пребывают в несколько неуверенном состоянии до тех пор, пока им не удастся сформировать новую целостную систему ценностей и новое личностное восприятие. Гуру пользуется этим периодом «опустошенности», выдвигая в центр внимания собственную персону, ценности и идеологию. Новая личность воспитанника формируется, таким образом, в атмосфере капитуляции перед этим отцом и учителем, которому они теперь верят больше, чем всем другим, даже больше, чем самим себе, потому что полагают, что именно он подарил им пьянящее чувство свободы. Такой вид свободы — глубочайшая иллюзия. Если бы не разрешение и указания учителя, сопровождаемые давлением всей группы, многие ни за что не решились бы на подобное «самовыражение», но ведь гуру воспринимается ими как абсолютный источник истины! Итак, все по-прежнему упирается в структуру авторитарной личности, и авторитаризм в этой ситуации лишь укрепился.

Чаще всего те, кто присоединяются к подобным группам, не в состоянии распознать, что являются объектом авторитарной манипуляции. Они видят себя, скорее, истинными духовными (118:) авантюристами, не боящимися раздвинуть границы условностей. Для них сам факт, что они способны выйти за пределы социальных ограничений, служит знаком освобождения (впрочем, об этом им также сказал гуру). А то обстоятельство, что многие неудовлетворенные и склонные к новациям люди незаметно для самих себя согласились повиноваться и подчиняться (что заметно только со стороны), указывает на высокую степень человеческой восприимчивости к авторитарному контролю.

Мятеж против одного авторитетного лидера (или общества) и подчинение другому (лидеру, который дает разрешение на мятеж) есть, по сути, всего лишь нечто вроде смены подданства, однако при этом рождается иллюзия освобождения. Существуют различные способы высвобождения подавляемого, и одним из них является капитуляция перед гуру, который стимулирует такое высвобождение. Однако это очень рискованный путь подавляемыми сторонами личности легко манипулировать, поскольку границы дозволенного определяются тем же авторитетом. Именно в таких условиях люди и начинают лгать, воровать и даже убивать во славу Господа или гуру.

Культивировать подавляемые желания может быть полезно только в том случае, если они способствуют интеграции человека в общество. Отношения гуру-ученик не являются таким контекстом, по-

сколькo опыт общения с гуру сугубо индивидуален и не может быть обобщен. Объектом интеграции может служить скорее абстрактная новая личность, нежели реальный ученик. Личность, зависящая от внешнего авторитета, весьма нестойка, поскольку изменения, приведшие к ее формированию, нельзя считать глубокой внутренней перестройкой. Может казаться, что содержание личности изменилось, что подразумевает принятие различных мировоззрений и ценностей (навязанных гуру). Однако глубочайшие ее структуры, особенно то, как человек интегрирует опыт и ищет его подтверждения, остаются не только неизменными, но зачастую еще и усиливаются авторитарными отношениями.

Содержание личности (убеждения, ценности и мировоззрение) достаточно устойчиво, однако оно легче поддается изменениям, чем лежащие в его основе форма или контекст, которые часто подосознательно авторитарны. Не удивительно, что очень многое в культуре передается как данность, не подлежащая оспариванию, что означает, (119:) что наше наследие также бессознательно авторитарно². Выглядящая весьма драматично смена убеждений, при которой происходит быстрое переключение от одной авторитарной системы к другой, на самом деле оказывается не столь трудной. (Многие разочаровавшиеся марксисты с легкостью обучились связывать свои утопические надежды с религией.) Секс (или насилие), способствуя освобождению от сдерживающих запретов, действительно является ускоренным способом расшатывания человеческой личности и смещения всех личностных ориентиров — но в какую сторону? Мы считаем такое использование секса поистине неэтичным не только потому, что не принимается во внимание тот факт, что тем самым людям причиняется боль, но и потому, что непродолжительность подобных интимных связей все время заставляет людей пребывать как бы в подвешенном состоянии, а при этом ими легко манипулировать. Такова реальная подоплека великого мифа о том, что внешний авторитет может быть источником внутренней свободы³.

Крайности в половых отношениях при отсутствии прочного чувства, помимо прочего, уничтожают желание близости с постоянным партнером. Это помогает гуру стать главной эмоциональной привязанностью для всех своих почитателей. В результате многие ученики постепенно начинают уделять все меньше внимания сексу, а некоторых даже склоняются к безбрачию, воспринимая его как знак своего духовного прогресса. Им начинает казаться, что они как бы переросли тот секс, которым прежде занимались в свое удовольствие, и постепенно продвигаются в сторону большей духовной отрешенности — именно так, как предсказано и обещано. Не удивительно, что их вера в мудрость гуру при этом усиливается, и они более охотно подчиняются приказам усердно работать, выполняя любое предписание гуру. Так мы получаем ответ на загадку, каким образом поощрение половой распущенности в конце концов обращает истовых гедонистов в преданных работников.

Воспитание половой распущенности, обезличивание секса и взаимозаменяемость сексуальных партнеров вписывается в ту же целевую программу действий, что и принятие обета безбрачия. Обе эти крайности формируют отношение к половому влечению как к (120:) чему-то обыденному и подрывают веру в возможность стойких привязанностей. Случайные, беспорядочные половые связи приводят к тому, что люди в итоге чувствуют себя пресыщенными, изнуренными и, более того, оскорбленными. Они начинают бояться глубоких связей, что искусно восполняет потребность гуру в учениках, отрешенных ото всего, кроме него самого.

При помощи сексуальных манипуляций структура, лежащая в основе авторитарной личности, не только остается незатронутой и неосознаваемой, но и во многом укрепляется. Теперь человек руководствуется в своих действиях не только изначально заложенным в его сознание чувством долга и самоконтролем,— перед ним стоит живой гуру, высший авторитет, обладающий особой силой, позволяющей ему полностью руководить чувствами и мыслями своих подопечных. При этом ему удается заставить доверившихся ему людей, подвергающихся бессердечной манипуляции, думать, что они свободнее, чем все остальные.

Гуру, психотерапия и подсознание

Как на Востоке, так и на Западе издавна традиционно ценится внутреннее стремление к самопознанию. Восточная религия разработала различные методы медитации, призванные привести людей к самореализации или к отказу от самореализации. Сократ в свое время отстаивал идею, что для познания мира человек должен прежде всего познать себя. Вопрос в том, какова природа той сущности, которую человек должен познать, реализовать или превзойти?

На Востоке преобладает убеждение, что собственное «я» человека является либо ограниченной структурой, которую надо преодолеть (индуизм), либо ложной конструкцией, от которой надо избавиться (буддизм). Поскольку для индуизма и буддизма именно человеческий ум — источник пред-

² Это подробно описано в книге «Контроль», в разделе «Корни авторитаризма».

³ Глубинный анализ изменений авторитарной психологии приводится в главе «Кто контролирует ситуацию».

ставлений, связанных с ограниченностью или ложностью человеческой личности, их практики во многом призваны полностью это изменить. Обе религии сходятся в одном: высшим достижением следует считать абсолютно самоотверженное самосознание, из чего следует, что чем меньше эгоизма, тем лучше. Следовательно, интерес Востока к перестройке собственного «я», или эго, носит отнюдь не абстрактный характер, а отражает реальное стремление свести к минимуму или устранить влияние «я», чем и достигается самоотверженность, или утрата эго.

Изошренные мыслители буддизма всегда знали о существовании подсознания. Но их интерес к подсознанию кроется в (122:) идеологии, проникнутой верой в возможность стать абсолютно бескорыстным и в то, что такой человек впредь будет действовать только абсолютно осознанно, и факторы подсознания им более не управляют. Если же существует хотя бы вероятность того, что полностью реализованное существо все же обладает подсознанием, то как может кто-либо, включая и людей реализованных, быть уверенным в чистоте и бескорыстии своих побуждений и действий?

Вопрос о том, можно ли стать или быть совершенно бескорыстным, или самоотверженным, требует обсуждения. Да, буддизм утверждает, что такое возможно; мы же считаем, что бескорыстие и эгоцентризм, альтруизм и себялюбие встроены друг в друга и, в сущности, нераздельны. Это вовсе не означает, что все альтруистические поступки таят в себе скрытые элементы себялюбия; скорее, альтруизм и эгоцентризм являются двумя полюсами единого процесса, так что дать определение одному из них можно только относительно другого. Мы считаем эгоцентризм неизбежной принадлежностью жизни. Если бы самопожертвование ничего не давало взамен, то оно встречалось бы намного реже, чем сейчас.

Люди, настаивающие на возможности быть абсолютно бескорыстным, вправе спросить, откуда может человек, не достигший этого состояния, знать, что оно недостижимо. Они также всегда могут отклонить другие точки зрения под тем предлогом, что на них влияет эго. Равным образом и мы можем утверждать, что люди, считающие себя достигшими стабильного бескорыстия, вводят себя в заблуждение, и что их взгляды, по нашему мнению, являются очевидным проявлением эго.

Хотя данная дискуссия и не дает ответа на поставленный вопрос, она определенно служит тому, чтобы прояснить, почему все, кто заявляет о своем полном бескорыстии, должны также утверждать, что проявляют его совершенно сознательно. Многие гуру и духовные авторитеты ни во что не ставят достижения западной психотерапии и отрицают ее ценность, поскольку концепции подсознания, выдвигаемые на Западе, подрывают их власть и авторитет. Признание того, что в человеке могут действовать факторы подсознания, означает невозможность быть полностью уверенным в его бескорыстии.

То, что мы называем подсознанием, это не только хранилище давних травм, забытых воспоминаний, генетических наклонностей, а возможно, и примитивных, архаичных и архетипических структур. (123:)

Подсознание постоянно создается в процессе отбора, фильтрующего информацию и определяющего, что проигнорировать, а что принять. Некоторые могут в совершенстве говорить по-английски и замечать языковые ошибки без специального знания правил английской грамматики. Значит, все-таки существуют бессознательные правила, выстраивающие то, что говоришь, и фильтрующие то, что слышишь. Любое восприятие подразумевает процесс отбора, посредством которого в каждое данное мгновение человек сосредоточивается больше на чем-то одном, нежели на другом. Решение, согласно которому внимание человека направляется на данный объект, а не на какой-либо иной, обычно принимается бессознательно.

С нашей точки зрения, самые мощные бессознательные фильтры отбора включают неприятие, отрицание или подавление того, что может стать причиной дискомфорта; и чем сильнее дискомфорт, тем с большей вероятностью будет отфильтровываться все, что его вызывает. Для большинства людей наибольший дискомфорт связан со всем, что не сочетается с их жизненными идеалами и идет вразрез с основными самооценками. Вообще говоря, довольно трудно захотеть увидеть в себе то, чего не желаешь. Адекватность собственного представления о самом себе — о том, кем и чем, по-твоему, ты являешься, — есть опора личности. Человеческое сознание, используя настоящее в попытке создать будущее на основе прошлого, выступает творцом образов. Процесс отбора, пропускающий то, что подтверждает представление о самом себе, и в то же время отсеивающий все, что с ним не согласуется, и есть само подсознание. Действительно, собственные воображаемые образы сами являются фильтрующими системами, которые хорошо работают только в том случае, если фильтрация происходит неосознанно.

Обычно подавляются или отфильтровываются мотивы и поступки, которые не согласуются с идеалами человека. Если кто-то убежден в неэтичности использования прямого контроля над другими людьми, то он преобразует (или попытается это сделать) способы осуществления контроля — формирует систему прав, обязанностей и добродетелей, служащих благу общества. Таким образом, контроль получает моральное оправдание. Это говорит о том, что контроль часто принимает скрытые

формы, особенно когда дело касается личных отношений. Однако игнорировать власть и контроль весьма опасно при любых отношениях, но особенно — когда речь (124:) идет об взаимодействии между гуру и учеником. В этом случае идеалы бескорыстия служат маской, скрывающей и облегчающей авторитарное манипулирование личностью¹.

В западной психологии существуют различные теории, касающиеся природы и работы бессознательного, в каждой из которых подчеркивается важность различных элементов: секса, власти, архетипов, безопасности и т.д. Все они сходятся в том, что человек в большинстве случаев поступает так, а не иначе, руководствуясь бессознательными побуждениями. Не пытаюсь установить, какая из теорий верна или какая из них ближе к истине, зададимся вопросом: позволяет ли концепция подсознания лучше объяснить человеческое поведение, и если да, то может ли кто-нибудь определенно сказать, задействованы ли в конкретный момент факторы подсознания? Вне всякого сомнения, любой здравомыслящий человек, пытавшийся хотя бы раз проанализировать свое поведение с этой точки зрения, убежден, что иногда он поступает в высшей степени сознательно, а из этого следует, что бывают ситуации, когда он действует менее сознательно или же вообще подчиняется бессознательным импульсам. Мы также думаем, что, поскольку подсознание есть бессознательное, предположение, что кто-то ему неподвластен, может только сделать этого кого-то менее бдительным по отношению к своей власти над собой.

Духовные авторитеты, которые объявляют себя неоспоримыми держателями истины, стараются разрушить западные представления о бессознательном, поскольку не признают того, что могут быть во власти подсознания. Ни один из них не хочет, чтобы ученики подвергали сомнению мотивы его действий. Чтобы привлекать последователей, гуру должны утвердиться в роли просветленных (победивших свое эго), а значит, не подвластных бессознательному. Им очень важно убедить в этом своих последователей: ведь чтобы полностью и безоговорочно подчиниться другому, необходимо поверить в его полное бескорыстие. Отказ от собственного эго — единственный способ избавиться от своекорыстных интересов. Если же признать существование у гуру элементов подсознания, то это означало бы, что в глубине его личности может скрываться тайное своекорыстие, а в этом случае полностью доверять ему гораздо труднее. (125:)

Сталкиваясь в своей жизни со множеством проблем, человек подсознательно пытается переложить их на всякого, кто согласен ему помочь, посвящая в свои переживания и горести тех людей, которые в силу личных качеств или особого положения оказываются готовым принять этот груз и даже постараться его облегчить. Если же такой «принимающий» верит, что может кому-то помочь, у него возникает готовность заботиться об этом человеке, безоговорочно любить его и одобрять его поступки, и при этом испытывать удовлетворение и приятное чувство своей востребованности. Таким образом, необходимо, чтобы «принимающая сторона» — учитель, врач или помощник — была заранее, быть может даже неосознанно, согласна на то, чтобы взять на себя чужие проблемы. Иными словами, описанный процесс может быть только бессознательно обоюдным. Его крайнее проявление отражено в утверждении: «я знаю, что для тебя лучше всего». Хорошие врачи постоянно сталкиваются с тем, что пациенты переносят на них свои неразрешенные эмоциональные проблемы, особенно связанные с их отношениями с родителями и наставниками. И поскольку функции гуру в существенной степени проявляются в том, чтобы оказывать помощь, им, как и врачам, неизбежно приходится в какой-то мере выступать в роли родителей. Главная цель психотерапии — освободить пациента от стремления перекладывать свои веретенные проблемы на других. Эта потребность отчасти и делает людей восприимчивыми к авторитарному контролю. Хорошие врачи всегда предельно серьезно относятся ко всему, что связано с перекладыванием ответственности.

Напротив, гуру действуют прямо противоположным образом, поскольку природа их отношений с учениками требует полного подчинения. Они культивируют и поощряют то, что их последователи перекладывают на них свои проблемы, поскольку природа власти гуру близка к родительской. Власть давать имена, устрашать браки и диктовать обязанности и поведение — такой властью, как правила, располагают именно родители, особенно в традиционных обществах Востока. Если вы признаёте за кем-либо власть давать вам имя или женить вас, — значит этот человек выполняет в отношении вас родительскую функцию. Очевидная мотивация, которая стоит за всем этим, — попытка порвать всякую связь с прошлым, чтобы стать «новым» человеком. Более глубокая причина — все то же стремление (126:) гуру занимать центральное место в эмоциональной сфере жизни человека, чему способствует капитуляция.

Повернуть человека спиной ко всему, что касается его прошлого, не так-то легко. Ведь остаются пристрастия и шаблоны, касающиеся авторитета, которые переносятся на новый авторитет. При этом человек надеется, что гуру станет для него тем самым идеальным родителем, которого он никогда не

¹ В главе «Любовь и контроль» подробно обсуждаются сложные проявления идеалов бескорыстия в динамике человеческих взаимоотношений. (125:)

имел, — истинным источником бескорыстной, безусловной любви. Но эта так называемая безусловная любовь на деле обусловлена капитуляцией перед гуру и принятием его авторитета. При этом перекладывание ответственности на плечи гуру все усиливается и практически становится образом жизни, гарантирующим, что пациент, ученик или последователь останутся по сути своей детьми².

Отреченческие идеалы бескорыстия, требующие подавления и маскировки проявлений эгоизма, приводят к усилению функции подсознания. Под покровом покорности и отрешенности от мира, столь ценимых на Востоке, таятся неосознанные привязанности и тайные сговоры, которые и определяют суть отношений гуру-ученик. Ученики привыкают находить в гуру отражение своих представлений об идеальном, а гуру привыкают к получаемой в результате этого власти. Если же ученики сами становятся гуру, выясняется, что они весьма плохо подготовлены к этой роли и могут лишь копировать поведение своего учителя. Сознательное обращение с властью подразумевает защиту ее от коррупции, а не отрицание того, что она коррумпируема. Для того чтобы гуру мог служить образцом благородства, он должен обладать умением бессознательно подавлять и отфильтровывать все, связанное с эгоизмом, и это единственный путь застраховаться от обмана и лицемерия. Те же, кто не признает роль подсознания, лишает себя возможности заняться самоанализом, чтобы бдительно контролировать работу своих фильтрующих механизмов. Подобное отрицание может только усилить власть подсознания. Поскольку духовный авторитет не может успешно состязаться с позицией погрешности, гуру оказываются перед лицом дилеммы: отрицая подсознание, они становятся более бессознательными; но если они признают в себе возможность бессознательного, то более не смогут считаться безупречными. (127:)

Ловушки для гуру

Гуру — это человек, находящийся под непрерывным гнетом представлений о том, каким должен быть гуру. При этом риск его эмоциональной изоляции от окружающих весьма силен. Восточная религиозная литература изобилует предостережениями об опасностях и препятствиях, встречающихся на пути стремящегося к духовному совершенству, и для этого есть серьезные основания. Следует отметить, что возникновению этих препятствий содействует распространенное, но ошибочное убеждение, что чем дальше человек следует по избранной стезе, тем менее вероятно, что он поддастся соблазнам, а когда он сумеет полностью реализовать себя, опасности самообмана больше не будут ему угрожать. Но в действительности вернее обратное, ибо соблазны становятся все коварнее и им все труднее противостоять. Глубокое проникновение в суть вещей совершенно не гарантирует, что ум человека застрахован от заблуждений. Более того, когда человека считают «добившимся успеха» на пути духовного совершенствования, возможностей для самообмана становится намного больше, чем в любой другой ситуации.

² См. главу «Любовь и контроль». (127:)

Одна из главных ловушек такого рода таится уже в самом процессе выстраивания гуру представления о себе как о личности, достигшей состояния, при котором невозможны никакие заблуждения. Здесь наличествует самая предательская форма самообмана, неиссякаемый источник лицемерия и лжи. Она создает систему, непроницаемую для обратной связи, основанную на том, что гуру всегда прав, но даже если он понимает, что ошибается, то не должен (128:) никому этого показывать — иначе будет поколеблена вера в его ученость и мудрость¹.

Когда люди стараются выглядеть совершенно свободными от иллюзий и, следовательно, от власти подсознания и субъективизма, застрахованными от ошибок, порождаемых самомнением, или возвеличивают себя каким-либо иным образом, возникает вопрос чего они, собственно говоря, добиваются? Пытаются ли доказать, что никогда не заблуждались? Или же что они не обманывают себя теперь? А может, хотят убедить, что больше никогда не поддадутся обману? Чтобы утверждение о свободе от самообмана имело какую-то силу, оно должно распространяться и на будущее. Разве кто-нибудь последует за гуру, который говорит: «Я свободен от самообмана сейчас, но, возможно, поддамся ему завтра»? И даже если у кого-то из учеников зреет очевидное сомнение в безошибочности учителя, всегда есть возможность утверждать, что знание, которым он обладает, столь возвышенно, что к нему не приложимы обычные человеческие критерии, суждения и доказательства. Как бы то ни было, если гуру предстает перед своими адептами в роли человека, не подвластного заблуждениям, это определяет его взаимоотношения с ними. Если человек верит, что некто достиг полной духовной реализации, это автоматически вызывает не только трепет и поклонение, но и рождает убежденность в том, что этот некто «знает лучше». Но почему даже самые мудрые хотят, чтобы люди полагались на их знания, а не на свои собственные? Безотносительно к вопросу о том, достижима ли высшая мудрость вообще, для нас очевидно, что все это является проявлением авторитарности.

Рисуя в своем воображении некий образ, которому нам хотелось бы соответствовать, мы стараемся верить (или хотим, чтобы другие поверили), что и в самом деле можем достичь поставленной цели. Образ гуру как человека, не подверженного самообману, лишает и самого гуру, и его учеников реальной возможности проанализировать собственные мысли, чувства и поступки. Ведь любой человек, способный к критическому самоанализу, обязательно насторожится, заметив, что сам себе «подыгрывает», то есть говорит себе именно то, что хотел бы услышать. (129:)

Предположим, что человек соприкоснулся с чем-то, что может быть названо основополагающей или универсальной реальностью (или, по крайней мере, реальностью с более глубоким уровнем понимания), и прорвался сквозь иллюзии и самообман прошлого. При этом у него возникает незабываемое ощущение предельной ясности мышления, так что в этот момент трудно удержаться от соблазна поверить в то, что впредь он больше никогда не будет заблуждаться (по крайней мере, в той степени, в какой заблуждался ранее). Но любое проецирование себя в будущее непременно исходит из образов, порожденных прошлым, и чем более они абсолютны, тем успешнее игнорируется то, что им противоречит. Это один из самых серьезных профессиональных рисков, связанных с ролью гуру.

Человеческий ум склонен к построению такого мироздания, центром которого является он сам. Отсюда, в числе прочего, проистекает субъективность. Однако всякий здравомыслящий человек осознает, что не он один воспринимает мир подобным образом. Обладать здоровым умом означает также обладать способностью изменяться под действием получаемой извне информации, то есть быть открытым к обратной связи. Если же смириться с мыслью, что монополией на истину обладает лишь некий единственный ум, это влечет за собой сильнейшую изоляцию от внешнего мира, что чревато угрозой для физического или душевного здоровья. Итак, еще одна великая опасность для гуру — эмоциональная изоляция.

Эмоциональная связь совершенно необходима для умственного здоровья человека и по меньшей мере полезна для здоровья физического. Психосоматическая медицина признает тот факт, что корни многих физических и психологических проблем следует искать в отчуждении и самоизоляции. Гуру предлагают свой путь избавления от отчуждения — присоединение к группе своих последователей, рождающее чувство единения, но, по иронии, для него самого это, в конечном итоге, становится причиной крайнего отчуждения. Неудивительно поэтому, что Гуру демонстрируют множество саморазрушительных поступков — от пьянства до морального разложения. Обычно это принято объяснять тем, что они берут на себя карму своих учеников или даже всего мира. На самом деле, скорее всего, таким образом они, как и многие простые люди, ищут выход для своих внутренних противоречий. У одного из гуру отчуждение достигло такой степени, что он буквально испытывал (130:) аллергию на людей. Для того, чтобы иметь право находиться в его присутствии, все ученики должны были проходить через сложнейшую процедуру очищения.

¹ В главе «Гуру, психотерапия и подсознание» уже говорилось о глубочайшем самообмане, заключающемся в уверенности, что человек, достигший духовного совершенства, более не подвластен подсознанию. (129:)

Положение «обладающего знанием», кардинально отличающегося от «ищущих знания», в существенной степени определяет образ жизни гуру. Оно подразумевает существенное разграничение между гуру и всеми окружающими. Фактически гуру как бы говорит: «Я здесь, а вы там, и только я могу помочь вам преодолеть этот рубеж — в этом мое главное предназначение». Быть «другим» (или, скорее, быть воспринимаемым как отличающийся от других) — основа господства гуру. Взаимоотношения между господствующим и подчиняющимся нередко сопровождаются крайними проявлениями эмоций. Однако хотя такие отношения служат основным средством установления прочных связей между людьми, эти связи не носят личностного характера. Гуру и его ученики нуждаются друг в друге, но эта потребность ограничивается определенной социальной ролью, безотносительно к людям, эту роль играющим, что делает настоящую человеческую близость почти невозможной. В результате гуру приходится искать что-то, что могло бы ее заменить, и для этого ему служат лесть, материальное богатство, обезличенные половые отношения и власть.

Никакие реальные отношения не могут связывать гуру и с другими предполагаемыми «сверхчеловеками» (другими гуру), ибо всем им присуще соперничество. Много лет назад, когда мы впервые стали интересоваться гуру и восточными учениями (например, концепцией просветления), нам сначала казалось странным, что все предположительно просветленные существа не ищут общества друг друга. Мы полагали, что они могли бы найти во взаимном общении глубокое и действительное понимание. Однако, вопреки этому, они имеют дело исключительно с людьми, уровень сознания которых ниже. Но поскольку ученики видят в гуру средство к собственному спасению, они должны верить, что именно их гуру сделает для них все возможное. Следовательно, в каждом личном общении гуру (что случается крайне редко) всегда ищется скрытый смысл — ученики очень внимательно за ними наблюдают, пытаются понять, кто же из гуру лучше. И поэтому даже самые простые действия (кто к кому приходит) трактуются с позиций превосходства одного гуру над другим. Понятно поэтому, что гуру, как правило, не показываются (131:) вместе, ибо сама роль духовного наставника делает это почти невозможным. Таким образом, они вынуждены отказывать себе даже в сближении с равными.

Нарциссизм и лесть

Человек способен испытать удивительное чувство полнейшего единения, слияния с чем-то вечным, непреходящим, когда ему кажется, что он находится один на один с Создателем. Такое переживание, за недостатком лучшего термина, называют мистическим, и как свидетельствуют те, кому довелось его испытать, его невозможно описать словами. Это, однако, не останавливает человеческий ум от попыток вместить память о нем в схему реальной жизни. Переживания, которые, как говорится, «прочищают мозги» (в смысле временного разрушения границ сознания и его интеграционных структур), на самом деле не превращают разум человека в «чистую грифельную доску». Вместо этого они встраиваются в некую ментальную структуру. При этом человек либо уже обладает системой понятий, в рамках которой это переживание может быть истолковано, либо ищет такую систему. На Востоке формированию мировосприятия, учитывающего опыт мистического переживания, уделяют особенно большое внимание².

Попытка сообщить другим людям, сколь чудесно было это переживание, является естественной и понятной. Понятно и то, что не испытавшие подобных переживаний склонны проникаться к такому человеку почтением и восхищаться им, и здесь-то и начинаются проблемы. Восхищение незаметно формирует представление о его исключительности, что заставляет людей все больше попадать под его влияние. Гуру оправдывают такое развитие событий, говоря, что они используют поклонение себе как инструмент, с помощью которого помогают людям учиться, расти и обретать свободу. К сожалению, обычно структура, основанная на преклонении, подразумевает возведение на пьедестал того, кто кажется совершенно не похожим на окружающих и обладает каким-либо превосходством. Любой культ требует наличия неких «других», и чтобы поддерживать поклонение, гуру должен постоянно усиливать представление о своем отличии от этих «других» и своего превосходства. (132:)

Поскольку отношения гуру-ученик проникнуты преклонением и лостью, неудивительно, что еще одной ловушкой, подстерегающей гуру, является нарциссизм. Популярное представление о нарциссизме трактует его как чрезмерную влюбленность в себя. Психианализ объясняет возникновение этого феномена задержкой в психологическом развитии на стадии инфантильного аутоэротизма, что приводит к тому, что человек сам становится своим главным сексуальным объектом. Согласно этой точке зрения, нарциссизм является патологией, в основе которой лежит прежде всего инфантильность. Мы же отнюдь не склоны искать единственную причину нарциссизма в отдаленном прошлом, но, скорее, рассматриваем его как гипертрофированное проявление нормальной человеческой тенденции получать удовольствие от того, что кто-то тобой восхищается. Такое, разумеется, может случиться и случается со всеми нами и переходит в патологию только тогда, когда становится для чело-

² См. главу «Единство, просветление и опыт мистического переживания». (132:)

века единственным или основным способом испытывать удовольствие. При этом человек чувствует себя действительно живым, лишь оказываясь центром всеобщего внимания. Нарциссисты, как правило, весьма харизматичны, ибо их сила в привлекательности. Наиболее интеллектуально развитые из них весьма искусны в умении обольщать и очаровывать других людей. Они как бы чувствуют тех, кто склонен поддаться их обаянию. Поскольку превыше всего они ценят внимание окружающих, им совершенно безразлично, от кого оно исходит, — все почитатели для них равнозначны. Крайним нарциссистам необходимо быть обожаемыми, но сами они не имеют привязанностей и не способны испытывать глубокую страсть. Нарциссизм создает такой вид паразитирующей любви, который, образно говоря, питается любовью окружающих. Поэтому какие бы потоки лести не изливались на нарциссистов, им всегда будет мало.

Большинству людей нравится чувствовать себя не похожими на других. Правда, некоторых собственная исключительность смущает или даже пугает, но это совсем другая проблема. Однако мало кто может устоять против лести, направленной на подчеркивание и восхваление его уникальности. Любой оказавшийся в центре внимания испытывает приятное возбуждение — будь то гуру или рок-звезда. Лесть зачастую может оказаться источником более сильных ощущений, чем любой наркотик. Ее также можно отнести к числу величайших соблазнов, подстерегающих тех, кто находится у власти. (133:)

Преуспевающие гуру, рок-звезды, харизматические лидеры любого типа сталкиваются с такой лестью, которая не известна большинству людей. Все, с чем мы имеем дело в обычной жизни, по сравнению с ней бледнеет. Между тем, кому эта лесть предназначена, и тем, от кого она исходит, возникает сильнейшая взаимозависимость. Мы не случайно пользуемся здесь понятием зависимости, так как постоянно усиливающаяся потребность в лести, становящейся смыслом жизни человека, в чем-то сродни настоящей наркотической зависимости. Лесть порождает не менее сильные эмоции и у того, кто является ее источником, и ее можно легко спутать с любовью. В результате сам льстец начинает испытывать своеобразную зависимость, поскольку лесть служит ему наиболее легким способом переживания страсти. Лесть есть абсолютное порождение определенного идеального образа, поэтому стоит образу дать трещину, — и поток лести прекращается, демонстрируя полное отсутствие каких-либо истинных чувств³.

Согласно теории психоанализа, лесть служит источником тех эмоциональных переживаний, к которым нарциссист стремится более всего. Следовательно, для нарциссиста невозможно придумать лучшего занятия, чем стать гуру. С другой стороны, мы уверены в том, что чрезмерная лесть сама по себе способна, в свою очередь, привести к нарциссизму. Разумеется, мы не сомневаемся, что склонность к нарциссизму может исторически возникнуть и по причине каких-либо личных особенностей человека, например, в результате того, что он родился исключительно красивым. Иногда же, наоборот, такая предрасположенность может быть связана с лишениями, испытанными в детстве. Однако наиболее вероятная причина нарциссизма — сильная и продолжительная лесть, поскольку она, предлагая легкий доступ к власти, порождает зависимость. Для гуру лесть и власть тесно сплетены, ибо первичным источником его власти служит полное подчинение учеников, а необходимым предварительным условием такого подчинения является поклонение и лесть. Для своих учеников гуру — центр Вселенной, немудрено, что и сам он начинает воспринимать себя так же. А в такой собственный образ трудно не влюбиться. (134:)

Обман и коррупция

Некоторые люди, выступающие в роли духовных авторитетов, очевидным образом процветают. Более того, стремление не к поискам истины и духовному росту, а к власти и общественному положению вполне согласуется с общепринятой шкалой ценностей и политикой большинства институтов. Еще один парадокс заключается в том, что хотя гуру проповедуют отрешенность от мира и к ним обращаются жаждущие обрести независимость, сами они попадают в зависимость от привилегий, связанных с их высоким положением, и от власти, от которой не в силах отказаться. Но поскольку их власть держится на непрерывной демонстрации независимости и бескорыстия, все существование гуру автоматически оказывается пронизано ложью, бессознательной или сознательной.

Если заявление гуру о том, что он лично свободен от любого корыстного интереса, ложно, то преднамеренна ли такая ложь? Возможно, гуру сам этому верит, особенно потому, что роли гуру присуща как отрешенность от богатства, так и само богатство. Таким образом, легко поверить, что ему ничего не нужно или никто не нужен. Часто убежденность в собственном бескорыстии и эгоизм идут рука об руку. Люди, желающие, чтобы в них поверили, притворяются и лгут и при этом сами

³ В главе «Кто контролирует ситуацию» рассматриваются и иные модели взаимозависимости, я также всесторонне анализируются причины их возникновения. (134:)

часто верят в то, что их притворство может быть оправдано, ибо в конечном счете все делается для блага других людей, а их собственное благополучие при этом растет лишь по чистому совпадению.

Из всего этого проистекает еще одна опасность, подстерегающая тех, кто играет роль духовного лидера, — ничто не может защитить их власть от коррупции, потому что само понятие коррупции является табуированным. Отрицание того, что корыстолюбие присуще или может быть присуще гуру, отнюдь не помогает противостоять его реальным последствиям. Прикрываться возвышенными идеалами для маскировки своих корыстных интересов — дело обычное, но когда, вдобавок к этому, в ход пускаются призывы к благородству и моральной чистоте — коррупция гарантирована. Бесчисленные скандалы, связанные с развратом, стяжательством и злоупотреблениями в среде гуру, весьма красноречиво свидетельствуют о том, насколько порочна сама основа их власти. Тот факт, что в политических кругах коррупционные тенденции власти стали притчей во (134:) языцах, постоянно напоминает нам, что только постоянная бдительность может гарантировать свободу. Авторитарные взаимоотношения мешают проявлению бдительности, поскольку обе стороны оказываются кровно заинтересованными в лидере, обладающем непререкаемой властью, хотя и не всегда отдают себе в этом отчет. В духовных сферах власть настолько абсолютна, что это может привести к крайним эксцессам.

Такие общественные отношения, при которых обычные люди обладают такой же властью, что и гуру, складываются очень редко, если бывают вообще. Когда человеческие существа верят, что лидер может их спасти, они будут ему повиноваться и следовать за ним куда угодно. В своей безграничной преданности они способны на любые поступки, вплоть до убийства и даже самоубийства. Случается, что ученики разочаровываются в гуру, но практически неизвестны случаи, когда бы сами гуру разочаровались в себе. Им всегда удается логически обосновать и оправдать все, что они делают, сколь бы ошибочными или даже низкими ни были их поступки, и найти людей, склонных их поддерживать и боготворить. Поэтому всякий гуру непременно попадает в ловушки власти, последняя из которых ведет к потере им человеческого облика. (135:)

Джим Джонс и массовое самоубийство в Джонстауне

Джим Джонс, глава культа Храм Людей, потряс мир тем, что покончил жизнь самоубийством, предварительно уничтожив группу присланных Конгрессом инспекторов, приехавших проверить поступившие к ним жалобы на жестокое обращение с последователями культа. Но чудовищнее всего то, что он каким-то образом убедил сотни своих приверженцев последовать за ним и также совершить самоубийство, предварительно отравив тех членов секты, кто сам не смог на это решиться. В результате погибло в общей сложности 914 человек, в том числе 216 детей, которые были отравлены старшими в первую очередь. Большинство людей выпили яд добровольно, без всякого принуждения.

В опубликованной в «Ньюсуик» 1 июня 1981 г. статье Джим Миллер, автор четырех книг о деле Джима Джонса, приводит следующие его высказывания:

«Даже когда я был ребенком и видел, как умирает собака, я хотел убить себя».

«Если вы не можете понять добровольного желания умереть... вы никогда не поймете, в чем заключается честность, достоинство и мужество Храма Людей».

«Если вы влюблены — значит, вы в беде». (137:)

«Я был мастером революционного секса, способным совокупляться по пятнадцать раз в день, но сейчас единственное, чего я хочу, это испытать оргазм смерти»¹.

Эти четыре высказывания обладают, как нам кажется, какой-то причудливой внутренней логикой, что возбудило наше любопытство. Мы задались вопросом, есть ли еще на свете кто-либо, способный думать и чувствовать подобным образом и говорить такие вещи, при этом действительно веря в них? И почему люди добровольно следовали за этим лидером и пошли за ним даже на смерть?

События в Джонстауне потрясли и глубоко взволновали многих — их беспокойство было прежде всего реакцией на очевидную омерзительность произошедших событий. Казалось, что Джим Джонс — точнее, то, что он символизировал — затронул самые темные уголки нашей коллективной души. По всей видимости, нам бы следовало извлечь хоть какой-то урок из этого страшного акта бесповоротного отказа от жизни столь большого числа людей. Изложенное далее является попыткой сконструировать, по мере наших возможностей, то психологическое пространство, которое помогло бы нам понять эти четыре высказывания Джонса и те реальные события, которые произошли в Храме Людей. Кроме того, мы хотели бы отыскать во всем этом определенный смысл, как бы он ни был завуалирован.

Когда, будучи ребенком, Джонс впервые лицом к лицу столкнулся с реальностью смерти, ему могло показаться, что Бог или даже весь мир предали его. Если это так, то жизнь для него стала об-

¹ Настоящая глава представляет собой попытку логической реконструкции событий на основании приведенных высказываний Джонса. Это всего лишь предположение, не претендующее на то, чтобы считаться единственным верным объяснением происшедшего. (138:)

маном, ложью и колоссальным лицемерием. Ибо если жизнь в конечном итоге приводит к смерти — к своему полному отрицанию, — то какой в ней толк и какой смысл?

Два взаимосвязанных универсальных процесса — это построение, сотворение форм, и их разрушение, распад. Построение и разрушение тесно слиты друг с другом. Прежде чем что-либо разрушить, необходимо это что-то построить. Более того, сам процесс построения и развития (созревания) содержит в себе семена распада. Насколько известно, каждая индивидуальная структура — будь (138:) то Галактика, Солнечная система или человек — зарождается, живет и умирает. Каждый мыслящий человек испытывает потребность определить свое отношение к постепенному старению, разрушению и смерти, с которыми он рано или поздно сталкивается. Наиболее обычная реакция бывает двойкой — можно либо отрицать реальность смерти, веруя в бессмертие, либо находить способ любить и ценить жизнь, данную человеку, даже зная, что она не бесконечна. Мы подозреваем, что Джонс ни на что подобное не был способен.

Если человек сосредоточивается исключительно на смерти и разрушении, его жизнь может полностью лишиться какой бы то ни было радости и погрузиться во тьму, когда все вокруг кажется нелогичным и бессмысленным. Возможно, Джонс видел, что для большинства людей жизнь обретает смысл, если существует надежда на бессмертие, которую он считал самообманом. Тогда становится более понятным второе его высказывание, приравнивающее честность и мужество к добровольному желанию умереть.

Возможно, что вид умирающей собаки, эта ранняя встреча лицом к лицу со смертью, породила в Джонсе такое отвращение к ней и такой страх, что единственным способом жить дальше стало для него постараться победить страх смерти посредством «готовности умереть». И он попытался это сделать и убедил себя в том, что способен эмоционально приветствовать смерть и даже поклоняться ей. Не вызывает сомнений, что охваченный страхом человек не может чувствовать себя свободным. Истоки большинства наших страхов следует искать именно в страхе перед смертью. Существует только три способа, помогающие бороться с этим страхом: отрицание его, принятие и использование. Каждый способ имеет свою собственную структуру и внутреннюю динамику.

Джонс выбрал для себя третий путь — использование страха смерти, путь, избираемый немногими, но имеющий древнюю историю — историю поклонения так называемым темным силам. Сатанизм включает в себя культ запретного. Его сила и привлекательность проистекают из почитания того, что вызывает у других ужас². Джонс мог поверить, что безропотное принятие смерти является проявлением абсолютной честности и мужества. Тогда, возможно, мы приблизились к пониманию его третьего высказывания — предостережения от любви («Если вы влюблены — значит, вы в беде»). (139:)

Поклонение смерти отличается от признания ее неизбежности: подлинное примирение со смертью не отрицает жизни, тогда как поклонение смерти, напротив, с ней не совместимо. Поэтому человек, ставший на путь поклонения смерти, должен тщательно избегать каких бы то ни было жизненных привязанностей. Любовь к ближним автоматически заставляет думать и заботиться о жизни. Например, любить своих детей — это значит не хотеть, чтобы они умерли. Иными словами, подавшись любви, человек неизбежно рискует быть застигнутым страхом смерти. Защитить себя от этого страха посредством полного отказа от жизненных забот и привязанностей очень трудно. Известно, что Джим Джонс, перед тем, как переселился со своей общиной в изолированный ото всего мира Джонстаун, был известен как явный параноик, страдающий манией преследования. Это свидетельствует о том, что он в действительности не сумел преодолеть страх смерти посредством отрицания жизни — иначе ему были бы безразличны любые посягательства на его жизнь.

То обстоятельство, что Джонс как культовый лидер сексуально использовал своих последователей и всячески издевался над ними, — случай не уникальный. Однако экстремистский характер публичных оскорблений и унижений, которые часто сопровождали этот секс, демонстрирует, насколько далеко могут зайти люди, капитулируя перед лидером. Если хвастливые высказывания Джонса о своих сексуальных подвигах не беспочвенны, то неистовства, упомянутые в четвертой цитате, могли также быть попыткой хотя бы на время избавиться от ощущения изолированности и бессилия, порождаемого предуготованной мрачной и безрадостной перспективой. Все мы бессильны перед призраком смерти. Джонс отвернулся от единственного разумного решения, позволяющего сохранять достоинство даже в предвидении неизбежного конца, а именно от стремления прожить жизнь настолько целостно и активно, насколько это возможно. Поиск «оргазма смерти», разумеется, является поиском окончательного высвобождения. Это конкретный пример фрейдистского желания смерти, идеализации танатоса. Не может не вызывать удивления то обстоятельство, что многие известные из истории зверства и позорящие людей поступки содержат элемент поклонения смерти. Навязывать смерть и

² См. главу «Сатанизм и культ запретного». (139:)

страдания «другим», тем, кто этого «заслуживает», намного легче, чем сталкиваться с собственной болью и страданием. (140:)

Большинство присоединившихся к Джонсу были людьми, видевшими в жизни больше плохого, нежели хорошего. Именно у них жизнененавистническое учение Джонса вызвало наибольший отклик, который он умело использовал для упрочения своей власти. Активно поддерживая в своих последователях убежденность в том, что жизнь есть страдание, разложение, боль и т.п., Джонс при этом пробуждал в них чувство собственной исключительности. Из всех людей на свете только они одни не поддались самообману и видели жизнь в истинном свете. Это позволяло им считать себя своего рода элитой — в конечном счете, победителями.

Среди членов общины царили отношения, основанные на глубокой преданности, единении и взаимной заботе, иными словами, они обрели здесь то, чего им всю жизнь недоставало. Община была для них семьей, а Джонс — отцом (они даже писали ему исповедальные письма — «письма Папе»). Их удерживала вместе приверженность Джонсу и тем убеждениям, которые он высказывал. Не следовать за Джонсом по пути смерти означало вернуться к прежней бессмысленной жизни и отказаться от ощущения собственной избранности, которое поддерживал в них Джонс, — до тех пор, пока они принадлежали ему. Популярный в пятидесятые годы экзистенциализм провозгласил критерием абсолютной свободы способность добровольно уйти из жизни, дабы ускользнуть от ее абсурдности. На тот же путь ступили и члены Храма Людей, но, в отличие от экзистенциалистов, это стало основным их предназначением. Джонс провозгласил самоубийство неким революционным актом, а посему большинство его сподвижников, за исключением небольшого числа колеблющихся, без колебаний совершили самоубийство по первому же призыву учителя.

Трагедия Джонстауна является еще одним — хотя и особенно ужасным — примером того, какая опасность таится в капитуляции перед любым авторитетом. Стоит кому-либо облачиться в мантию авторитаризма, что предполагает полнейшую осведомленность о нуждах других, как это заблуждение неизбежно начинает порождать еще большие заблуждения. Наверное, Джонс был бы более последовательным, если бы совершил самоубийство в одиночку. Однако тот факт, что он постарался сделать свой уход поистине незабываемым, кажется парадоксальным лишь на первый взгляд. Несомненно, то, что он продемонстрировал столь чудовищным образом свою власть (141:) и унес с собой в могилу столько жизней, было демонстрацией, — но на кого она была направлена? Кого он хотел изумить всем случившимся? Не могла ли эта кровавая драма быть его отчаянным, патологическим способом достичь единения, обрести смысл и даже превратно понимаемое бессмертие?

Сам по себе феномен Джима Джонса, приведшего людей к массовому самоубийству и убийству детей, требует глубокого анализа. Крайняя прискорбность таких действий указывает... на что же? Возможно, на то, что мы предпочли бы сохранить в тайне даже от самих себя, а именно, есть ли в нашей жизни что-нибудь, что заставляло бы нас продолжать существовать, кроме простого страха смерти (часто подавляемого, но, как и в случае Джонса, из страха возникновения страха перед смертью)?

Боязнь смерти существовала и будет существовать всегда, в тесной связи с идеей небытия, с попытками каждого представить, что «меня» нет и никогда уже не будет. Это боязнь неизвестного и, возможно, непознаваемого. Однако боязнь страха перед смертью является боязнью того лишком хорошо известного психофизического состояния, когда человеческая беспомощность и страдания становятся невыносимыми. В настоящее время человеческий вид, разрушая системы сохранения жизни на планете, сталкивается с возможностью массового, а возможно, и тотального суицида. Реакция Джима Джонса на страх была хотя и экстремистской, но исключительно человеческой, если помнить, что каждый из нас несет в себе весь потенциал человечества. Поэтому мы должны еще тщательнее себя контролировать, чтобы не возобладало желание нашей собственной гибели.

Связь с бесплотными авторитетами

Медиумы, медиумические письма и, как многие думают, говорящие посредством них духовные сущности — все это отражение тенденции, заключающейся в вере в различные потусторонние или нематериальные силы, иные измерения, сверхчеловеческий разум и т.п. Все эти предполагаемые сущности сходны в одном — они проявляют себя посредством разговора с тем человеком или через того человека, которого они избирают в качестве медиума. Никто не знает, почему потусторонние существа избирают определенного человека, как, впрочем, таинственным остается и само явление медиумизма. Переход в медиумическое состояние представляет собой также новый рубеж эзотерической деятельности. Любой, кто слышит внутри себя голос, не являющийся сознательно внушенным, может решить, что беседует с кем-то, кто находится вне его, и потому счесть себя медиумом.

Нельзя сказать, что наблюдающееся все чаще стремление опереться не на реальный, а на мистический авторитет является чем-то неожиданным и странным. В последние годы божественное величие

многих гуру потускнело, они погрязли в трясине коррупции, обмана и злоупотребления властью. Напротив, бестелесность стопроцентным образом гарантирует от коррупции, поскольку весьма затруднительно воспользоваться ее результатами, будучи лишенным тела. К тому же духи-авторитеты не захватывают своих последователей (143:) полностью, как это делают гуру, и не требуют от них эмоциональной преданности, что делает подобные связи более безопасными.

Если исходить из того, что дух и медиум, посредством которого этот дух вещает, являются разными сущностями, тогда несоответствия между поведением медиума и передаваемыми им словами не имеют значения. Переданное через медиума сообщение никогда не может быть подвергнуто сомнению или оспорено по причине нечистоты «передатчика». Напротив, «духи», как принято думать, чисты или, по крайней мере, являются поставщиками чистой истины, в то время как средства, которыми они пользуются для передачи истины, — «всего лишь люди», не претендующие на непогрешимость. Таким образом, быть проводником потусторонней мудрости менее опасно и чревато меньшими ограничениями, чем быть ее источником, как в случае с гуру. Медиум может, например, напиться, даже если «дух» этого не одобряет, тогда как гуру должен хотя бы скрывать или оправдывать несоответствие между своими словами и поступками Медиуму, в отличие от тех, кто находится в кругу приближенных к гуру, даже нет необходимости считаться лучшим учеником или примером для подражания.

Само собой разумеется, что многие исследуют эти закрытые сферы по причине вполне понятного любопытства. Некоторые подходят к медиумизму как к потенциально полезной информации, исходящей из подсознания медиума, возможно, включая некоторую форму экстрасенсорного восприятия, особый вид чувствительности или дар проницательности. Их больше интересует сама информация и степень ее изощренности, нежели природа ее источника, поскольку они используют только то, что для них имеет значение. Напротив, если рассматривать медиума как всего лишь пассивное средство, дающее возможность «высказаться» более высокому потустороннему разуму, трудно не попасть под влияние того, от кого эта информация исходит.

Предположения о сути медиумизма

Никто не может точно сказать, откуда исходит голос, слышимый медиумом. Напротив, вопросы, на которые можно ответить и которые ставят своей целью прояснить суть этого феномена обычно касаются того, что же в действительности говорит голос, каков (144:) скрытый смысл сказанного и имеет ли голос прямой доступ к истине, делая ее неопровержимой и, следовательно, авторитарной. Нас же в основном интересует, почему люди обращаются к медиумам, что, по их предположениям, представляют собой вступающие с ними в контакт потусторонние существа и какие сообщения они передают. Некоторые из тех, кто называет себя медиумами, возможно, всего лишь пользуются доверием людей, но мы полагаем, что многие из них верят в то, что делают. Именно такие медиумы нас и интересуют.

Верящие в то, что источником голоса или посланий является внешний разум, исходят по крайней мере из некоторых перечисленных ниже предположений:

Отсутствие телесной оболочки служит уроком того, что мы имеем дело с настоящим (или более настоящим) выразителем космической мудрости и духовности.

Высшее существо не только обладает большим знанием, но и имеет возможность получать информацию, не доступную простым смертным.

Высшее существо изрекает истину.

Главная забота высшего существа — благополучие людей.

Высшее существо знает, что лучше для данного человека или для людей вообще.

Высшие существа не стремятся к власти или к тому, чтобы манипулировать людьми в собственных интересах. Иными словами, им не свойственно своекорыстие.

Человеку лучше получить информацию, чем не получить ее.

Тот факт, что большинство медиумов передают людям похожие сообщения и придерживаются сходного мировоззрения, является достаточным доказательством того, что высказываемое ими должно быть в основном истинно.

Все перечисленные положения объединяет убежденность в том, что лишенные плоти высшие существа — это реальные, заслуживающие доверия, благожелательные авторитеты с глубоким пониманием природы вещей. Таким образом, медиумизм, как и гуру, создает контекст привилегированного знания, которое, в сущности, не может быть подвергнуто сомнению.

Хотя принято считать, что психотерапевты знают почти все, хорошие психотерапевты пользуются имеющейся у них информацией с большим умом и осторожностью, ибо опасаются оказаться для (145:) своих пациентов в роли неосознанного родительского авторитета. Они также твердо уверены, что даже если им известно о клиенте что-то весьма для него важное, то гораздо лучше, если он обна-

ружить это сам, чем узнает от других. Говорящие через медиумов духи (или сами медиумы), так же как и гуру, сталкиваются с феноменом «перекладывания своих проблем на другого». Приписывание источнику информации статуса иного или высшего порядка существования делает такие проекции неизбежными¹.

Стоит кому-нибудь хоть в какой-то степени поверить в возможность общения с лишенными телесной оболочки существами, как возбуждение от мысли, что дух может войти в смертного и открыть ему глубокие, сокровенные истины, порождает ощущение присутствия чего-то чарующего и магического, что кажется безусловным космическим предзнаменованием. Желание верить в то, что духи имеют прямой доступ к истине, сплетается с жаждой чего-то по настоящему чистого, на что можно положиться. А когда наивысшей ценностью провозглашается непорочность, становится трудно верить в себя, ибо ты никогда не был в полной мере непорочен. Таким образом, поиск кого-то или чего-то более чистого полностью соответствует основным установкам пуританизма, воспитывающего недоверие к себе².

Люди испокон веку слышали некие голоса, казалось, исходящие извне, от какого-то невидимого источника. Если внутренний голос побуждал к совершению поступков, считающихся плохими или постыдными, он приписывался злему духу или дьяволу; когда же голос вещал о ценности идеалов непорочности и бескорыстия, то предполагалось, что он исходит от посланца небес. Все религии, проповедующие отрешение, всегда проводили резкую грань между мирским и священным, признавая, что истинная чистота присуща только иному миру и может исходить только из этого внеземного источника³.

Медиумизм является древним феноменом, необходимым любой богооткровенной религии, непрекаемые предписания которой (146:) могут исходить исключительно от Бога. Помыслы Божьи могут стать известны лишь тремя путями: Бог должен либо говорить устами человека, либо принять человеческий облик, или же человек должен стать подобным Богу (восточная парадигма о просветлении). Так, многие священные писания, лежащие в основе традиционных религий, такие, например, как Коран и многое из Старого Завета, считаются переданными от Бога через пророков и святых. Они содержат свод правил, выполнение которых необходимо для обретения милостей Господних. Большинство священных текстов всех религий считается переданными людям от Бога (богооткровенными).

Восточные религиозные учения отличаются от западных тем, что считают вполне возможным даровать статус непогрешимости достигшим определенного совершенства. Неудивительно, что большинство современных медиумов придерживаются мировоззрения, содержащего элементы восточного мистицизма, подразумевающего, как правило, перспективу Единения и базирующегося на учении о карме (перерождении). Небезынтересно, что общность с восточной традицией используется последователями медиумизма в качестве аргумента для придания их мировоззрению законной силы. Известны, например, такие заманчивые их высказывания: «Если бы вы только достаточно знали, то вы бы увидели, что вы совершенны», или: «Все ограничения исходят из разума, и их можно преодолеть». Эти открывающие широкие возможности убеждения очень соблазнительны. Обычно медиумические послания, как правило, несут в себе нечто положительное: они говорят о красоте, преодолении страха, любви к себе и содержат намеки на бессмертие в безграничном мире изобилия. Многие медиумы прямо или косвенно утверждают: «Вы создаете свою собственную действительность», что означает или могло бы означать, что если вы ведете себя правильно, то можете добиться всего что угодно; более того, все негативное, что с вами происходит, вы на самом деле также спровоцировали сами, для того, чтобы получить необходимый урок. Это учение основывается на теории кармы (перерождения), ибо без прошлых жизней и кармы было бы трудно объяснить, почему человек «выбирает» столь мучительный путь достижения мудрости и почему его необходимо пройти от начала и до конца⁴. (147:)

«Курс чудес» — пример медиумического послания

Современные медиумы для упрочения своего авторитета используют образы, ценности и идеи как восточных, так и западных религий. Это легко проиллюстрировать на примере книги, получившей название «Курс чудес». Мы взяли за образчик именно ее, так как она претендует на неавторитарность, хотя в то же время считается, что ее содержание продиктовано не кем иным, как духом Иисуса Христа. «Курс» также более чем намекает на то, что посредством должной практики (выполнения уроков) любой может стать медиумом для духа Христа.

¹ Подробно о «перекладывании проблем» говорится в главе «Гуру, психотерапия и подсознание».

² О психологической обработке такого рода более подробно сказано в главе «Кто контролирует ситуацию».

³ См. главу «Власть абстракций». (146:)

⁴ В главе «Создаете ли вы свою собственную действительность?» рассказано о современных толкованиях понятия кармы. (147:)

Вся медиумическая информация, включая религиозную, создает замкнутую информационную систему, которая полностью соотносится сама с собой. Любые сомнения, формулируемые с использованием понятий, не укладывающихся в эту систему, то есть родившиеся вне ее, могут быть отклонены под тем предлогом, что они основаны на «недостаточном понимании». Таким образом, вряд ли можно победить в дискуссии на тему об истинности мировоззрения, представленного в «Курсе». Мы же хотим показать, что это мировоззрение базируется на идеологии отрешенности и что, вопреки содержащемуся в нем утверждению, что люди должны полагаться только на себя, «Курс чудес» является авторитарным. Это классический пример программного учения, формирующего убеждения отрешенности⁵.

Претендуя на роль христианского по своей сути, «Курс», тем не менее, отмечает наиболее неприятные для него догматы христианства — понятия греха, Божьей кары и вечных мук, и, следуя восточному мировоззрению Единства, называет мир, в котором мы живем, иллюзией, за рамки которой необходимо вырваться. Характерно также, что иллюзорным считается любое обособление личности. Более того, человеческое «эго» и эгоцентризм жестоко осуждаются, используется даже формулировка: «Безумен либо Бог, либо эго». В качестве центральной идеи провозглашается, что лишь благодаря покорности Божьей воле, являющей собой чистую любовь, можно избавиться от заблуждений и прийти к вечному единению с Богом. Сущностной методологией, используемой для достижения этой (148:) цели, является всепрощение. Однако речь идет не о прощении грехов человечества благодаря жертве Спасителя, — новая идея состоит в том, что через прощение человек сможет преобразовать свою жизнь и стать подобным Христу.

Смысл прощения — в отказе от какого-либо осуждения или обид по отношению к другим и к жизненным обстоятельствам в целом. В идеале прощение должно быть безоговорочным⁶. Сам акт прощения, как уже говорилось, освобождает от цепей личностных обязательств, которые препятствуют людям в их неотъемлемом праве переживать вечную любовь без страха. Грехом при этом считается отсутствие любви; таким образом, прощаются не грехи, а ошибки или, скорее, собственные заблуждения или заблуждения окружающих. Именно заблуждения объявляются причиной любой вражды и страданий, что напоминает некоторые положения индуизма и буддизма. Разумеется, избавление от воспоминаний о былых несчастьях может быть полезно для человеческой психики, но если в качестве обязательного условия спасения души требовать забвения, отказа от своего прошлого, которое провозглашается лишь цепью заблуждений, это неизбежно превратит подобные действия в некий набор шаблонных приемов, приводящих к отрицанию и подавлению жизненно важных аспектов человеческого бытия. В этом реальная опасность «Курса» и религий отрешенности.

«Курс чудес» представляет собой руководство, требующее лишь ежедневной практики для достижения того состояния, которое в тексте называется необходимым «полным изменением обычного восприятия». Во введении к «Курсу» утверждается, что излагаемые в нем предписания были переданы неким духом через женщину, которая была вынуждена записывать неожиданные послания, приходившие к ней в течение семи лет, начиная примерно с конца шестидесятых годов. Голос безоговорочно объявлял себя духом самого Иисуса Христа. «Курс» разделен на три раздела: текст на 622 страницах, содержащий изложение основ учения; рабочее пособие для учеников, (149:) состоящее из 365 ежедневных уроков, цель которых, как утверждается, «упражнять свой ум так, чтобы мысли согласовывались со строками этого текста», и 69-страничное руководство для учителей.

Излагаемое в «Курсе» мировоззрение ничем особо не примечательно и, в сущности, не ново, ибо представляет собой смесь восточного мистицизма с христианским постулатом любви и всепрощения. У нас особый интерес вызывает претензия «Курса» на неавторитарность. В нем решительно декларируется, что для переживания обещанных преображений вовсе не обязательно полностью принимать изложенное в «Курсе» учение:

«Вам не нужно обязательно верить в изложенные здесь идеи... соглашаться с ними... или даже проявлять к ним интерес. Некоторым из них вы можете активно сопротивляться. Все это никак не повлияет на их силу и уж во всяком случае не уменьшит ее».

Все, чего требует «Курс», это добросовестного ежедневного повторения уроков. Эти регулярные упражнения приводят к тому, что в конце концов в человеке рождается, как сказано, его собственный Внутренний Учитель, который, в свою очередь, без привлечения каких-либо внешних авторитетов приводит к истине. Предполагается, что Внутренний Учитель каждого человека говорит ему почти то

⁵ В главе «Религии, культы и духовный вакуум» и во II части книги подробно обсуждаются системы морали, провозглашающие отрешенность. (148:)

⁶ В главе «Любовь и контроль» описывается, каким образом идеал безоговорочной любви становится моральным предписанием теории отрешенности, незаметно влияющим на чувства и отношения, искажая переживания и проявления любви. Показано, как этим идеалом прикрывается авторитаризм и почему им нельзя руководствоваться в жизни. Идеалы безоговорочного прощения или безоговорочного сострадания (в буддийской версии) оказывают аналогичное воздействие, формируя непригодные для реальной жизни критерии эмоциональной чистоты. (149:)

же самое, о чем сообщается в «Курсе». Это утверждение стоит проверить, ибо под видом объективной истины, доступной любому, кто ее действительно ищет, в нас самом деле кроется не что иное, как давний способ авторитарного внушения определенных идей, а именно мировоззрения, представленного бесспорным авторитетом как истина, к которой и следует прийти. Затем предлагаются специальные упражнения, позволяющие настроить и приучить ум к этой точке зрения. Вот цитата из введения к рабочему пособию «Курса»:

«То, что мы воспринимаем как реальность, создается нашими внутренними убеждениями, и мы осуждены быть пленниками наших заблуждений. А поскольку все дело именно в убеждениях, единственным решением проблемы может быть только замена этих неосознанных убеждений иной, новой верой, подтвержденной свыше».

Чтобы разобраться в том, как это делается, человек должен понять природу этих уроков. (150:)

Ежедневный урок «Курса» содержит некое утверждение, которое нужно многократно повторять, как заклинание, мантру или молитву. Перед учеником ставится жесткая задача: во-первых, «отказаться от того, как он до сих пор воспринимал окружающее», и, во-вторых, «овладеть верным восприятием». Эти два шага — разрушение мироощущения человека и замена его иным, так называемым истинным, — лежат в основе любой процедуры установления контроля над сознанием. Нам сама идея такого способа обретения истины, мудрости или знания кажется глубоко абсурдной.

Уроки можно грубо подразделить на три категории:

провозглашение отрешенности от мира через отрицание его реальности;

предписание прощения и забвения всех обид как единственного пути к любви и спасению;

обещание бессмертия и освобождения от всех недостатков путем слияния с той частичкой божественного, которая проявляется в душе человека.

Для того чтобы показать, что при этом имеется в виду, достаточно нескольких примеров.

Категория 1: Мир нереален — все вокруг иное, чем кажется.

Урок № 1. «Все, что я вижу... (в этой комнате, на этой улице, из этого окна, на этом месте), не значит ничего». Человека просят смотреть вокруг и применять эту установку ко всему, что попадает в поле его зрения. Например: «этот стол ничего не значит» или «эта рука ничего не значит» и т.п. Урок № 3. «Я не понимаю ничего из того, что я вижу в этой комнате (на этой улице, из этого окна, на этом месте)», Урок № 5. «Я никогда не огорчаюсь по поводу того, о чем я думаю». Урок № Ю. «Мои мысли ничего не значат». Урок № 16. «У меня нет беспристрастных мыслей». Здесь человека просят чем-либо заполнить следующий пробел: «Эта мысль о... не является беспристрастной, потому что у меня нет беспристрастных мыслей». Урок № 24. «Я не знаю, что для меня лучше и важнее всего». Урок № 25. «Я не знаю, для чего это все». Урок № 32. «Я сам изобрел тот мир, который вижу». Урок № 128. «Мир, который я знаю, не содержит в себе ничего из того, что мне нужно». Урок № 129. «За пределами этого мира существует тот мир, который мне нужен». Урок № 132. «Я освобождаю мир от того, что я о нем думал». (151:)

Все вышеуказанные утверждения (или, скорее, отрицания) направлены на подрыв веры в свой собственный опыт, мысли, разум и даже в реальность мира. Уроки 128 и 129 являются классическими установками позиции отрешенности.

Категория 2: Прощение.

Урок № 62. «Прощение — это мое назначение, подобно свету для мира». Урок № 66. «Мое счастье и мое назначение едины». Урок № 72. «Помнить обиды — значит пытаться разрушить замысел Божий о спасении». Урок № 77. «Мне дано право на чудеса». Урок № 78. «Пусть чудеса заменят все обиды». Урок № 342. «Пусть прощение распространится на все, ибо тогда прощение будет даровано и мне».

Категория 3: Бог есть, или Бог во всем.

Урок № 29. «Бог есть во всем, что я вижу». Урок № 93. «Бог — это свет, радость и покой». Урок № 93. «Я воистину един с моим Создателем». Урок № 67. «Я создан по образу и подобию Любви». Урок № 99. «Спасение — вот мое единственное предназначение в этой жизни». Урок № 101. «Величайшее счастье для меня — исполнение воли Божьей». Урок № 127. «Нет иной любви, кроме любви Господа». Урок № 138. «Цель моей жизни — достичь Царствия небесного» Урок № 156. «Следуя за Богом, я смогу достичь совершенной святости». Урок № 163. «Смерти не существует. Сын Божий свободен» Урок № 170. «В Боге нет жестокости, а посему ее нет и во мне». Урок № 191. «Я — истинный Сын Божий». Урок № 199. «Я не являюсь рабом плоти. Я свободен». Урок № 223. «Бог — моя истинная жизнь, и другой мне не надо». Урок № 248. «Никакие страдания не являются частью меня». В уроке № 330 спрашивается: «Что такое Эго?», и следует ответ: «Эго — это идолопоклонство... обреченное страдать...» Урок № 340. «Я могу стать свободным от страдания уже сегодня».

В заключение в уроке № 350 задается вопрос: «Чем я на самом деле являюсь?» Ответ гласит: «Я — Сын Божий, совершенный, исцеленный и цельный, сияющий в отражении Отеческой любви Я есть Его творение, очищенное от грехов и получившее право на вечную жизнь. Во мне любовь совершен-

на, страх невозможен и радость утвердилась необратимо. Я есть святая обитель Самого Господа. Я есть Небеса, где обитает Его святая Любовь. Я есть воплощение Его святой безгрешности, ибо в моей чистоте пребывает Он Сам». (152:)

«Курс чудес» представляет собой странный сплав из нового варианта христианского учения о безгрешности и невинности и о трансцендентном, отдельно существующем Боге, творце и защитнике, — и восточного учения о Единстве, с имманентным, включающим все сущее Богом-силой. Это порождает множество внутренних противоречий, свидетельствующих о том, что логика не является сильной стороной «духов», передавших этот «Курс». Перечислять все несурзности довольно скучно, но мы упомянем несколько самых достойных:

Прощать других предлагается ради своего же собственного блага, но при этом считается, что, прощая, ты действуешь совершенно бескорыстно.

Бог полностью отвечает за все, однако каждый отдельный человек также признается ответственным. Но ответственным за что? Если Бог есть лишь источник любви и других добродетелей, то ответствен ли Он за страдания, обусловленные иллюзией обособленности? Проблема зла в «Курсе» вообще не рассматривается, если не считать того, что зло причисляется к категории иллюзий. Вообще понятие иллюзии служит как бы большим «мусорным ящиком» восточной религии, куда человек может выбросить все, что ему не нравится, и считать выброшенное нереальным. Вопрос о том, почему иллюзия вообще существует, выходит за границы «Курса».

Замысел Божий — исцелить каждого, но при этом не говорится, почему Бог сотворил людей столь нуждающимися в исцелении. Великий замысел Божий дает полную свободу исцелять себя. Люди хотят полной свободы, но также хотят, чтобы их личная драма имела гарантированный (предопределенный) счастливый конец.

Таким образом, «Курс» являет собой пример еще одной богооткровенной (то есть апеллирующей к непререкаемому авторитету) идеологии отрешения, которая отделяет духовное от мирского, чистое от нечистого, бескорыстное от корыстного⁷. Человека призывают прислушиваться к своему собственному внутреннему голосу, однако то, что именно должен этот голос говорить, строго запрограммировано, а ценность личного человеческого опыта, разум, мышление и все незапланированные эмоции отвергаются. Следовательно, «Курс», так же, как это делают гуру, заполняет создаваемый им (153:) вакуум своим отреченческим мировоззрением, предлагая в качестве опробованной приманки вечное блаженство. Трудно придумать что-либо более авторитарное, ибо кто посмеет возразить невидимому духу, облеченному полномочиями традиционного Бога? И каковы были бы последствия, если бы даже нашелся кто-то, осмелившийся сказать, что его внутренний голос говорит ему нечто совсем иное?

Тем, кто сомневается, приверженцы «Курса» часто надменно отвечают: «Выполняй все уроки, и ты сам убедишься в истинности его постулатов. Как ты можешь рассуждать о «Курсе» или критиковать его, если даже не пытался ему следовать?». С нашей точки зрения, такая уверенность указывает всего лишь на то, что желающие быть запрограммированными таковыми и становятся. Чтобы понять, почему это так, нужно не только проанализировать сами упражнения, но и понять умственное состояние человека, который расположен и способен выполнять их ежедневно в течение продолжительного времени.

В качестве примера мы пересказываем и цитируем одного энтузиаста и толкователя «Курса». Мы используем слова этого человека только для того, чтобы дать представление о позиции, которая, как мы (и он тоже) полагаем, сходна с позицией многих. Поэтому нам кажется, что личность цитируемого не имеет значения. Он утверждал, что, прежде чем начал практиковать «Курс», был весьма разочарован в жизни, поскольку видел, что значимые для него в этом мире идеалы не были или не могли быть достигнуты. «Чем больше я сталкивался с «реальным миром», — говорит он, — тем менее реальным я себя ощущал». У него возникало «ни с чем не сравнимое чувство, что мое «я» разваливается на части», и его «раздробленный идеализм» был «осквернен конфликтующими амбициями».

Вот к чему пришел человек, который хотел, чтобы мир максимальным образом соответствовал идеалам чистоты, где могли бы господствовать ненасилие, сострадание, бескорыстие и любовь. Неудивительно, что он обратился к мировоззрению, провозглашающему эти четыре идеала главными и отрицающему реальность того мира, где они попораны. Этот человек продолжал: «Спустя годы метаний в бессмысленном мире, который, как казалось, противодействовал самым высоким моим устремлениям, я просто простил этот мир... Меня больше не интересует задача дать определение того, что такое «реальный мир», ибо, как утверждается в «Курсе», никакого (154:) такого мира вообще не существует, но я определенно знаю, что обрел согласие с самим собой». Далее он сказал, что теперь чувствует себя лучше, чем когда-либо раньше.

⁷ О том, каким образом это разделение приводит к внутреннему конфликту, см. главы «Сатанизм и культ запретного» и «Кто контролирует ситуацию». (153:)

Не вдаваясь в истинность или ложность приведенных констатации, давайте посмотрим, что в них не так? Ведь в самом деле, почему бы людям не делать то, что облегчает их существование в этом непростом мире? Вопрос не в том, должны или не должны люди для того, чтобы чувствовать себя лучше, принимать соответствующее их идеалам мировоззрение. Следование авторитарным мировоззрениям отрешенности для достижения душевного комфорта продолжалось на протяжении тысячелетий. Это не ново. «Курс» является типичной программирующей системой, воспитывающей недоверие ко всему, с помощью чего обеспечивается связь человека с миром, — к уму, эмоциям, чувствам и более всего к опыту. Но если разрушить эту связь и отказаться от общечеловеческих способов взаимодействия с окружающим, то чему тогда можно верить? Все, что остается, это «истины» «Курса чудес».

В самом деле, можно отрицать реальность того, что нам не нравится или что нас беспокоит, и наше самочувствие от этого улучшится. Но делает ли это наш мир более жизнеспособным? Во многих разделах «Курса» красноречиво говорится о красоте творения и полностью отрицается реальность и необходимость разрушения. Но ведь в действительности разрушение столь же реально, сколь и созидание, следовательно, разрушительные тенденции просто не принимаются в расчет, поскольку объявлено, что они нереальны. В этом наиболее отчетливо проявляется трагедия любой парадигмы отрешенности, призывающей людей отвергнуть (не признавать) либо реальность разрушения, либо реальность эгоизма, как то и делает «Курс». Это порождает уже настоящую иллюзию — иллюзорную убежденность, что, отрицая то, с чем мы не согласны, можно в конце концов все исправить⁸.

Многие религии, отрицая значительность этого мира, попытались уменьшить страх людей перед реальностью и дать им возможность увереннее почувствовать себя в жизни. Экзистенциальные страхи весьма разнообразны: от страха перед смертью и страданием до страха оказаться нелюбимым или несостоявшимся. Тот факт, что (155:) через отрицание человек может победить все, чего он боится, будь то смерть или разобщенность, является великим заблуждением. Страх преодолеть таким образом невозможно, ибо он продолжает жить в структуре тех иллюзий, с помощью которых человек пытается его сдержать или уничтожить. В конце концов, если человек опасается, что в нем проявится страсть к разрушению, ему приходится постоянно внимательно следить за собой. Попытка сохранять контроль над тем, что отрицается, тоже есть проявление страха.

Отреченческие мировоззрения, такие, как в «Курсе чудес», на самом деле порождают людей внутренне раздвоенных, нуждающихся во внешнем авторитете, который должен помогать им сохранять контроль над «плохой» частью их психики. Когда с внутренней раздвоенностью удастся справиться, приняв систему убеждений, отрицающих пугающую реальность, люди делают заключение (с нашей точки зрения, неправильное), что им помогло обращение к более глубокой и более истинной части их собственной личности. Согласно нашей интерпретации, на самом деле они приходят к убеждению, что единственной настоящей реальностью является именно эта лучшая, возвышенная сторона их «я», и все противоречия тем самым снимаются. При этом усиливается внутренний авторитарный деспот, пытающийся подавить те проявления собственной личности, которые он считает «плохими» (эгоистические или эротические побуждения)⁹.

Что передают медиумы?

В медиумизме природа слышимого голоса может объясняться по-разному, и ни одно из этих объяснений не дает окончательного ответа на вопрос, кто или что говорит с нами. Известно, что человеческое сознание сложно структурировано и как бы разделено на блоки, так что информация, находящаяся в одном отделе мозга, изолирована от информации в другом отделе. Как можно быть уверенным в том, что голос «духа» не исходит из той части нашей психики, которая жаждет быть чистой, сильной и бессмертной? То, что голос изрекает истины, укладывающиеся в рамки хорошо известной парадигмы отрешенности, с ее идеалами чистоты, совершенства и бескорыстия, (156:) можно считать веским аргументом, свидетельствующим, что в действительности его источник — это обусловленная внушением, изолированная «высшая» часть личности медиума.

Общепринятым доводом в защиту внешнего происхождения этого голоса является то, что сами медиумы не могли иметь доступа к передаваемой информации. Это соображение, а также сходство между собой большинства переданных через медиумов посланий, воспринимается как доказательство того, что они исходят из внешнего источника, а не от самого медиума. Но возможны и другие объяснения. Например, во времена кризисов, когда над человечеством нависает опасность исчезновения, существует сильнейшая и вполне понятная потребность в утешении и надежде. Некоторые психологи

⁸ В главе «Единство, просветление и опыт мистического переживания» основательно критикуется мировоззрение, отрицающее реальность обычного переживания. (155:)

⁹ О раздвоении личности и о том, как высшее или идеальное «я» становится внутренним авторитарным деспотом, говорится в главе «Кто контролирует ситуацию». (156:)

утверждают, что идея коллективного подсознания наилучшим образом объясняет действия людей в группах. Они считают, что когда люди собираются в группу, в ней возникает особая среда или атмосфера, существующая по своим законам и воздействующая на всех членов группы, причем ее влияние далеко превосходит сумму влияний составляющих группу индивидуумов. Таким образом, во времена кризиса, когда везде царят страх, страдания и духовная пустота, популярность медиумов и адекватность высказываемых ими откровений могут быть выражением группового, или коллективно-подсознания людей, нуждающихся в утешении. Человечество издавна, на протяжении тысячелетий жаждало совершенства, мечтало о бессмертии и уповало на то, что обо всем позаботится некая внешняя сила. Во времена упадка это коллективное желание, естественно, усиливается.

Объяснить природу медиумизма можно и иным образом. Некоторые, например, утверждают, что «голоса» приходят из сознания других людей (экстрасенсорные силы) или что они являются отражением неосуществленных фантазий. Однако какой бы точки зрения ни придерживаться — что источник «голосов» находится в самом человеке или в коллективном подсознании других людей, либо что они исходят от бестелесных духов, или откуда-нибудь еще, — ни одна из этих гипотез не подлежит повсеместному общепризнанному контролю. Каждое объяснение феномена медиумизма базируется на мировоззрении, которое может быть оспорено другим мировоззрением. Бесспорно, однако, то, что в течение тысячелетий люди искали внешние авторитеты, будь то лидеры, боги, инопланетяне, оракулы (157:) или медиумы, чтобы узнать истину и упорядочить свое существование. С нашей точки зрения, такой менталитет сам по себе во многом делает мир таким, каков он есть сейчас.

Если развитие человечества как вида вообще имеет какой-либо смысл, то это должно означать, что, поскольку коллективное сознание по каким-то причинам стало инструментом создания того кризиса, в котором мы сейчас находимся, то только сами люди, все вместе, в состоянии найти из него выход, и искать его следует в себе и друг в друге. Упование на помощь извне расходится с ясным пониманием того, что жизнеспособные решения должны исходить от живых людей. Таким образом, совсем не обязательно задаваться вопросом, существуют ли духи в действительности, — очевидно, что поиск внешних авторитетов для улучшения жизни является всего лишь повторением вековой драмы. Искать спасителя (или быть им) — это старое решение, которое само стало сейчас частью проблемы. Мысль написать данную книгу исходила из нашего убеждения в том, что все зависит только от нас самих и что не надо перекладывать ни на кого ответственность.

Создаете ли вы свою собственную действительность?

Несколько лет назад на конференции, посвященной духовным аспектам существования, основной докладчик, знаменитый психолог, говоря о том, как все мы создаем собственную действительность, сказал: «Я не могу вам этого доказать, но я твердо верю в то, что сам выбрал себе родителей». По всей видимости, это означало, что он верил в то, что не только он, но и каждый из нас также строит свою собственную действительность и выбирает, у каких родителей ему появиться на свет. Соображения по поводу природы бытия, содержащиеся в приведенной реплике, пространны и включают в себя следующие утверждения:

- 1) что он сам или нечто, существовавшее до его рождения, осуществило этот выбор;
- 2) что он мог бы выбрать другой вариант рождения, иначе это нельзя было бы назвать реальным выбором. Возможно, он мог бы даже предпочесть не родиться вообще.

Чтобы быть последовательным, он должен был признать тот факт, что его родители, которые также, по всей видимости, создавали свои собственные действительности, оба выбрали его. Каким образом такое соглашение было достигнуто? Может быть, все трое (159:) встретились на какой-то иной стадии бытия и обо всем договорились? Или все они выбрали одно и то же независимо друг от друга? Проблема в том, как взаимодействуют все эти независимо созданные миры, не будучи способными существенно повлиять друг на друга. Если считать, что выбор каждого независимого действующего лица всегда должным образом согласован (я выбрал своих родителей и они выбрали меня, и то же должно быть справедливо в отношении всех родителей и детей), то этот так называемый выбор скорее походит на искусно поставленный танец актеров, играющих свои роли, — никакой реальной свободы выбора здесь нет вообще.

Было ли взаимно согласованное решение этих трех существ совпадением, случайностью или продуманной закономерностью, или же здесь был реализован некий высший план, распорядившийся объединить их столь уникальным образом? Или же они встречались прежде, на некоем ином уровне реальности, а позднее забыли об этом, но непременно выбирают друг друга? А что, если один сказал: «Я выбираю тебя», а другой ответил: «Нет, спасибо»? Вряд ли можно поверить в идею о том, что каждый из этих трех людей произвольно выбрал одно и то же событие; с другой стороны, если бы здесь были замешаны некие высшие силы, даже если считать, что эти трое оказались вместе вполне заслуженно, о каком выборе вообще можно говорить?

Здесь ошеломленный читатель мог бы наконец задать вопрос, почему наш психолог счел необходимым сделать столь безапелляционное заявление и почему мы столько об этом говорим. Причина тут следующая: если придерживаться той точки зрения, что «мы сами создаем свою собственную действительность», то это значит, что никакие внешние воздействия не должны решающим образом вмешиваться в этот процесс. Ведь если что-либо вне меня помогает творить переживаемую мною действительность, следовательно, я создаю ее не один (возможно, я даже не имею решающего голоса). Здесь важно понимать, почему данное требование должно быть безапелляционным. Где-нибудь мы покажем, почему даже незначительное отклонение от этой позиции меняет все¹. Допущение хотя бы незначительного детерминизма или причинности также меняет все. Ибо если существует какой-либо, пусть даже мельчайший, (160:) отдельный или случайный внешний фактор, внесший вклад в переживаемую вами «действительность», это значит, что вы уже не создали ее полностью. А если это так, то как много, какую ее часть сотворили именно вы? В рамках данной схемы вы должны создавать, все или ничего, иначе она не работает.

Наш интерес к теме «каждый создает свою собственную действительность» объясняется тем, что такой подход представляется антитезой авторитарному контролю, хотя провозглашающие его группы авторитарны. В этом случае авторитарность является следствием того, что, как мы покажем, эта идея не может быть ни подтверждена, ни опровергнута, а только принята на веру. В первую очередь важно выяснить, почему многие пришли к этому убеждению. Когда мы задавали этот вопрос, люди, как правило, отвечали, что после того, как они приняли на себя полную ответственность за свою жизнь (развитие точки зрения о самосотворенной действительности), в них произошли решительные изменения, они стали ощущать себя самореализующимися, и сама их жизнь стала богаче во всех отношениях. Такая позиция может также на первых порах привести к следующим результатам:

Возникает ощущение реальной силы или, иными словами, уверенности в своих правах. Это особенно заметно, если человек прежде чувствовал себя либо принесенным в жертву, либо был вынужден подчиняться силам, которые практически не мог контролировать.

С устранением ограничивающих установок расширяется поле возможностей человека, он ощущает, что перед ним открылись новые манящие перспективы.

Человек перестает обвинять других (по крайней мере, открыто). Это может изменить характер его взаимоотношений с окружающими и облегчить контакт с ними — ведь едва ли кому-то приятно быть объектом нападок.

Формируется мощный ментальный союз с людьми тех же взглядов. Чувство общности с единомышленниками не только делает убеждения тверже, но и расширяет границы сознания, внося в жизнь больше энергии и новизны.

Теория о самосотворенной действительности тесно связана с проблемами контроля и ответственности, которые она пытается упростить, подчинив единым правилам. Это само по себе достойно более (161:) подробного изучения, и не только потому, что данное мировоззрение провозглашают многие медиумы и духовные учителя, семинары по теме «как добиться успеха» или же совещания, посвященные проблеме «ответственности», но и потому, что небезынтересно проследить, как некоторые фаталистические убеждения Востока были перевернуты с ног на голову, с тем чтобы соответствовать западным пристрастиям к свободе, уверенности в себе, контролю и личной ответственности. Мы же постараемся показать, почему, по нашему мнению, действуя в соответствии с этими правилами, люди в конечном итоге становятся менее, а не более свободными и деятельными.

Желание заботиться о себе понятно. Но стремление к могуществу, позволяющему всецело доминировать в процессе формирования собственной действительности, заставляет задуматься о глубоких и неизученных проблемах, касающихся природы реальности вообще. Считается, что для их решения необходимо обратиться к теории кармы и перерождения. Хотя эта теория не всегда подается как детерминистская, все же на Востоке понятие кармы имеет явно детерминистскую окраску. Поскольку в Западной Европе люди не отличаются особой склонностью к крайнему аскетизму, чрезмерной отрешенности или к пассивному восприятию, интересно понаблюдать, как некоторые европейцы приспособили эту концепцию для приобретения свободы от внешних ограничений.

Прежде всего предположим, что читатель имеет хотя бы беглое представление об идее кармы, В целом, в ней утверждается следующее: то, что ты посеешь в этой жизни, ты пожнешь в будущей; а то, что пожинаешь сейчас, ты посеял в некоей прошлой жизни. Карму представляют себе как космический, безличный моральный принцип, закон или силу, которые гарантируют то, что каждый получает по заслугам. Сущностная функция кармы — следить, чтобы Вселенная была честной и справедливой. Если поверить в идею кармы, то возникнет вопрос, каким образом все это работает. Карма является моральным эквивалентом идеи монотеистического, всемогущего, всеведущего Бога, где также име-

¹ Об этом будет сказано в книге «Контроль», в разделе «Кто я, человек или робот? Свобода воли в теории кармы». (160:)

ются незыблемые правила, касающиеся неизбежных воздаяний и возмездий. Избавиться от кармы, как и от монотеистического Бога, невозможно. Хотя основные правила кармы носят скорее общий, а не конкретный характер, тем не менее порождение «плохой кармы» является нравственным эквивалентом греха. (162:)

Теория кармической причинности рассматривает все следствия поступков человека (карму) как порождение привязанностей его эго. «Плохая карма» — понятие более сложное, чем грех, и хотя она и являет собой препятствие к духовной реализации, она же служит средством, при помощи которого эта реализация достигается, ибо представляет собой звено в цепи перерождений. Таким образом, предлагается занять одну из двух взаимно дополняющих друг друга базовых позиций: либо не сопротивляться карме, которую вы породили ранее, либо, постепенно отказываясь от своего эго, стараться продуцировать как можно меньше «плохой кармы», с тем чтобы в конечном итоге не породить ее вообще. Таким образом, восточные теории кармы и перерождения являются по своей сути теориями отрешенности, ибо в них проповедуется отрешенность от эго².

Современное толкование теории кармы последователями религиозных движений Новый Век выходит за пределы утверждения о том, что человек создал в прошлом ту карму, которую переживает сейчас. Его идеологи полагают, что человек создает все то, что он переживает, в этот самый момент. Они аргументируют это следующим образом: поскольку ваше состояние сейчас есть функция ваших прежних деяний и установок (кармы), а ваше будущее предопределяется тем, что вы делаете сейчас, — то почему бы не довести это рассуждение до логического завершения и не сделать вывод, что люди полностью создают свою собственную действительность, а следовательно, полностью ответственны за нее?

Даже самый крайний вариант идеологии, исходящей из того, что «каждый сам создает собственную действительность», независимо от того, насколько он труден для понимания, не может быть опровергнут логикой — точно так же, как не может быть опровергнут солипсизм. В самом деле, обе эти системы взглядов имеют много общего. Солипсизм является философским положением, согласно которому существует лишь один сознающий субъект («только я существую»), представляющий собой поэтому весь Космос. Все, что проявляется как «не-я», я только выдумываю (возможно, для своего собственного развлечения). Для убежденного солипсизма невозможно представить себе что-либо, что могло бы логически опровергнуть его позицию и доказать ее неправомерность. Разница (163:) между солипсизмом и убеждением, что «каждый создает свою собственную действительность», состоит в том, что последнее подразумевает Вселенную, населенную не одной, а множеством существ, каждая из которых создает свои собственные действительности.

Субъективный идеализм является философией, которая начинается с утверждения, что единственное, в чем каждый может быть полностью уверен, это его собственный внутренний опыт. Примером может служить философское учение мыслителя XVIII века епископа Беркли, а также некоторые формы буддизма. Такая позиция, если ее доводить до крайности, приведет к солипсизму, потому как в конечном итоге собственный мир человека — это все, с чем он остается. В учебниках философии солипсизм обычно приводится в качестве абсурдного примера доведения до крайности логики, не считающейся с доводами рассудка. Никто не принимает его всерьез, ибо как можно пытаться убедить в чем-то других мыслителей, если таковых просто не существует?

Мы считаем, что мировоззрение «каждый создает свою собственную действительность» доводит теорию кармы до крайности того же рода, как солипсизм — теорию субъективного идеализма. Иными словами, это расширение кармической логики, подразумевающее множественность всемогущих существ. Оно вбирает в себя привлекательную часть кармической теории, связанную с самосотворением, и игнорирует ее предопределяющую и карающую сторону. Проблема, с которой сталкивается любой серьезный субъективный в своей основе взгляд на действительность, — это объяснение того, как и почему все субъективные реальности кажутся похожими одна на другую и сталкиваются с похожими проблемами в похожих мирах. Епископ Беркли был вынужден признать субъективность Бога (ум и волю Божью) как защиту от солипсизма, а заодно — как ограничение, которое удерживает субъективность всех остальных в разумных пределах.

Многих, кто пытался жить согласно мировоззрению «каждый создает свою собственную действительность», в конечном итоге начинает беспокоить его абсолютность. Чтобы справиться с этим, некоторые приняли «многоуровневую» концепцию, согласно которой на одном уровне (мирском или светском) полное самосотворение невозможно; но на предположительно более высоком, более духовном уровне оно существует. Как столь различные уровни (164:) действительности взаимодействуют или создают единую более общую действительность, остается неясным. Другие толкователи предлагают еще один тип разделения уровней, утверждая, что «я» (в постулате «я создаю свою соб-

² В главе «Власть абстракций» объясняется, почему понятие кармы играет роль моральной основы восточных мировоззрений. (163:)

ственную действительность») является выражением общности всего сущего (Единства)³. На самом деле это не более чем попытка уклониться от решения проблемы, ибо отождествить «я» со всем сущим — значит отказаться от личного выбора. Если целое управляет своими составляющими и руководит их «танцем», то где же здесь выбор? Когда понятия перестают быть однозначными, для разрешения противоречий часто прибегают к парадоксу, хотя этот способ, с нашей точки зрения, является показателем ограниченности схемы и отнюдь не лучшим решением вопроса⁴.

Если могущество индивидуального выбора столь велико, что люди даже могут выбрать себе родителей, то почему бы не создать действительность, в которой жизнь человека была бы наполнена любовью и уважением и длилась бы долго, обогащенная наслаждениями, радостью открытий и желанным гармоничным сексом? Ответ, как правило, таков: люди создают для себя действительность, чтобы извлекать из жизни уроки, необходимые для успешного продвижения. Но кто определяет, что нужны именно такие уроки, и кто решает, в каком направлении двигаться? Если признать, что люди создали все это для себя, то получается, что они сами задали себе множество мучительных уроков, чтобы достичь цели, которую опять-таки сами же себе определили. Если же необходимость в уроках и конечная цель были продиктованы кем-то еще, это значит, что человек не полностью самостоятельно создает свой мир.

Итак, если следовать мировоззрению самосотворения, то вполне логичным будет, например, такое утверждение: «сегодня я позволил своей шине спуститься». Шина могла спуститься потому, что мы не заметили, что она изнашивалась, или же кто-то «сотворил» гвозди на дороге, которые ее прокололи, но как и зачем? Если же шина была новой, то она либо была проколота, либо куплена уже дефектной. Как бы то ни было, только логическое обоснование типа «уроки, которые нужно пройти» может объяснить, почему человек сам организовал себе все эти неприятности. «Уроки, которые нужно пройти» — (165:) это интерпретация теории кармы, придуманная теми, кто неприязненно относится к ее карающим и фаталистическим аспектам.

По той же причине, по которой, теории кармы для оправдания особого отношения к морали были нужны прошлые жизни, теории самосотворенной действительности они нужны для оправдания особого взгляда на ответственность, ибо в идее «я создаю свою собственную действительность» заложено следствие «я полностью отвечаю за все, что со мной происходит». Психологу, упомянутому вначале, было известно, что родители вносят свой вклад в формирование характера своих детей, что справедливо для всего животного мира. Итак, если к сотворению действительности относиться серьезно, в него следует включить абсолютно все.

Если задаться вопросом, почему тысячи вьетнамских детей, убитых напалмом, создали для себя такую действительность, и какие уроки они из нее извлекли, то в данном случае единственным приемлемым объяснением будет следующее: они создали необходимость этого в некой прошлой жизни, и урок распространится на их будущие жизни. Здесь понятие кармы обретает некий западный оттенок, позволяющий полагать, что, возможно, вьетнамские дети выбрали эту особую форму смерти для отработки своей кармы (чтобы пройти урок, который они сами создали для себя). На Востоке считается, что карму приобретают, а не выбирают, и, таким образом, адекватным отношением ко всему, что встречается на жизненном пути, будет покорность, тогда как вера в «самосотворение» дает людям ощущение, что в их власти сотворить все, что они хотят.

Если придерживаться версии кармы типа «вы создаете свою собственную действительность», следует сделать вывод, что все люди, принадлежащие к различным группам, но имеющие сходную судьбу, сопряженную со страданиями, — будь то неприкасаемые в Индии, замученные камбоджийцы, жертвы СПИДа или любая лишенная прав категория людей, — избрали для себя похожие уроки. Напрашивается вывод, что они выбрали возможность родиться и оказаться в данной ситуации для того, чтобы пострадать именно так, как они страдают. Но подобный механизм не будет «работать» без обращения к прошлым жизням, что особенно очевидно в ситуациях, где имеет место жестокость по отношению к детям, ибо при их относительной невинности невозможно себе представить, чтобы они могли (будучи детьми) создать ту ужасную действительность, в (166:) которой оказались. В конечном итоге (хотя иногда и с трудом) с помощью идеи перевоплощения удастся оправдать все чудовищные варианты действительности, в которых оказались столь многие люди. (Очевидно, что этот взгляд может безошибочно применяться для оправдания расизма или любой жестокости.)

Еще одним примером неприятия каких бы то ни было ограничений являются люди, верящие, что в любой данный момент они свободны создавать весь набор обстоятельств своей жизни. Один руководитель семинара, безапелляционно заявил: «Поскольку такой вещи, как объективная реальность, не существует, просто выберите ту реальность, которая работает на вас наилучшим образом». Не входя

³ См. «Единство, просветление и опыт мистического переживания».

⁴ Парадокс как способ обойти концептуальные ограничения рассматривается в главах «Атака на разум» и «Единство, просветление и опыт мистического переживания». (165:)

во множество проблем, которые влечет за собой такая крайней субъективная позиция, зададимся для примера еще одним вопросом: «Всегда ли тот выбор, который предоставляется человеку, чтобы создать какую-либо реальность, является сознательным?» Разумным ответом здесь было бы: «Нет». Если я создаю данную реальность для того, чтобы преподать самому себе должный урок, я смогу убедиться, что этот урок был мне действительно нужен, только после того, как он будет мною пройден (что зачастую сопряжено с изрядными мучениями). Если бы я знал заранее, какой болезненный урок для меня припасен, то я бы мог его и не выбирать. Итак, вопрос в том, какова та часть меня, которая знает, что мне нужен урок, и каково ее отношение к той части, которой этот урок нужен? Если сказать, что та часть меня, которая знает, есть мое высшее «я», то это только поставит вопрос в тупик. Почему, собственно, вообще есть низшее «я» и высшее «я», причем последнее нужно, чтобы давать низшему «я» множество мучительных уроков?

Традиционный психоанализ был весьма детерминистским — все беды человека он относил на счет его биологической природы и полученных им в детстве психологических травм, чего никто не в силах избежать. (Фрейд, будучи не слишком оптимистичным в вопросе о свободе человеческой личности, думал, что в лучшем случае человек мог бы уступить внешним факторам, формирующим его личность, и приспособиться к ним, то есть научиться жить с ними с помощью длительной терапии.) Детерминизм психоанализа способствует тому, чтобы искать причину всех проблем человека в обстоятельствах его жизни или в родителях, формируя у него таким образом менталитет жертвы. Принцип, согласно которому каждый несет (167:) полную ответственность за свою жизнь, возник в качестве реакции на крайности психоанализа. Он стал играть роль терапевтической альтернативы, используемой многими гуманистическими течениями в психологии в противовес пессимизму психоанализа. Психология опирается на мировоззрение как на необходимый фундамент, поддерживающий ее. Фрейд строил свою теорию в рамках детерминистской науки XIX века. Многие психологи Нового Века переняли восточные модели, вместо того чтобы «разрешить» индивидууму быть самореализующимся. Теория самосотворенной действительности заводит самореализацию и личную ответственность настолько далеко, насколько это возможно, туда, где для человека не существует внешних ограничений.

Так же как и карма, концепция ответственности обладает причинным и этическим аспектами. Быть ответственным за все, что происходит, может означать, что человек либо был причиной случившегося, либо обязан каким-то образом реагировать на случившееся, либо и то, и другое вместе. Обычно предполагается, что если человек являлся причиной события, то он обязан иметь дело с его последствиями. Карма определяется достоинствами и недостатками человека, его заслугами и виной; но она также есть то, что люди подразумевают под ответственностью. Если некто является единственной причиной чего-либо («я и только я один создаю свою действительность»), то ответственность за исход (заслуга или вина), так же как и за все связанные с ним действия, лежит на его плечах. К тому же, нередко бывает удобно считать, что за все происходящее с кем бы то ни было полностью отвечает он сам.

Вера в то, что вы всемогущи и способны создавать (выбирать) собственный мир, и что все, что бы ни происходило с вами, происходит потому, что вы позволяете этому происходить, может обладать огромной притягательностью. Это значит, что если вы «делаете это правильно», вы можете получить все, что захотите. Подобная убежденность провоцирует определенную жизненную активность, которую можно рассматривать как реакцию против менталитета жертвы, против бессилия и готовности существовать в мире, где что-то делают с тобой. Если я действительно делаю что-то сам, то я могу это изменить; а если мир что-то делает со мной, я, вероятно, не могу ничего изменить, ибо совершенно очевидно, что изменить мир намного труднее. Мысль о том, что «я сам все делаю для себя», порождает (168:) ощущение свободы и силы, и к тому же, разумеется, уверенность, что все происходящее можно держать под контролем.

В качестве иллюстрации того, какой властью человек в действительности располагает, можно прибегнуть к следующей формулировке: «Вы создаете любые чувства, которые испытываете, и, следовательно, полностью ответственны за них». Это утверждение справедливо по определению: если вы испытываете некие чувства, значит, вы сами их и породили. Из этого, в частности, проистекает, что никто не может меня рассердить. Я сам рождаю в себе чувство гнева, и я же за это и отвечаю. Существует различие между признанием того, что внутренние установки и убеждения в какой-то степени влияют на наши эмоции или на их проявление, и утверждением, что они полностью и окончательно определяют наши чувства. Если пьяный водитель наезжает на моего ребенка, являюсь ли я и только я единственной причиной своего гнева? С этой точки зрения, если довести ее до крайности, человек виноват не только в том, что он ощущает, но даже в событии, которое вызвало такие чувства.

Хотя на психологическом уровне это положение может казаться хоть сколько-то оправданным, но если распространить его на уровень физических явлений, где причинность более конкретна и видима, оно начинает выглядеть абсурдным. Ведь если ему следовать, то это значит, что любой может вас

ударить, а затем отказаться от ответственности и, более того, возложить на вас вину за то, что вы решаете клеткам вашего тела регистрировать боль, объявив, что вам самим следует поинтересоваться, почему это вы создали действительность, в которой вас бьют. Приведенное выше рассуждение в действительности отражает менталитет жертвы, обвиняющей в своих несчастьях исключительно внешние причины. Однако иная крайность — взятие на себя полной ответственности за каждый случай и за каждую превратность — может лишь связать человека по рукам и ногам, породив в нем чувство вины, ощущение неполноценности и сомнение в себе.

Если вы позволили чему-то случиться, то вы этого, безусловно, заслуживаете, и ответственность за то, что вы с этим сталкиваетесь, ваша и только ваша. Как и в случае традиционной теории кармы, в этой системе рассуждений задействовано понятие о космическом правосудии. Все теории кармы/перерождения сталкиваются с трудностью в разграничении свободы воли и детерминизма. Но здесь (169:) существует дополнительная сложность в объяснении того, почему, с одной стороны, прошлые жизни диктуют необходимость прохождения определенных уроков, а с другой — человек в любой момент свободен выбирать ту действительность, которую он пожелает (или любую другую).

Сколько же существует действительностей? Столько, сколько людей? А как быть с животными? А с инопланетянами? И что на самом деле создает субъект — субъективную или полную действительность? Как связаны и скоординированы между собой эти действительности? Или на самом деле они неразделимы? Если на каком-то ином уровне люди и их действительности составляют единое целое, следовательно, действительность задается чем-то еще, помимо индивидуума. Любая совместная или отдельно существующая действительность должна быть как-то скоординирована, но кем или чем? Какой уровень реальности осуществляет координацию? И кто все это реально контролирует? Только представьте, что в этот самый момент миллиарды людей создают для себя мучительные и ужасающие действительности. Неужели каждому человеку, сталкивающемуся с голодом, болезнью или угрозой смерти, действительно нужен такой урок? Утверждение, что это необходимо человечеству как биологическому виду, просто не годится. Подобный скачок от индивидуального самосотворения к коллективному в пух и прах разбивает положение о личностном всемогуществе и личностной ответственности.

Суть обозначенной дискуссии — показать, насколько трудно оставаться в рамках предложенной схемы, если быть совершенно последовательным или не делать заявлений по поводу действительности, в которые трудно поверить. Если мы беремся утверждать, что действительность состоит из множества субъективно созданных действительностей, независимых друг от друга, то мы тем самым высказываем некий взгляд на действительность, который либо позволяет с определенной точностью описать, как все в ней работает, либо не позволяет этого. Когда же схема представляет собой закрытую систему, полную несоответствий, запутанных оправданий и самоутверждающих объяснений, верных по определению (тавтологий), то тогда есть все основания подозревать, что при построении этой схемы преследовались какие-то иные цели, нежели поиск истины. И напротив, существует весьма высокая (170:) вероятность того, что заложенные туда положения в действительности призваны оправдывать глубоко личные интересы.

Взаимоотношения между контролем (принятием руководства) и подчинением (отказом от попыток что-либо контролировать) представляют собой одно из глубочайших экзистенциальных затруднений, с которыми сталкиваются люди. Различные мировоззрения делают акцент то на одном, то на другом. Даосизм, провозглашающий пассивное следование за рекой жизни, подчеркивает необходимость покорности. Это характерно для большинства восточных теорий кармы и перерождения, в которых глубоко заложена идея покорности человека своей карме, долгу и духовному авторитету⁵. Напротив, теории о самосотворенных действительностях придают решающее значение контролю. За этой потребностью полностью контролировать происходящее скрывается страх, что кто-то или что-то (возможно, индифферентный мир) может в любой момент вторгнуться в мою жизнь и потребовать, чтобы я сделал или почувствовал что-то, чего я не желаю, или избавился от того, что люблю больше всего на свете (в том числе, от жизни). Поэтому я хочу сам выбирать, что мне чувствовать, выбирать время своей смерти и выбирать, у каких родителей в следующий раз родиться. Такова позиция многих людей, и понятно, что западные мировоззрения, основывающиеся на постулатах контроля и неограниченных возможностей, выстраивают эмоциональный щит, делающий их неуязвимыми для внешних событий. Мы полагаем, что занять эту крайнюю позицию человека побуждает чувство бессилия, испытываемое им при встрече с безжалостной реальностью.

Мы также думаем, что каждый участвует в создании не только своей собственной действительности, но и общей, которую делит с остальными. С нашей точки зрения, все мы воздействуем на окружающее и сами подвергаемся его воздействию. Временами ситуация бывает столь катастрофичной

⁵ Диалектическая связь между управлением (контролем) и подчинением подробно обсуждается в главе «Соблазны капитуляции», а также в книге «Контроль». (171:)

(землетрясение или репрессивная политическая система), что мы не в состоянии ей противостоять. Но иной раз человек способен в корне изменить ситуацию одним нажатием кнопки. Такая диалектическая перспектива наводит на мысль, что решение спорного вопроса о том, кто или что осуществляет контроль, не может быть окончательным. Мы верим, (171:) что реальная причина того, почему люди склоняются к схеме самосотворенной действительности, — это их желание сохранить за собой последнее слово (окончательный контроль) в истории собственной жизни.

Все люди взаимодействуют с окружающим миром по единой схеме: наш мозг приводит в порядок поступающую извне информацию, наше сознание реагирует на нее, сообразуясь с уже заданными шаблонами, наши предпочтения и пристрастия уникальным образом формируют и фильтруют наши переживания, а наша способность к самоанализу позволяет корректировать наше поведение. Так, согласно разделяемой нами точке зрения, мы, безусловно, обладаем свободой, достаточной, чтобы повлиять на то, каким будет наше завтра. Но если мы станем отрицать, что в сотворении действительности (включая нашу собственную) в каждый отдельно взятый момент участвует не только всякий человек, но и вообще все, что нас окружает, мы тем самым проигнорируем упомянутую выше диалектику. Ибо в то время, как я занят сотворением действительности, действительность занята сотворением меня. Недостаточное понимание этих диалектических отношений затрудняет задачу истинного осознания, позволяющего понять, что быть человеком — значит, с одной стороны, осуществлять контроль, а с другой — проявлять бесконтрольность. Когда следует брать бразды правления в свои руки и когда их отпускать — ключевой вопрос для каждого, кто стоит перед подобной дилеммой. Единого решения здесь не существует. «Вы создаете свою собственную действительность» — формула, которая дает людям лишь иллюзию абсолютной власти. Если не осознать, что контроль и бесконтрольность находятся в непрерывном взаимодействии, человек окажется, в конечном итоге, изолированным от той самой действительности, которую, по его мнению, он создает, поскольку его восприятие будет ошибочным.

Обращение к вере в способность самому формировать свою действительность поначалу может придать людям энергию, уверенность в себе и вдохновить на то, чтобы изменить свою жизнь, но в конечном итоге оно порождает чувство вины и ощущение полного краха, поскольку действительность упорно сопротивляется, не желая признавать всемогущество человека. Вероятно, все, принимающие данное мировоззрение, делают это из чувства глубокой уверенности, (172:) что они смогут сотворить действительность, где будет нечто крайне важное и истинное. И мы с этим согласны. Но то, что каждый из нас создает свою собственную действительность, является истиной лишь отчасти, а если с ней обращаться как с полноценной истиной, то она перерастает в ложь. Безоговорочное же признание этого учения в его крайнем проявлении подразумевает, что люди суть разрозненные единицы, каждая из которых создает свою независимую действительность, не влияющую на другие действительности и не находящуюся под их воздействием. Следует заметить, что это не то мировоззрение, которое необходимо для выживания человечества.

Восстановление подорванного доверия к себе

Многие из тех, кто, ранее примыкал к авторитарным группам, позднее лишаются каких бы то ни было иллюзий и заканчивают глубоким неверием в себя. Ведь для того, чтобы быть готовым капитулировать перед внешним авторитетом, необходимо изначально относиться к себе хотя бы с некоторым сомнением. Сюда включается неверие человека в то, что он мог бы получить «это» (чем бы оно ни являлось) самостоятельно. Как ни странно, те же люди обычно безоговорочно доверяют своей способности избрать именно тот авторитет, который, как они считают, может привести их к желаемой цели. Но, к сожалению, учитывая, сколь легко манипулировать страхом и человеческими страстями, эта способность, возможно, последнее, чему следует доверять.

Чем больше человек поддается влиянию авторитарной структуры, тем труднее от нее освободиться, поскольку сама личность человека погружается в определенную среду — со всеми ее эмоциями, убеждениями, образами, мировоззрением, отношениями и т.д. В самом деле, группа с авторитетной фигурой во главе становится средоточием смысла жизни, самой сильной привязанностью и даже надеждой на будущее. Для тех, кто находится в кругу приближенных (174:) лидера или на верхних ступенях иерархической лестницы, «сорваться с крючка» еще сложнее. Ведь многие обретают здесь чувство избранности и большую власть, чем они достигали или могли достичь когда-либо самостоятельно. И каждый становится младшим авторитетом для тех, кто стоит ниже.

Выход из группы, после того как человек какое-то время ей подчинялся, часто отбрасывает его назад, к смятению и проблемам, возможность избавиться от которых и делала группу поначалу столь привлекательной. Вдобавок, человека может охватить способное совершенно его парализовать сомнение в том, что он в силах найти выход из создавшегося положения. Его ощущение реальности становится хрупким, ибо многие вещи, в которые он прежде верил, теперь кажутся полной противо-

положностью тому, чем они для него были. То, что казалось истинным и благам, теперь видится ложным и исполненным зла. Казавшаяся безоговорочной любовь гуру на самом деле основывалась на желании безусловной власти, его бескорыстие было замаскированной эгоманией, его чистота была растленной. В сознании человека встают животрепещущие вопросы: «Как меня могло туда занести?», «Как я после этого могу доверять себе, решая, что истинно или полезно для меня?». Трудность расставания усугубляется столкновением с действительностью, которое на первых порах редко обходится без проблем. Напротив, оно, как правило, сопровождается смущением, гневом, смешанным с депрессией, и упреками самому себе.

Многих людей удерживает в группах страх — не только страх возвращения к неопределенностям самостоятельной жизни, но и глубокий страх оказаться беспомощным и неспособным доверять собственным суждениям. Это наносит также удар по доверию к другим, ибо разочарование в основных убеждениях часто бывает чревато цинизмом. Таким образом, ставки на веру (или на неверие) в авторитет очень высоки. Страхи по поводу возвращения к жизни, которая может оказаться еще хуже, чем прежде, дают гуру большую власть над членами своей группы. Их страхи похожи на страхи наркомана перед возвращением к однообразной, скучной жизни, которую он пытался скрасить наркотиками. Зависимость от авторитарной группы вообще обнаруживает множество общих черт с наркоманией¹.

Человек, все же сумевший покинуть такую группу, часто переживает не только кризис собственной личности, но и более широкий (175:) кризис, подразумевающий недоверие к глубочайшим эмоциям человека и к правильному восприятию себя, других и Вселенной. Кроме того, человек начинает сомневаться в том, насколько мудро поддаваться чувству любви. Хотя прежде знаком подлинности любви было то, что ее разделяют единомышленники, оказалось, что и этому нельзя более доверять. Мир экс-ученика перевернулся с ног на голову: то, что гуру и его последователи представляли как безоговорочную любовь, было призвано лишь упрочить их авторитет; к тому же оказалось, что бескорыстный гуру манипулирует людьми и грубо проявляет свою власть. Для людей, которые полностью покорились ему и прониклись к нему любовью более глубокой, чем испытанная ими когда-либо ранее, открытие того, что «король-то голый», может оказаться полной катастрофой. Неудивительно, что люди из всех сил сопротивляются всему, что заставляет их сомневаться в достоинствах авторитета.

Капитуляция перед авторитетом помогает не замечать или оправдывать те вещи, которые обычно считаются неэтичными. Но еще хуже, что человек может сам делать или проявляет готовность делать по отношению к другим людям самые ужасные вещи. Некоторые бывшие члены культовых группировок² позднее со стыдом и смущением признавались, что они могли бы и убить, если бы им приказал это их лидер. Убедившись на собственном опыте в том, как легко люди попадают под чужое влияние и насколько они склонны к самообману, многие покинувшие группу начинают, бояться не только самих себя, но и вообще окружающего. Они видели, как другие люди охотно выполняли указания лидера, неважно какие. Поэтому они ясно понимают, что люди способны делать почти все что угодно, превращая этот мир в кошмар.

Бывшие члены культовых группировок часто даже многие годы спустя говорят о себе как о совершенно искалеченных людях. В них подорвана способность доверять себе, которую, раз утратив, так трудно обрести. Это серьезная проблема, с которой сталкиваются те, кто, покидает авторитарные группы. Обычно они пытаются справиться с этими трудностями, принимая твердое решение никогда больше не давать снова себя одурачить. К сожалению, следуя такой установке, человек становится циничным и скрытным. Под этим цинизмом часто кроется боязнь связать себя какими-либо обязательствами или быть откровенным, поскольку прежде и то и другое уже приводило к (176:) болезненным последствиям. В большинстве своем циники — это разочарованные идеалисты. Защитная позиция такого рода может сделать людей более деятельными, но, следуя ей, они становятся осторожными, жесткими, эмоционально закрытыми и легко поддаются депрессии, возникающей обычно под влиянием скрытых в них страха и гнева.

Когда человек боится отдаться своим увлечениям, все время опасаясь быть обманутым или разочароваться, активно взаимодействовать с окружающим миром бывает довольно трудно. Это недоверие может повлиять и на эмоциональную жизнь людей. Они начинают опасаться завязывать с кем-либо близкие отношения. Разочарование в том, чему они так страстно поклонялись, может вообще повлиять на их способность любить, поскольку источник прежней любви оказался иллюзорным и, по сути, ложным. Стремясь защититься от опасных последствий, бывшие члены культов часто еще в большей степени погрязают в условностях и ограничениях, чем до своего культового опыта.

Действительное исцеление может принести только восстановление веры в себя, а это задача не из легких, ибо оболечение культовым опытом не дает человеку достаточных оснований для такой веры.

¹ См. главу «Кто контролирует ситуацию». (175:)

² Определение культа дано в главе «Религии, культы и духовный вакуум».

Возможно, конечно, что любовь или забота близких смогут сломать укоренившийся стереотип и содействовать появлению некоторой открытости и доверия. Однако открытость по отношению к конкретным людям не всегда устраняет боязнь оказаться уязвимым в отношении харизматических личностей и групп или вновь поддаться заблуждениям. Человек все еще по-прежнему может бояться самого себя.

Самая крайняя форма управления сознанием встречается тогда, когда человек доверяет авторитету полностью и делает его центром своей внутренней жизни. Как это ни печально, но общество и родители часто внушают детям, что посторонние лучше знают, что нужно делать. Многие люди приучаются ждать помощи со стороны и полагаться на силу или волю других. Отказаться от этой привычки или даже осознать, что это необходимо, довольно трудно, потому что при этом каждый остается один на один со всеми своими проблемами. Но когда человек осознает, что не существует абсолютного авторитета, лучше него знающего, что ему следует делать, и когда удастся преодолеть первое разочарование от такого открытия, это позволяет ему стать более доступным по отношению к другим и не бояться увлечься их идеями. Эти изменения связаны с ростом доверия к себе. (177:)

Следует подчеркнуть, что вера в свои силы обладает свойством положительной обратной связи: чем больше ваша уверенность в себе, тем больше вы способны сделать; аналогичным образом, сомнения и нерешительность чреваты бессилием. Весь вопрос в том, как вернуть подорванное доверие к себе?

Процесс исцеления можно ускорить, если мы поймем глубинные механизмы случившегося и проанализируем движущие силы авторитаризма. Тогда люди обретут уверенность, что никто больше не сможет завладеть их умами. Зрелость человека отчасти подразумевает осознание того, что никто не может с определенностью сказать, что нужно другому. Оставляя за собой окончательное решение о том, что для него наиболее важно, человек может получить и интегрировать все то, что предлагают другие, не боясь стать от них зависимым.

Одним из мотивов для написания этой книги послужило наше убеждение в том, что более глубокое понимание движущих сил авторитарной власти и ее всепроникающей способности дает людям возможность стать менее восприимчивыми к ней. Это подразумевает также большую информированность, ибо между доверием к себе и осведомленностью существует прямая связь. Человек, входящий в культовую организацию, как правило, преисполнен многообещающих иллюзий; напротив, тот, кто ее покинул, полностью лишился иллюзий, но обычно так и не понял или не осознал до конца, что же с ним произошло. Самообман в различной степени присущ всем людям. Но чем яснее мы будем понимать, сколь легко можно манипулировать страхом, человеческими потребностями и желаниями, тем скорее сохранится в нас способность критически мыслить.

Но разочарование в себе — это еще не главная проблема. Осведомленность подразумевает отказ от иллюзий, что, разумеется, приводит к разочарованию в жизни вообще. Нередко реальным препятствием становится сильная привязанность к чувствам или целям, которые питались иллюзиями, и поэтому избавление от иллюзий ощущается как потеря, а не как приобретение. Видеть, как рушатся твои прежние светлые чувства, пусть даже и порожденные иллюзиями, бывает очень горько. Но даже если мы понимаем, что в авторитарной среде соучастие и сотрудничество были поддельными и эфемерными, мы не должны отказываться от настоящего соучастия и сотрудничества, поскольку без этого полноценная жизнь в обществе невозможна. Если же мы продолжаем верить в подлинность (178:) безоглядного подчинения и мгновенно возникающей при этом близости, следовательно, мы все еще верим в иллюзии.

В какой-то мере самоанализ помогает понять, насколько пагубна позиция глухой самообороны и к какой предельной изолированности она приводит. Почти неслышимый внутренний голос, предостерегающий нас от того, чтобы доверять другим, на самом деле смертельно опасен. Не этот ли голос нашептывает нам в горестные минуты, когда мы пытаемся справиться с вызванным любовной изменой потрясением: «Никогда, никогда больше это не повторится!» Жесткий контроль, направленный на то, чтобы защитить от возможных мучений и разочарований будущего, закрывает врата не только перед любовью, но и перед возможностью жить без страха за себя — страха перед тем, что, стоит ослабить самоконтроль, и человек опять не устоит перед соблазном. Такой контроль чреват внутренними конфликтами и душевным разладом, ибо отказывается признавать нечто очень важное. Ведь человек в целом открыт любви, то есть рискует быть вновь захваченным чувством и испытать страдания³.

Если же удастся полностью избавиться от иллюзий по поводу авторитарных отношений (точнее, отказаться от заблуждений, а не просто разочароваться в них), вероятность вновь угодить в те же ловушки или стать циником много меньше. Цинизм — свидетельство того, что человек еще не совсем

³ В главе «Кто управляет ситуацией?» содержится глубокий анализ причин и последствий внутреннего раскола, связанного с недоверием человека к себе.

расстался с иллюзиями и продолжает обвинять в своих разочарованиях других людей или даже весь мир. Нередко люди, уже разуверившись в лидере, все еще придерживаются идеалов, за которыми скрывается все тот же авторитаризм. Не удивительно, что они чувствуют себя зависимыми и не доверяют себе, ибо до тех пор, пока человек руководствуется фальшивыми идеалами, им можно манипулировать. При этом иллюзорны сами идеалы, а не недостатки людей, позволяющие им жить в соответствии с этими идеалами⁴. Избавление от иллюзий — это именно освобождение от фальшивых идеалов, эмоций и ожиданий, порождаемых иллюзией. Лишь освободившись ото всего этого, человек может открыться настоящей, не иллюзорной любви. (179:)

Часть II. Идеологические маски

Введение. Война нравов

(181:) Сегодня на планете происходит величайшая битва за человеческое сознание. Мы называем эту битву «войной нравов», ибо конфликт касается морали и ее основ. Сюда входят основные положения, предписывающие, как надлежит действовать в той или иной ситуации и как не надлежит, как надо решать проблемы и как их решать не надо, короче говоря, как нужно жить и как не нужно.

Мораль (принятая в обществе структура предписаний в отношении того, каким образом люди должны обращаться друг с другом) — скрепляющее средство, придающее обществу целостность. В любых системах морали заложена оправдывающая их основа. Какова бы ни была эта основа, она всегда содержит в себе некий общий взгляд на то, чем является действительность и чем она не является. В настоящее время происходит историческое разрушение основ устаревшей системы морали. Когда имеет место кризис, трещину в старом порядке углубляют две предсказуемые и противодействующие силы.

Многочисленные движения, которые пытаются восстановить старые нормы морали. Главное, что при этом утверждается, это то, что причина всех проблем общества есть результат нашего отхода от старых истин. Считается, что к ним необходимо не только вернуться, но и следовать им с еще большим рвением. Наиболее очевидный пример таких воззрений являет собой фундаментализм, популярность и сила которого во всем мире в последнее время растет. (182:)

Изучение различных форм взаимодействия между людьми и экспериментирование с ними. Это подразумевает признание необходимости новых путей решения проблем, угрожающих существованию жизни на планете и возникших в результате злоупотреблений человечества, которые старые нравственные нормы поведения не способны сдерживать. Все, кто относит себя к этому идейному лагерю, включили бы сюда в качестве первостепенных вопросов все, или почти все, из следующего перечня: перенаселенность, экологию и предвестие того, что мы стоим на пути экологического самоубийства; усиление склонности людей к насилию до такой степени, что это начинает угрожать существованию вида; усугубление противоречий между имущими и неимущими во всем мире; историческую ошибку, связанную с недопущением половины вида (женщин) к построению государственных форм социальной власти. (Многие женщины-теоретики убедительно доказывают, что власть, в той форме, в какой она существует сегодня, доступна женщине только в том случае, если она руководствуется правилами, установленными мужчинами.) Среди всех этих разнообразных точек зрения, развивающихся в едином идейном русле, легко прослеживается призыв к кардинальной смене парадигмы.

Совершенно очевидно, что наша книга согласуется со вторым идейным направлением. Основная ее мысль состоит в том, что глубоко заложенная в людях склонность либо повиноваться некому непререкаемому авторитету, либо стремится самим занять его место, преграждает путь здравомыслию, необходимому для решения проблемы. Формулировать новую парадигму не входит в задачи этой книги, хотя мы и говорим в ней о тех переменах, которые, как мы считаем, нужны для ее становления. В большей степени здесь делается акцент на разоблачении авторитаризма, существующего в наиболее закрытых сферах общественного строя. До тех пор, пока люди не поймут, в каком болоте все мы барахтаемся, нам из него не выбраться. Поскольку авторитаризм в сложившихся общественных структурах (а следовательно, и в наших душах, и в повседневной жизни) в основном бессознателен и завуалирован, то для того, чтобы от него освободиться, нужно сначала его обнаружить и разоблачить. Иначе он просочится во все, что бы мы ни пытались начать делать.

Проблема, с которой сталкиваются любые попытки внедрить новые взгляды, заключается в том, что люди, отстаивающие старую (183:) систему морали, едва ли способны принять новую. Всему по истине новому недостает исторических фактов, которые могли бы придать ему силу и правдоподобие. Люди, занятые поиском новых форм, обычно разделяются на множество течений, выражающих

⁴ Скрытая природа авторитарных идеалов и причины их привлекательности служат предметом обсуждения второй части книги. (179:)

различные точки зрения. Поэтому им особенно трудно конкурировать с традиционными взглядами, ибо традиционалисты исходят из подтвержденных фактов, проверенных временем (иногда целыми тысячелетиями). В результате силы, стремящиеся воскресить старое, более конкретны, совершенно уверены в своей правоте и, в сущности, стоят на моральной позиции обвинителей, тогда как силы, ищущие новых решений, чаще всего основываются на гипотезах, иногда апологетичны и, как правило, пытаются противодействовать существующей морали.

Исход того, что мы называем «войной нравов», должен, без малейшего преувеличения, определить судьбу нашей цивилизации. Старый порядок завел нас туда, где мы находимся сегодня. Он разрушителен, ибо не способен справиться с силами, которые сам же породил. Если старое одержит победу, то вероятность нашего выживания как биологического вида крайне мала. Это и не удивительно, ибо выживание человечества никогда не было основной задачей старого общественного устройства. Его скорее интересовало собственное спасение.

В данный момент идет напряженная борьба между противоборствующими силами старого и нового, причем у нового именно сейчас появилась реальная возможность полноценного развития. Если человечество намерено делать ставку на жизнеспособные отношения между людьми и с планетой в целом, то к войнам нравов нельзя относиться несерьезно. В прошлом, когда возникали конфликты между старым и новым, было не столь существенно, сколько времени уйдет на их разрешение. Теперь, когда время отсчитывается экологическими часами, старое может нанести поражение новому, всего-навсего затягивая необходимые преобразования, — а в итоге проиграют все¹.

Человечеству предстоит решить сложную головоломку: «Все мы оказались на тонущем корабле, и единственным материалом, из которого можно построить новый корабль, является старый. Нам надо исхитриться разобрать старый корабль до того, как он затонет, и одновременно перестраивать его, не разрушая нужных частей». (184:)

Фундаментализм и потребность в уверенности

Фундаменталисты и модернисты сошлись во всемирной битве за человеческие умы. Это схватка между старыми ценностями и структурами и новой реальностью, пока что не имеющей отчетливых форм или соответствующей системы морали. Настоящий расцвет фундаментализма на планете был предсказуем в том отношении, что когда структура общества, включая его моральные основы, начинает рушиться, неизбежно растет желание вернуться к испробованному и надежному. Мы смотрим на происходящее в нынешний момент истории как на результат напряженного противостояния разнонаправленных, даже полярных тенденций, делающего в конечном итоге возможным удержание статус-кво. Основой одного из полюсов является фундаментализм.

¹ Подробный анализ борьбы старого и нового, которая не может разрешиться обычным образом, проводится в главе «Фундаментализм и потребность в уверенности». (184:)

Воздействие человека на окружающую среду далеко вышло за пределы отдельных культур и районов. То, что принято считать «общим» достоянием человечества, то есть то, с чем соприкасаются все люди в мире — вода, атмосфера, отходы жизнедеятельности, радиация и т.д., — невозможно должным образом защищать или рационально использовать, не имея основополагающего соглашения о приоритетах и ценностях. До тех пор, пока не сформированы (185:) общекультурные ценности, необходимые для общего выживания, нам просто не на что опереться. Племенные ценности доиндустриальной эпохи обычно отражали необходимость гармонии с природой. Но они не были предназначены для того, чтобы справляться масштабными проблемами, порожденными технической революцией. Как только племена приобщаются к новым технологиям, у них тут же возникают трудности с поддержанием сбалансированных взаимоотношений с окружающей средой¹.

Концепция гармонии с природой ценна сама по себе, но вопрос в том, что значит гармония в современном мире и каким образом она достигается? Как только технология стала в значительной степени служить инструментом человеческого могущества, гармония, основой которой было равновесие между человеком и природой, была утеряна. Сейчас для выживания необходимо найти новый баланс, но инициатива здесь может исходить только от людей, контролирующих использование власти. Для этого необходима совершенно другая, отличная от прежней модель управления, поскольку уязвимость вида сейчас является скорее функцией неправильного использования контроля, нежели его отсутствия. Мы уверены, что попытка вернуться к старому не сработает. Как в качественном, так и в количественном отношении проблемы, с которыми теперь сталкивается человечество, далеко выходят за границы возможностей прежних способов их решений, так что использовать старые рецепты не удастся — в основном потому, что те ценности и мировоззрения, которые лежали в их основе, авторитарны и, таким образом, по своей природе противятся модернизации. А из столкновения авторитарных убеждений никогда не получалось согласия. Так что разговор о необходимости смены парадигмы весьма актуален.

Истинная смена парадигмы должна была бы заключаться не только в принципиальной смене ценностей, но и в замене способа их обретения, сохранения и подтверждения. Старые системы морали основываются на авторитарной передаче, которая, по существу, не может быть оспорена, ибо ее положения, как считается, исходят от высшего разума. От того, как этот разум называть — Богом или просветленным существом, — суть дела не меняется. Ожидание мессии, (186:) призванного все уладить, является частью старого порядка. Если смена парадигмы и произойдет, то не по указу. Это может стать результатом решения думающих людей, осознающих необходимость такой попытки.

Для того, чтобы понять силу фундаментализма как всемирного движения, нужно разобраться, в чем его привлекательность. Наша цель — не просто показать, что фундаментализм авторитарен. Это нетрудно. Ведь фундаментализм по существу служит для удержания людей под контролем. Он может действовать лишь в рамках авторитарных иерархий, поскольку только они допускают и поддерживают непрерываемость. Люди, которым власть дается, или те, кто ее захватывает, на каком бы уровне иерархии это не происходило, кровно заинтересованы в том, чтобы их власть была признана законной. Это относится и к мужчинам, которым по традиции власть передается по наследству. Но привлекательность фундаментализма не ограничивается его установкой на законность, поскольку он вносит уверенность в весьма неустойчивый мир.

Западные религии содержат в себе самые явные проявления фундаментализма, поскольку в монотеистических мировоззрениях всемогущий Бог полагает правила для всех и каждого. Эти правила изложены в священных книгах — Библии и Коране. Вопрос, стало быть, в том, насколько буквально человек должен воспринимать эти тексты? Здесь также проходит грань между фундаменталистами, которые хотят по возможности понимать слова как можно более точно, и ревизионистами, которые используют их как некие вехи или символы, в то же время пересматривая и модернизируя их смысл. Фундаменталисты ясно понимают, что любая попытка ревизии Слова Божьего ведет к подрыву авторитета. Ревизионисты же считают, что если этого не делать, то человек останется с устаревшим мировоззрением, которое многих не устраивает.

Фундаменталистов и ревизионистов объединяет желание сохранить данную религиозную структуру действенной. И те и другие нуждаются в ней как в основе для построения человеческих взаимоотношений. Однако обе стороны заинтересованы и в реформе. Фундаменталисты хотят вернуться к изначальной моральной чистоте, которая утрачивается, когда религия становится более светской и либо приспособленческой, либо коррумпированной, и видят возможность такого возврата в более строгом соблюдении (187:) правил. Ревизионисты стремятся сохранить дух и смысл религии живыми (как они это понимают), обновляя мировоззрение и делая мораль более гибкой. Проблема для фундамента-

¹ В главе «Власть абстракций» в разделе «От анимизма к политеизму» обсуждается, каким образом анимизм обеспечивал гармоническое взаимодействие между людьми и окружающим их миром, столь необходимое для выживания племени

стов заключается в том, как принять изменения; для ревизионистов — как, проводя изменения, сохранить основной смысл учения. Наступает момент, когда изменения оказываются столь глубокими, что их осуществление затрагивает всю структуру. Когда то, что лежит в самой основе религиозной структуры, авторитарно, любой пересмотр, предпринятый с целью уменьшить степень ее авторитарности, может завести слишком далеко. Если авторитарность устраняется, то структура, соответственно, разрушается. В связи с тем, что фундаментализм и ревизионизм представляют собой полярно направленные тенденции в рамках авторитарной религии, между которыми сейчас разворачивается решающее сражение, настоящая глава будет посвящена рассмотрению обоих направлений, хотя большее внимание мы уделим первому из них.

Различные фундаменталистские группировки считают необходимым вернуться к основным исходным принципам Ислама, но к каким именно — в этом они расходятся. Но что это за принципы и почему к ним так уж необходимо возвращаться, если они являются непреложными истинами, как они о себе заявляют? Однако все фундаменталисты согласны в одном: главное, что следует возродить, — это непререкаемое и неизменное следование предписаниям высшей власти. Человеческие слабости заставляют людей капитулировать перед злом, вот почему так необходим, по их мнению, возврат к истокам².

Одни религии более жестко авторитарны, чем другие. Исламу мы не уделяем большого внимания потому, что его авторитарность слишком откровенна — само слово «Ислам» означает «покорность». Ислам — это продолжение иудейско-христианской космологии, и основной предпосылкой здесь является то, что люди должны покоряться воле Бога, как предписывает Коран. Коран же не может быть предметом каких-либо дискуссий. Некоторые исламские фундаменталисты считают любые нововведения происками дьявола, и с праведной категоричностью, которая может проистекать только из веры, готовы устранить их, имея они такую возможность. (188:)

Ревизионистские движения внутри ислама очень ограничены в возможности открыто поспорить с ортодоксальностью. В суфизме (мистическое ответвление ислама) идея о единстве всего сущего была предложена в крайне завуалированном виде. Открытое содержание священных текстов должно было быть представлено таким образом, чтобы не бросать прямой вызов Корану, являющемуся явно дуалистическим; поэтому свое мистическое мировоззрение суфисты иносказательно выражали в любовных поэмах. Необходимость защищать себя от исламской ортодоксальности — это, на наш взгляд, реальная причина того, почему суфизм стал эзотерическим. Многие представители ислама никогда не стыдились и даже сегодня не стыдятся калечить и убивать тех, кто с ними не согласен. Столь жестокое наказание остается наглядным примером того, как защита считающегося священным используется для оправдания насилия.

Сущность фундаментализма

Первоочередная задача всех религиозных мировоззрений — сделать так, чтобы провозглашаемые ими системы морали не казались случайными. Один из сильнейших страхов, таящихся в человеческой душе (иногда осознаваемый, но часто нет), — это страх перед хаосом и анархией, не только перед социальной, политической и поведенческой, но и перед внутренней, психологической анархией. Страх, являющийся подоплекой многих фундаменталистских направлений, это страх того, что без насильственного принуждения люди выйдут из-под контроля. Фундаментализм выстраивает жесткие категории добра и зла, борющихся за души людей. Зло изображается настолько могущественным, что человеку невозможно устоять перед его соблазнами, если не вооружиться надлежащей верой. Таким образом, фундаментализм не только способствует появлению страха и недоверия к себе, но и утверждает, что единственный путь избавления от них — твердая вера³.

Огромная психологическая привлекательность фундаментализма состоит в том, что он дает уверенность. Но в чем привлекательность уверенности? Конечно, уверенность доставляет человеку более приятные ощущения, чем неуверенность или замешательство. (189:)

Она может устранить внутренний конфликт или, по меньшей мере, уменьшить его и принести моральное облегчение. Религиозную убежденность можно обрести только вследствие капитуляции перед высшим авторитетом, которая, как и все формы капитуляции, высвобождает заблокированную внутреннюю энергию человека и придает ей нужную направленность, что позволяет ему легко влиться в ряды единомышленников⁴.

Такая убежденность должна быть способна выдерживать любые нападки и опровергающие доказательства, то есть все, что может породить сомнения. На нее не в силах повлиять никакие апелляции

² О проблемах, связанных с понятиями добра и зла, говорится в главе «Сатанизм и культ запретного». (188:)

³ В главе «Сатанизм...» показано, почему сатанизм является реакцией на ограничения, вводимые репрессивной моралью. (189:)

⁴ См. главу «Соблазны капитуляции». (190:)

к здравому смыслу и опыту, особенно в том, что касается будущего. Таким образом, основой религиозной убежденности является вера. Действительно, вера — это безоговорочное принятие определенной идеологии, и чем проще и недвусмысленнее идеология, тем легче сохранять веру — например, веру в то, что в мире существует четкое разделение на добро (причем в сферу добра попадают все, кто следует заповедям) и зло (ему подвластны те, кто эти заповеди нарушает), и в то, что всему существу объяснения, которые невозможно опровергнуть. Все беды считаются ниспосланными в качестве «испытания веры», «урока» или «воли Божьей» и объясняются тем, что «пути Господни неисповедимы». Сохранению непоколебимой веры помогают катехизисы, в которых верующие находят ответы на свои вопросы. Религиозные догматы касаются самого главного — веры в загробную жизнь, в высший разум, гарантирующий, что в конечном итоге в мире воцаряется честность и справедливость, и веру в то, что если человек следует правилам, то высший разум заботится о нем и защищает его.

Религиозные нормы выполняют две основные функции — предписывают повиноваться авторитету и сдерживают нежелательные проявления эгоизма. Мы говорим «сдерживают», потому что самые строгие предписания не могут его уничтожить, они скорее направлены на то, чтобы удерживать поведение людей в рамках допустимого. Одна из десяти заповедей гласит: «Не убий!», однако с ее появлением люди не только не перестали убивать, но, похоже, даже всерьез и не задумались о ее смысле. Существует явное противоречие между запретом убивать и реальным поведением людей, более того, в большинстве своем любящие фундаменталисты (хотя есть и (190:) исключения) обычно являются сторонниками смертной казни, а в схватках с врагом проявляли особую жестокость. Формулировка «Если вы нарушите закон, запрещающий убивать, то будете убиты» выглядит противоречиво только на вербальном уровне. На самом же деле она полностью соответствует авторитарной установке, согласно которой подчинения правилам надо добиться любыми способами. Разумеется, для оправдания убийства и убийц можно вспомнить о других обычаях — «око за око» и т.п. Само распятие Христа являет пример того, что страдания и смерть могут служить средствами исполнения некоего высшего предназначения. То, что Бог ради спасения человечества не воспрепятствовал мучениям и гибели своего единственного сына, является могущественным примером.

Для большинства фундаменталистов буквальное следование предписаниям во всех жизненных ситуациях не является делом первостепенной важности. Гораздо более существенными и полностью оправданными считаются любые действия, предпринимаемые для защиты этих правил, поскольку они исходят из непререкаемого источника. Чтобы расправиться со всем, что считается злом (нарушителями правил, инакомыслящими и т.д.), во имя защиты самих правил не грех эти правила и нарушить. Неизбежным результатом регламентации жизни людей является так называемая идеологическая безответственность, когда человек заботится исключительно о том, чтобы сохранить свою убежденность и защитить идеологию, на которой она основывается. Для авторитарной морали характерен двойной стандарт: ее заботят не только сами моральные ценности, но и то, как сохранить их неизменными. Защита авторитарной системы и ее морали всегда стоит над самой моралью. Убийство и насилие (или их угроза) всегда были спутниками авторитарной власти. Чем тверже убежденность, что правилам надо подчиняться, тем легче жертвовать инакомыслящими.

Основная функция морали с социальной точки зрения — удерживать агрессию в приемлемых границах. Для этого в одних случаях ее стараются узаконить, в других — запретить. Само представление о «праве» с течением времени изменялось. Вплоть до недавнего времени мужья имели законное право избивать жен. Функция такого права — держать жен в определенных рамках. Право родителей распоряжаться детьми и право правительств убивать, следуя предписаниям закона, выполняют сходные функции. Чем более репрессивно (191:) общество, тем в нем больше скрытой агрессии, которой нужен социально приемлемый выход. Война, расизм, избивание жен и детей или месть, санкционированная обществом, являются примерами традиционных способов разрядить напряженность. При этом одним из важнейших источников насилия всегда было желание защищать свои убеждения любой ценой.

Фундаментализм допускает существование двойных моральных стандартов также и в отношении того, что позволительно в частной и общественной сферах. Властям (государственному сектору) дается полная свобода действий, чтобы «защищать» нравственную чистоту частных лиц. Вообще говоря, идеал многих фундаменталистов — полностью искоренить какую-либо личную самостоятельность или частную инициативу, а иметь дело исключительно с теократией, регламентирующей все стороны жизни людей. Двойные стандарты позволяют с легкостью обходить нормы морали. Так, например, хотя ложь полагается несправедливой («Не лжесвидетельствуй»), в то же время считается, что если это служит некой высшей цели, то можно и солгать. Таким образом, родители считают вполне допустимым лгать своим детям, а государственные власти — своим гражданам «для их же собственного блага».

Перед фундаментализмом стоит вопрос — как заставить людей выполнять жесткие правила, досконально следовать которым просто невозможно. Разумеется, можно использовать принуждение и

страх. Но лучше всего воспитать людей так, чтобы они сами стремились выполнять все религиозные предписания. Наилучший способ — дать людям почувствовать всю меру своей греховности, а затем показать им путь к искуплению и очищению. Фундаментализм добивается этого, используя мировоззренческие понятия греха и искупления в системе моральных ценностей, основные принципы которой можно изложить в виде простых ответов на жизненно важные вопросы:

Для чего я здесь? — Для того, чтобы через подчинение правилам стать лучше.

Почему мне нужно становиться лучше? — Потому, что ты недостаточно хорош, так как часть тебя греховна (первородный грех).

Что произойдет, если я нарушу правила? — Ты будешь наказан силой, которой невозможно противостоять. Но если ты в (192:) полной мере раскаялся и вновь ей подчинился, то, возможно, будешь прощен.

Что произойдет, если я буду соблюдать правила? — Ты будешь вознагражден той же самой силой — но скорее всего, после смерти.

Старые системы морали изначально не были фундаменталистскими, они были просто системами морали. Фундаментализм стремится вернуть всем мировоззренческим идеям их изначальную чистоту. Сущность этого устремления лежит в убежденности, что всемогущая высшая власть не только установила правила поведения людей, но и создала космологию, то есть картину бытия, определила смысл и цель существования, истинность которых сохранится во веки веков. Основа фундаментализма — уверенность в том, что сущность веры остается неизменной.

Неприязнь фундаменталистов к эволюционным теориям объясняется тем, что понятие эволюции затрудняет буквальную интерпретацию Библии, хотя вряд ли все антиэволюционисты верят, что мир действительно был сотворен всего за семь дней. Эволюция несет в себе идею изменений, которые все живое претерпевает из поколения в поколение; в соответствии с этим положение человечества во Вселенной выглядит совершенно иначе. основополагающая идея эволюции — это идея непрекращающегося процесса. Поскольку вся окружающая действительность включена в этот процесс, и человечества отнюдь не является его средоточием, то нельзя с определенностью сказать, чем все может завершиться. Таким образом, эволюция разрушает убежденность, и поэтому фундаменталисты так ей противятся.

Сложившиеся религии являются самыми старыми, самыми статичными и ориентированными на прошлое институтами, приспособленными для сохранения своего авторитета в неприкосновенности. Таким образом, они должны считать себя не частью истории, а чем-то находящимся вне ее. В христианстве вся история завершается Страшным Судом Божиим. Восточные религии уходят от представления о непрерывном историческом развитии более изысканно, изображая историю цикличной и повторяющейся, а также провозглашая избавление от колеса смерти и перерождения (истории) последним наивысшим воздаянием. Как на Востоке, так и на Западе из этой внеисторичности выводится неизменность предлагаемых истин и их независимость от веяний конкретного времени. (193:)

Привлекательность фундаментализма в неуправляемом мире состоит в том, что он обещает восстановить порядок с помощью уже доказавших свою эффективность авторитарных методов. Но если одной из причин неуправляемости мира является непригодность старых способов управления, то попытка вернуться назад не только бесполезна, но и крайне опасна. Если бы не необходимость срочного решения проблемы выживания человечества, не оставляющей нам времени для выжидания, то предсказуемый рост фундаментализма можно было бы преодолеть. Прежде в большинстве случаев противоречие между старым и новым исторически разрешалось в процессе отмирания старого, поскольку из поколения в поколение его отставание от жизни усиливалось. Вся разница в том, что сейчас ждать естественного хода событий уже нельзя.

Затруднения ревизионизма

В ходе истории все религии так или иначе подвергаются пересмотру. Это приводит к появлению различных сект, многое из которых со временем развиваются в новую ортодоксию. Пересмотр считается необходимым тогда, когда появляется неудовлетворенность господствующей ортодоксией, а также когда ее поражает коррупция или же утрачиваются актуальность ортодоксии и сила ее воздействия на людей. Во всех религиях существует напряженность между тягой к изменениям и желанием сохранить статус-кво. Когда традиционные формы устаревают, стремление к изменению усиливается, развиваясь в двух направлениях: назад, в попытке восстановить старое, и вперед, к дальнейшему пересмотру. В той степени, в какой тот или иной пересмотр является вариацией на основополагающую тему (то есть, остается, например, в рамках христианства или буддизма), он должен иметь с формой некую общность и разделять по крайней мере основные убеждения — даже с фундаменталистами. Чем более гибкими являются эти убеждения, тем легче их можно приукрасить, сохранив, однако, ос-

новную суть. Одной из причин обращения многих людей к буддизму является то, что его сущностные убеждения более гибки, чем убеждения монотеизма.

Широкое развитие в разных станах как фундаментализма, так и ревизионизма является отражением упадка современной ортодоксии. Однако нынешние реформы отличаются от предыдущих тем, что в их (194:) результате западный монотеизм практически утрачивает прежнюю форму. Фундаменталисты всячески это подчеркивают, обвиняя господствующую религию в моральной и идеологической самоуспокоенности и в том, что она подает дурной пример. Они стремятся вернуться к более ранним, более чистым воззрениям. Фундаменталисты по своей сути авторитарны, тогда как современные ревизионисты пытаются наполнить старые авторитарные структуры неавторитарными ценностями. Ревизионизм вскрывает трудности текущего момента: может ли человек в достаточной мере изменить, все же сохранив при этом, точку опоры, которая в наше время хаоса дает стабильность, ясное представление о происходящем и утешение?

Пересмотр религии имеет два взаимосвязанных аспекта. Ревизия теологии призвана приспособить ее к современному восприятию, придав ей большую логичность; пересмотр церковных обычаев и правил нацелен на то, чтобы сделать их более восприимчивым к современным интересам и нуждам. Наши современники не слишком-то интересуются сложностями теологических дискурсов; они, скорее, хотят для себя гарантированного рая, особенно для своих детей. Главный пример тому — так называемые потребительские церкви. Прежде церковь учила людей, как следует жить; теперь люди сами диктуют церкви, чего они от нее ждут. Такие разновидности церквей множатся с большой скоростью, столь же быстро растет и число их прихожан. Они имеют при себе фирмы по связям с общественностью, проводят развлекательные кампании, а также опросы общественного мнения с целью выяснения, чего хотят люди, а затем приравниваются к этим требованиям.

Так что же нужно людям? Зачастую их потребности намного скромнее, чем предлагаемые церковью виды услуг. Эти новые церкви открывают школы для взрослых, специализированные детские группы, проводят праздники, организуют группы самосовершенствования, атлетические и гимнастические залы, клубы, лекции, группы для одиноких и брачные церемонии. Некоторые из них имеют около 20 000 членов. (Один шутник как-то заметил, что величина церкви ограничена только размером ее автостоянки.) Они также предлагают программы добровольной помощи ближнему и легкие программы воскресной школы, воспитывающие в детях христианские добродетели любви, сотрудничества и сострадания. Проповеди о грехе, о вине перед Богом, о существовании ада, (195:) о том, как следует жить или как пожертвовать этой жизнью во имя следующей, крайне нежелательны. Вместо этого потребительские церкви предлагают целый набор ценностей, которые в основном говорят хорошим людям, что надо постараться избавиться от собственных недостатков, заботиться о семье и друзьях и всю жизнь по возможности помогать другим. Они заявляют, что истинная проповедь Христа заключается именно в этом.

Понятия греха, проклятия и наказания не используются; напротив, много говорится о любви и признании, росте самооценки и принятии ответственности. В новое христианство и иудаизм вошло множество гуманистических идей, и наиболее существенные различия этих двух религий теперь, по видимому, сводятся к большему родству с одной или другой символической системой. В наши дни многие люди с легкостью редактируют свои убеждения, приводя их в соответствие со своими нуждами и склонностями. Например, некоторые из тех, кто называет себя христианами, воспринимают Христа не как Бога, а скорее — как великого учителя. Многие католики позволяют себе разводиться, регулировать рождаемость в своих семьях и во многом игнорировать предписания папы, считая его старомодным. Согласно опросам, большинство американцев верят в некую загробную жизнь; меньшая часть верит в ад («Ньюсуик», 27 марта 1989 г.). Другие, которые также все еще считают себя христианами или иудеями, верят в карму и перерождение.

Религия представляет собой мировоззрение и систему моральных принципов, опирающихся на теологию, призванную их объяснять и оправдывать. Большинство людей, для которых вера является неотъемлемой частью их жизни, связывающей их с обществом, могут отождествлять себя, скажем, с христианами и в то же время совершенно не интересоваться теологией. Но это не может продолжаться долго, для того чтобы религия была в состоянии выжить и быть переданной следующему поколению, в основе ее должна лежать теология, придающая мировоззрению упорядоченность и правдоподобие. Даже несмотря на то, что католическая церковь не рекомендует своим членам излишне углубляться в теологические дебри (вплоть до середины 60-х годов мессу продолжали служить на латыни), при ней существует специальный орден иезуитов, посвятивший себя изучению богословия, ибо церковь знает, что на каждый вопрос должен быть дан ответ, полностью рассеивающий любое сомнение. (196:)

Если кто-либо пожелает остаться христианином, но при этом верит также в карму и перерождение, перед ним неизбежно встанет задача, как примирить единого христианского Бога с безликой вселенской силой (кармой). Можно предположить, что карму создает Бог, поскольку Он создает все; но со-

здав ее, подчиняется ли Бог карме или же карма подчиняется Ему? И может ли Бог вторгаться в карму и изменять ее? Ведь если Бог заранее задал карму и после этого устранился, предоставив мир самому себе, то стоит ли вообще обращать внимание на такого Бога? Или же, если Бог может вмешаться в карму, то тогда карма не является абсолютным принципом, каковым она должна быть; стало быть, зачем ей уделять такое внимание. Вот некоторые из проблем, с которыми столкнулась бы теология, если бы захотела примирить Бога и карму. В принципе, возможно и это, поскольку человеческий ум способен примирить любые две вещи, если хорошо постарается. Однако, что касается некоторых спорных вопросов, попытка их примирения делает ситуацию весьма запутанной, причем обе доктрины теряют свою форму и силу.

Пересмотр авторитарных мировоззрений чреват своими специфическими проблемами, хотя может оказаться, что и сам процесс обновления приобретает едва ли не еще более авторитарное выражение, как это было в случае протестантской реформы. Считалось, что ревизия, произведенная Лютером и Кальвином, была инспирирована Богом и являлась не попыткой изменения, а возвратом к замыслу Божьему. В этом случае Библия по-прежнему признается непререкаемым авторитетом, но граница между ревизионизмом и фундаментализмом несколько сглаживается. Когда основные положения религиозного мировоззрения подвергаются пересмотру, сразу возникает вопрос: кто это осуществляет и на какой авторитет он при этом опирается?

Ревизионизм стремится дать толчок социальным преобразованиям, одновременно стараясь, насколько это возможно, сохранить традицию. В наше время, благодаря развитию науки и демократии, темпы социального преобразования ускорились. Выдвижение женщин на государственные посты наравне с мужчинами в разных странах мира также расшатывает старые устои. Происходит объединение и обновление знаний и ценностей, культивируемых религиями. Будда, Христос и Магомет были социальными преобразователями, пытавшимися путем пересмотра господствующего порядка искоренить в нем коррупцию и несправедливость. Будда расправился с (197:) кастовой системой; Христос привнес любовь в прежние жестокие и воинственные божественные предписания и покончил с этническими табу; Магомет ввел закон и моральный контроль, которые обуздывали человеческие страсти. Каждый из них считался уникальным святым, и поэтому их учения стали основой новой власти. Когда пересмотр касается существенных убеждений, должна возникнуть новая религия, как это и произошло.

Если ревизионистский подход затрагивает глубинные структуры мировоззрения, люди пытаются сохранить свой внутренний мир, не будучи уверенными в том, что лежит в основе обновления. Но в какой момент пересмотр прекращает быть пересмотром прежнего мировоззрения и сам становится самостоятельным мировоззрением, использующим лишь старое название? Говорят, например, что сущность христианства — это любовь, и, таким образом, если вы любите, вы христианин. Чем христианская любовь отличается от буддийского сострадания или любой другой любви? Возможно, ничем; но тогда зачем же себя называть христианином? Быть христианином — это значит верить во все или в большую часть (или, по меньшей мере, в некоторые) из следующих догматов:

В Троицу Господню, содержащую в себе трансцендентного Бога, являющегося Творцом этого мира.

В то, что Ветхий и Новый Заветы проистекают от самого Бога, то есть являются откровениями, и, следовательно, представляют собой высший авторитетный источник, на котором основывается христианство. (Католики-традиционалисты включают сюда кроме того исторический свод церковных уложений.)

В то, что люди грешны от рождения и поэтому нуждаются в спасении.

В то, что Христос был порожден Богом через Деву Марию. Непорочное зачатие было канонизировано, чтобы оградить Христа и Его Мать от осквернения грехом.

В то, что Христос как Сын Божий уникальным образом обладал, по меньшей мере частично, божественной природой и был первым Божьим посланником истины.

Что Бог послал того, кого любит больше всех, — своего Сына — на Землю, чтобы Сын принял великие муки, дабы дать людям возможность искупить свои грехи. Христос был (199:) вновь возвращен к жизни («воскрес») и затем вознесся в лоно Бога-Отца, («на Небеса»). Некоторые секты также добавляют к заповедям Христа благие деяния и послушание.

Что только спасенные попадут на Небеса; остальные — в ад, в преддверие ада, в чистилище.

Есть люди, которые считают себя христианами, но подвергают сомнению достоверность некоторых из перечисленных положений или же почти всех или даже всех их, тогда как фундаменталисты верят в большую часть этих догматов или во все до единого. Что должно быть присуще обеим группам, чтобы оправдать их желание называться «христианами», — ведь их убеждения имеют так мало общего? На самом деле большинство фундаменталистов этого совершенно не хотят.

Теологам предстоит основательно подумать над тем, какие из основополагающих положений этого учения (если таковые вообще есть) должны оставаться неизменными, для того чтобы христианство

оставалось христианством, и насколько можно отклоняться от каждого из них. И именно в теологии современные ревизионисты встречаются с трудностями. Убежденность (абсолютная вера) является ключевой частью того, что придает религии ее психологическую силу. Намного легче верить в слово Божье, чем в результат его пересмотра человеком.

Показанная не так давно по телевидению дискуссия между фундаменталистским проповедником и ревизионистским священником была в основном посвящена спорным вопросам, касающимся интерпретации Библии. Полемика велась прежде всего вокруг того, является ли Библия женоненавистнической. Нас поразило не смысл или качество аргументов обеих сторон, которые, разумеется, были полностью предсказуемы, а, скорее, поведение каждого участника. У фундаменталистского проповедника было гладкое лицо, счастливая улыбка, из его уст лились бойкие, высказываемые без усилий афоризмы типа «не пытайтесь изменять Слово Божье; измените вместо этого себя». Другой же священник был очень серьезен. Он выглядел как человек, осознающий всю глубину расхождений, но не слишком четко представляющий, как их примирить. Он указывал на тексты, которые по своему содержанию были явно женоненавистническими, но затруднялся доказать, что Бог не был женоненавистником. Как христианин, он не мог вместе с водой выплеснуть и ребенка, то есть (199:) не мог окончательно отрицать авторитет Библии. Проблема здесь в том, что когда пытаешься пересматривать сложные структуры, редко удается выплеснуть из ванны одну лишь воду.

Аргумент, упорно используемый фундаменталистским священнослужителем как неопровержимый, состоял в том, что Библия является Словом Божиим и что любое легкомысленное вмешательство человека ведет только к его искажению. Далее он доказывал, что когда люди по-своему интерпретируют Бога, то остается лишь человеческая субъективность, а Божья объективность утрачивается. Ревизионист же, пытаясь убедить в необходимости пересмотра, апеллировал к «фактам» и говорил о современных моральных проблемах. Эти факты включали в себя принятые научные знания, а проблемы морали подразумевали современные гуманистические и демократические ценности — такие, например, как равноправие женщин. Чтобы привести в соответствие с ними христианство, он должен был назвать Библию метафорическим словом Божиим. Между тем, метафорой можно объявить практически все что угодно. Итак, фундаменталист излучал уверенность, тогда как его оппонент выглядел взволнованным и как бы оправдывался.

Несмотря на то, что ревизии подрывают веру в религиозные доктрины, они все же помогают сохранять основы мировоззрения и не пытаются бросить ему вызов. Ревизионист чувствовал себя загнанным в угол, когда фундаменталист напрямую спросил его, верит ли он, что Библия является Словом Божиим. Говоря о том, что Библия «божественно инспирирована», последний буквально брызгал слюной, чем даже развеселил своего оппонента. Тем не менее, очевидно, что ревизионист не все в Библии был согласен считать исходящим от Бога, поскольку указал на разделы, которые, как ему это представлялось, были явно женоненавистническими и искаженными. Однако он не решался поставить вопрос жестко, а именно: может ли такой текст, как Библия, отдельным частям которой более 3000 лет, быть подходящей основой для настоящего взаимодействия, стоит ли ее пересматривать, а также что побуждает к этому?

Католицизм разработал защитные механизмы, определив границы допустимого пересмотра, позволяющие сохранить веру. Власть, которую приобрела церковь, была узаконена Церковными соборами, сформулировавшими догматы веры и объявившими папу непогрешимым (имеющим прямую связь с Богом) во всех вопросах веры и (200:) морали. Сейчас в католицизме наблюдается серьезный раскол между модернистами и традиционалистами. Первые хотят, чтобы церковь пересмотрела свою позицию относительно брака и безбрачия священнослужителей, относительно контроля над рождаемостью, аборт и всеобщей демократизации самой церкви. Традиционалисты не только упорствуют в своей приверженности старым догмам, но и угрожают отлучением от церкви тем, кто публично выражает несогласие с ними.

Нам кажется, что католическая церковь обречена на то, чтобы неизбежно склоняться ко все более фундаменталистской позиции, поскольку требования ревизионистов являются достаточно экстремистскими и потакание им подорвало бы авторитет церкви и доверие к ней. Если, например, контроль над рождаемостью то объявляется грехом и запрещается, а потом вдруг разрешается, ясно, что это не только не помогает исправить ситуацию, но и порождает у людей вопрос, насколько серьезно вообще следует относиться к подобным вещам. Как бы там ни было, контроль над рождаемостью во всем мире признается остро необходимым. Позиция католической церкви в данном вопросе является еще одной трагической иллюстрацией идеологической безответственности, когда первостепенное значение придается не последствиям, проистекающим из этой идеологии, а поддержанию при помощи нее власти и порядка.

Ревизионизм и стремление к целостности

Наличие того факта, что человек, больше не верящий в особую божественность Христа, все еще хочет оставаться христианином, возвращает нас к вопросам, касающимся личности, морали и отношений в обществе. Основное, что связывает людей с любой религией, — ее система морали. Личность человека прежде всего определяется его моральными ценностями, а также его связями с обществом. Если человек христианин или буддист, то быть членом общины, разделяя с ней основополагающие ценности, очень удобно. Кроме того, это позволяет существовать в атмосфере взаимного доверия, ибо человек знает, чего ждать от других и как с ними договориться. Система морали воздействует на повседневную жизнь человека, создавая контекст, в котором ему приходится действовать. (201:)

Что касается фундаменталистов, мораль для них чрезвычайно важна, но лишь как средство окончательного личного спасения. Она является частью мировоззрения, которое гарантирует спасение, и, как следствие, они нетерпимы ко всему, что угрожает поколебать уверенность в безупречности их мировоззрения. Вот почему сущность фундаментализма — потребность в уверенности. Современных ревизионистов больше волнует вопрос, кем они являются в этом мире. Они желают пересмотреть старое мировоззрение и его мораль, чтобы сохранить ощущение своей индивидуальности и почву для стабильности, потребность в которой в наше неустойчивое время ощущается особенно остро. Сейчас, когда Христос объявляется символом вселенской любви, а ветхозаветный Бог считается уже не особой трансцендентной сущностью, а некой имманентной силой, находящейся везде, то для удержания жизненных ориентиров уже недостаточно придерживаться только исторических корней и ритуалов, — следует заботиться о сохранности своей моральной целостности, способа формирования личности человека. Сказать: «я христианин» на самом деле то же самое, что сказать: «я хороший человек», то есть веду себя соответствующим образом.

Сила фундаментализма неразрывно связана с авторитаризмом, и все истины, которые фундаментализм признает непреложными, глубоко проникнуты авторитарной моралью. Для ревизионистов же большей проблемой является то, как показать, что их мораль не субъективна и, таким образом, не произвольна. Тут поступают в основном тремя способами:

Ревизионисты, как и традиционалисты, обращаются к прошлому и пытаются исторически доказать, что на самом деле они воскрешают изначальный дух учений. Они также стараются привести доказательства того, что основоположники религий, такие, как Христос или Будда, больше заботились о людях, чем об идеологии. Здесь кроется намек на то, что многое из относимого фундаменталистами к разряду основополагающего в действительности является результатом ранних ревизий, которые исказили изначальный дух и переданную основателем истину.

Ревизионисты считают, что слова основателя религии могут быть должным образом поняты лишь в контексте истории и что их следует заново интерпретировать в свете современных открытий. (202:) Это подразумевает, что авторитетные священные тексты следует понимать не буквально, но как аллегории или метафоры.

Ревизионисты сохраняют те стороны религиозного учения, в которые они могут верить, и опускают те его части, в которые они верить не могут. (Пример тому — опускание тезиса о божественности Христа и рассмотрение его как великого учителя.) Данный подход часто сопровождается принятием привлекательных положений, почерпнутых из других вероучений, — это направление, называемое синкретизмом, имеет множество исторических прецедентов. Подобное обычно происходит, когда соприкасаются различные мировоззрения и начинает разрушаться целостность каждого, что в последнее время наблюдается достаточно часто. Некоторые люди включают в христианство такие различные элементы, как Богиня-мать, карма, космическое Единство, подразумевающее имманентность Бога, или же понятие о просветлении, где Христос признается просветленным существом⁵.

Все эти попытки решить назревшие проблемы ведут к ослаблению авторитета изначальных вероучений, однако некоторое время они позволяют сохранять желаемые ценности неприкосновенными. Но для того, чтобы существовать долго, религия должна обладать достаточно сильным мировоззрением. Ревизионистов волнует вопрос что же может этому помочь, иными словами, кем должно быть сказано то последнее слово, которое бы утвердило не только данное мировоззрение, но и порождаемую им систему морали? Может ли авторитарное мировоззрение быть пересмотрено каким-либо способом, не являющимся авторитарным? Каким мог бы быть такой способ — обращением к разуму, интуиции, здравому смыслу, науке, философии или ко всей совокупности человеческого опыта? Любой

⁵ О современном синкретизме говорится в главе «Связь с бесплотными авторитетами». В частности, один из вариантов синкретического учения, так называемый «Курс чудес», представляет собой попытку смешения христианских понятий о любви с восточным представлением о Единстве. В качестве доказательства истинности этого «Курса» утверждается, что он был передан через медиума непосредственно духом Иисуса Христа. (203:)

из этих путей возможен, но удастся ли таким образом поддержать и даже упрочить представление о святости религиозных положений?

Вопрос состоит в том, что же считать окончательной основой формирования человеческого мировоззрения. Сущность всех (203:) авторитарных религий — требование веры в высший авторитет, который они отстаивают. Стоит подойти к этому с точки зрения разума, как все меняется. Современные попытки демократизировать по сути авторитарные мировоззрения должны либо потерпеть неудачу, либо изменить их до неузнаваемости. Могут ли христиане сами выбирать, что из вышеуказанных положений традиционного христианства им необходимо, чтобы называть себя христианами? Может ли человек использовать археологические находки, свидетельствующие о повсеместном распространении древнего культа Матери-богини, чтобы утверждать, что Бог — существо женского пола? Хотя все это и возможно, но решающую роль, скорее, будут играть человеческие предпочтения, а не Слово Божье.

Изгнать авторитаризм из религиозной иерархии невозможно. Когда вера зиждется на допущении, что истина исходит от «высшего» разума, недоступного простому люду, тем самым уже устанавливается авторитарная иерархия. И не имеет значения, откуда исходит высший разум — из священных текстов или от просветленного мастера.

Нам очень симпатичны люди, которые не могут принять авторитарных утверждений. Изучая проблемы, стоящие перед ревизионизмом, мы, разумеется, не задавались целью поддержать фундаментализм, а всего лишь хотели показать трудности, возникающие при попытке пересмотреть авторитарные по своей сути структуры, чтобы сделать их менее авторитарными. Новая интерпретация старого может работать до тех пор, пока ситуация в мире позволяет, чтобы пересмотр сущностных положений давал им возможность оставаться хотя бы отчасти жизнеспособными. Существующие в настоящее время мировые религии были созданы тогда, когда земледелие, авторитарная иерархия и патриархат привели к улучшению условий жизни людей и, в частности, открыли перед видом исторически укоренившиеся и по сей день существующие способы расширения своего могущества. Главной ценностью стало накопление богатств и захват новых территорий, для чего использовались убийства и войны как крайнее проявление власти и как окончательный метод решения проблем. Авторитарные религии и их системы морали, которые развивались и действовали вместе со старыми политическими режимами, оправдывали совершение всего, что требовалось для сохранения власти. (204:)

Что поставлено на карту?

Борьба между старым порядком и зарождающимся, еще не сформировавшимся новым, которую мы назвали «войной нравов», в действительности происходит между старыми космологиями, где духовное было отделено от мирского, и людьми, пытающимися создать новое мировоззрение, поддерживающее проникновение духовного в жизнь. Эта пропасть между старым и новым видна в разногласиях между фундаменталистами и ревизионистами; причем и те и другие существуют «под крышей» одной и той же религии. Ревизионисты в большей мере оказываются в невыгодном положении, ибо им приходится терпеть моральные инсинуации фундаменталистов, тогда как сами фундаменталисты от этого избавлены.

В либерализме существует традиция терпимости, особенно религиозной терпимости. В то время как фундаменталисты вряд ли склонны проявлять терпимость к чему бы то ни было, что не совпадает с их убеждениями, людей либеральных взглядов обычно принуждают к тому, чтобы они были терпимыми и к фундаменталистам, хотя те считают их безнравственными или даже порочными. Мы согласны с тем, что люди должны иметь возможность верить в то, во что они желают, без принуждения. Но уважение права людей иметь различные убеждения вовсе не подразумевает, что человек должен уважать сами эти убеждения. К сожалению, концепция религиозной терпимости изначально означала, что никто не должен критиковать убеждений других. Терпимость только тогда работает хорошо, когда все игроки играют по одним и тем же правилам. Когда же кто-то пытается навязать свои убеждения, то насколько в таком случае следует быть терпимым по отношению к этому человеку? Проблема с которой сталкивается идеология терпимости, заключается в том, терпимость пытаются проявлять и к тем, чья цель — разделаться с этой самой терпимостью.

Против критики религии отчасти существует культурное табу, поскольку на религию вполне обоснованно взирают как на нечто находящееся за пределами разума. Какие поводы для критицизма могут быть там, где властвует вера, убежденность или даже интуиция? Истинность или ложность религиозного мировоззрения не может быть окончательно доказуемой. Но доказано может быть то, что оно является или же не является авторитарным. Авторитаризм (205:) присутствует в большинстве вещей, которые принимаются на веру, часто включая то, что принято считать священным. Предписание, к которому люди обязаны относиться как к священному и не подлежащему критике, само по себе ненамеренно является авторитарным. Священное и находящееся под запретом идут рука об руку

— святыни запрещено подвергать сомнению. На наш взгляд, святыни официально объявляют священными именно для того, чтобы защитить их от критики, так как сами они за себя постоять не могут. Концепцию терпимости необходимо пересмотреть под тем углом зрения, чтобы она поощряла обсуждение, которое может поставить под сомнение обоснованность и жизнеспособность любой веры, учитывая ее воздействие на мир. Это особенно необходимо, когда ставки так высоки. Хочется надеяться, что еще выше они не взлетят.

Из истории мы знаем, что всякий раз, когда в меняющемся мире возникала трещина между старым и новым, старое в конечном итоге отмирало, поскольку не могло адекватно вместить новое в старую структуру. Разумеется, это требовало времени и сопровождалось переворотами и кровопролитиями. Но в конце концов, старое не могло победить просто потому, что оно старое. В нашу особую эпоху ситуация совсем иная. Человечество сталкивается с необходимостью перемен в тот момент, когда экологические часы его выживания уже запущены. Теперь старое может одержать победу, просто-напросто затягивая назревшие преобразования, — этого достаточно для того, чтобы наше время истекло. И хотя такая победа была бы пирровой победой, мы подозреваем, что людям с апокалиптическим образом мыслей до этого нет дела.

Активность, с которой фундаментализм препятствует новому, может служить веским основанием, чтобы ему противостоять. Вопрос в том, способны ли ревизионисты, ограниченные тем же авторитарным мировоззрением и моралью и стремящиеся узаконить фундаменталистские идеи возвращения к нравственной чистоте, взять на себя роль его достойного соперника? Центральная идея фундаментализма — спасение души человека после его смерти. Современные ревизионисты хотят расширить сферу действия своей религии, включив в нее заботу о настоящем и будущем всего живого на этой планете. Их усилия сковывает необходимость обновлять авторитарное по своей сути мировоззрение, сформировавшееся в менее критическое для человечества время. На чрезмерно (206:) эксплуатируемой и перенаселенной планете отношение к общепланетарным ценностям должно коренным образом измениться: жажда количества должна смениться заботой о качестве, жажда накопления — заботой о сохранении. Взрослея, человек все больше задумывается о смерти; развитие человечества как вида подразумевает осознание того, что оно также бrenно. Выживание человечества более не воспринимается как незыблемая данность, и его существование может быть продлено только в том случае, если люди сумеют изменить воздействие факторов, разрушающих жизнь на Земле. Для этого нужна мораль, которая бы учитывала не только то обстоятельство, что каждый человек смертен, но также и возможность гибели человечества как вида. Независимо от того, верит ли человек в личное бессмертие, но если он следует морали, основывающейся исключительно на этой вере, а не на том, что способствует развитию и процветанию жизни на нашей планете, он тем самым потакает прошлому, а это уже непозволительно.

Сатанизм и культ запретного: Почему приятно быть плохим

Кто такие сатанисты и почему находятся люди, которые хотят ими стать? Вопрос этот далеко не праздный, и не только потому, что о культе поклонения дьяволу и случаях ритуальной жестокости становится теперь известно более широкому кругу людей, но еще и потому, что в уважаемых слоях общества идея Сатаны стала использоваться для объяснения пороков нашего мира. Католическая церковь увеличила число экзорцистов, еще более таким образом узаконив это понятие, а один из бывших важных американских чиновников, возглавлявший борьбу с наркотиками, публично заявил, что в распространении кокаина-крэка повинна не безысходность человеческого существования, а дьявол («Сан-Франциско Кроникл», 12 июня 1990 г.). Главная тема этой главы — не сатанизм как таковой; о нем мы говорим скорее как о ярком примере того, сколь велика власть соблазна и запретного. Большинство людей, делая то, что они считают дурным, может быть, даже безнравственным, помимо чувства вины испытывают и удовольствие. Напрашивается по-настоящему интересный и уместный вопрос: почему порой так приятно быть плохим?

Что, собственно говоря, это значит — поклоняться Сатане? Можно поклоняться либо некоему существу, некой силе или власти, либо символическому выражению некоего принципа. Тогда (208:) сатанизм — это поклонение злу как символу, образу, духу, идее или конкретной метафизической силе. В любом случае слово «Сатана» выражает абстрактную идею умышленного зла в чистом виде. Попросту говоря, сатанизм — это поклонение торжеству зла над добром, или, иными словами, возведение в ранг добра того, что обычно считается злом.

Необходимо помнить, что Сатана как персонаж или сила берет начало в традиционных религиях Запада. Сатанизм как образ жизни опирается на мировоззрение, лежащее в основе всех западных религий, и на присущее им членение человеческого поведения на две четкие моральные категории — добро и зло. Для западного монотеизма характерен дуалистический отрыв Бога от всего остального. Такое мировоззрение делит бытие на Бога и Его творение, а этот основной дуализм порождает и все

остальные. Абстрагирование от жизни понятий «добро» и «зло», а также последующее обожествление этих двух абстракций и наделение их человеческими чертами (Бог и Сатана) составляет основу западной фундаменталистской религиозной космологии. Но очеловеченная сила зла присуща не только фундаментализму. Официальная теология католицизма, наряду со многими протестантскими, исламскими и иудаистскими сектами, по-прежнему пропагандирует веру в силу зла, чья единственная цель — сбить людей с пути. Сатанизм — это фон и контраст для тех религий, которые создали Сатану.

Идея Сатаны исходит из условия существования безупречного монотеистического Бога — источника всего добра, и силы, стоящей за этим добром. Образ могучего падшего ангела, который при каждом удобном случае старается коварно извратить добро, используется для того, чтобы объяснить, почему на Земле до сих пор не воцарился рай. Любой успех, любая власть, обретенные теми, кто попал ему в когти, объясняются его якобы двойной ролью — искусителя и карателя. Ведь после смерти он заставляет людей заплатить за те удовольствия, которыми сам же их и соблазнил.

Исторически сатанизм связан с черной магией, колдовством и демонологией. В основе его лежит предположение, что, вступив в контакт с силами зла или отдавшись им, человек может в какой-то степени управлять этими силами и влиять на них. Обряды и ритуалы для вызывания темных сил как правило относились к разряду действий, на которые налагался моральный запрет, действий, (209:) подразумевавших нарушение табу, окружавших — угадайте, что? — секс и насилие. Древние обряды плодородия и шаманские или языческие методы врачевания, шедшие вразрез с властью организованных религий, также объявлялись сатанинскими. Но в этой главе не рассматривается религиозная политика, то есть те меры, которые предпринимают религии, чтобы сохранить свою власть. Нас скорее интересует источник притягательной силы всего запретного.

Оставив до поры обсуждение того, является ли зло, которому поклоняются сатанисты, истинным злом, и поистине ли добр Бог, которому поклоняются остальные верующие, зададимся следующим вопросом: какова же Вселенная, подразумеваемая такими представлениями? Чтобы по-настоящему понять сатанизм, необходимо углубиться в природу добра и зла.

Добро и зло

Слова «добро» и «зло» — это абстрактные символы, каждый из которых призван обозначать класс действий, куда входят не только последствия поступков, но и стоящие за ними намерения. Поэтому если я замышлял добро, а вышло зло, меня могут не признать невиновным, но и злом это тоже не назовут. Следовательно, чтобы сотворить зло, нужно его замышлять. Но это не так просто и очевидно, как кажется. Что значит «замышлять зло»? Что именно замышляется в этом случае?

Если мы заглянем в Оксфордский словарь, то обнаружим, что слово «зло» (evil) имеет тот же этимологический корень, что и слова «вверх» (up) и «через» (over). Первоначально слово «зло» означало либо «превысить должную меру», либо «перейти надлежащую границу». Далее разделяются два основных значения слова «зло»: с одной стороны — противоположность добра, с другой — желание и причинение вреда. Определить зло как противоположность добра легко, когда добро — это нечто заданное изначально. Поэтому если признанная верховная власть опирается на добро, то неповиновение этой власти есть зло. Второе же определение зла как умышленного причинения вреда не так просто, поскольку оно поднимает новые вопросы — много ли вреда наносится, и кому именно? Кроме того, нет единого мнения о том, что входит в понятие «вред». Что такое наказание — вред или добро? Следует ли, говоря о моральных (210:) соображениях, принимать во внимание другие биологические виды — можно ли использовать их со спокойной совестью? Не хуже ли употреблять в пищу одни виды по сравнению с другими, и если так, то почему? И еще: является ли самоуничтожение, или самоубийство, причинением вреда, то есть злом? А как насчет причинения вреда самой Земле? Является ли злом месть? Что верно — «око за око» или «подставь другую щеку»?

«Добро» и «зло» — понятия, призванные определить, или «собрать под своими знаменами», бесконечное множество поступков и событий. Догадкам и предположениям о ранней истории человеческих переживаний довольно трудно найти подтверждение; гипотезы о происхождении конкретного слова, а следовательно, и понятия, еще более умозрительны. И все же понятия «добро» и «зло» как четко разграниченные категории должны были либо входить в древнейшие лингвистические конструкции человечества, либо возникнуть какое-то время спустя. На наш взгляд, понятие о зле возникло в тот период, когда освоение земледелия впервые открыло возможность накопления материальных благ и стали формироваться ранние иерархии власти, превратившие человеческий труд в товар — объект использования и злоупотреблений. Иерархия породила жестокость к чужакам, которой не было в племенных группах. На заре человечества идолопоклонство и политеизм, духи и божества не были чем-то абсолютно хорошим или плохим и могли приносить как удачу, так и напасти. Два взаимосвязанных понятия — «добро» и «зло» — развивались одновременно с усилением религиозной аб-

стракции, которая все больше отрывала духовное от природного. В конце концов на Западе с приходом монотеизма разрыв между священным и мирским усилился до полного взаимного исключения. Это разграничение сделало понятия добра и зла еще более жесткими¹.

Разным культурам присущи разные представления о том, что же такое зло. Кое-кто даже утверждает, что целые культуры могут быть носителями зла, орудием Сатаны, — такое мнение о Западе высказывают некоторые исламские фундаменталисты. Не вдаваясь в дискуссию о том, что есть в действительности добро и зло, можно с уверенностью сказать: зло в конкретной культуре есть совокупность человеческих поступков, на которые наложен моральный запрет. Во (211:) всех культурах существуют табу, но нарушение их не всегда считают злом. Вероятнее всего, подлинным источником морали была не религия, а унаследованная от предков традиция. Когда же основой морали стала религия, понятия табу и зла соединились (породив при этом понятие греха)².

Получив добро и зло в качестве самостоятельных категорий, стало легче управлять членами иерархии. Внешние рычаги воздействия, успешно использовавшиеся при племенном строе (групповое одобрение или порицание, стыд и остракизм), стали недостаточно эффективными для управления большими группами, в которых люди не знали друг друга. Дуалистическая мораль, которая ведет к усвоению абстрактных понятий «добро» и «зло», в сочетании с представлением о всеведущем Боге, неотступно следящем за каждым вашим шагом, перекладывает управление на такие внутренние механизмы, как страх и вина. На Востоке безжалостный и неумолимый закон кармы действует так же, как всеведущий Бог, вознаграждая или карая человека за каждый его поступок. Сложным обществам необходимы некие внутренние механизмы контроля, и источником их становится религия.

С начала расслоения общества развитие религии шло в направлении усиления контроля над людьми путем внушения им необходимости отречения и самопожертвования. Когда добро и зло окончательно оформились в виде двух взаимоисключающих категорий, это облегчило становление религии отрешенности: когда четко сформулировано, что есть зло, появляется нечто явное и конкретное, от чего необходимо отрешиться. Гораздо менее очевидно, что мораль, построенная на отрешенности, также должна быть дуалистической и предполагать какую-то жертву, ибо если не от чего отречься, тогда вообще не о чем говорить. Отречение само по себе уже предполагает наличие каких-то альтернатив: человек должен отречься (пожертвовать, отказаться) от чего-то одного ради чего-то другого (предположительно более достойного). Мораль отречения обязательно является авторитарной, поскольку нуждается в непререкаемом авторитете, который бы выносил вердикт, что хорошо, а что плохо. В религиях отрешенности ключевыми всегда являются (212:) понятия «святыня» и «жертва». Когда нечто возводится в ранг святыни (высшего), всегда появляется возможность оправдать жертву во имя чего-то не святого (низшего). Социальные иерархии, в которых принесение в жертву низших во имя высших является обыкновением, опираются на мораль, которая это оправдывает, отделяя «священное» от «мирского»³.

Чем и во имя чего следует жертвовать — зависит от системы, но в основе всегда лежит простая схема: необходимо принести в жертву личные интересы (куда входят удовольствия, стремление к лучшей жизни и плотские желания) во имя чего-то высшего, более важного. Этими «высшим» может быть либо изреченная воля всеведущего Бога; либо идеалы духовной реализации, не признающие личных интересов; либо верность правителю, стране, клану или семье; либо даже утилитарная этическая модель вроде «наибольшего блага для наибольшего числа людей» Джона Стюарта Милля. На самом деле вопрос не в том, являются ли якобы высшие интересы и цели действительно высшими и необходима ли жертва в каждом конкретном случае. Наша задача — просто показать, как мораль, основывающаяся на отречении, формирует представление о добре как об отказе от своекорыстных интересов, и еще, как абстрактные категории добра и зла усваиваются человеческой психикой в виде понятий «бескорыстное» и «своекорыстное» (эгоистическое).

Зло есть максимальная степень эгоизма, святость же — предельное проявление бескорыстия. При этом злом считается не эгоизм вообще, а только действительно крайние его проявления. (Католики делают различие между смертным грехом и грехом корысти, так же как родители различают серьезные проступки своих детей и обычные шалости). Как правило, зло — это все-таки нечто из ряда вон выходящее, не встречающееся в повседневной жизни. Тем не менее в детстве большинству из нас внушали, что быть плохим — значит нарушать правила и поступать эгоистично, а быть хорошим —

¹ О том, как эволюционировало это разграничение, и о том, как с его помощью религия стала контролировать мораль, написано в главе «Власть абстракций». (211:)

² В главе «Религии, культы и духовный вакуум» подробно объясняется связь между религией и моралью; в главе «Власть абстракций» прослеживаются четыре основных стадии становления религиозной абстракции и их связь с моралью. (212:)

³ В главах «Религии, культы и духовный вакуум» и «Единство, просветление и опыт мистического переживания» природа религии отрешенности и соответствующей морали рассматривается более подробно. В главе «Власть абстракции» показаны исторические связи между религией, моралью, жертвой и социальным могуществом. (213:)

значит подчиняться правилам и ставить на первое место других. Даже те, кто в конце концов начинает сомневаться в правилах или пытается их изменить, обычно придерживаются коренного различия между (213:) самоотверженностью и эгоизмом. Когда кого-то обвиняют в безнравственности, при этом почти всегда имеют в виду, что ему в той или иной степени свойственно проявлять эгоизм. Точно так же, когда кто-то признает, что не обладает достаточной нравственностью, это значит, что он считает свое поведение не отвечающим собственным представлениям о самоотверженности.

Проблема зла

Чтобы внушать доверие, каждая религия должна как-то объяснять существование боли, жестокости, насилия, несправедливости и страданий. Самый простой ответ предполагает наличие некой злой силы, которая во всем этом виновата. Но если в качестве объяснения сослаться на существование зла, то возникают новые проблемы, заставляющие религиозных апологетов изъясняться путано и загадочно. Вкратце проблему зла можно сформировать так: существует ли в мире зло (как бы его ни определяли), и если существует, то почему и откуда оно взялось? Зло — проклятие всех религий, в особенности тех, которые хотели бы, чтобы Бог был первопричиной, творцом всего сущего, и при этом не был запятнан чем-либо дурным. Это особенно справедливо для западных трансценденталистских религий.

Перед любым монотеистическим вероучением, которое усматривает в Боге не только творца, но и олицетворение добра, мудрости и могущества, встает вопрос, является ли зло независимой силой или это некая часть божественного промысла. Но если оно часть божественного плана, а Бог — добро в чистом виде, то как же тогда зло смогло стать абсолютным злом? Если же зло никак не зависит от Господней воли, то откуда оно взялось? Неужели Бог сотворил нечто вроде Франкенштейна, чудовища, вышедшего из повиновения своему создателю? Если нет, то в таком случае умаляется сила Бога — всемогущий Бог должен был создать все, в том числе и зло. И вот, чтобы сохранить Бога как воплощение чистого добра, некоторые секты, которые принято считать еретическими, попытались ограничить его могущество. Однако это заставляет усомниться в монотеизме, ибо как мог Бог, чья сила ограничена, стать творцом всего? Гностицизм и манихейство, как и их предшественники, зороастризм и митраизм, рассматривали добро и зло как равные силы, а борьбу между ними — как космическую битву, определяющую самую суть бытия. Считалось, (214:) что добро и зло независимы и в равной мере присущи человечеству. Христианство заклеило такое представление как ересь — иначе и быть не могло, поскольку тем самым, по сути дела, уничтожался монотеизм: ведь если две космические силы равны, не может быть, чтобы существовал только один Бог,

Примирить абсолютное добро и всеисие Бога с существованием зла — задача сложная: либо Бог желает искоренить зло, но не может, и, следовательно, не всемогущ, либо Бог может это сделать, но не хочет. Чтобы последнее утверждение было справедливым, а Бог по-прежнему оставался абсолютно добрым, у него должна быть веская причина для создания и дозволения зла. Поиски такого мотива приводят к стандартному ответу на вопрос о зле: Бог сотворил зло, чтобы дать людям свободу воли (в такой ситуации они могут, руководствуясь соображениями морали, предпочесть добро злу). Таким образом, человеческая жизнь рассматривается как какая-нибудь пьеса-моралите, в которой действующие лица сначала подвергаются испытанию, а потом награждаются или наказываются. Вопрос, зачем это понадобилось Богу, наводит на другой не менее интересный вопрос: «Почему «пал» Сатана — по своей собственной воле или его подтолкнули, потому что Бог нуждался в дьяволе?». Вариант с пьесой-моралите при ближайшем рассмотрении не выдерживает критики. Вечность — штука долгая. Вечное проклятие за то, что человек поддался сильнейшему искушению, которое Бог (через свое орудие — Сатану) ниспослал ему в качестве испытания, снова рисует нам образ сурового, мстительного Бога, карающего за непослушание. Какой любящий отец станет так испытывать и наказывать свое дитя? К тому же постулат, гласящий, что Бог сотворил зло (или, мягче выражаясь, допустил его существование), дабы предоставить человечеству свободу выбора, не объясняет, почему Бог сделал так, что одним бывает выбирать добро гораздо проще, чем другим. Почему одним даются более легкие условия для выбора (любящие родители), чем другим (детям, лишенным любви и ласки)? Эта проблема никогда не привлекала к себе должного внимания. А ведь в христианстве она приобретает особую остроту, потому что у нас есть только один шанс сделать правильный выбор.

Кальвинисты пошли дальше, задавшись вопросом, знает ли Бог заранее, какой выбор придется сделать людям. Ответить «нет» значило бы ограничить силу и знание Бога. Следовательно, если он (215:) знает заранее, каким будет выбор, то этот выбор предрешен. И тогда встает еще одна проблема: почему такому множеству людей предначертано стать плохими? Отвечая на этот вопрос, кальвинисты подчеркивают то обстоятельство, что зло присуще человечеству изначально (первородный грех) и что люди могут обрести спасение только с помощью милости Божьей. Но кто может ответить, почему одни получают такую милость, а другие — нет, и зачем Богу понадобилось сотворить целый

вид, которому от рождения присуще зло, чтобы потом решать, кого следует спасать, а кого не следует? Поскольку Бог всеведущ, для него не существует тайн. Наблюдая, как разворачивается действие пьесы-моралите, он с самого начала знает, кто те немногие избранные, которых он собирается спасти, знает он и то, что подавляющее большинство сотворенных им людей навечно обречены. Не правда ли, странное времяпрепровождение для Бога, олицетворяющего абсолютное добро? С человеческой точки зрения такое занятие не кажется особенно привлекательным.

Можно, как обычно, удовольствоваться ответом, что замысел Божий недоступен человеческому пониманию. Но достаточно одного взгляда на плоды Божьего труда, чтобы возникла общая для всех атеистов убежденность: существуй на самом деле Бог, правящий этим миром, каждый нравственный человек считал бы своим долгом презирать его, принимая во внимание тот успех, который приносят насилие, бездушные и алчность.

Монотеистический дуализм, отделяющий Бога от всего остального, рисует почти фантастический его образ — он предстает как абсолютный эгоист, сотворивший Вселенную только для того, чтобы ему поклонялись, вознаграждающий тех, кто делает это «надлежащим образом» (в соответствии с установленными им правилами) и наказывающий всех остальных. Не случайно это напоминает нам авторитарную власть, ибо светская авторитарная власть использует для своего оправдания авторитарную религию с присущими ей священными символами и моралью, основанной на долге и самопожертвовании. И вопрос, сотворил ли Бог авторитарный строй (как полагают фундаменталисты), или авторитарный строй породил Бога, чтобы оправдать свое существование, отнюдь не тривиален.

Если Бог предстает перед нами как эталон добра, то необходимо сделать кого-то эталоном зла. Но идея существования воплощенного зла рождает новые вопросы. Что побуждает Сатану быть злодеем? (216:)

Является ли он лишь орудием Божьего промысла, или же он сам предпочел зло? Что есть зло — исконная природа Сатаны или враждебная реакция на то, что его свергли с Небес? Несет ли Сатана наказание за то, что он — Сатана, или же он приятно проводит время и наслаждается, делая гадости? Можно понять, зачем он искушает людей, но зачем, добившись успеха, он наказывает их? Ведь если бы дело действительно заключалось в борьбе за души, Сатана преуспел бы гораздо больше, не существуй мрачной перспективы ада. Если же, карая грешников, он исполняет Божью волю, то он не противник Бога, а одураченная им жертва. Одно из объяснений таково: Сатану настолько угнетает его положение по сравнению с Богом, что единственной радостью для него остается заставить страдать других. Вот он и искушает людей запрещенными (Богом) удовольствиями, а потом получает наслаждение, мучая тех, кого соблазнил. Иными словами, он — законченный садист. Но здесь мы вновь возвращаемся к вопросу, как мог абсолютно добрый Бог сотворить воплощенное зло, начисто лишённое положительных качеств. Сатана — это попытка монотеизма избавить всемогущего Бога от моральной ответственности. И все же невозможно избежать вопроса, выполняет Сатана Божью волю или нет.

Сила католицизма отчасти заключается в прощении грехов и защите людей от зла. Для этого грех должен быть реальным, как должна быть реальной и некая воплощенная форма зла. Назначая официальных служителей, изгоняющих бесов (экзорцистов), католическая церковь тем самым признает Сатану силой, с которой следует считаться, и в то же время провозглашает себя силой, могущей от него защититься. Сатана выполняет роль мусорной корзины монотеизма, в которую можно выбросить все, что бы ни случилось плохого. Использование Сатаны для объяснения всех пороков мира делает ненужным дальнейшее рассмотрение этого вопроса.

Занятно, что на Сатану возлагают также вину за любые сомнения, возникающие у людей относительно веры. Люцифер получил свое имя потому, что был «носителем света», то есть разума. Его изображают сладкоречивым дьяволом, использующим доводы рассудка, чтобы соблазнять людей, убеждая их при этом в том, что зла вообще не существует, либо в том, что в их поступках нет ничего дурного. Каждая сложная сложившаяся система мышления создает свои способы обезоруживать сомневающийся. В нашем конкретном (217:) случае защитники веры заранее объявляют любой достаточно веский аргумент, способный поставить под сомнение какие-либо религиозные аспекты, порождением дьявола. При этом организуется поистине круговая оборона. Сначала строится авторитарная система веры, а потом, исходя из этой системы, делается авторитарная посылка, помогающая сделать веру неприступной. Эта посылка сводится к следующему: дьявол хитрее человека, поэтому там, где дело касается сомнений относительно веры, человеческому разуму доверять нельзя. Стоит человеку клянуть на эту удочку, и он станет бояться собственного ума⁴.

Восточные религии, в которых утверждается единство всей жизни, а дух Бога имманентен, определяют природу зла по-другому, более изощренным образом, что позволяет избежать многих из пе-

⁴ В главах «Уловки гуру» и «Атака на разум» говорится о том, к каким способам прибегают авторитарные системы, чтобы обезвредить критическую мысль. (218:)

речисленных выше проблем. Индуизм относит зло к категории майи, или иллюзии — иллюзии обособленности. Буддизм рассматривает зло как неведение. Он считает неведением отождествление себя с «я» или веру в существование «я», нуждающегося в постоянной защите и поддержке. При ближайшем рассмотрении оказывается, что понятия «иллюзия» и «неведение» по сути не отличаются друг от друга. Оба они трактуют зло как заблуждение, проистекающее из ошибочного представления, что человек существует в виде индивидуального «я».

Восточный дуализм принимает более изысканную форму, чем монотеизм: здесь разрыв между добром и злом смягчен, но не до конца искоренен. Вместо того чтобы делить Космос на две составляющие — Бога и его творение, — Восток создает два уровня, дабы поддерживать собственную дуалистическую мораль, основанную на отречении. Этот скрытый дуализм заключается в создании духовного мира, предположительно лежащего за пределами двойственности и за пределами добра и зла и мира иллюзии, или неведения, где добро и зло непрерывно противостоят друг другу. Таким образом, духовность и добро отождествляются с верхним уровнем (Единством), а зло действует, исходя из нижнего уровня, отрицающего Единство или не ведающего о нем. Именно в этом пункте терпят крах большинство восточных теорий духовности, ибо они не предусматривают подлинного единства добра и зла, а рассматривают Единство как (218:) источник одного лишь добра. Здесь, как и в монотеизме, мир превращается в пьесу-моралите, придуманную с той целью, чтобы люди могли научиться стать лучше. Но зачем? В этом-то вся загвоздка. Первый серьезный вопрос, который сразу напрашивается, — почему существуют иллюзия и неведение?⁵

Остается главный для любой космологической системы вопрос: почему все устроено именно так, а не иначе? Христиане говорят: потому, что все мы рождены во грехе. Буддисты — потому, что в силу своего неведения все мы рождаемся, чтобы страдать. Индуисты утверждают: потому, что мы вообще рождаемся (разобщенные и непохожие друг на друга). Все перечисленные утверждения подразумевают, что люди получают по заслугам. Кроме того, не забудьте о теории первородного греха, а также и о теории кармы. Если постараться преуменьшить зло, объявив его иллюзорным, существующим за пределами нашей действительности, это может успокоить, но лишь тех, кто не склонен особенно углубляться в проблему. Ведь люди с особой изощренностью и почти не заботясь об оправданиях продолжают убивать, калечить, эксплуатировать и оскорблять друг друга.

Сатанизм как путь к власти

Монотеизм рассматривает Бога и природу как нечто совершенно различное. Поэтому лежащий в его основе дуализм является более осознанным и более категоричными, чем на Востоке. Это порождает жесткие дуалистические категории: ад — рай; Бог — дьявол; спасение — проклятие и, конечно же, добро — зло. Сатанизм — чисто западное явление именно потому, что для монотеизма характерен самый глубокий разрыв между добром и злом, находящий свое выражение в жестком разграничении на дозволенное и запретное. Поклонение запретному, когда объектом поклонения становится олицетворение силы, позволяющей запретное, мы считаем сутью сатанизма. Сатанизм — это реакция на моральные императивы монотеистического Бога, регламентирующие абсолютное добро, и на требование подавить в себе все плотское и чувственное. Когда дух (219:) противопоставляется материи, то есть природе, объектом отрицания становится та сторона человеческих существ, которую можно назвать их животной сущностью. Это нелепо, поскольку никаким другим животным, кроме человека, не свойственно испытывать отвращение к естественным проявлениям своей биологической природы. Отношение к телу как к чему-то низменному оправдывает угнетение и подавление его потребностей, так же как подобное отношение к природе оправдывает ее эксплуатацию. Поклонение злу может иметь место только в условиях такой культуры, где приобщиться к «добру» можно исключительно ценой отказа от многого из того, что составляет человеческую природу. Искушение — зеркальное отражение отречения: чем усерднее человек отрекается от какого-либо из аспектов человеческой натуры (например, от чувственности), тем сильнее его преследуют искушения.

Поклонение подразумевает благоговение. Примечательно, что благоговение рождается из ощущения, что вы соприкасаетесь с какой-то могущественной или неведомой силой. Так, наряду с божеством, можно поклоняться природе, красоте, гуру, вождю. Сходные ощущения становятся причиной поклонения Сатане или Богу. А поскольку эти ощущения порождает сам процесс поклонения, то не так уж важно, насколько реально то, чему мы поклоняемся. Поклоняясь греческим, ацтекским и любым другим богам, люди испытывали, по сути, одинаковые переживания. Предмет, сила, личность или абстракция — все, что становится объектом поклонения, обязательно воспринимается как носитель власти — власти, позволяющей каким-то образом влиять на жизнь людей. Одна из причин, по которой объект поклонения воспринимается именно таким образом, заключается в том, что когда че-

⁵ Более подробно о способах, к которым прибегает идеология Единства, чтобы скрыть свою двойственность, см. в главе «Единство, просветление и опыт мистического переживания». (219:)

ловек соприкасается с ним физически или духовно, его чувства изменяются. Часто это сопровождается состоянием покорности, которое обладает своим собственным эмоциональным полем⁶.

Процесс поклонения не является чем-то однонаправленным, исходящим только от верующего. Взамен он получает чувство приобщенности к некой высшей силе и даже слияния с ней, которое перерастает в ощущение, что он стал могущественнее. Если бы поклонение никак не сказывалось на самочувствии верующего, вряд ли (220:) оно длилось бы долго. Именно эмоциональные изменения в основном подтверждают и укрепляют веру в то, что данный объект или данная идея заслуживают того, чтобы им поклоняться.

Исторически монотеизм вытеснил политеизм, потому что монотеистический Бог оказался более могущественным. Он вознесен на более высокий уровень абстракции и наделен более общими и, следовательно, более всеобъемлющими силами (всемогуществом и всеведением). Религия превозносит могущество Бога, но при этом отвергает поклонение одной лишь его силе, считая, что истинного преклонения заслуживают Господне милосердие, доброта и справедливость. И все же молитва во многом направлена на то, чтобы попытаться уговорить Бога использовать свою силу в интересах верующего или поблагодарить его за уже оказанную милость. Полной противоположностью являются сатанисты, для которых истовое поклонение Сатане служит средством усиления и упрочения его власти⁷.

Поклоняясь Богу, человек проявляет верность тому образу божества, который у него сложился. Верующий живет по правилам, которые, по его убеждению, предписаны человеку Богом, и, конечно, надеется извлечь из этого пользу. Из союза с признанной верховной властью, устанавливающей конкретные правила жизни, может проистечь множество земных благ. Два ключевых блага, которые условно связаны между собой, это уверенность и власть. Уверенность относительно того, что именно является правильным и справедливым, можно использовать для оказания давления на тех, кто такой уверенностью не обладает. Таким образом, уверенность — это средство, позволяющее оправдывать принуждение, а также устранять внутренний конфликт⁸.

Поклонение Сатане похоже на поклонение Богу в том смысле, что верующий также вступает в союз с высшей силой, чье присутствие он ощущает; только вместо добра сила эта олицетворяет то, что люди считают злом. Абстрактное представление о зле легко обретает человеческие черты, принимая облик Сатаны, ибо, для того чтобы зло стало злом, необходимо намерение. Такое намерение подразумевает наличие воли и некой формы сознания. Какое же сознание (221:) олицетворяет собой Сатана? Обычно образ Сатаны наводит на мысль о некоем существе или некой силе, сбивающей людей с пути праведного, а потом злобно ликующей при виде мучений заблудших. Действительно ли Сатана веселится и ликует, творя зло, или это занятие причиняет ему страдание и служит наказанием? Нельзя недооценивать эту непростую дилемму, ибо за подобными головоломками кроется в высшей степени важный вопрос: приятно ли быть плохим?

Когда добро и зло являют собой взаимоисключающие понятия, образуя дуалистическую систему морали, быть плохим действительно может оказаться очень приятно. Это именно та ось, вокруг которой вращается сатанизм. Интересно, что во многих разговорных выражениях (например, «дьявольски удачлив», «чертовски красив», «дьявольская усмешка» и др.) и в образах героев преступного мира проявляется двойственное отношение культуры не только к самому дьяволу, но и к тем, кто ведет дурную или беспутную жизнь. Зло обладает тайной притягательной силой, и часто отношение к нему бывает весьма снисходительным. Это объясняется тем, что понятие «дурное», а следовательно, «запретное», распространяется на плотские и эгоистические стороны человеческой природы. По крайней мере некоторое из того, что объявлено запретным, обогащает нашу жизнь. Зачастую подавлять подобные проявления нашей природы просто-таки вредно, поскольку высвобождение таких ранее сдерживаемых аспектов личности позволяет человеку жить более полной жизнью. В сатанизме поклонение запретному сопровождается столь сильным всплеском эмоций, что они начинают ассоциировать с могуществом.

Мы убеждены, что сатанизм — это, по сути, весьма мрачная попытка человека обрести личную власть — власть над теми, кто попался в его сети (зачастую над детьми). Люди становятся сатанистами, потому что это кажется им более привлекательным, чем те убеждения или верования, которых они придерживались раньше. Попробуем представить себе картину или сценарий, описывающий, как это может происходить, а чтобы продемонстрировать притягательность сатанизма, мы на скорую руку сыграем «адвоката дьявола».

⁶ В главе «Соблазны капитуляции» показано, как формируется и эволюционирует покорность любой авторитарной власти. (220:)

⁷ В главе «Власть абстракций» демонстрируется взаимосвязь между властью и религиозной абстракцией.

⁸ Об этом говорится в главах «Религии, культы и духовный вакуум» и «Фундаментализм и потребность в уверенности». (221:)

Возьмем ребенка, которому с пеленок внушали, что плотские желания есть нечто грязное и постыдное, что всеведущий Бог видит и судит каждую его гадкую мыслишку, каждый мельчайший проступок, что он рожден во грехе (первородный грех) и может (222:) спастись только в том случае, если будет неукоснительно следовать правилам, продиктованным Богом. По каким-то причинам ребенок не может полностью подавить в себе все, что считается плохим, и поэтому его тоже называют плохим. Таких детей легко заставить почувствовать, что с ними происходит нечто неладное. На деле детей вообще часто заставляют ощущать себя плохими из-за того, что они нарушают правила, принятые без их участия. Порой детям кажется, будто им запрещают все, что весело и приятно. Зачастую эти правила отказывают им в том, чего требуют их природные инстинкты, а также и в праве на возмущение, которое естественно порождает такой отказ. В тщетной борьбе за то, чтобы быть хорошими, многие дети совершают поступки, которые едва ли могут заслужить одобрение общества.

Если люди убеждены, что они по своей сути плохие, они становятся легкой добычей сатанистов, которые говорят: «Вам заморочили головы, чтобы держать вас в повиновении. Ведь если Бог правит миром и устанавливает законы, почему же тогда успеха в обществе добиваются именно те, кто эти законы нарушает? Вам говорили, что если вы нарушите закон, то прямиком попадете в ад. Однако оглянитесь вокруг: большинство людей уже живут в аду, в том числе и вы сами. Весь секрет в том, что на самом деле миром правит Сатана. Поэтому, если хотите власти, благополучия и успеха, нужно только одно: идти прямо к их истоку. Хватит тратить жизнь впустую, поклоняйтесь злу — и победа будет за вами».

В качестве доказательства вам могут привести множество этических противоречий и проявлений лицемерия: в частности то, как церковь превозносит бедность, но живет в роскоши; как негодяи, используя ложь, подкуп, насилие и вселяя в людей страх, добиваются вершин власти. Сатанисты могут утверждать, что именно эти силы всегда составляли основу мира бизнеса, правительств, ортодоксальной религии и организованной преступности — четырех столпов земной власти. И еще они могут сказать, что в этом мире значение имеет только сила, и вопреки тем выдумкам, которыми нас пичкают, в итоге всегда побеждает зло. (Перефразируя Боба Дилана: укради самую малость — и тебя засадят в тюрьму, укради побольше — и тебя возведут на трон.) Поэтому там, где добро и зло представляют собой два противоположных полюса, сатанисты могут привести веские, обоснованные доказательства (223:) того, что на самом деле миром правит зло. Ведь недаром же Сатану называют «Князем мира».

Необходимо помнить, что сатанизм как культ, как систему убеждений, как религию невозможно полностью отделить от той религиозной структуры, которая чисто символически разграничила мир на добро и зло, а потом дала злу имя собственное — Сатана. Сатанизм — поклонение темной силе, «Князю тьмы», что можно проследить на примере сатанинских ритуалов, наиболее традиционные из которых представляют собой организованные экскурсии в область, относимую ортодоксальной религией к разряду богохульства. Главный смысл «черной мессы» — нарушение табу. В ней умышленно извращаются, ставятся с ног на голову ритуалы мессы, принятой церковью. Наиболее экстремистские культы используют в своих обрядах кровавые жертвоприношения, пытки, наготу, сексуальные церемонии, оргии, испражнения и тому подобное — и все это разнообразие форм поклонения запретному. Но мы не будем останавливаться на специфике этих нелепых и жестоких действий. Нас больше интересует вопрос, чем сатанисты привлекают людей; ведь именно в этом и заключается основная проблема.

Сатанистская вера порождает культы, в которых находят проявление многие из сил, рассмотренных в первой части данной книги. Покорность воле Сатаны в том виде, как сформулировал ее лидер группы, не слишком отличается от подчинения гуру или Божьей воле в том виде, как это сформулировал конкретный духовный авторитет. Психологические последствия такой покорности в каждом случае примерно одинаковы. Однако между сатанистскими и другими культами есть одно существенное различие. Другие группы, признающие противостояние добра и зла, якобы пытаются устранить или свести его к минимуму. Многие с этой целью поощряют отречение от мирских интересов и желаний.

В противовес им, побуждения, лежащие в основе сатанизма, имеют прямую связь с властью — властью в этом мире. Вступая в союз со злом (темной стороной жизни), человек, по сути, высказывается в пользу определенного представления о том, кому принадлежит истинная власть. Сатанисты уверяют людей, что многое из того, что считается дурным, на поверку оказывается очень хорошим. Все табу и ограничения, касающиеся «плохого», внезапно снимаются, и освобождение от такого гнета может нести в себе огромную (224:) энергию. Разрушая запреты, сатанистские практики добиваются у людей мощного эмоционального подъема, доходящего до грани безумия. Все это накладывается на обычную энергию религиозной группы, порождаемую исполнением ритуалов, общей верой и подчинением лидеру. Эта энергия ощущается как сила, что кажется подтверждением того, что поклоняться следует именно Сатане.

Всплеск энергии, вызванный игнорированием запретов, и есть ключ к сатанизму. Это справедливо не только для экстремистских культов, использующих жестокие и святотатственные ритуалы, но и для более мягких буржуазных разновидностей сатанизма. В чем же обычно выражается нарушение запретов? Очень многие ритуалы включают демонстрацию плотских — физиологических — сторон человеческой природы в самых крайних формах. В этом также проявляется попытка самоутвердиться. Сатанизм провозглашает, что путь к власти лежит через «грех». У тех, чьи души были исковерканы глубоко заложенными с детства суровыми представлениями о грехе, реакция на то, что для них маятник качнулся в другую сторону — от подавления запретного к поклонению ему — действительно рождает ощущение колоссальной силы.

Расколотое «я»: добро и зло как усвоенные истины

Космическая битва между добром и злом (Богом и Сатаной) ведет не только к дуалистическому расколу действительности, но и порождает душевный раскол. Тогда битва продолжается уже в глубинах личности — между той ее стороной, которую называют хорошей (щедрой, любящей, готовой помочь ближнему, милосердной, альтруистичной), и той, которую называют плохой (склонной к разнобразным проявлениям эгоизма). Один из способов положить конец этой битве — стать сатанистом, и это куда легче, чем стать святым⁹.

«Бес попутал» — за этими словами стоит мировоззрение, согласно которому злой дух (или духи) может прийти и одержать верх над человеком, овладеть им. Идея «одержимости» подразумевает, что человек попадает под власть внешней злой силы, подчиняющей его своей воле. Тот, кто считает себя одержимым, действительно ощущает, что некая посторонняя сила одержала над ним (225:) верх и заставляет совершать запретные поступки. Но одержимость — это лишь один яркий пример жестко разграниченной психики, расколотого «я».

Заявления «Меня бес попутал» и «Меня просто-таки тянет сделать это» очень похожи; на наш взгляд, второе — проявление зависимости, мирской вариант одержимости. Дело не в том, что люди сознательно убеждают себя в собственной несамостоятельности, чтобы избавиться от ответственности. Одержимость и зависимость устроены одинаково в том смысле, что обе позволяют подавленным и запретным сторонам нашего «я» проявляться таким образом, чтобы легче было получить прощение (как у себя самого, так и у других людей). Объясняя свои недозволенные поступки внешними причинами и отделяя себя от них (мол, мы тут ни при чем), мы открываем для себя путь, который дает возможность совершать их, не выходя из образа «хорошего человека». Так бывает, когда внутренний раскол настолько глубок и неосознан, что та часть человека, которая делает «гадости», действительно ощущает себя кем-то посторонним. При этом вина и ответственность объясняются внешними причинами и перекладываются на что-то другое. Но случается и трагический взрыв, когда милый, кроткий человек вдруг приходит в неистовство и даже совершает убийство, а потом обычно и самоубийство. Для нас подобный приступ неистовства — еще один признак жестко разграниченной и подавленной психики, ищущей выхода.

Выход, предлагаемый «плохим» поведением, нарушением правил или совершением запретных действий, не ограничивается одним сатанизмом. Сатанизм — всего лишь крайний пример того, как человек с расколотою психикой пытается справиться с внутренним конфликтом, вручая власть над собой тому, что считается дурным. Такому соблазну особенно легко поддаться, когда добрые дела не получают должного воздаяния. По нашим наблюдениям, такой внутренний разлад, хотя и в разной степени, свойствен многим людям. При этом жизнь становится полем сражения за власть между «хорошим», или так называемым высшим «я», и «плохим», или низшим. Внутренняя борьба между чрезвычайно обусловленными «хорошей» и «плохой» частями человеческой психики может показаться слишком упрощенной моделью, но она не более проста, чем ее источник — мир, разделенный на добро и зло, на Бога и дьявола. (226:)

Может быть, самым причудливым примером подобного разграничения является психическое заблуждение, часто называемое раздвоением, или расщеплением, личности (это основной симптом шизофрении), при котором человеку начинает казаться, что его тело вмещает в себя сразу несколько самостоятельных личностей. Случается, что часть из них знает о существовании некоторых других. Драматическим для такого человека становится вопрос: «Кто контролирует ситуацию?». Интересно, что одна «личность» редко бывает высокого мнения о другой.

Во всех случаях расщепления личности можно отметить один общий момент: в детстве такие больные пережили насилие или же психическую травму. Как правило, с ними обошлись настолько бесчеловечно, что повинный в этом взрослый или взрослые должны быть отнесены к категории душевнобольных. Дети, с которыми так обращаются, поневоле начинают думать, что они «какие-то не

⁹ Глава «Кто контролирует ситуацию» содержит анализ внутреннего раскола, при котором еще одним проявлением внутренней борьбы становится зависимость. (225:)

такие» и чем-то заслужили подобное обращение. Возможно, творя произвол по отношению к детям, взрослые осуществляют угрозу: «Ну погоди, я выблю из тебя дьявола!»

Возникающую в итоге раздробленность личности на самостоятельные «голоса», не сливающиеся в единое целое, можно рассматривать как своеобразную реакцию самосохранения. Люди с расколотой психикой бессознательно прибегают к этому способу, пытаясь реализовывать различные стороны своего «я», не неся при этом ответственности ни за одну из них. Чтобы получилась столь расщепленная личность, указания, как следует себя вести, чтобы считаться «хорошим», должны были быть не только противоречивыми, но и вообще невыполнимыми. В частности, что бы ни делали жертвы, они не в состоянии удовлетворить своих мучителей. Мы воспринимаем расщепление психики как еще один способ покончить с попытками стать «хорошим», на этот раз — избавившись от объединяющего аспекта сознания, в задачи которого входит помнить, опознавать и оценивать все, что делает организм. Хотя патологическое расщепление личности встречается достаточно редко, сам феномен вполне обычен. Вероятнее всего, он возникает в том случае, когда люди усваивают ценности, жить в соответствии с которыми они не могут. В народе такое состояние известно, что явствует из поговорки «Не ведает правая рука, что делает левая». (227:)

Теневая сторона монотеизма

Сатанизм и одержимость злыми духами — это лишь крайние примеры того, во что может вылиться монотеизм, основывающийся на морали отречения, требующей от людей не только жертвовать земной жизнью во имя будущей, но и объявляющей высшей ценностью чистоту бескорыстного поведения. Эгоцентризм и чувственность, служащие одними из проявлений животной природы человека, провозглашаются если и не абсолютным злом, то во всяком случае чем-то, что необходимо подавлять и преодолевать. Это искусственное противопоставление духовного бескорыстия и плотского эгоцентризма как раз и лежит в основе внутреннего раскола.

Разумеется, существует опасение, что если не подавлять запретное, то к власти придут силы, исходящие из низменных проявлений человеческой природы (будь то похоть, алчность или бездушный социальный дарвинизм). Правда и то, что если не окружать детей любовью, если вообще не обращаться с людьми по-хорошему, то при отсутствии сдерживающих механизмов — страха или принуждения — они, как правило, склонны вымещать свою злость на окружающих. Старая авторитарная мораль держала людей в узде, порождая неверие в себя. Для этого она разжигала внутреннюю борьбу между добром и злом, в которой «хорошим» можно было стать, лишь подчинившись авторитету, объясняющему, что хорошо, а что плохо. Совершенно очевидно, что такая система нежизнеспособна. Попробуйте втолковать мальчишке из гетто, у которого впереди только две возможности — торговать наркотиками или чистить ботинки, что он должен сделать правильный выбор, иначе попадет в ад. Скорее всего, этот ребенок ощущает себя в аду уже сейчас.

Борьба между безупречным Богом и злым Сатаной порождает систему символов, согласно которой мысли и поведение противопоставляются друг другу и разделяются моральной преградой. Чтобы соответствовать такой системе морали, человек должен отречься от существенной части своего «я». Возникающая в итоге борьба — ведь те стороны личности, от которых отрекаются или которые подавляют, ищут какого-то выражения — неизбежно порождает недоверие к себе и самобичевание. А не доверяя себе, люди обращаются к авторитетам, чтобы уяснить, какими же им надлежит быть. В этой ситуации контролировать их не составляет (228:) никакого труда. Покориться авторитету — это всего лишь еще способ один покончить с внутренней борьбой. Печальным итогом всего этого является то, что люди как бы остаются детьми, ищущими правды на стороне, готовыми следовать любой моде, идти за любым новым «спасителем», за любым новым харизматическим лидером в надежде почувствовать себя целостной личностью. Сатанизм — лишь крайнее проявление этой более общей деформации психики, возникающей при расколе нашего «я».

Главным кризисом, угрожающим сегодня нашей планете, является моральный кризис, подразумевающий ухудшение отношения людей друг к другу и к планете в целом. Старые системы символов, делившие мир на добро и зло, на святое и мирское, на дух и природу, бескорыстное и эгоистическое, породили в людях внутренний разлад, который привел к жесткому расчленению человеческого сознания. По-настоящему целостный человек — это тот, кто способен объединить в себе все многообразие сторон человеческой природы, не отрекаясь ни от одной из них, в то время как «хорошие» люди стараются отречься от внутренне присущих им скрытых животных устремлений, а сатанисты — побороть естественную человеческую потребность сопереживания.

Разделение на категории в сфере сознания приводит к тому, что иерархическое социальное деление общества — на касты и классы, на имущих и неимущих, на хороших и плохих — воспринимается как вполне естественное. Коммунизм как система символов попытался упразднить лишь социальные ячейки и потерпел неудачу. Это отчасти объяснялось тем, что наивысшей ценностью по-прежнему

считалось самопожертвование, а вся разница заключалась в том, во имя чего надо было приносить жертву. При коммунизме человек жертвует собой ради абстрактной идеи гипотетического всеобщего блага, ради государства. Поначалу это казалось чем-то революционным, хотя мораль, считавшая самопожертвование величайшей добродетелью, вполне традиционна. Правящие режимы использовали идеи коммунизма для оправдания своего безмерного злоупотребления властью. Будучи идеологией атеистической, коммунизм не мог позволить себе роскошь обещать людям воздаяние в иной жизни. Поэтому он стал своего рода проверкой того, к каким результатам приводит отречение само по себе, и эти результаты весьма наглядны. Крах коммунистической системы и те беды, которые она принесла (229:) людям, нельзя преуменьшать и о них нельзя забывать, тем более что провести аналогичную проверку религиозных учений, основывающихся на идеологии отречения, невозможно за отсутствием надежных способов получения информации о «состоянии дел» в загробной жизни. Как бы то ни было, история свидетельствует, что такие верования также сталкиваются с собственными проблемами и экстремизмом, и сатанизм — только одна из них¹⁰.

Известные нам исторически сложившиеся этические системы символов подчинены основной властной структуре — авторитарной иерархии. Непререкаемые авторитеты, занимающие верхнюю ступень иерархической лестницы, заставляют эти системы работать, указывая, кто должен жертвовать, чем и кому. Сейчас назрела необходимость в становлении новой системы морали, в рамках которой альтруизм и эгоизм могли бы оцениваться не только как понятия, противостоящие одно другому, но и как понятия, каждое из которых имеет смысл только в контексте другого. Забота о ближнем — естественное проявление человеческой природы, в значительной степени связанное с заботой о себе самом. Мораль, не противопоставляющая эти два аспекта, позволила бы людям быть естественнее и поступать в соответствии со своей природой, не испытывая уродующего воздействия разделенной на отсеки психики. Таким образом, мы считаем, что жертвенность не следует возводить в ранг безусловной добродетели, равно как не следует утверждать, что между эгоизмом и бескорыстием лежит пропасть. В противном случае не стоит удивляться, что за маской справедливости часто скрываются ложь и продажность, а из-под маски Бога выглядывает Сатана. (230:)

Кто контролирует ситуацию: Авторитарные корни зависимости

Когда мы сталкиваемся с зависимостью — своей собственной или кого-либо из окружающих, — мы испытываем страх, поскольку знаем, что зависимый человек может стать саморазрушительно неконтролируемым. Боязнь такой зависимости в себе самом — в сущности, боязнь себя самого. В этой главе объясняется, что склонность к саморазрушению не есть что-то присущее природе человека, а скорее результат воздействия на него системы морали, навязывающей такие ценности, жить по меркам которых невозможно. Поскольку этот тезис является следствием нового и довольно радикального подхода, мы постараемся познакомить с ним как можно более осторожно и постепенно, заложив сначала для него основу. Прежде чем приступить к обсуждению причин и динамики феномена зависимости, мы рассмотрим истоки и природу внутреннего душевного конфликта, продуктом которого является борьба за право контроля в условиях зависимости. Мы считаем, что если пролить хотя бы немного света на такое явление, как ощущение собственной неконтролируемости, это может оказать серьезное влияние на то, как некоторые люди понимают зависимость, а значит, и реагируют на нее. Надеемся, что читатели, которые решатся проследить за ходом наших рассуждений, (231:) заинтересуются нашей попыткой по-новому оценить проявление склонности к саморазрушению, поскольку это открывает возможность стать целостным человеком, не ведущим изнурительную войну с самим собой.

Что такое зависимость?

Авторитарные системы и структуры, где бы они ни возникали, существуют ради одной цели — контролировать людей. Не случайно, что и в проблеме зависимости одним из основных моментов является контроль. Однако в этом случае внутренний опыт складывается из попыток установить контроль при сохранении чувства бесконтрольности. На наш взгляд, существует прямая связь между авторитаризмом и так называемой зависимой личностью, в особенности в том, что касается вопросов контроля. Более того, охватившая мир эпидемия зависимости — это признак общества, которое само вышло из-под контроля. Мы рассматриваем зависимость как результат отказа от старых как мир механизмов авторитарной власти, которые раньше работали, а теперь нет.

Сосредоточим свое внимание на трех моментах и постараемся, во-первых, уяснить связь между авторитаризмом и зависимостью, во-вторых, предложить схему возникновения зависимости, которая

¹⁰ В книге «Контроль» в разделе «Коммунизм» анализируется попытка построить новую социальную систему путем политизации и принудительного использования старой идеологии отречения и самопожертвования. (230:)

бы отличалась и от распространенной модели болезни, и от так называемых моделей ответственности, конкурирующих в последнее время с моделью болезни, и в-третьих — показать, как положить конец внутренней борьбе за право контроля.

Изучая связь между авторитаризмом и зависимостью, можно увидеть, как авторитарная личность проявляет себя не только в крайних формах политического и религиозного фанатизма, но и в обычной жизни. Фактически именно здесь и кроется причина многих разновидностей патологического поведения. Зависимость наглядно иллюстрирует тайные внутренние пружины, с помощью которых скрытый авторитаризм обнаруживает себя в каждодневных ситуациях. Авторитаризм — это не что-то навязанное нам извне; практически в каждом из нас живет авторитарная личность, всеми силами старающаяся удержать контроль над нашим сознанием. Внутренний авторитаризм распространен гораздо шире, чем мы подозреваем. Цель этой главы — предложить подход, с (232:) помощью которого каждый сам сможет сделать вывод, сидит ли такой диктатор в нем самом.

Проблема зависимости привлекает к себе настолько широкое внимание и столь сильно заботит общество, что этим термином стали обозначать гораздо более обширный, чем раньше, круг вещей — всевозможные привычки и особенности поведения, которые не обязательно сопровождаются физиологическими симптомами абстинентного синдрома (синдрома похмелья). Пока в моду не вошла модель болезни, медицинское определение зависимости ограничивалось только рамками наркомании и алкоголизма. В том смысле, в котором это слово употребляется сейчас, зависимостью можно назвать любую непреодолимую, чрезмерную, осложняющую жизнь или саморазрушительную привычку. Скажем, можно зависеть от любви, пищи, секса, страсти к приобретению новых вещей, от азартных игр, власти, спорта, работы, склонности к преступлению и даже от потребности заботиться о зависимых и беспомощных людях (так называемая со-зависимость). Короче говоря, исходя из этой точки зрения, можно стать «зависимым» от любой из сторон жизни, которая приносит удовлетворение, будь то порнография или душещипательные романы, футбол или сплетни. Возникло немало групп поддержки, помогающих людям справиться с какими-либо из этих бесчисленных форм зависимости.

Поскольку слово «зависимость» теперь употребляется так широко, его значение можно распространить еще дальше и считать структуры, учреждения и общество в целом зависимыми от того, что они делают, от опасных игр, которые, в конечном итоге, неизбежно ведут к саморазрушению. Бизнес зависим от рентабельности, которой нет никакого дела до загрязнения, охраны и очистки окружающей среды. То, как используется энергия, является примером заботы о сиюминутной выгоде без учета разрушительных последствий такого использования. Мы привели всего лишь два примера того, что можно назвать проявлением зависимости в современном обществе. Можно еще расширить метафору, заявив, что общества накопления, как правило, были зависимы от экспансии, а теперь этот источник процветания иссяк, поскольку мы живем в мире ограничений. Аналогичным образом можно говорить о нашей зависимости от атмосферного озонового слоя, защищающего жизнь на планете. (233:)

Мы рассматриваем зависимость как болезнь не только личности, но и общества. Наша цель — не перегружать понятие «зависимость» до бесконечности, а пояснить, почему мы не считаем зависимость сугубо личным делом. Люди — это отражение общества, частицами которого они являются. Многим из них недоступно то, что принято считать «хорошей жизнью». Другим, чтобы достичь успеха, приходится жертвовать основными психологическими потребностями человека — дружеским общением, личной жизнью, детьми, досугом. Если принять во внимание нашу щедрую на стрессы социальную среду, нет ничего странного в том, что зависимое или саморазрушительное поведение стало распространенным явлением. Стоит ли удивляться, что в мире, где такие насущные и важные проблемы, как экологический кризис, перенаселенность, чрезмерное расходование ресурсов и т.д., возникли в результате опасных, пагубных действий самого общества, люди также расходуют свой личный потенциал во вред себе.

Существование у людей той или иной зависимости становится понятным, когда видишь, что без нее многим жизнь представляется бесполезной, унылой или безнадежной: зависимость обещает хоть какой-то выход, пусть даже кратковременный. Жизнь, которую ведет зависимый человек, дает нечто конкретное, чем можно себя занять и что на короткое время позволяет забыть. Такое состояние, чем бы оно ни было вызвано — наркотиком, каким-либо занятием или какими-то отношениями, — во-первых, легко достижимо, а во-вторых, неизменно приносит желаемый результат¹. В нашем мире — мире хаоса — это дает странное ощущение устойчивости, покоя и даже безопасности. На первый взгляд зависимость кажется прямой противоположностью самоконтроля, но по сути и то и другое подразумевает желание контролировать свои чувства.

¹ Вопреки распространенному мнению, дозу большинства вызывающих зависимость веществ нельзя увеличивать до бесконечности, поэтому те, кто принимает наркотики систематически, в конечном итоге приходят к стабильным дозировкам. (234:)

Некоторые наркотики мгновенно меняют наше восприятие мира, делая его ярким и насыщенным, или же позволяя перемещаться в иное пространство, в другую жизнь. И главное, мы сами, буквально своими руками, можем вызывать такие перемены. Наркотики увлекают нас в мир, на одном полюсе которого огромная, стремительно возрастающая власть, а на другом — полное (234:) безвластие (зависимость). Наркотик становится средоточием и смыслом жизни: человек пытается либо достать его, либо избавиться от пристрастия к нему. В призрачном мире наркомана это именно та ось, вокруг которой вращаются все взаимоотношения, все личные связи. И наркотик действительно связывает людей. Они зависят друг от друга и помогают друг другу, они делятся тайными рецептами и сведениями о том, как раздобыть наркотики или как спастись от закона. Общая зависимость, как и общие убеждения, приносит в жизнь людей смысл и сплоченность. В большинстве случаев люди приходят к наркотикам потому, что раньше их жизнь была недостаточно содержательной. Понятно, что сама мысль о возможном отказе от приема наркотика, даже когда они знают о его разрушительном воздействии на личность, воспринимается ими как угроза возврата к прежнему одинокому, унылому и бесперспективному существованию, от которого их избавил наркотик. (234:)

Если условиться, что термин «зависимость» применим лишь в тех ситуациях, когда наблюдаются физиологические симптомы абстиненции (синдрома отмены), возникающие при прекращении приема наркотического вещества, тогда обозначаемое этим термином явление становится простым и конкретным. При таком традиционном медицинском определении значение термина нельзя расширять чуть ли не до бесконечности, иначе возникает опасность, что он утратит всякий смысл, если мы станем утверждать, будто зависимостью может стать все что угодно. Истинной проблемой является не сама по себе физиологическая абстиненция. Многие пациенты, которым в качестве обезболивающего назначали морфий, проходили через синдром абстиненции, когда этот препарат отменяли, и потом продолжали жить, совершенно не стремясь вернуться к наркотику. Зависимость перерастает в настоящую проблему, когда она начинает контролировать человеческую жизнь. И главной целью нашего исследования являются те факторы, которые кроются за этой кажущейся потерей самоконтроля. Поэтому мы не станем заниматься казуистикой, пытаясь провести четкую грань между физиологическими и психологическими факторами, и не станем выяснять, чем же в действительности является то, что мы называем зависимостью: вредной привычкой, непреодолимым влечением, бегством от действительности или чем-то другим. Ведь мы не выдвигаем теорию зависимости, ставящую целью объяснить (235:) все ее причины, и не исследуем все извилистые пути, которыми люди приходят к ней. Мы не считаем, что наша модель (как и любая другая) пригодна для всех форм зависимости. Скорее, мы хотим сосредоточиться на феномене контроля и на тех конфликтах, которые влечет за собой кажущаяся его утрата.

Перуанский батрак, каждый день жующий листья коки, чтобы хоть как-то скрасить свой изнурительный труд, — тоже жертва зависимости. Но его поведение чаще всего не вызывает никаких конфликтов. Так же обстоит дело и с большинством людей, использующих кофеин, чтобы взбодриться или сосредоточиться. Другие мирятся со своей зависимостью как с бегством от той жизни, которая мало что может им предложить. В наше исследование не входят ни эти, ни любые другие виды зависимости, где отсутствует внутренний конфликт и чувство, что ты потерял контроль над собой. Коротко говоря, в дальнейшем мы будем употреблять слово «зависимость» лишь в отношении ставших привычкой саморазрушительных поступков, порождающих внутренний конфликт.

Наша цель — изложить свою концепцию и проанализировать, почему внутренняя борьба — это не только личная борьба человека со своими так называемыми слабостями, и показать, что она подразумевает усвоение ценностей, жить в соответствии с которыми оказывается невозможно. Мы рассматриваем такую зависимость как мятеж против внутреннего диктатора и как попытку (причем тщетную) от него избавиться. Разгадка этой борьбы во многом позволяет понять природу внутреннего конфликта и особенности порождающей его социальной системы.

Ограничив себя той разновидностью зависимости, которая сопровождается внутренней борьбой, мы приходим к необходимости сконцентрировать свое внимание на наиболее противоречивом и загадочном ее аспекте — контроле. Анализируя внутренние конфликты, связанные с контролем, в число которых входит и мнимая его утрата, мы обнаруживаем два сопутствующих им фактора:

Одни и те же поступки совершаются неоднократно — либо человек чувствует, что просто не может перебороть себя, либо это требует от него слишком больших усилий, не гарантируя к тому же от рецидива.

Сам человек прекрасно осознает губительные последствия своей зависимости. (236:)

Два распространенных метода исследования проблемы зависимости, основывающиеся на модели болезни и модели ответственности, расходятся в главном — в вопросе о контроле. Согласно первой модели, состояние и поведение наркомана диктуется заболеванием — наличием «плохих генов», которые невозможно контролировать. В отличие от этого, модель ответственности делает акцент на воле и силе воли, выдвигая идею о том, что люди не всегда контролируют себя. Согласно ей, попав-

шие в зависимость проявляют разную степень самоконтроля, используя свое пристрастие как средство приспособления к жизни.

Модель болезни для многих привлекательна тем, что она признает человека не способным что-либо изменить и сводит его вину до минимума, однако при таком подходе беспомощность возводится едва ли не в ранг достоинств. Модель ответственности, напротив, позволяет почувствовать, что при желании можно изменить свою жизнь, но она не может объяснить тех ощущений глубочайшего бессилия и утраты власти над собой, которые лежат в основе переживаний большинства людей, попавших в зависимость. Мы постараемся показать, почему названные модели не достигают цели, а наоборот, создают дополнительные проблемы, поскольку обе исходят из ценностей, приводящих к зависимости.

Так что же это все-таки значит — ощущать себя бесконтрольным? Прежде всего, это вовсе не означает, что человек становится игрушкой неустойчивых и непредсказуемых внешних факторов. Зависимость обычно проявляется в повторяющихся, большей частью шаблонных механических действиях, говорящих о том, что человек не вышел из-под контроля, а напротив, стал объектом контроля. Но со стороны чего? Привычки? Наркотика? Генетического дефекта? Биохимического сдвига в нервной системе? Полученной в детстве травмы? Стремления любой ценой получить мимолетное удовольствие? Слабой или порочной воли? Мы не отрицаем, что любое из вышеперечисленных условий может способствовать возникновению ощущения бесконтрольности. Однако можно более глубоко подойти к исследованию основного вопроса о том, кто или что в действительности контролирует ситуацию?

Обычно по отношению к контролю над зависимостью существуют три возможных пути, по которым может пойти (или стараться пойти) человек: (237:)

- 1) контролировать свое нежелательное поведение (в качестве примера можно привести людей, называющих себя «непьющими алкоголиками»);
- 2) после некоторой борьбы полностью капитулировать (пример — скатившийся на дно бродяга);
- 3) бороться с зависимостью, стараясь ей не поддаваться, — при этом человек балансирует между контролем и бесконтрольностью.

Самым обычным состоянием бывает борьба. И большинство из тех, кому удастся хоть как-то контролировать себя, считают, что необходимо постоянно сохранять бдительность, чтобы вновь не окатиться плывущим по течению. Поэтому пока человек окончательно не сдался или окончательно не поборол свое нежелательное поведение, всегда присутствует внутренний конфликт. Кто же противники в этой схватке и за что они сражаются? Кто бы они ни были, они существуют внутри одного человека. А это значит, что его психика расколота на части, и каждая борется за право осуществлять контроль.

Расколота психика — симптом дефектной морали

Разумеется, идея о том, что в душе человека существует или может существовать раскол, не нова. Многие теоретики, исследовавшие внутренние конфликты, соглашались с тем, что в человеке уживаются разные части, или голоса, которые пытаются завоевать первенство или быть услышанными. Если существует внутренняя борьба за власть, в ней должны участвовать как минимум два обособленных элемента. И тогда психика человека оказывается как бы расколотой Фрейд и его последователи называли это конфликтом между сознанием и подсознанием человека. Юнг добавил к нему конфликт между индивидуальным и универсальным, или первичным. В буддизме это — конфликт между бескорыстием и себялюбием, а в западных религиях — конфликт между внутренними силами добра и зла. Перечень можно продолжить.

Стоит нам принять идею внутреннего раскола, как возникает вопрос: чем вызвано расщепление психики и каково его влияние на поступки людей и их мотивировки? Мы считаем, что колебания между контролем и его отсутствием, наблюдающиеся при наличии зависимости, чаще всего являются проявлением душевного раскола. (238:)

Как бы конкретная теория ни характеризовала составляющие, на которые оказывается расколотой психика, редко бывает так, что их оценивают одинаково. Буддизм ставит альтруистическое выше эгоистического, иудейско-христианская религия ставит добро выше зла (было бы трудно ожидать чего-то иного, поскольку в рамках тех же категорий рассматривается и оценивается вся действительность), а Фрейд полагал, что сознание должно контролировать по сути антисоциальные подсознательные силы индивида. (Он считал подавление необходимым, поскольку, будучи викторианцем, мыслил в рамках дуалистической морали тех религий, которые презирал, даже не представляя себе, что его трехчастная модель психики, с разделением на сознательное, предсознательное и бессознательное, была, скорее, отражением этой морали, чем отражением человеческой природы.) Юнг, в от-

личие от других, иногда не отдает предпочтения ни одной из сторон — именно в этом главное его новаторство, секрет непреходящей актуальности и популярности.

Поскольку расколота психика является практически неизбежным порождением не всех, а только некоторых культур, внутренний раскол нельзя считать неотъемлемым свойством человеческой природы. Скорее, он развивается в результате воздействия дуалистических систем морали, исходящих из необходимости отречения, которые подразделяли жизнь на жесткие категории, противопоставляя духовное мирскому, душу — телу, дух — материи и т.д. Тогда делом жизни становится забота о том, как бы максимально развить «хорошую», нравственную часть своей раздвоенной личности. Например, цель буддиста — стать лучше, т.е. стать более бескорыстным и менее эгоистичным².

Во всех социальных иерархиях, основанных на производстве и накоплении, превыше всего ценится исполнение долга, а следовательно, работа ставится выше развлечений. Все они делят людей на трудолюбивых и ленивых, отдавая предпочтение первым. Проявлять трудолюбие — значит производить, демонстрировать результаты. Лень — понятие, несущее отрицательный смысл, и определяется как пустая трата времени, не дающая никаких результатов. В таких системах морали досуг не имеет никакой самостоятельной ценности, (239:) разве что служит временной наградой за тяжкий труд и выполняет в основном восстановительную функцию. Но это не настоящий досуг. Если досуг не так важен для благополучия человека, как работа и производительность труда, то нет ничего удивительного, что те, кто его лишены, находят для себя саморазрушительные занятия, позволяющие отвлечься от жизни, где труд не радость, а всего лишь средство поддержания существования, как правило, жалкого. Печальная истина заключается в том, что в обществе, где не ценится досуг, у людей чаще всего нет ни досуга, ни работы, которая придавала бы жизни смысл.

Зависимость считалась (а зачастую и поныне считается) моральным кризисом, влекущим за собой аморальные поступки. Мы также рассматриваем многие из случаев зависимости прежде всего как нарушения морального свойства, но в этих нарушениях повинна порочная мораль, а не порочные люди. На наш взгляд, такие нарушения бывают у людей, которые глубоко усвоили ценности, по меркам которых не только невозможно жить, но которые еще и требуют отречения от важнейших сторон человеческой природы, подавления их в себе. Тогда часть человеческой личности, принимающая эти ценности, становится внутренним диктатором, который старается строить свое поведение так, чтобы оно отвечало принятым ценностям, а любые отклонения определяет как дурные или ущербные. Ценности вмещают в себя стандарты, к которым необходимо стремиться, и идеальное представление о том, каким должен быть хороший, достойный человек. Та часть личности, которая старается воплотить в себе эти ценности, считается достойной, уважаемой, короче говоря, «хорошей» частью. Семейные и общественные механизмы поощрения и наказания обычно поддерживают и укрепляют стремление этой якобы хорошей стороны личности контролировать поведение человека.

Мы рассматриваем раскол психики как отражение хорошо усвоенных традиционных взглядов, подразделяющих все действия на жесткие категории «правильное» и «неправильное». Не подвергая сомнению необходимость самих этих понятий, тесно переплетающихся в каждом общественном строе, мы хотим оспорить жизнеспособность подхода, превращающего добро и зло в абсолютные величины (ведь именно этим определяется неизменность правил поведения и принципов разделения на «правильное» и «неправильное»). Сложным, (240:) изменчивым обществам необходим гибкий подход к морали, который позволил бы связать понятия «правильное» и «неправильное» с процессами, движущими общество в нужном направлении (в качестве примеров можно привести отношение к проблемам выживания, социальной справедливости и веры в себя).

Разумеется, обществу легче контролировать своих членов, когда в его распоряжении имеются жесткие, постоянные категории «правильное» и «неправильное», если, конечно, люди принимают их за чистую монету. Задача традиционных религий как раз и состоит в том, чтобы обеспечить должное к ним отношение. В основе морального противоречия между так называемым правильным и неправильным, чистым и нечистым, добром и злом или (как в некоторых восточных религиях) между реальностью и иллюзией лежит исходное разделение на бескорыстное и своекорыстное. В этой книге мы уже не раз объясняли, как и почему такое деление на бескорыстное и своекорыстное, эгоистическое и альтруистическое порождает «отреченческую мораль»³. Здесь основным принципом является бескорыстие и его следствие — самопожертвование, ибо такая мораль утверждается именно через идеалы принесения своекорыстных интересов в жертву Божьей воле (монотеизм), коллективному

² В главе «Власть абстракций» исследуется, как иерархические социальные системы, основанные на накоплении, провоцируют и закрепляют такое противопоставление, что, в свою очередь, определяет критерии морального и аморального. (239:)

³ Сущность и проблемы систем морали, пропагандирующих отречение, рассматриваются в главах «Религии, культуры и духовный вакуум», «Единство, просветление и опыт мистического переживания» и в трех последних разделах главы «Власть абстракций».

благу (коммунизм), закону кармы (индуизм). Буддизм идет еще дальше, рассматривая бескорыстие как ключ к морали и благим деяниям. Но такая мораль по сути своей авторитарна, так как она связывает «добро» с принесением личных интересов в жертву неким «высшим интересам», которые сама же определяет так, как ей удобно.

Мы уже неоднократно показывали, что понятия «эгоцентризм» и «бескорыстие» имеет смысл рассматривать только в тесном взаимодействии⁴. Исходя из нашей системы взглядов, эгоистическое начало — всего лишь одно из проявлений человеческой природы, так же как и способность бескорыстно заботиться о других. И тот, и (241:) другой тип поведения в определенной степени ценны и функциональны и проявляются по большей части совокупно, а не раздельно, если их вообще можно разделить. Любая мораль, противопоставляющая эти две категории и провозглашающая наиболее значимой одну из них (бескорыстие), способна лишь глубоко расколоть психику тех, кто принимает такую систему ценностей, следствием чего становится внутренняя борьба за удержание в узде обесцененного аспекта собственной личности. Признание бескорыстия высшей ценностью — вот та лажейка, через которую коварный авторитаризм, наследие старого порядка вещей, незаметно проникает во многие современные парадигмы⁵.

Даже Юнг, чье мировоззрение допускало существование и равновесие основных противоположностей, низводил так называемую темную сторону человеческой природы к первичному понятию, которое называл «тенью». Тени омрачают все, на что падают, но сами они невещественны, не могут существовать самостоятельно. И то, что Юнг выбрал этот бестелесный образ как символ «негативного» полюса человеческой личности, указывает на то, что и он ощущал себя в соприкосновении с ней несколько неуютно. Ведь там, где есть тень, есть и нечто другое то, что ее отбрасывает. Фактически это эгоизм, в особенности эгоизм непризнанный или неосознанный, который отбрасывает все существующие в нашем мире тени. Есть люди, полагающие, что стоит только проявить к тени понимание или сострадание, и она исчезнет, как по волшебству. Однако эгоизм очень реален и от сострадания не исчезает. Вот почему все моральные и социальные системы пытаются его сдерживать или направлять в другое русло, где его проявления будут приемлемы.

Правила любой игры определяют схему, по которой игроки должны действовать или могут выжидать, а также оговаривают, какие ходы считаются жульническими. Жульничество — это нарушение правил (обычно тайное) с целью получить личное преимущество. Правила, регулирующие игру жизни, называют этикой. Не существуй на свете эгоизма, они были бы не нужны. Мы не склонны считать, что эгоизм лежит в основе всех побуждений, это было бы лишь дальнейшим развитием принципа или-или, что не особо отличается от возвышения роли бескорыстия, которое длилось не одно (242:) тысячелетие. И все же необходимо признать, что эгоизм — реальная часть человеческой природы, неискоренимая, необходимая и даже полезная. Отрицание эгоизма или попытки его искоренить — занятие саморазрушительное и пагубное, а кроме того, это не решает порождаемых им проблем.

Все лицемерные и лживые оправдания по поводу употребления власти и злоупотребления ею, характерные для всех цивилизаций, как правило пытаются замаскировать наличие каких-либо личных интересов. Гитлер оправдывал свои действия, опираясь на идеологию, провозглашавшую высшей ценностью интересы арийской расы. Тот факт, что Гитлера, если уж на то пошло, «арийцы» заботили так же мало, как и прочие народы, совершенно очевиден, поскольку он уничтожал всех, кто мешал ему в осуществлении его личных амбиций. Но фюреру не удалось бы снискать поддержку нации, заставляя он направо и налево, что единственная его цель — любой ценой добиться власти.

Особенности и масштабы собственного эгоизма обычно держат в тайне, часто даже от самих себя. Подобные вещи скрываются в глубинах подсознательного поведения, главным образом потому, что людям сызмальства внушается, что они должны испытывать чувство вины и стыда за эту сторону своей природы. Кроме того, глубоко заложенное ощущение, что мы недостаточно хороши, есть главный фактор, стоящий за всеми внутренними понуждениями. Оно, в свою очередь, порождает необходимость оправдывать свое существование, постоянно чего-то добиваясь и стараясь стать «лучше». Люди — единственные животные, которые испытывают такие чувства. Личные достижения и одобрение общества действительно повышают ощущение собственной значимости. И все же, поскольку дух эгоизма никогда не удастся выветрить до конца, борьба может длиться бесконечно. Такая глубоко укоренившаяся потребность оправдывать собственное существование лежит в основе пуританства. Побудительный аспект пуританства — постоянное стремление стать лучше, чище. Это нескончаемый

⁴ В главе «Власть абстракций» говорится о том, что способ, с помощью которого эти понятия противопоставляются друг другу, является порождением биполярной системы морали. В книге «Контроль» показано, что в провозглашении идеалов бескорыстия присутствует элемент эгоизма, и объясняется, почему попытки организовать жизнь общества в соответствии с этими идеалами обречены на провал. (241:)

⁵ В главе «Любовь и контроль» показано, каким образом идеал бескорыстия разрушающим образом воздействует на человеческие взаимоотношения. (242:)

труд, не ведающий передышки, особенно если учесть, что чистота определяется как нечто полностью отрицающее ценность человеческой природы как таковой. Большинство религий поощряет это, провозглашая ценность чистоты, в частности чистоты намерений (имеется в виду, что намерения должны быть лишены корыстных интересов). Но если людей учат (243:) относиться с пренебрежением к одному из главных проявлений своей природы, такое обесценивание неизбежно бывает чревато низкой самооценкой, которую сегодня все считают повинной во многих социальных проблемах, в число которых входит и зависимость.

Мы делаем акцент на дихотомии эгоистичный-бескорыстный, поскольку считаем ее основным источником внутреннего конфликта для множества людей. Во всех обществах есть свои писанные и неписанные правила, которые сдерживают, ограничивают и направляют проявления эгоизма, в чем как раз и заключается цель процесса социализации. Но старые системы морали добивались этой цели, используя авторитарные методы, осуществляя контроль над людьми, насаждая чувство вины и страх перед «недостойной» стороной человеческой природы. Сегодня люди и общества менее контролируемы, потому что старые механизмы принуждения больше не действуют. Мы вновь утверждаем, что любая внутренняя борьба, ставшая привычной, есть показатель расколотой психики, кроме того, природа такого раскола носит моральный или нормативный характер. И то, что мы называем зависимостью, — лишь одно из его выражений.

Укрощение зверя: внутренняя борьба за власть

Когда мы пытаемся представить себе силы, борющиеся за власть в душе человека с расщепленной психикой, существует опасность слишком буквального подхода к враждующим сторонам его личности как к неким самостоятельным существам, ведущим битву за первенство. Считаем необходимым подчеркнуть, что мы придерживаемся другой точки зрения. Мы рассматриваем эти две стороны как разграниченные аспекты человеческой личности, которые, тем не менее, связаны воедино и зависят друг от друга. Иначе говоря, то, как каждая сторона проявляет себя, когда она якобы контролирует ситуацию, — это ее реакция на осведомленность о существовании другой стороны, а зачастую и страх перед ней.

Как уже говорилось, народная мудрость признает, что в человеческом сознании существуют разграниченные отсеки, каждый из которых при наличии побудительных причин неким загадочным образом начинает жить собственной, независимой жизнью («Правая рука не ведает, что делает левая»). Причина, по которой разум возводит внутри себя перегородки, скорее всего заключается в том, что (244:) в одном отсеке содержится нечто неприемлемое для другого. И неприемлемость эта определяется усвоенными ценностями. В каждом отсеке содержится набор мыслей, воспоминаний и эмоций, которые вынуждены бороться за самовыражение, поскольку они действуют в условиях разных, конфликтующих систем ценностей.

Когда мы говорим, что борьба за власть, то есть за право осуществлять контроль, в сущности есть борьба нормативов, то это означает, что в основе ее лежат ценности. Все мы усваиваем ценности — чаще всего, одобренные обществом и определяющие, каким должен быть «хороший» человек. Простоты ради, назовем ту достойную или идеальную часть себя, которая усваивает эти ценности и старается им соответствовать, «я-хорошим». Чтобы стать человеком, которого «я-хорошее» провозгласило своим идеалом, необходимо держать под контролем все, что этому препятствует. Разумеется, если бы все стремления человека были направлены на то, чтобы жить в соответствии с избранным идеалом, не возникло бы необходимости устанавливать контроль. Оставалось бы просто, без всяких конфликтов, колебаний или усилий демонстрировать требуемые добродетели. Что же этому мешает? Мешают те части человеческой природы, которые не укладываются в рамки усвоенных ценностей. Сама необходимость контроля свидетельствует о том, что в человеке наличествует нечто, что необходимо сдерживать, — что-то такое, что, если позволить ему выйти наружу, отнюдь не проявит нужных достоинств. Назовем это «что-то еще» «я-плохим», поскольку те стороны нашей природы, которые проявляются, когда им не препятствует «я-хорошее», весьма отличаются от сознательно провозглашенных идеалов, а зачастую и прямо противоположны им.

Необходимо, чтобы с самого начала было совершенно ясно: мы называем обесцененную часть личности «я-плохим» не потому, что она на самом деле плоха, а потому, что так считают «я-хорошее» и общественное мнение. Данное замечание справедливо и в отношении «я-хорошего». Мы сознаем недостатки придуманных нами названий, поскольку можно понять, будто они подразумевают, что одна сторона личности хороша, а другая плоха. Повторяем: мы ни в коем случае не желаем вкладывать в них такой смысл. Хотя, на наш взгляд, ни одна из них не является абсолютно хорошей или абсолютно плохой, мы не смогли найти более удачных слов, чтобы обозначить те психологические деформации, которые являются (245:) результатом авторитарного деления на добро и зло, существующего в старой системе морали. Эти неологизмы оправданны, поскольку они предлагают хоть что-то

новое. Поэтому мы сознательно преступаем языковые нормы, делая из двух слов одно («я-хорошее» вместо хорошее «я») в расчете на то, что такой прием будет напоминать читателю: «я-хорошее» содержит в себе не только ценные качества, а «я-плохое» не лишено достоинств. Природа этого внутреннего раскола станет ясна дальше.

Любая модель, ставящая целью описать или объяснить какие-либо аспекты внутренней жизни человека, рискует показаться слишком упрощенной или механистической. И все же деление психики на «я-хорошее» и «я-плохое» — упрощение не большее (хотя и не меньшее), чем предлагаемое дуалистической системой морали, разделяющей мироздание на добро и зло. Если часть того, на что общество повесило ярлык «плохое», является неизбежной составляющей человеческой природы, то это подготавливает почву для раскола человеческой психики. А раскол психики порождает внутреннюю борьбу за власть. Две стороны единой личности формируются и сохраняют свою обособленность в результате реакции друг на друга, то есть благодаря постоянному противоборству. И вот результат: «я-хорошему» присущи качества, без которых человек мог бы спокойно обойтись, а «я-плохое» содержит в себе такие элементы, которые следовало бы узаконить и проявлять открыто. Мы уверены, что, для того чтобы быть здоровым и благополучным, человек должен быть целостной личностью, то есть он не должен вести внутреннюю войну с самим собой.

Обычно «я-хорошее» частично или полностью усваивает следующий набор ценностей: хороший человек исполняет свой долг; ему присущи чувство ответственности, надежность, правдивость, сдержанность, трудолюбие и стремление созидать; он работает над собой, дабы максимально развить то, что в нем заложено, и стремится к совершенству; он способен отказаться от сиюминутных радостей во имя более важных результатов в будущем; он не использует людей и не вредит им ради собственного удовольствия или благополучия; он подчиняется правилам, установленным ради поддержания жизнедеятельности общества; он считается с желаниями и потребностями других. Часто высшим благом считается умение ставить на первое место интересы и благополучие окружающих. Главная задача (246:) «я-хорошего» — сохранять контроль, чтобы иметь гарантию того, что жизнь идет в соответствии с этими ценностями.

В противоположность этому, «я-плохое» состоит из тех сторон нашей природы, которые часто сдерживаются или подавляются, потому что они не согласуются с ценностями, усвоенными «я-хорошим». Как правило, оказываясь в загоне, эта нежеланная часть нашего «я» бывает вынуждена лгать или лицемерить, чтобы добиться своего. Ее мало заботят будущие последствия или то, как они скажутся на других; она использует людей как ей заблагорассудится; она неудержима, порой до безрассудства, когда дело касается погони за удовольствиями; ей больше по нраву развлечение, чем усердный труд: она пытается пробиться сквозь ограничения и запреты; она заигрывает с опасностью, а если припереть ее к стенке, проявляет так называемые отрицательные эмоции — злобу, мелочность, мстительность.

Согласно этой схеме, каждой из частей для контраста необходима другая, поэтому у каждой есть свой механизм (как правило, неосознанный), позволяющий продолжать игру. При этом соотношение сознательного и подсознательного, свойственное двум означенным разделам психики, не одинаково, хотя в каждой части содержится и то и другое. Но та сторона личности, которую и сам человек, и общество ценят больше, именно по этой причине склонна быть более сознательной. Большинство людей предпочитают отождествлять себя с «я-хорошим» и именно в таком качестве представлять перед окружающими, особенно в случае, если общество в целом и люди, обладающие сходными ценностями, хвалят и вознаграждают их за это. Следовательно, у «я-хорошего» есть солидная поддержка, помогающая ему сохранять контроль. Поскольку у обесцененной части нет морального права открыто противостоять ценной, ей приходится бороться за самовыражение, действуя исподтишка, прибегая к обману, тайным интригам (зачастую неосознанным), а потом сваливать всю вину на кого-то или что-то другое («Меня бес попутал» или «Во всем виновата моя зависимость»).

Мы рассматриваем возникающее у зависимых людей чувство освобождения от контроля как светский вариант религиозной одержимости. Объявить причиной нежелательного поведения вселившегося в человека злого духа — все равно что свалить вину на (247:) наркотики. С другой стороны, мы считаем, что разделение психики на отсеки и возникающая в итоге борьба лучше объясняют и зависимость, и так называемую одержимость. Если человек чувствует, что вышел из-под контроля, то на самом деле это означает, что «я-хорошее» утратило контроль над личностью и он перешел к неприемлемой части нашего «я»⁶.

Далее в этой главе мы рассмотрим, как разворачивается битва за право осуществлять контроль вообще и в рамках зависимости, в частности. В заключение мы покажем, как расколотое «я» снова может стать целостным и какие трудности сопряжены с этим в условиях социального строя, сила кото-

⁶ Более подробно об одержимости говорится в главе «Сатанизм и культ запретного». (248:)

рого жидется на том, что оно вынуждает человека оставаться в состоянии внутреннего раскола. Ведь именно такой раскол делает людей особенно подверженным влиянию авторитарного контроля.

Ценности можно усваивать и выражать по-разному и так же по-разному на них реагировать. То, что мы критически относимся к процессу, посредством которого «я-хорошее» усваивает и навязывает свои ценности, не значит, что мы в корне отрицаем сами эти ценности. Хотя усвоенные ценности могут быть упорядочены множеством разных способов, часто они выстраиваются в сознании человека по степени важности. Для кого-то главным может быть долг. Но это может быть долг перед своей страной, Богом, детьми, перед экологическим состоянием Земли или собственным духовным развитием. Для других долг может не быть приоритетом. Его место может занимать стремление созидать, помогать ближнему, быть правдивым и честным и т.д.

В рамках деления на «я-хорошее» и «я-плохое» трудно не встать на сторону «я-хорошего». Но «я-хорошее» не так уж покладисто, как может показаться из-за усвоенных им ценностей. Мы уже говорили, что авторитаризм обычно скрывается за ширмой высоких идеалов, которые на первый взгляд кажутся жизнеутверждающими, а потому их трудно оспорить. И в этом случае безупречные на вид ценности также маскируют процесс, в ходе которого «я-хорошее» формирует управляемого, ущербного человека. Постепенно требование соответствовать идеалам «я-хорошего» становится все более жестким, а само «я-хорошее» превращается во внутреннего диктатора, задача которого — держать под контролем запретные, «плохие» стороны (248:) нашей природы. Этот процесс идет не только внутри одной личности, часто чье-либо «я-хорошее» пытается контролировать «я-плохое» другого человека, порождая борьбу за власть между людьми.

«Я-хорошее» воплощает в себе оба аспекта авторитарной личности — аспект господства и аспект послушания. Поскольку для поддержания власти над «я-плохим» и над другими людьми оно прибегает к помощи иных авторитетов, ему самому также приходится им подчиняться. Одновременно «я-хорошее» выступает в роли деспота, беспощадного, жесткого, часто пуритански сурового надсмотрщика, а главное, оно отчаянно боится — боится, что, если не будет постоянно осуществлять контроль, вся жизнь пойдет прахом. Иногда «я-хорошее» проявляет некоторую снисходительность к человеческим слабостям, особенно к своим собственным, и может (если ему ничего не угрожает) позволить себе простить маленькие грешки — ведь, в конце концов, «все мы — всего лишь люди». Такой предохранительный клапан работает до тех пор, пока ситуация не выходит из-под контроля. И зависимость — один из тех случаев, когда контроль действительно утрачивается.

«Я-хорошее» прилагает все усилия, чтобы «укротить зверя» — то есть удержать плотские, животные проявления человеческой природы в приемлемых границах. Оно опасается, что без сдерживающих мер животное начало (или подсознание, теневая сторона, греховная природа, беззастенчивый и беспечный эгоизм) может вырваться на свободу, сея разрушения, в том числе и саморазрушение. В результате такого внутреннего раскола изрядная доля эгоизма и чувственности переходит к «я-плохому», причем в искаженной и усугубленной форме. Одновременно подавляются и проявления бескорыстных спонтанных эмоций, творческого начала и всего, что связано с наслаждением, поскольку все это разрушает механизмы контроля, находящиеся в руках «я-хорошего». Именно этот раскол между животным и рассудочным, между духовным и материальным и, наконец, между бескорыстным и эгоистичным не дает плотскому и эгоцентристскому началу стать равноправной и равноценной частью человека. Печально, но сам раскол и порождаемые им запреты убеждают нас: если то, что мы привыкли сдерживать, вырвется на свободу, нам с ним не справиться. Это, в свою очередь, подтверждает самые худшие опасения «я-хорошего», оправдывая необходимость поддержания контроля. Теперь, опираясь (249:) на представление об описанном динамическом процессе, попробуем рассмотреть феномен зависимости.

Здесь уместно задать два разных и в то же время взаимосвязанных вопроса. Во-первых, почему вообще у человека возникает острая потребность или тяга к чему-то, что считается нежелательным? И во-вторых, как в нем происходит этот перелом? Второй вопрос подразумевает попытку понять, как «я-плохому» удастся заставить «я-хорошее» уступить ему контроль. Подобно тому, как действующие политики имеют преимущество в лице официальной идеологии и санкций против потенциальных узурпаторов их власти, так и суждения, исходящие от «я-хорошего», имеют больший вес. Эти суждения (представления о том, что значит быть хорошим человеком) запрограммированы с раннего детства и лежат в основе одного из самых мощных механизмов контроля, имеющихся в распоряжении «я-хорошего», — чувства вины. Большинство родителей старательно используют это чувство, чтобы контролировать поведение ребенка: они заставляют детей ощущать себя плохими всякий раз, когда те проявляют непослушание или эгоизм⁷. Это играет первостепенную роль в формировании расщепленной личности, ибо заставляет уже взрослых людей ощущать себя плохими, когда дело касается естественных проявлений их человеческой природы. Целостный человек мог бы отнестись к возникшему

⁷ Более углубленно эта проблема рассматривается в книге «Контроль». (250:)

у него чувству вины просто как к информации о том, что между его ценностями и поведением существует несоответствие, поэтому ему следует разобраться и в том и в другом, чтобы решить, на чьей стороне правда (если в этой ситуации правда вообще может быть на какой-либо одной стороне). Другое дело — человек, раздираемый внутренним расколом: его «я-хорошее» использует вину как механизм удержания власти.

На стороне «я-хорошего» находится весь авторитет традиций, официальной морали, родительских внушений и социальных структур. Во всех обществах, основанных на накоплении, очень высоко ценится то, что способствует накоплению, проще говоря, работа. Для того, чтобы работала «трудовая этика», наличие расщепленного «я», быть может, и не обязательно, зато оно необходимо для формирования человека, которого заставляют оправдывать свое существование. Люди — единственные животные, вынужденные это делать, и здесь чувство вины также играет свою роль. Ощущение вины, (250:) возникающее из-за того, что мы — плохие, часто заставляет нас стремиться к тому, чтобы чего-то достичь и тем самым доказать себе и другим, что мы люди стоящие. Работа и ее результаты, а также те награды и похвалы, которые они приносят, — это еще один механизм, помогающий «я-хорошему» удержаться у власти.

Нескончаемое стремление стать лучше создает некий непостижимый центр напряжения, откуда исходит энергия, заставляющая людей действовать. И хотя люди постепенно привыкают жить в напряжении и даже начинают воспринимать это как норму, все же такое существование в постоянно действующей камере пыток заставляет другую часть личности отчаянно стремиться из нее вырваться. Поэтому когда зависимость называют бегством от действительности, в этом есть своя доля истины и какая-то доля иронии. Но все же главная причина зависимости — глубокое недоверие к себе и даже боязнь себя. Авторитарные системы морали, очерняющие все плотское и эгоистичное в человеке, внушают нам мысль о необходимости самоконтроля, тем самым контролируя наше сознание. Всякий контроль над сознанием действует под маской самоконтроля.

Мы не принижаем важность самоконтроля и не отрицаем необходимость стремиться к определенным достижениям. Когда люди знают, что хорошо выполнили свою работу, или должным образом потрудились над развитием данных им природой способностей, или же оказали помощь другим, — им свойственно испытывать глубокое удовлетворение. Человеческие достижения и самоконтроль тесно связаны между собой и являются важными потребностями и проявлениями человеческой природы, так же как досуг и спонтанность. Наша же задача — показать механизмы, действующие во внутренней борьбе за власть у людей с расколотой психикой, которые боятся ослабить контроль, потому что боятся самих себя.

Если человек боится себя, то истинный объект его страхов — его собственное «я-плохое». Кроме того, он опасается, что если его постоянно не будет стимулировать «я-хорошее», он превратится в ничемное, бесполезное существо. Мы рассматриваем внутреннюю битву за власть как признак присутствия внутреннего диктатора, неумного моралиста, подавляющего насущные человеческие потребности и лишаящего их права голоса, — иначе говоря, отвергающего исторически сложившийся набор ценностей, в число которых входят и необходимые проявления чувственности и эгоизма. (Чувственность (251:), относимая к животной стороне нашей природы, что подразумевает, что она способна удовлетворять лишь низменные потребности, непременно включает в себя элемент эгоизма.) Таким образом, чтобы прийти к власти, «я-плохое» вступает, так сказать, на путь подрывной деятельности и соблазна, саботируя правила, установленные «я-хорошим». Люди, ставшие жертвой подобного психологического раскола, сначала сами загоняют себя в угол, а потом стараются из него выбраться. При этом они живут под гнетом навязанного им «так надо» и бунтуют против него, что приводит к разнообразным конфликтам.

Поскольку считается, что человек становится зрелым членом общества тогда, когда он принимает на себя определенную роль и подчиняется установленным в обществе правилам, рядом с показной взрослостью «я-хорошего» «я-плохое» часто выглядит ребенком, с которым нет никакого сладу. И хотя способы, к которым «я-плохое» прибегает, чтобы подрывать авторитеты, немного походят на то, как плутоватый ребенок пытается обвести вокруг пальца взрослых, на самом деле «я-хорошее» ничуть не взрослее «я-плохого», которое оно пытается удержать в узде. Попытки «я-плохого» компенсировать недостаток самовыражения, впадая в крайности, — это всего лишь часть игры. Подобные попытки — такой же симптом поляризованной авторитарной морали, которая приняла систему ценностей, объявляющую «я-хорошее» «хорошим», и теперь получает удовольствие единственным доступным ей способом — ведя себя «плохо»⁸.

«Я-плохое» обладает непреодолимой притягательной силой — ведь на его стороне и стихийность, и беззастенчивое потворство собственным прихотям, и полная свобода, и возможность отбросить всякое благоразумие, и прочие запретные соблазны, включая недозволенные проявления сексуально-

⁸ См. «Сатанизм и культ запретного: почему приятно быть плохим». (252:)

сти. Бегство из застенков «я-хорошего» способно высвободить харизматическую энергию, которая становится соблазном для других. Весьма показательны любовь и снисходительное отношение общества к вымышленным героям, которые бросают вызов закону и оставляют власти в дураках, как и романтическая притягательность границы — места вне закона и условностей. В отличие от этого картины чистой добродетели, где единовластно правит «я-хорошее», никому не интересны. Мифическая (252:) фигура — отверженный герой — предлагает культуре, основанной на подавлении, некий выход — возможность испытать острые ощущения, установив тайный, но безопасный сговор с «я-плохим», живущим в людях. Так общество, с одной стороны, провозглашает, что мятеж плох и опасен, и тут же признает, что мятеж не только захватывает и возбуждает, но еще и дарует свободу. Доказано, что двойственные сентенции родителей приводят к развитию у детей шизофрении. Двойственные же лозунги, выдвигаемые обществом, ведут к неизбежному разобщению его членов, однако возникающая в итоге патология затушевывается и объявляется социальной нормой⁹.

В тех случаях, когда «я-плохое» или же «я-хорошее» получают возможность беспрепятственно проявлять себя, легко формируются сообщества и группы; такие объединения также становятся механизмами, помогающими одной из сторон удерживать контроль. Выбор круга общения часто основан на потребности иметь союзников, чтобы оправдывать и поддерживать те или иные проявления личности¹⁰. Группы молодых людей, подстрекающих друг друга к бунтарским выходкам, — это пример сговора между «я-плохими», а широко известная у нас программа противостояния зависимости «Двенадцать ступеней» действует как поддержка «я-хорошего». В таких группах поддержки людей объединяет неспособность самого «я-хорошего» контролировать зависимость. Часто до того, как они объединились в группу, их связывала все та же зависимость (совместный «кайф»). И у запойного пьяницы, и у строгого трезвенника основу личности и центральный вопрос жизни составляет отношение к спиртному.

«Я-плохое» не обладает монополией на разрушение, в том числе и на саморазрушение. Группы, которые углубляют внутренний раскол и оправдывают насилие, образуются также и на основе подчинения лидеру или идеологии. Здесь идеалы чистоты (и очищения) (253:) становятся почвой для разгула насилия в лице банд расистов-линчевателей, проповедующих «закон и порядок», «комитетов бдительности» или армий, собирающихся под знаменами справедливости или исполнения Божьей воли. Все они преследуют «благие цели», используя их как основу для самых жестоких зверств. К этому особенно склонна та культура или личность, чья значимость зиждется на превосходстве — моральном или каком бы то ни было ином. Чтобы жить, равняясь на идеалы превосходства, необходимо иметь внутри сурового диктатора, который, в свою очередь, оправдывает внешнюю суровость и беспощадность тем, что они являются средством достижения некоей абсолютной чистоты.

Санкционированное обществом насилие — будь это война или смертная казнь — способно уничтожать все, что угодно, пока его оправдывают коллективные моральные принципы. Мы всерьез подзреваем, что чем глубже раскол личности или общества, тем сильнее потенциальная возможность разрушения. И самый непреодолимый раскол вызывают самые возвышенные, а потому и самые непригодные для жизни идеалы. С этой точки зрения легче понять, как могла целая культура (нацистская Германия) совершать чудовищные преступления, в которых теперь раскаивается.

В борьбе за власть между двумя «я» истинным объектом власти становится сама расколота на две противоположности система подсознания. При этом на уровне сознания ни одно, ни другое «я» не знает, что является частью системы, в которой каждая из сторон состоит в сговоре с другой. «Я-хорошему» необходимо что-то плохое, чтобы осуществлять над ним контроль, а «я-плохому» требуется нечто такое, чему можно было бы сопротивляться. Чтобы захват власти «я-хорошим» было оправдан, «я-плохое» должно представлять собой реальную угрозу. Каждой стороне, для того чтобы существовать, буквально необходима другая, потому что каждая из сторон может жить только в оппозиции к другой. Поэтому, как бы это ни было мучительно, оба «я» вынуждены сохранять раскол. Иными словами, внутренняя борьба за власть должна основываться на том, чтобы силы, движущие обоими «я», оставались неосознанными. Чем более разобщенными и менее гибкими становятся внутренние отделы нашего сознания, тем заметнее становятся колебания в поведении человека, попадающего во власть то одной, то другой силы, что со стороны выглядит совершенно необъяснимым. (254:)

⁹ В книге «Контроль» в главе «Почему политики лгут» показано, каким образом дуалистическая мораль приводит к формированию шизофренического общества, предрасположенного к коррупции, лживости и лицемерию.

¹⁰ Возможно, было бы полезно воспользоваться схемой «я-хорошее — я-плохое» для того, чтобы изучить, как формируются и меняются со временем взаимоотношения, основанные на контроле, взаимных притяжении и отталкивании в парах, семьях, группах и обществе в целом. («Я-хорошее» или «я-плохое» человека может попытаться контролировать, соблазнять или наказывать хорошее или плохое «я» других людей, и т.д.). (253:)

На наш взгляд, многое из относимого к психопатологии отражает попытки людей приспособиться к происходящей в подсознании внутренней борьбе. Поясним в нескольких словах это соображение. Неврозы, а еще более того, психозы — это способы проявления эгоизма и эгоцентризма, которые, будучи выражены в иной форме, считались бы недопустимыми. Психопатическая личность всеми своими действиями воздвигает непреступную стену вокруг собственного мира, центром которого является она сама и где нет места для других. Психотическое «расщепление» происходит от неспособности интегрировать те части своего «я», которые считаются плохими или неправильными. Многие люди с нарушенной психикой очень чутко распознают и болезненно воспринимают лицемерие, столь часто встречающееся в обществе, где все пытаются выглядеть гораздо более достойными, чем они есть на самом деле. Страдающие психозами неспособны мириться с так называемыми отрицательными сторонами человеческой природы, такими, как агрессивность, причем не только в других, но и в себе. Единственным решением проблемы для них становится уход из сферы нормальных человеческих взаимоотношений.

Социопат (или психопат), страдающий загадочной болезнью — отсутствием совести, принимает в качестве стратегии выживания отрицание всех установок своего «я-хорошего», утрачивая в результате способность сопереживать и питать любовь к ближнему. Вероятнее всего, эта психопатология скорее является следствием трудного детства, нежели сознательного выбора. Такой психопат, если он достаточно умен, скрывается под личиной общепринятой морали и остается неопознанным. Поскольку единственной реальностью, которую он признает, является эгоцентризм (я-плохое), соответственно, его взаимоотношения с обществом ограничиваются стремлением к власти и господству. И хотя «хитрые» психопаты обычно способны изобрести безопасные методы удовлетворения своей потребности власти, некоторые для этого прибегают к принуждению и насилию — крайним примером являются массовые убийства. Самые зверские преступления часто совершают те, кто примечательны своей совершенной неприметностью. Люди, повинные в массовых убийствах — например, нацистские вожди, — в большинстве своем обладали весьма заурядной внешностью. (255:)

Зависимость как мятеж против внутреннего диктатора

В рамках зависимости борьба за власть носит достаточно предсказуемый характер и сводится, по сути, к попеременному переходу контроля то к одному «я», то к другому. Предметом баталии обычно становятся наркотики, алкоголь или же определенные занятия (скажем, азартные игры). Все это может спровоцировать передачу власти «я-плохому», позволяя ему проявить то, что ранее подавлялось. «Пусковым механизмом» для такой передачи может послужить любое переживание, приносящее мгновенное удовлетворение. «Я-хорошее» боится или запрещает его, потому что оно может оказаться средством, способным подорвать его власть. Пусковой механизм (выпивка или ставка в игре) не всегда подводит человека к той грани, за которой «я-хорошее» теряет контроль, однако становящиеся жертвой зависимости люди никогда не знают, когда именно это может произойти.

Обычно всю вину за «срывы» возлагают именно на пусковой механизм («Ох уж этот чертов ром!»). В последнее время стало модным объяснять причину того, что некоторые люди становятся жертвами зависимости, наличием у них дефектных генов. Скорее всего, определенные генные структуры действительно влияют на восприимчивость и предрасположенность к зависимости (например, к алкоголизму). В частности, люди с более медленным обменом веществ могут тяготеть к стимуляторам, а с более быстрым — к депрессантам. Тем не менее, даже если и считать генетику одним из важных факторов зависимости, это не объясняет, почему потеря контроля происходит лишь изредка или, наоборот, почему некоторые восприимчивые люди не в силах проявлять умеренность. Ведь от одной рюмки невозможно напиться до бесчувствия или потери контроля. Напротив, если считать, что суть проблемы заключается в расколотой психике, использующей пусковой механизм, чтобы начать саботировать приказы засевавшего внутри диктатора, тогда становится понятной и спорадическая потеря контроля, и власть первой рюмки. В этом случае удалось ли человеку сохранить контроль над собой или он его утерял (а на самом деле передал его «я-плохому») — зависит от множества конкретных обстоятельств. С этой точки зрения нас не должно удивлять, что люди, которым (256:) действительно есть что терять, часто умудряются, если это нужно, успешно контролировать свое поведение.

Когда зависимость отдает всю власть в руки «я-плохого», это позволяет высвободить многое из того, что обычно удерживается глубоко внутри, и найти этому оправдание. Возьмем, например, конкретный случай, когда находившаяся под воздействием кокаина мать убила двоих своих детей. Позже она утверждала, что любила их, и демонстрировала искреннее на вид горе и полнейшее недоумение по поводу того, как такое могло случиться («Я совершенно не собиралась этого делать!»). Это объяснение было воспринято как убедительное доказательство того, что на преступление ее толкнул наркотик (во всяком случае, так следует из журнала «Таимо за 10 июня 1991 года). Между тем, многие люди принимали гораздо большие дозы кокаина и никого не убивали. Нет оснований сомневать-

ся, что эта женщина была во власти сильнейшего внутреннего конфликта между любовью к детям и негодованием, что ей приходится чем-то жертвовать ради них. Для нас тот факт, что, совершив убийство, она испытывала неподдельное смятение, подтверждает наличие у нее глубоко расколотов, разделенной на отсеки психики. Снова оказавшись во власти «я-хорошего», она не могла осознать всей глубины раздвоения своего чувства материнства. Это крайний пример того, как навязываемая культурой идеализация материнского самопожертвования может создавать в душе матери настолько сильный раскол, что ее «я-хорошее» просто не способно осознать истинный масштаб внутреннего неприятия этого поведенческого стереотипа¹¹.

Поскольку пусковой механизм, обеспечивающий переход контроля от одной части «я» к другой, является составной частью более широкого круга внутренних динамических процессов, им может стать почти все, что позволяет немедленно испытать наслаждение или удовлетворение: наркотики, еда, приобретение новых вещей, азартные игры, воровство, все запретное и т.д. Подобные стимулы пробуждают воспоминания о пережитых некогда ощущениях свободы и наслаждения. Сам поступок — скажем, ставка в игре — переносит человека из того состояния, в котором он находится, к ожиданию чего-то лучшего. Даже разочарование от (257:) проигрыша можно мгновенно отбросить, сделав новую ставку. Что бы ни ожидало заядлых игроков, выигрыш или проигрыш, главный смысл жизни для них составляет игра, потому что именно процесс игры дает им чувство освобождения, иначе говоря, возможность убежать от своего «я-хорошего».

Внутренняя борьба за власть циклична — каждая из сторон на некоторое время одерживает верх. Отражением этой битвы становится внутренний диалог жертвы зависимости с самим собой. «Я-хорошее» один за другим приводит аргументы (все весьма достойные) в пользу необходимости себя контролировать. Голос «я-плохого», жаждущего избавиться от ограниченной, идеализированной, регламентированной жизни, которую пытается вести «я-хорошее», звучит более приглушенно — это знакомые каждому слова искушения: «Мне нужно расслабиться. Одна рюмка не повредит — на этот раз я буду за собой следить. Я долго держался и заслужил передышку. Я теряю друзей, потому что стал занудой. Когда я не пью, самочувствие все равно препаришное — так какая разница?»

Поскольку жизнь в том виде, в каком ее планирует «я-хорошее», проходит под знаком принуждения (нужно добиваться успеха, нужно становиться лучше, нужно подавлять запретные порывы), любые нежелательные происшествия могут вызвать перегрузку и без того напряженной системы. Ссора с любимым человеком; чувство, что твой начальник или твой партнер не ценят или используют тебя; потеря денег на бирже; дорожная авария — все эти неурядицы обязательно возникнут раньше или позже, потому что они — часть нашей жизни. А с ними приходит мысль, сопротивляться которой труднее всего: «С меня хватит, больше не могу!» Как правило, человек прекрасно знает, как можно ослабить напряжение. Первая рюмка действительно приносит большое облегчение. И главным образом не от действия алкоголя, а больше потому, что вместе с ней наступает конец борьбе с собой («пить или не пить») и мгновенное избавление от постоянного конфликта. Безумное напряжение уступает место блаженному покою, а вместе с ним рождается мысль: «Черт побери, это как раз то, что нужно! И с этим мне приходится бороться?»

Простоты ради, будем и дальше рассматривать в качестве модели алкогольную зависимость. Тому есть целый ряд причин: алкоголизм — классический пример зависимости, поскольку он сопровождается физиологическим привыканием и явлением абстиненции; он (258:) представляет собой одну из главных социальных проблем; алкоголь — вещество, считающееся социально приемлемым и распространенным почти во всем мире, а потому весьма доступное. К тому же большинство из тех, кто его употребляет, не становятся зависимыми. Кроме того, алкоголизм как болезнь был ключевым понятием при разработке программ «Двенадцати ступеней» — самого распространенного у нас способа лечения подобной зависимости.

Те, кого называют алкоголиками, часто преступают грань, за которой пьянство делает их недееспособными. На наш взгляд, это происходит потому, что тайная цель зависимости как раз в том и состоит, чтобы сделать «я-хорошее» недееспособным. Одна рюмка несколько ослабляет контроль, поэтому за ней следует другая, но достигнутого эффекта все еще недостаточно, чтобы покончить с поведенческими тормозами «я-хорошего». Поэтому алкоголик пьет до тех пор, пока этого не добьется. Поскольку устойчивость к алкоголю, по крайней мере, в начале болезни, постепенно возрастает, требуется все большее его количество, чтобы вывести «я-хорошее» из строя, что чревато как социальными и семейными проблемами, так и ущербом для здоровья. Реакцией на эту тенденцию служит повышение ценности «я-хорошего», которое вынуждено становиться все более непреклонным, в то время как «я-плохое» окольными путями и саботажем пытается подорвать его власть до такого предела, где бы сработал пусковой механизм. Таким образом, при наличии расколотов психики, какой

¹¹ В главе «Любовь и контроль» обсуждается, как в рамках традиционной роли матери соотносятся между собой самопожертвование и власть. (257:)

бы властью, на первый взгляд, ни обладало «я-хорошее», за ним всегда таится «я-плохое», которое только и ждет удобного момента, чтобы под видом неконтролируемости взять контроль в свои руки.

Как только «я-плохое» оказывается у власти, оно плюет на все запреты, ибо знает, что иначе снова попадет в неволю. Постепенно, по мере того как праздник своеволия подходит к концу, крайности саморазрушения и вседозволенности (запойное пьянство) срабатывают как другой «пусковой механизм», который помогает праведному «я» восстановить утраченный контроль. Обычно власть возвращается к «я-хорошему» тогда, когда разгул «я-плохого» достигает предельной точки, становясь уже совершенно неприемлемым. Ведь поскольку «я-плохое» реактивно по своей природе, оно механически восстает против всех запретов и оценок «я-хорошего», в том числе и тех, которые совершенно необходимы для выживания. А дальше (259:) следуют самообвинения, угрызения совести и обеты, которые «я-хорошее» использует для усиления мер принуждения, необходимых для того, чтобы держать «я-плохое» в узде.

Однако это пиррова победа, поскольку вся тщательно возведенная оборона в один миг может неожиданно рухнуть. В глубине души «я-хорошее» знает, что на самом деле оно ничего не контролирует. Ведь оно никогда не может быть уверено, что в минуту «слабости» или искушения его продуманная система контроля снова не откажет, и потому постоянно вынуждено быть начеку. Вот почему некоторые популярные теории зависимости настаивают на том, что зависимый человек никогда не может вылечиться до конца. На самом деле это справедливо лишь до тех пор, пока сохраняется внутреннее психологическое разделение личности на отсеки. К несчастью, уверенность «Раз в зависимость попал — навсегда пропал» превращается в предсказание, которое неизбежно сбывается, поскольку свидетельствует о неверии человека в себя, что, в свою очередь, способствует сохранению расщепленного «я».

Чем дольше человек ведет внутреннюю борьбу, тем больше страдает его вера в себя. Если то и дело принимать решения, а потом их нарушать, то такое поведение постепенно подрывает у «я-хорошего» доверие к собственной способности контролировать ситуацию. Результатом становится появление людей, которые в глубине души не доверяют себе. Отчасти их трагедия состоит в том, что такое недоверие оправдано. Даже тем, кому удавалось сохранять контроль над своим образом жизни достаточно долго, рано или поздно приходится все же это признать.

Тяжелая патологическая зависимость — лишь одно из наиболее явных проявлений внутренней борьбы за власть у людей, раздираемых между «я-хорошим» и «я-плохим». Поскольку расколотое «я» стало нормой, внутренний конфликт в той или иной степени характерен для большинства сторон так называемой нормальной жизни. Многие страдают от душевного разлада, проявляющегося не только в ощущении униженности, но и в состоянии безволия. Хороший пример — зависимость от особого пристрастия к еде (эту зависимость многие назвали бы манией). Еда (как и секс) — необходимое для человека, приносящее немедленное удовлетворение действие, которое также может стать объектом внутренней борьбы за власть. Хотя, с точки зрения общества, пристрастие к еде гораздо (260:) безопаснее, чем многие другие формы зависимости, тем не менее, и оно подразумевает некий внутренний мятеж против правил и схем сидящего внутри нас диктатора. И в этом случае ощущение, что ты неспособен контролировать себя, может означать только то, что контроль захватила другая, мятежная часть нашего «я».

Самый легкий способ совладать с привычкой — полностью исключить возможность срабатывания пускового механизма, прибегнув к жестким правилам полного воздержания. В этом случае «я-плохому» окажется труднее нас соблазнять, искушать или убеждать. В случае неумеренного потребления пищи ситуация осложняется тем, что полное воздержание здесь невозможно. При переедании, как и при любой зависимости, полагаться на силу воли — дело ненадежное, потому что самоконтроль расколотого «я» — это, по сути дела, контроль «я-хорошего», в который встроена способность вызывать встречную негативную реакцию. Поэтому, как только человек с расколотой психикой принимается за еду, перед ним встает перспектива «потерять» контроль, поскольку каждый съеденный кусок может стать пусковым механизмом, переключающим контроль на «я-плохое». Более того, поскольку от еды никуда не денешься и воздержание — не выход из положения, возможность прибегнуть к уговорам и саботажу предоставляется «я-плохому» всякий раз, когда в голову приходит мысль о еде. Вся ирония в том, что вкусная еда часто используется как способ поощрения или спутник всевозможных торжеств, поэтому переедание у многих входит в привычку как награда за то, что они были хорошими.

Конечно, разные вещества и обстоятельства воздействуют по-разному, и то, какие из зависимостей или маний являются социально приемлемыми, определяется критериями данной культуры. Когда первостепенными ценностями провозглашаются продуктивность и успешность деятельности, усердная работа и ее зеркальное отражение — потребление (как награда за труд), они, наряду с деньгами и властью, легко становятся объектами зависимости. Неудивительно поэтому, что поощряется прием веществ, которые могут безопасными для общества способами улучшать работу или снимать напря-

жение. Например, чтобы легче было сосредоточиться и владеть собой, часто применяют кофеин и никотин. Оба эти вещества почти везде считаются абсолютно приемлемыми, поскольку они могут повышать производительность труда и сочетаться с обычной (261:) деятельностью. В случае избыточного потребления ни одно из них не приводит к высвобождению подавляемых сторон личности или к антиобщественному поведению.

По-настоящему осознав вредные последствия курения, одни люди, вопреки тому, что никотин создает сильную физическую зависимость, бросают курить и проходят период отвыкания почти безболезненно, другие мучительно стараются избавиться от пагубной привычки и терпят неудачу. Почему так получается? Как и в случаях с другими видами зависимости, в душе курильщика, происходит борьба за власть между «хорошей» частью личности, которая знает, как нужно поступать, и «плохой», готовой оправдать мимолетное удовольствие и безразлично относящейся к угрозе навредить своему здоровью. Тем, кто бросает курить, удается убедить себя, что опасность слишком велика, и это удовольствие того не стоит. Те же, кто утверждает, что хотели бы бросить, но не могут или «не вполне созрели», в действительности не хотят расставаться со своей привычкой, хотя и считают, что это следовало бы сделать. Здесь одной мысли о том, что нужно бросить курить, достаточно, чтобы вызвать желание закурить. Кажущаяся невозможность сопротивляться используется как разрешение продолжать пагубное занятие. Может быть, однажды уже попытавшись бросить курить и потерпев неудачу, такие люди боятся, что снова проиграют сражение.

Никотин — странный наркотик: это вещество, которое, по-видимому, стимулирует мозговую деятельность, способствует расслаблению мышц и легко встраивается в наши повседневные рабочие привычки. Многие курильщики без никотина испытывают сильное беспокойство именно потому, что он приглушает эмоции, облегчая возможность контролировать нежелательные их разновидности. Курение приносит кратковременное расслабление и облегчение нервной системе, перегруженной необходимостью поддерживать контроль в других сферах. Почему от никотина так трудно отказаться? Да потому, что он позволяет придерживаться установок «я-хорошего», предоставляя в то же время «я-плохому» эмоционально безопасную внутреннюю возможность для мятежа.

На другом полюсе спектра приемлемости сосредоточены мании, которые являются явно антиобщественными, чрезвычайно опасными для окружающих. В их буйных проявлениях — сериях насильственных и массовых убийствах — нарастание внутреннего (262:) напряжения приводит к такому состоянию, когда человек вынужден любым способом «выпустить пар», чтобы успокоиться. У тех, кто испытывает такое давление, возникает потребность ощутить безграничную власть над другими людьми, не случайно принимающая форму вспышки ненависти или ярости. Получать удовольствие при виде безумного страдания, ужаса и даже смерти людей — такое возможно только в том случае, если человек полностью лишился способности сопереживать. По нашей теории, это происходит не потому, что он порочен от рождения, а потому, что научился испытывать приятные ощущения главным образом от того, что «ведет себя плохо». Такие люди похожи на бомбу с часовым механизмом: для них ментальная вспышка «я-плохого» — единственный путь к власти и свободе¹². Есть еще одно загадочное, время от времени повторяющееся явление, о котором мы слышим гораздо чаще, чем хотелось бы. Это кажущиеся на первый взгляд абсурдными случаи, когда ничем не примечательный, милый и порядочный человек вдруг впадает в неистовство и в припадке ярости убивает всех, кто попадает к нему под руку, а под конец, как правило, и самого себя. Для нас такое неистовство — еще один показатель жестко разграниченной на отсеки психики, ищущей выхода.

Людей, постоянно избивающих своих жен, тоже можно отнести к числу зависимых. Подобные любители распускать руки обычно говорят, что «потеряли контроль над собой». Как и многим другим зависимым людям, им свойственно проявлять как бы двойную натуру, с одной стороны — это милые, любящие, даже очаровательные люди, с другой — жестокие и необузданные. Их жены часто запутываются в этой их двойственности, недоумевая, какой же из их обликов настоящий. Ответ, разумеется, таков: обе стороны в равной мере настоящие. В этом случае привычка к побоям подразумевает наличие синдрома, при котором насилие снимает нарастающее напряжение¹³. (263:)

Если кому-то покажется, что мы приписываем склонность к саморазрушению исключительно «я-плохому», то это далеко не так. Саморазрушение — результат настолько глубокого раскола «я», что обе стороны пытаются уничтожить одна другую. В подобных условиях разумный выход из положе-

¹² См. также «Сатанизм и культ запретного».

¹³ В главе «Любовь и контроль» показано, почему насилие над личностью чаще происходит в тех семьях, где провозглашаются неосуществимые идеалы и жесткие запреты, что усугубляет раскол на «я-хорошее» и «я-плохое». В разделе этой главы «Прощение и игнорирование» говорится о том, каким образом прощение, принадлежащее к числу атрибутов «я-хорошего» и рассматриваемое как добродетель, становится наградой за жестокое обращение. Обычно при этом «я-хорошее» обидчика испытывает угрызения совести. В разделе «Любовная зависимость» описывается, как в результате дисбаланса власти может вспыхнуть страсть, иногда проявляющаяся в жестокости. (263:)

ния просто невозможен. Один из способов прекратить борьбу — полностью подчиниться зависимости и стать вконец опустившимся пьяницей¹⁴. Одержавшее победу «я-плохое» явно нацелено на самоуничтожение, к тому же оно ведет весьма беспокойное существование. Причиной тому — страх, что любая попытка вернуться к уравновешенному образу жизни сделает ситуацию еще более невыносимой и полной постоянных конфликтов. Если же победу одерживает «я-хорошее», выясняется, что оно также стремится к саморазрушению, разве что не столь явно. Ему свойственно уничтожение доверия к себе и отказ от ряда жизненно важных аспектов самовыражения. Кроме того, непреклонность — следствие постоянного подавления природных инстинктов — часто сказывается на телесном здоровье человека, вызывая заболевания, развивающиеся под влиянием стресса. Напряжение не оставляет его ни на миг, потому что «я-хорошее» никогда не может по-настоящему расслабиться. Так какое же из враждующих «я» есть истинное отражение личности данного человека? Ответ таков: оба и ни одно из них. Оба потому, что в каждом находят отражение его реальные свойства, а ни одно потому, что совершенно невозможно узнать, каким бы он был, будь он целостной личностью, свободной от внутренней борьбы. По-настоящему покончить с борьбой, объединив обе части своего «я», куда труднее, чем отдать власть той или иной стороне.

Большинство методов лечения различных зависимостей совершенно не учитывают, что истоки раскола следует искать в самой культуре, исходящей из противопоставления категорий добра и зла. Такие методы всего лишь пытаются укрепить механизмы контроля «я-хорошего» до пределов, которые позволили бы надежно сдерживать «я-плохое». В результате люди становятся более приемлемыми (даже для самих себя) с социальной точки зрения, но это не может освободить их от внутренней борьбы. Общества, (264:) чьи ценности создают и поддерживают такой психологический раскол, не только делают почти невозможным формирование целостной психики, но и становятся рассадником коррупции, поскольку обесцененная часть личности прокладывает тайные ходы для самовыражения. Эта коррупция представляет собой скрытую эгоистическую деятельность, направленную против ценностей, проповедуемых обществом.

Недостатки моделей болезни и ответственности

Если считать зависимость от наркотиков болезнью, то, разумеется, это болезнь не в обычном смысле слова: здесь нет ни нашествия микробов, с которыми необходимо бороться, ни метода, дающего возможность физически обнаружить недуг в промежутке между приемами наркотиков. Кроме того, вещества, вызывающие зависимость, действуют не на всех людей одинаково, и даже на одного и того же человека в разное время они могут действовать по-разному. «Зависимость», предмет которой служит нечто невещественное (страсть к еде, к приобретению новых вещей, к воровству, азартным играм и т.д.), еще труднее отнести к разряду болезней. С другой стороны, если проблему злоупотребления тем или иным веществом мы будем относить исключительно к сфере психологии, тем самым мы излишне расширим значение термина «болезнь». Тогда с не меньшими основаниями можно будет назвать болезнью, скажем, боязнь высоты (или любой другой невроз). Поэтому заявить, что те, кто действительно попадает в зависимость, страдают какой-то болезнью — значит просто сказать, что в их организме что-то разладилось или чего-то недостает.

Когда мы говорим о зависимости как о болезни, мы подразумеваем, что из-за генетической предрасположенности, химического дисбаланса или каких-то других физиологических факторов человек не способен переносить данное вещество без потери над собой контроля. Здесь зависимость рассматривается как нечто вроде аллергии, а симптомом ее является то, что первая рюмка, скажем, вызывает неконтролируемую потребность во второй. (Будь это так, единственным решением проблемы было бы полное воздержание). Это не объясняет, почему люди часто переходят от одной зависимости к другой или попадают в зависимость от невещественных (265:) факторов. Другая связанная с рассматриваемой теорией проблема (помимо факта, что многие исследования ее опровергают) состоит в том, что обычно люди, обнаружив у себя аллергию, начинают просто-напросто избегать того, что ее вызывает. Сторонники теории аллергии могли бы возразить: большинство обычных аллергических заболеваний с самого начала сопровождается скверным самочувствием, тогда как «аллергические» зависимости поначалу дают настолько приятные ощущения, что сопротивляться им невозможно. Но это лишь подчеркивает, что зависимость следует относить к другой категории, и по-прежнему не дает объяснения, почему, осознав всю серьезность проблемы, одни люди не прекращают своего занятия, а другие решительно от него отказываются.

Еще более показательным то, что теория аллергии не может также объяснить, почему люди, считающие, что у них аллергия к алкоголю, вообще притрагиваются к рюмке. Это значит, что потеря контроля может происходить еще до первой рюмки, поэтому бывает так трудно от нее отказаться. Если

¹⁴ Здесь можно заметить сходство с сатанизмом, где единственная возможность окончить битву с добром — это полностью посвятить свою жизнь активному служению злу. См. «Сатанизм и культ запретного». (264:)

не считать это остаточным явлением прошлой выпивки, искушение и последующая потеря контроля не могут быть функцией физического воздействия самого алкоголя. Похмелье действительно остаточное явление, но во всех других случаях, если человек пребывает в трезвом состоянии, нет никакого способа предсказать, когда и почему будет выпита первая рюмка. Настоящая проблема заключается в том, что люди, едва «просохнув», как известно, начинают пить снова. Вывод таков: побуждение принять первую рюмку должно исходить не из физической потребности, а из чего-то иного.

Для людей, пытающихся победить свою зависимость, большая привлекательность модели болезни объясняется тем, что причиной их сложного положения она называет не просто их порочность, а нечто иное. Зависимый человек перестает считаться извращенцем, слабаком или просто плохим человеком и становится больным. Как от больных пневмонией никто не ожидает, что они, занимаясь самолечением, справятся с недугом, так не следует ожидать этого и от тех, кто страдает зависимостью, особенно если считать ее болезнью. Вся трудность состоит в том, что пневмонию можно вылечить лекарствами, а зависимость — нет. Психологические последствия зависимости можно устранить, если просто прекратить доступ к соответствующему веществу на достаточно длительный срок. Но такой (266:) метод не всегда искореняет предрасположенность к зависимости — а ведь только тогда можно говорить о настоящем излечении. Разумеется, избавить людей от того, чтобы они выглядели виноватыми в глазах окружающих и сами ощущали вину, достаточно важно, так же как важно и уговорить их обратиться за квалифицированной помощью. Однако сама теория болезни применительно к зависимости ошибочна не только потому, что зависимость не похожа ни на одну из болезней и не проявляется как обычная болезнь, но еще и потому, что сама модель становится важной ставкой в игре «Кто контролирует ситуацию».

Широкая популярность модели болезни становится объяснимой, когда видишь, какие альтернативы может предложить современная мораль. В нашем обществе существует лишь одна реакция на неправильные поступки («плохое» поведение) — они подлежат наказанию, тогда как больные признаются заслуживающими сочувствия и на их лечение изыскиваются средства. Но чтобы получить лечение, нужно, чтобы тебя признали больным. Поскольку для преступлений и других неприемлемых отклонений наше общество знает единственный рецепт — наказание, а не лечение, единственной спасительной лазейкой, позволяющей рассчитывать на милосердное обращение, является понятие ограниченной дееспособности. Если болезнь вынуждает людей терять контроль над собой, то их дееспособность несомненно ограничена.

Имея перед собой только две альтернативы — плохой или больной, и сами жертвы зависимости, и те, кто о них печется — индустрия здравоохранения и общество в целом, — по вполне понятным причинам гораздо охотнее рассматривают зависимость как болезнь. Эта теория, по крайней мере, дает возможность гуманного подхода к проблеме. С точки зрения расколотого «я», признание человека «плохим» влечет за собой наказание «я-плохого», тогда как определение «больной» позволяет помочь «я-хорошему». Поэтому неудивительно, что все присущие модели болезни противоречия обычно игнорируются, как и большинство не согласующихся с этой моделью научных исследований. Отчасти это можно объяснить опасением, что если жертв зависимости перестанут считать больными, то меры, которые предложит общество, будут суровыми и карательными. К тому же само слово «болезнь» это пропуск, дающий право на финансирование лечебных (а не карательных) мероприятий, на (267:) субсидии и страховые пособия, питающие реабилитационный бизнес, в котором задействованы миллиарды долларов.

В старину всякого, кто позволял себе явно антиобщественное поведение, считали либо скверным человеком, либо одержимым чем-то плохим. Его пытались контролировать с помощью цензуры, наказаний, разнообразных процедур очищения (часто такое «изгнание дьявола» было, по сути, способом наказания или казни). И хотя пьянство (или безумие) могло в какой-то мере служить извинением для некоторых проявлений вызывающего поведения, тем не менее, применявшиеся в случае необходимости меры контроля носили в основном карательный характер. Проще говоря, заблудший призывался к ответу и получал по заслугам.

И в наше время существуют теории, согласно которым всю ответственность следует все же возлагать на самого человека, поэтому мы называем их «моделями ответственности». Наиболее сложные из них включают в себя еще и проблемы ответственности общества, а также профилактики и реабилитации. Их смысл — помогать людям найти в себе силы справиться с зависимостью, а не поощрять их склонность чувствовать себя бессильными перед лицом болезни, что вынуждает обращаться за «лечением» к какому-то внешнему посреднику. Сторонники модели ответственности утверждают, что люди в конечном итоге должны полностью отвечать за все последствия совершаемых поступков, как плохих, так и хороших, хотя и признают, что общество также влияет на формирование и поведение людей. Такая точка зрения оправдывает стремление заставить общество принимать участие в профилактике и реабилитации своих зависимых членов, но только так, чтобы ответственным оставался сам человек. Несмотря на внешнюю гуманность и научность рассматриваемых моделей, они

вызывают резкое сопротивление. Это отчасти объясняется боязнью того, что следование их рекомендациям может вновь вернуть нас к жестокому обращению с людьми, практиковавшемуся прежде, пока модель болезни не переквалифицировала зависимых людей из «плохих» в «больных». Поистине грань, лежащая между ответственностью и виной, так же тонка, как и грань между лечением и наказанием.

Мы коснемся только современных теорий ответственности, которые категорически опровергают подход к зависимости как к болезни и утверждают, что путь к избавлению от нее — свободный (268:) выбор и сила воли (принятие ответственности на себя). Так же как основным понятием в модели болезни является потеря способности себя контролировать, в моделях ответственности главным становится отрицание того, что зависимые люди действительно теряют самоконтроль.

Теории ответственности весьма уязвимы в двух отношениях, что мы и попробуем продемонстрировать. Мало кто станет утверждать, что человек совершенно невосприимчив к внешним условиям. Доказано, что одни условия вызывают большую зависимость, другие — меньшую. В таком случае, как и на кого или на что следует возлагать ответственность (чаще всего это иносказательное название вины) — на человека или на общество? Неудивительно, что приходится слышать заявления, приводящие в замешательство своей двусмысленностью: «Всю ответственность должен нести человек, однако доля вины лежит также и на обществе».

Наиболее показательный момент, в котором эти две модели кардинально расходятся, — утверждение о том, что зависимые люди при желании или необходимости могут себя контролировать. Существует необоснованное предположение, что если зависимость — не болезнь, то возможность контроля фактически сохраняется. Некоторые теоретики «доказывают» это, демонстрируя, что кажущаяся потеря контроля не является устойчивой. Для подтверждения приводятся данные многочисленных исследований и экспериментов (показательного характера), свидетельствующие о том, что люди, которых называют зависимыми, могут контролировать свои привычки и поведение, регулировать и приспособлять их к изменяющимся обстоятельствам до такой степени, что способны вообще «завязать». Во всем этом присутствует ни на чем не основанное положение, что для того, чтобы потерю контроля можно было признать реальной, она должна быть устойчивой. Вслед за таким предположением следует ошибочный вывод, что если, мол, показать, что зависимые люди все же могут проявлять контроль в жестких ситуациях, то можно считать доказанным, что они способны делать это, когда захотят. Такая абсолютно нелогичная посылка не только не оставляет места для подсознательных факторов и влияний среды, но и опровергается тем подлинным и глубоким ощущением собственной неконтролируемости, которое переживают зависимые люди. Кроме того, модели ответственности так и не объясняют, откуда же (269:) берет начало эта непонятная потребность саморазрушения путем выхода за пределы допустимого.

Авторы моделей ответственности не противоречат истине, когда утверждают, что зависимые люди часто бывают не такими неконтролируемыми, как может показаться. Но они ошибаются, предполагая, что из этого следует, будто зависимые люди на самом деле могут себя контролировать, а следовательно, все, что им нужно, — это методы, помогающие воспитать силу воли и предоставить более широкий выбор для принятия правильного решения. Они рассуждают следующим образом: попавшие в зависимость в какой-то мере все же способны контролировать свою жизнь, так давайте поможем им делать это еще более успешно. Предполагается, что необходимо заставить зависимых людей отвечать за свои поступки и помочь им (а не нянчиться с ними), чтобы они сделали правильный выбор. Разумеется, «правильным» будет такой выбор, который согласуется с одобряемыми обществом ценностями. На самом же деле получается, что санкционированному обществом «я-хорошему» помогают удерживать контроль над «я-плохим». При этом совершенно не учитывается тот факт, что многие из этих самых ценностей раскалывают психику людей до такой степени, что зависимость становится вынужденным механизмом освобождения.

Некоторые из тех, кто предпочитает модели ответственности, опасаются, что если страдающих зависимостью объявить больными или неполноценными, то такой подход узаконит их освобождение от необходимости отвечать за последствия своих поступков. Отсюда вытекают и другие опасения: забота о соблюдении прав этих людей в качестве больных может обернуться ущемлением прав тех, кому не удалось попасть в данную категорию. Например, может получиться, что работодатели будут законодательным образом вынуждены отдавать предпочтение лицам, объявившим себя выздоравливающими от зависимости, в ущерб другим, более ответственным претендентам. То есть, по существу, зависимость будет вознаграждаться. Некоторых сторонников модели ответственности серьезно тревожит еще и то, что когда зависимость классифицируется как болезнь, тем самым размывается понятие моральной ответственности, а следовательно, расшатываются и самые основы общества. Они опасаются, что если отказаться от ответственности и возможности выбора, то это еще более усугубит падение морали, наблюдающееся в наше время. Мы (270:) придерживаемся другого мнения. Нам представляется, что характерный для всего мира упадок морали не есть признак отсутствия моральных

устоев у современного человека; скорее, он вызван крушением канонов старой авторитарной морали, по которым многие люди больше жить не могут.

Модели ответственности в состоянии предложить лишь заново запрограммировать людей, с тем, чтобы попытаться укрепить их силу воли и научить «отвечать за себя» — иными словами, делать выбор в пользу санкционированного обществом поведения. Неудивительно, что зачастую используемые для этого приемы включают в себя методы модификации поведения, основанные на психологическом поощрении и наказании. Поощрение и меры социальной поддержки могут способствовать усилению «я-хорошего», а наказание, особенно если оно достаточно сурово, может сдерживать «я-плохое». Однако кратковременное разрешение ситуации не только не затрагивает корень проблемы, но, как и модель болезни, лишь усугубляет внутренний раскол, поскольку ведет к усилению исключительно «я-хорошего».

Те, кто провозглашает ответственность ключевым моментом в решении проблем зависимости, хорошо понимают, что модель болезни способствует развитию у человека менталитета жертвы. Они требуют, чтобы зависимый человек взял ответственность на себя и таким образом обрел силы для изменения существующего положения. Если же человек ощущает себя беспомощной жертвой сомнительной болезни, то это толкает его к безответственности, предлагая всего лишь оправдание, а не объяснение или решение проблемы. Тем не менее, наличие расколотов, раздираемой противоречиями психики, когда каждая из сторон превращает в жертву другую, действительно чревато утратой силы и контроля, и тогда люди начинают чувствовать себя жертвами вполне обоснованно. Модель болезни фактически содействует тому, что зависимый человек начинает взирать на все происходящее с ним с позиции жертвы, поскольку его убедили, что ход событий контролируют главным образом биологические факторы. Если в это поверить, то можно и в самом деле стать жертвой собственного тела. А придание менталитету жертвы законного статуса лишь углубляет внутреннюю борьбу, поддерживая склонность «я-плохого» к саботажу («Ничего не могу с собой поделать!») и уверенность «я-хорошего» в необходимости постоянно (271:) соблюдать бдительность, что еще больше подрывает доверие человека к себе. Все мы в той или иной степени являемся жертвами обстоятельств, но ощущение, что ты жертва самого себя (например, своих генов), делает доверие к себе просто невозможным.

Следует подчеркнуть, что модели ответственности совершенно не способны объяснить временами возникающее у людей очень реальное ощущение утраты самоконтроля. Хотя человек действительно всегда с готовностью хватается за любую теорию, могущую служить ему оправданием, более важная причина того, почему теория зависимости как болезни находит отклик у стольких людей, заключается в том, что каждый из них сам некогда пережил чувство потери контроля. До последнего времени модель болезни была единственной теорией, предлагавшей этому более или менее понятное объяснение. Модели же ответственности не соглашаются даже признать подлинность этого феномена, не говоря уже о том, чтобы помочь как-то справиться с ним. И в самом деле, как можно настаивать на том, чтобы человек отвечал за свои поступки, если он себя не контролирует?

На самом деле, при всех видимых различиях, обе модели являются порождением общей системы моральных ценностей, на которой лежит вина за возникновение раздираемой внутренней враждой психики. Обе модели — полярные отражения одной и той же дуалистической морали, которая может рассматривать проблемное поведение либо как болезненное, либо как неправильное. Все отличие между ними фактически сводится к различным стратегиями укрепления «я-хорошего».

В противоположность им, модель расколотов психики не способствует формированию менталитета жертвы, но и не отрицает истинность переживаний тех, кто иногда ощущает себя несамостоятельным и беспомощным. Допускает она и то, что человек не всегда может контролировать себя. С нашей точки зрения, так называемые зависимые личности (либо предрасположенные к возникновению зависимости) используют борьбу за власть, чтобы выразить свой глубокий внутренний раскол, и иногда это позволяет им освободиться от внутреннего диктатора. Сама борьба становится для них главным делом жизни. Вот почему у них может быть несколько зависимостей или они могут переходить от одной зависимости к другой. Наша модель рассматривает склонность к саморазрушению как (272:) качество, присущее расколотову «я», в котором каждая из сторон пытается одержать верх над другой. В рамках зависимости «я-плохое» обычно играет роль мятежника, который использует все доступные ему средства, чтобы разрушить механизмы контроля, находящиеся в руках «я-хорошего».

Поборники моделей болезни и ответственности как методов избавления от зависимости приводят доказательства того, что их методы иногда помогают людям обрести контроль над своей жизнью. Вполне понятно, что критерием успеха для них служит постепенное уменьшение потребления создающих зависимость веществ и отказ от злоупотребления ими. Мы несколько не пытаемся принизить значение тех форм помощи, которые позволяют человеку хотя бы на короткое время почувствовать облегчение. Но мы считаем, что ни одна из этих теорий не может сделать поведение человека сво-

бодным от контроля, ибо ни одна из них по-настоящему не затрагивает основных проблем, связанных с природой контроля.

«Двенадцать ступеней» — куда?

Итак, согласно модели болезни, зависимость перестает рассматриваться как «зло» и становится «болезнью», а зависимые люди — жертвами, утратившими контроль над собственной жизнью. При этом поощряется мысль, что человек бессилен перед лицом зависимости. Стратегия помощи в рамках этой модели заключается в усилении власти «я-хорошего», а ведь это способствует сохранению внутреннего раскола. Для того, чтобы «я-хорошему» было легче удерживать контроль, многие стараются примкнуть к группе, члены которой воздают должное тем же ценностям. С разрушением традиционных структур, которые служили поддержкой для «я-хорошего» (церковь, община, семья), образовавшийся вакуум заполнили так называемые группы «Двенадцати ступеней». По иронии судьбы, ярлык «группы самопомощи» навесили как раз на те формирования, которые поощряют убеждение, что люди сами по себе беспомощны.

Не удивительно, что подход, сущность которого состоит в поддержке и усилении внутреннего диктатора методами группового воздействия, отдает предпочтение модели болезни. Большинство групп «Двенадцати ступеней» работают только при условии полного подчинения их правилам — правилам «Двенадцати ступеней». (273:) Модель болезни этому весьма способствует, поскольку для такого подчинения человек должен быть уверен в своей совершенной беспомощности. «Двенадцать ступеней» — авторитарное изобретение, поскольку представляет собой набор непререкаемых жизненных правил. Вкратце их требования заключаются в следующем: признать свое полное бессилие; полностью подчиниться высшей силе (Богу); неустанно работать над устранением недостатков собственного характера при содействии высшей силы; раскаяться и стремиться к исправлению; оказывать помощь ближним посредством распространения послания, в котором все эти правила изложены (так называемого «Слова»).

Хотя известное движение «Анонимных алкоголиков» в конце концов приняло модель физиологической болезни, поначалу оно рассматривало пьянство как дефект характера, а потому делало акцент на традиционном моральном усовершенствовании. Поэтому неудивительно, что ценности, лежащие в основе идеологам «Двенадцати ступеней», являются прямыми наследниками порожденного религией морального раскола между добром и злом. Какой бы высшей силе мы ни подчинялись, какое бы конкретное содержание мы ни вкладывали в это понятие, в любом случае мораль, которая из этого проистекает, остается традиционной: она отрицает в человеке значимость всего плотского («животного») и эгоистического. Ключевым словом в выражении «высшая сила» является «сила», поскольку «я-хорошее» набирает мощь, приближаясь к идее некоей всеведущей силы, которая определяет, что хорошо, а что плохо. То, как человек представляет себе высшую силу, не имеет значения, поскольку она в любом случае остается источником, опорой и моральной основой «я-хорошего». Как и большинство диктаторов, «я-хорошее» рвется к власти под тем предлогом, что «оно лучше знает».

Поскольку упомянутое движение «Анонимных алкоголиков» (далее АА) было прототипом «Двенадцати ступеней» и послужило также моделью для множества других похожих организаций, остановимся на нем подробнее. Хотя на первый взгляд у АА нет лидера (фактически роли лидеров исполняют старые члены), на самом деле эта организация имеет много общего с авторитарными культурами: непререкаемый письменный источник («Слово»); диктат регламентирующих жизнь правил; перемена убеждений, достигаемая благодаря подчинению некоей сверхчеловеческой силе; (274:) зависимость от группы, что часто ведет к разрыву отношений с теми, кто не признает священной важности «Двенадцати ступеней». Несогласие с любой из «ступеней» рассматривается как отступничество или сопротивление. Как и в других авторитарных структурах, здесь манипулируют страхами и желаниями людей, причем страх перед уходом из группы внушается многократным повторением угрозы «Без нас ты не сможешь ничего поделать».

Главным условием действительности любого авторитарного образования является покорность, капитуляция. В первой части нашей книги подробно объяснялось, почему сам акт капитуляции перед кем-то или чем-то имеет серьезные психологические последствия. Передача власти тому, кто представляется нам более сильным и достойным, чем мы сами, не только на время избавляет от любых конфликтов, но и позволяет ощутить себя обновленным и даже родившимся заново. Это ощущение «возрождения» характерно для всех переживаний, сопутствующих религиозному обращению, которые в сочетании с раскаянием и желанием исправиться рождают уверенность, что в моральном плане с прошлым покончено навсегда. Присоединяясь к АА, люди полностью подчиняются правилам «Двенадцати ступеней» и обретают твердую веру в то, что если как следует и достаточно долго «работать над ступенями», то они сотворят чудо, даровав человеку трезвость. Однако для такого чуда необходима постоянная поддержка группы, потому что «Двенадцать ступеней» не устраняют внутренний

раскол, а способствуют усилению одной стороны за счет подавления другой. «Я-хорошее» не может в одиночку сдерживать «я-плохое», какими бы высокими идеями оно ни вооружалось (или каким бы идеям ни покорялось). Вот почему для таких программ важно заставить людей признать свое бессилие перед лицом жизни, чтобы они не могли ни дня прожить не только без идеологии «Двенадцати ступеней», но и без поддержки группы.

Модель АА не просто программирует людей таким образом, что они перестают себе доверять, — недоверие к себе является необходимым условием ее работы. Апологеты движения не устают повторять: «Двенадцать ступеней действуют — значит, нечего в них сомневаться!» Если кто-то все же уходит из группы, можно быть уверенным, что его зависимость («я-плохое») почти наверняка снова выйдет наружу — как его и предупреждали. Тем же, кто (275:) возвращается, не избежать самодовольного упрёка: «Ведь мы же тебе говорили!», что еще больше убеждает человека в собственном бессилии. Группа фактически выступает в роли хора «я-хороших», чей рефрен — «В одиночку ты никогда не справишься!». АА истолковывают свою способность прогнозировать рецидивы как подтверждение правильности своей идеологии (а не как свидетельство ее неэффективности), пользуясь этим для ужесточения авторитарного контроля по отношению к своим членам. Мы же убеждены, что модель расколотого «я» гораздо лучше объясняет, почему даже после многолетнего периода воздержания в глубине души человека звучит все та же призывная песнь соблазна, напоминая о былых излишествах и не оставляя ему иного выбора, кроме как «покончить с трезвостью раз и навсегда».

В любой зависимости (или мании) должен присутствовать страх возврата к прежнему состоянию, которое зависимость каким-то образом облегчает. Часто люди боятся скучной, регламентированной жизни без всякой отдушины, на которую их обрекает «я-хорошее». Поэтому жизнь, которую обеспечивает «я-плохое», должна стать по-настоящему плохой, часто даже смертельно опасной, прежде чем трезвость, которая здесь означает возвращение под власть «я-хорошего», начнет вызывать некоторый интерес. Вот почему АА постоянно подчеркивают, что для того, чтобы захотеть измениться, жертвы зависимости должны испить свою чашу до дна.

Надо сказать, что методы АА действительно могут послужить ступенью на пути к важнейшим жизненным переменам. Немало людей успешно воспользовались ими, чтобы добиться стабильности на период, достаточный для того, чтобы пересмотреть свои ценности и найти иные способы самореализации. Самый сильный довод в поддержку таких программ — это то, что они работают или, правильнее сказать, работают успешнее, чем какие-либо другие, причем в массовом масштабе и с меньшими затратами. Тем не менее, у них есть оппоненты — в частности, сторонники моделей ответственности, — которые всерьез оспаривают долгосрочную эффективность программы АА и показатели ее успеха. Мы не собираемся выяснять, насколько хорошо работает программа АА Авторитарные структуры всех мастей действительно работают — в той степени, в какой те, кто в них участвует, подчиняются их заповедям. Как и большинство авторитарных систем, основанных на вере, «Двенадцать ступеней» (276:) предоставляют тем, кто их принимает, мощную механическую стратегию с достаточно предсказуемыми результатами.

Ключевой вопрос здесь иной: что следует иметь в виду, говоря, что они «работают»? Мы несколько не сомневаемся, что для некоторых трезвая жизнь, к которой им удалось прийти при поддержке АА, гораздо лучше, чем прежнее существование — безысходное и нездоровое. Такие программы могут помочь людям, испытывающим внутренний раскол, жить в условиях общественного строя, чьи ценности способствуют возникновению подобного раскола. И все же жить под непрерывным контролем, жить только благодаря вере в то, что ты действительно болен, — весьма условное представление о выздоровлении. Если для обретения устойчивого состояния необходимо на каждом шагу расписываться в собственной беспомощности — согласитесь, что-то здесь не так. Вряд ли можно назвать гармоничной жизни в атмосфере постоянного глубоко запятого страха и недоверия к самому себе.

«Исцеления», которые не приводят к обретению внутренней целостности, по-своему калечат людей. Те, кто боится, что ими в любой момент может завладеть одна из сторон их психики, — калеки, разве что теперь их моральные изъязнения менее заметны, чем прежде, когда «я-хорошее» (с посторонней помощью) еще не одержало верх. Любая теория, не учитывающая раскола внутреннего мира человека, никогда не сможет обеспечить настоящее исцеление, если исцелившимся считать целостную личность, доверяющую себе, а потому невосприимчивую к авторитарным воздействиям. Жить, боясь самого себя, — значит с психологической точки зрения оставаться ущербным.

В общих словах наше отношение к этой проблеме можно сформулировать так: «Критиковать, не предлагая ничего лучшего, — позиция по меньшей мере сомнительная, а по большей — самонадеянная». Мы ни в коем случае не хотим сказать, что отдельным людям и обществу в целом (в его современном виде) было бы лучше без таких программ. Люди делают все, что от них зависит, чтобы выжить и выполнять свои функции. В этой главе мы не даем ни простых средств избавления от зависимости, ни какого-то особого способа ее лечения. Скорее мы относим разновидность зависимости, ко-

торой присуща борьба за власть, к числу коренных проблем авторитаризма. Наша цель — не только показать, почему зависимость (277:) принадлежит именно к этой сфере, но и предложить для ее рассмотрения свой подход, не требующий адаптации к патологическим социальным условиям, которые сами все больше выходят из-под контроля. Любая «помощь», которая подавляет нежелательное поведение, воспитывая у человека недоверие к себе, — всего-навсего старый авторитарный прием в новом обличий. И хотя таким образом можно получить некоторое облегчение, за него приходится дорого платить — еще большим подрывом доверия к себе.

Если зависимость — болезненный симптом, то недуг в целом называется авторитаризмом. Как и во многих других сферах, лекарство, которое предлагает общество для исцеления болезней, которые само же порождает и усугубляет, суть принуждение и еще раз принуждение. Дело не только в том, что сами программы «Двенадцати ступеней» авторитарны, но и в том, что людей (тинэйджеров, служащих, пьяниц, мужей, избивающих своих жен) принуждают присоединиться к ним под угрозой более тяжелого наказания. «Двенадцать ступеней» работают, насколько возможно, потому, что отражают раскол в обществе и в системе морали, помогая людям с расколотой психикой приспособиться к окружению, которое способствовало этому расколу. Авторитарные структуры сохраняются на протяжении тысячелетий, потому что они действительно «работают», то есть подходят для достижения определенных целей. Однако они несовместимы с истинно эволюционной моделью, поскольку заранее регламентируют правила, границы и структуру изменений. Неудивительно, что общество с поляризованной моралью и сильной склонностью к фундаментализму объявляет зависимость либо болезнью, либо злом. При этом понятие болезни становится весьма расплывчатым, но, по крайней мере, не злостным. Печальная истина заключается в том, что зависимые люди — не больные и не злодеи. Они, как и все мы, пленники социальной среды, в условиях которой душевное здоровье и целостность — вещи труднодостижимые. А когда корнем проблемы являются условия, существующие не только в социальных структурах, но и в сознании людей, то кроме методов лечения, лекарств и методик контроля поведения возникает и другой способ достичь изменений. Попытки перебороть глубоко укоренившиеся, хотя и отжившие, социальные и моральные условия, могут показаться делом безнадежным. Но как только эти условия утрачивают способность регламентировать, а значит, и (278:) контролировать нашу духовную жизнь, как тут же начинаются перемены — сначала личностные, а потом и социальные. Об этом говорится в остальной части главы, где рассматривается более широкий круг проблем, далеко выходящих за рамки зависимости.

Развитие целостности и доверия к себе

Ощущение собственного бессилия и неизбежная покорность авторитетам — будь то человек или идеология — являются глубоко укоренившейся частью нашего духовного наследия. Борьба за власть между «я-хорошим» (частью личности, принявшей ценности, жить по которым невозможно) и «я-плохим» (частью личности, которая объявлена недостойной) чревата последствиями, далеко выходящими за личностный уровень. Исторически в тех культурах, которые приняли такое разделение «я», осуществлять контроль над людьми в широком масштабе гораздо легче благодаря существованию идеологии, поощряющей подобный внутренний раскол. Как только устанавливается факт раскола и начинается борьба за власть, за право осуществлять контроль, неизбежным следствием становится утрата доверия к себе. А с потерей доверия к себе тут же неизбежно приходится равняться на какой-то посторонний авторитет.

Традиционные религии, исходящие из противопоставления духовного и плотского, бескорыстного и эгоистичного, всячески — угрозами и посулами — поддерживали «я-хорошее». Своим моральным авторитетом они оправдывали авторитарную власть, которая сделала возможным контроль на всех уровнях общественной жизни. В первую очередь раскол и недоверие к себе внедрились в первичную ячейку контроля — семью. Традиционная семья воспитывает необходимость подчинения авторитетам, подрывает доверие к себе¹⁵. Как это ни печально, но так называемые программы самопомощи со своими «Двенадцатью ступенями» выступают в роли некоего расширенного подобия семьи, которая делает то же самое — подрывает у человека веру в собственные силы. (279:)

То обстоятельство, что различные виды зависимостей достаточно широко распространены, — лишь один из показателей, что ныне оковы традиционной морали, которая держала в узде нежелательные стороны человеческой природы, сброшены или по крайней мере ослабли. На наш взгляд, именно авторитаризм, а не ограниченные возможности мешают нашему виду найти способ контролировать свои вредные, саморазрушительные привычки и склонности. Точно так же засевавший в глубинах сознания диктатор мешает людям найти способ справиться со своей тягой к саморазрушению.

¹⁵ В главе «Любовь и контроль» показано, почему семья, провозглашающая высочайшие идеалы, в том числе открытость, взаимопомощь, верность и безоговорочную поддержку, не только способствует расколу на «я-хорошее» и «я-плохое», но и становится той ареной, на которой наиболее часто и необузданно проявляет себя «я-плохое». (279:)

Чтобы не стать объектом авторитарного контроля — внешнего или внутреннего, — человек должен обладать элементарным доверием к себе, а для этого он не должен враждовать сам с собой. Поистине неизвестно, какими возможностями обладал бы человек, не веди он войну с собой и с окружающими. Два вида конфликта — внутренний и внешний — взаимосвязаны, поскольку авторитарная иерархия поощряет и тот и другой¹⁶.

Люди нуждаются в самовыражении, причем спектр самовыражения может быть весьма широким. Старые системы морали делили его на «хорошее» (прежде всего, бескорыстное) и «плохое» (эгоистичное). Как только это разделение овладевает сознанием человека, его «я-хорошее» превращается во внутреннего диктатора, старающегося не выпускать наружу отвергаемые общественной моралью аспекты личности. Попытки построить свою жизнь в соответствии с идеалами, которые на самом деле являются недостижимыми, могут послужить причиной экстремальных реакций. Буйство вырвавшегося на свободу подсознания, равно как и убогое существование самовлюбленных существ, характерны для общества, где двойственная основа морали приводит людей к внутреннему расколу. И мир, в котором мы живем, тому живое свидетельство. На самом деле истинный альтруизм, подлинно бескорыстное поведение, основанное не на попытке следовать идеалам и образцам, а идущее от любви и сострадания, — гораздо более присуще человеку целостному.

Целостность — понятие не надуманное и не фантастическое. Те, кто имел дело с людьми, и ныне живущими в условиях племенного строя, порой дивятся, насколько они более целостны по сравнению с нами, людьми «цивилизованными». Аборигены же, в свою очередь, недоумевают, для чего мы усложняем то, что для них проще (280:) простого. Их загадочная целостность проистекает главным образом из анимистического взгляда на мир, не знающего двойственного деления на природное и духовное¹⁷. Несмотря на то что многое можно понять, узнав, что именно позволяет этим людям ощущать собственную целостность, связь с окружающим и гармонию с природой, их рецепты неприменимы к современной высокоразвитой культуре. Причина в том, что их вариант обуздания эгоизма предполагает сведение к минимуму индивидуализации, а значит, и всякого рода новшеств. Когда такие сообщества сталкиваются с необходимостью в переменах, они обычно терпят крах, поскольку не обладают внутренними механизмами для их осуществления. И все же сам факт существования подобных людей показывает, что внутренний раскол — это влияние культуры, а не часть человеческой природы.

В последнее время понятие «целостности» вошло в моду, но смысл, который в него вкладывается, опять-таки является наследием старой, дуалистической системы морали. В качестве идеала целостности по-прежнему принимается та или иная форма бескорыстия, ибо человек в целом провозглашается щедрым, безоговорочно любящим и все в таком роде, и при этом не нуждающимся ни в ком другом. В то же время так называемые отрицательные эмоции (злоба, собственнические и захватнические наклонности) либо побеждены, либо настолько незначительны, что не представляют никакой проблемы. Стремясь обрести целостность, люди неосознанно пытаются стать лучше ценой обуздания своего «я-плохого». Неудивительно, что бытует распространенное мнение, будто для достижения целостности нужно следовать за учителями, в том числе и за гуру, которые объявляют себя целостными людьми. На самом деле все это — лишь старая авторитарная мораль и ее ценности, способствующие сохранению внутреннего конфликта. Вносить раскол, маскируя его под вид целостности, — всегана всего еще один прием, помогающий под идеалами «я-хорошего» скрыть все ту же авторитарную власть.

Проблемы выживания носят глобальный характер, поскольку касаются всей планеты. На наш взгляд, для создания структур, которые смогут удержать наш мир на плаву, нужны целостные люди. Но как обрести целостность в условиях общественного строя, порождающего и поощряющего людей с расколотой психикой, — вот (281:) вопрос вопросов. Эта дилемма — одна из причин того, что предлагаемая нами модель не подразумевает занятия поверхностной терапией, единственная цель которой — помочь людям приспособиться к существующим властным структурам, ибо видит истинный корень проблем не только в самих людях, но и в структурах власти.

В конечном итоге, нам необходима мораль, которая, объединяя и одинаково высоко оценивая все аспекты человеческого «я», способствовала бы развитию целостных людей. А это неизбежно предполагает синтез духовного и животного (плотского), бескорыстного и своекорыстного, альтруистического и эгоистического — так, чтобы они могли спокойно уживаться друг с другом. Сюда входит и принятие тех жизнеутверждающих аспектов, которые обычно олицетворяют собой «я-плохое»: стихийности, непосредственности, стремления к наслаждению, так называемой лени (а в действительности той части нашей натуры, которая может себе позволить роскошь неограниченного досуга). Это не значит, что мы должны отказаться от столь ценных наклонностей «я-хорошего», как трудолюбие,

¹⁶ См. «Авторитет, иерархия и власть». (280:)

¹⁷ Более подробно эта проблема обсуждается в посвященных анимизму главах книги «Контроль». (281:)

способность отложить сиюминутные удовольствия ради будущих результатов, ответственность (способность действовать с учетом последствий) и подлинный альтруизм.

Что же делать? Как человеку с расколотой психикой стать целостным? Если в основе раскола лежит авторитаризм, то ответ на вопрос «что делать?» должен содержать рецепт, как воспитать веру в собственные силы. Если люди утратили доверие друг к другу, восстановить его бывает нелегко, равно как и доверие к себе. Как же развить веру в себя, если ее нет? Эта личная дилемма сходна с аналогичной проблемой, существующей на уровне общества: как перестроить социальные системы, ведущие мир к самоуничтожению, если приходится работать в рамках этих самых систем. Перестройка — как психологическая, так и социальная — чем-то напоминает попытку приподнять самого себя за волосы.

Ключом к развитию доверия к себе в нашем изменчивом мире является умение использовать собственный опыт, в том числе и собственные ошибки, для того, чтобы измениться самому. Это возможно, даже если поначалу человек не доверяет себе. Главное — чтобы он видел положительные сдвиги, происходящие благодаря его собственной ответной реакции, и тогда начнет размыкаться замкнутый круг, где недоверие порождает недоверие. Душевный разлад и недовольство (282:) собой весьма мучительны, и причина их — не только жизненные неурядицы, но и наличие расколотой психики, борьба между частями которой разрастается на почве конфликтов и драм. Кроме того, внутренний раскол почти не позволяет провести грань между тем, чего человек действительно хочет, и тем, что он считает себя обязанным делать и что часто склонен принимать за собственные желания. Когда человек чувствует, что делает что-то не то, он испытывает внутреннее сопротивление, чувство вины, начинаются всевозможные проволочки и конфликты — и все это безусловные симптомы расколотого «я».

Мы не можем предложить легкого выхода из ситуации, однако с чего-то нужно начинать. Зависимость развивается по собственным постоянно действующим законам. Превращению всего, что связано с зависимостью, в некую замкнутую систему, в существенной мере способствуют взгляды, определяющие отношение к ней человека и общества в целом. Если бы эти взгляды удалось как-то модифицировать, быть может, это позволило бы не только сделать систему открытой, но и развить способность человека правильно воспринимать и интерпретировать собственную ответную реакцию на происходящее. К счастью, как только такая перестройка начинается, она сама становится дополнительной движущей силой изменений, если, конечно, они направлены на облегчение восприятия жизни. Общественные, межличностные и даже внутриличностные процессы и взаимоотношения тесно переплетены между собой. Во многом они являются функцией человеческого сознания, которому, в свою очередь, нужна некая концептуальная основа, которая бы способствовала как усвоению опыта, так и формированию культуры, передаваемой следующим поколениям. Поэтому изменение образа мыслей меняет восприятие и самого себя, и мира в целом. Такие сдвиги всегда бывают предпосылками длительных перемен.

Мы надеемся, что предложенный в этой книге подход послужит средством, расширяющим понимание коварной и разрушительной сущности авторитарного контроля — как внешнего, так и внутреннего. Если мы убедимся, что природа раскола заложена в нас самих, что обе стороны нашего сознания абсолютно необходимы друг другу, это приведет к смягчению конфликта между ними. Внутренняя борьба основана на том, что динамика отношений между двумя «я» остается неосознанной, поэтому чем больше человек осознает раскол и его последствия, тем легче ему избежать опасности стать игрушкой этого (283:) раскола. Как только мы начинаем понимать, как работает вся система, она начинает терять свою магическую власть над нами. Проблема состоит в том, что этот раскол в большой степени сформировал нашу личность, поэтому когда обе части утрачивают свою силу, может возникнуть ощущение душевной пустоты или даже душевного омертвения. Но ведь любое преобразование человека возможно лишь благодаря его способности отбросить отмершую часть своего «я».

Понимание сущности происходящего помогает нам самостоятельно предугадать исход внутренней борьбы. Когда агрессивное противостояние сторон сменяется взаимным любопытством и осознанием важности каждой из них, это может послужить началом более здорового внутреннего диалога. И у «я-хорошего», и у «я-плохого» есть субъективные установки, оправдывающие не только существование, но и право каждого из «я» осуществлять жесткий контроль. Интерес к природе двух «я» и их тайной взаимосвязи позволяет взглянуть на эту систему со стороны, без лишних эмоций, и тогда она перестает восприниматься как статическая. Постигание способствует развитию целостности, что дает возможность покончить с внутренней борьбой за власть и прийти к более спокойной жизни.

Когда речь идет о людях, злоупотребляющих наркотиками, следует понимать, что и в этом случае проблема заключается не в наркотиках как таковых, а в отсутствии у этих людей внутренней целостности. Наркотические вещества издавна использовались с целью изменить человеческое сознание, — так было во всех известных нам культурах и прошлого, и настоящего. Некоторые ученые утверждают, что подобная тяга к трансформации сознания свойственна не только человеку, но и многим жи-

вотным. Это утверждение основано на изучении естественного поведения животных и на лабораторных экспериментах. Независимо от того, насколько это верно, невольно напрашивается мысль, что отказаться от наркотиков большинство людей заставляют идеология и принуждение.

Не существуй внутреннего раскола, не нужно было бы никаких наркотиков, чтобы освободить загнанного в клетку зверя. Поскольку целостность подразумевает выработку собственного отношения к контролю и стихийности, целостный человек может развить в себе здоровое отношение к наркотикам. Появляется понимание того, что человек по сути своей не склонен к саморазрушению, а с ним растет и доверие к себе, и самоконтроль — не потому, что для этого (284:) прилагаются специальные усилия, а потому что люди перестают делать то, что мешает им жить. У разных людей это может выглядеть по-разному. Кто-то может решить, что в определенные моменты некоторые наркотики делают его жизнь более насыщенной, и будет использовать их до тех пор, пока так считает. Другие убеждаются, что наркотики им не нужны, и просто не пользуются ими. Третьи могут счесть, что наркотики мешают их ощущению целостности и будут воздерживаться от них, пока есть такая уверенность, не давая себе при этом никаких клятв на будущее. Ведь подобные клятвы нередко свидетельствуют о неуверенности и страхе перед самими собой и приносят результаты, противоположные тем, на которые человек надеется, что, разумеется, также подрывает его доверие к себе.

Целостное «я» не ищет себе оправданий, как «я-плохое», и не выносит никаких «резолуций», как это делает «я-хорошее». Скорее, оно использует полученную от каждого «я» информацию, чтобы создать нечто качественно иное, более жизнеспособное. Начавшийся процесс должен соотноситься с самой личностью, поэтому для становления целостного «я» характерно постоянное внимание к тому, как наше сознание реагирует на происходящие в нем изменения. Что вызывает у нас всплеск энтузиазма, а что — апатию? Что такое все наши «надо» и «я должен» — то, чего мы действительно хотим, или же то, что нам внушили? Улучшается ли наше восприятие жизни или она продолжает казаться нам неудовлетворительной? В действительности, конечно, проблема не в наркотиках и не в мнимой предрасположенности к ним. Когда оба «я» — «хорошее» и «плохое» — лишаются власти в результате того, что мы осознаем их существование и изменяем свой образ жизни, делая их ненужными, наркотики перестают служить способом высвобождения подавленной энергии, заставляющим человека терять над собой контроль.

Каждый миг нашей жизни содержит в себе опыт прошлого и ростки будущего. Нас не удивляет, что авторитарная мораль не хочет помогать развитию того, что грозит ей потерей власти над сознанием людей. Вот почему творческое начало часто попадает в руки «я-плохого», нередко сопровождаясь саморазрушением. Люди, не желающие следовать общепринятой морали, часто пытаются избавиться от внутренних оков с помощью наркотиков или вызывающего поведения.

Зависимость — лишь один из симптомов того, что наша мораль устарела. Старые системы морали успешно работали в условиях (285:) обществ накопления, когда для поддержания порядка использовались авторитарные иерархии. Моральные принципы, превозносящие жертвенность, требуют, чтобы человек приносил себя в жертву любым интересам, которые власть предрержащие объявят высшими. Авторитарная власть держится на существовании людей, терзаемых внутренним расколом и не доверяющих себе, которым стабильное положение в иерархии обеспечивает кое-какую безопасность и минимум власти над ближними (даже самый захудалый мужичонка обладает авторитарной властью над своими домочадцами).

Людям нередко бывает присуще ощущение бессилия, не имеющее никакого отношения к зависимости. Оно вызвано разрушением старых авторитарных механизмов, наделявших людей властью. В мире, где от человечества, если только оно хочет выжить, требуется полная осведомленность и понимание происходящего, старые механизмы оказываются нежизнеспособными. В наше время социальных и этических переворотов требуются целостные натуры, способные разработать новые стратегии выживания. Мы не утверждаем, что всем бедам мира можно найти какое-то простое, универсальное объяснение. Тем не менее ясно, что любая система морали, отвергающая или не признающая ключевые человеческие потребности, неизбежно приводит к душевному расколу. А результатом его становится постоянная борьба за власть, чреватая множеством пагубных, разрушительных последствий. Если учесть, что авторитаризм глубоко укоренился всюду — как в морали, так и в жизни общества, не будет преувеличением сказать, что авторитаризм является ключевым элементом важнейших планетарных проблем.

Старые механизмы социального контроля держались на групповой сплоченности, награде за послушание и страхе. Люди боялись наказания не только в земной, но и в иной (или в последующей) жизни, веря, что все их мысли и деяния строго учитываются неким всеведущим судьей. Социальный контроль опирался на утвердившееся в обществе представление о «я-хорошем». В наше время моральные и социальные устои рушатся, и «я-плохое» вырывается на свободу. Угрожающие масштабы, которые приобретает зависимость, — особенно показательный симптом того, что общество сбилось с пути. Любые попытки решить проблему без учета этого обстоятельства могут привести лишь к вре-

менному улучшению, но не достигнут конечной цели. Вместо заведомо бесполезных попыток (286:) укрепить «я-хорошее» необходимо создать мораль, которая обеспечила бы процесс формирования целостных личностей.

Вот почему мы называем зависимость болезнью морали. Проблема, перед которой стоит мир, — это не только перестройка авторитарных социополитических механизмов власти и контроля, но и перестройка авторитарной системы ценностей, так чтобы они могли содействовать развитию людей, способных в полной мере реализовать весь диапазон своих человеческих возможностей. Мы сможем выжить, если дадим человечеству возможность вести разумную творческую жизнь. Поэтому реальной угрозой становится сейчас отсутствие заботы о развитии целостных личностей. Мы утверждаем: для обретения целостности людей должно волновать что-то еще, кроме них самих. При этом мы не отрицаем важность развития собственной личности. Если эту задачу осознает все общество, может появиться более жизнеспособная мораль, признающая равные права на существование и равную ценность как бескорыстного, так и эгоистического начал.

Наша теория целостности может навлечь на себя критику как очередная панацея, не применимая в мире, где люди вынуждены бороться с тяжелыми лишениями и угнетены своим реальным состоянием. Это ставит ее актуальность под сомнение. Развитие целостности действительно требует глубоких перемен, осуществить которые нелегко. И тем не менее, все большее число людей должно обретать целостность, каких бы трудов или нестандартных решений это ни стоило, ибо только так мы сможем построить пригодный для жизни мир. Люди с расколотой психикой не могут по-настоящему доверять себе, поэтому им приходится равняться на авторитеты, чтобы ощущать, что они чего-то стоят, а кроме того, разрешать нескончаемые конфликты, которые влечет за собой внутренний раскол.

До тех пор, пока не возникнет общественное движение в поддержку целостности, а с ним и новые ценности, ответ на вопрос «Кто контролирует ситуацию» будет печально однозначен: те люди и структуры, чьи капиталы и власть зависят от наличия запуганных людей с расколотой психикой, то есть, в конечном итоге, у власти будет стоять сила, способная вызвать внутренний раскол в человеческом сознании и этим расколом воспользоваться. Таков глубинный смысл контроля над сознанием. (287:)

Любовь и контроль: Скрытый авторитаризм идеальной любви

Любовное переживание в жизни любого человека является настолько важным, что, исследуя его, мы рискуем упустить самую его суть. Мы идем на риск потому, что, нравится нам это или нет, любовные переживания облечены в понятия, и то, каковы эти понятия, влияет на связанную с ними сущность самого переживания. Если представления об идеальной любви или о том, какой должна быть идеальная любовь, строятся на авторитарном мировоззрении, то любовь становится еще одним человеческим чувством, которое, зачастую неосознанно, начинает служить авторитарному контролю. Кроме того, если идеалы любви недостижимы, это не только калечит наши чувства, но и неизбежно влечет за собой скрытый контроль, осуществляемый во имя любви. Чтобы объяснить, почему мы считаем необходимым исследовать любовь вкупе с контролем, определим сначала основные проблемы и понятия, а потом уже перейдем к более узким областям и конкретным примерам.

Многим хотелось бы, чтобы любовь и контроль никак не были между собой связаны. Возможно, потому, что им самим довелось испытать на себе контроль, осуществляемый во имя любви. Родители дают своим детям любовь или лишают их любви, превращая ее в (288:) награду или наказание, и так же поступают друг с другом взрослые люди. В традиционных религиях считается, что Бог дарует любовь за послушание, и в результате послушание становится доказательством любви к Богу. Свидетельством же любви к государю или отечеству считается готовность умереть или убивать ради них. Образ матери, которая формирует в своих детях комплекс вины, апеллируя к своей жертвенной любви, чтобы тем самым держать их под контролем, стал классическим предметом обсуждения в психологической литературе. В реальной жизни ситуации, когда власть любви используется в целях контроля, достаточно обычны. Все эти примеры объединяет одно: получение или неполучение любви зависит от выполнения навязанных внешних условий.

Существует ли любовь, не выдвигающая условий или ограничений, не меняющаяся с течением времени? Концепция такой любви и сам факт ее существования очень важны для некоторых людей — это помогает им любить и быть любимыми. Безоговорочная любовь объявляется вершиной любви. Представление о такой любви, известной под множеством имен, пронизывает всю нашу культуру и наши мечты. Это и вечная любовь, и абсолютная любовь, и бессмертная любовь, и истинная любовь, и беззаветная любовь, а также любовь, которая ничего не просит взамен, любовь, которая не знает границ и мерок, любовь, которая все приемлет, и любовь столь беспредельная, что может объять всех, а может быть, даже все, не оказывая никому и ничему никакого предпочтения.

Получается, что существуют две разновидности любви — обусловленная и безусловная, нечистая и чистая, преходящая и вечная, чувственная и духовная. Или первая — это низшее, несовершенное проявление второй? А может, обусловленная любовь и не любовь вовсе, а скрытое проявление наших эгоистических желаний? Или, как утверждают некоторые циники, любовь — это просто романтическая выдумка? На наш взгляд, такие вопросы вызваны особыми представлениями о любви, представлениями, которые устанавливают искусственное деление на бескорыстное и эгоистическое. Наша главная цель — показать, что именно это деление лежит в основе всех недоразумений по поводу любви.

Здесь мы взываем к снисходительности читателя, которому, наверное, уже стал надоедать наш анализ, ибо расхожая мудрость утверждает, что любовь по сути своей неопределима. Более того, (289:) говорят, что любая попытка определить любовь искажает ее, разрушая присущую ей магию. Мы не станем оспаривать утверждение, что слова не способны выразить сущность любви. Слова вообще не могут объять многие стороны жизни, не говоря уже о наших самых глубоких чувствах и переживаниях. Даже нечто столь прозаическое, как восприятие красного цвета, нельзя выразить словами. И все же можно утверждать, что красный цвет больше похож на оранжевый, чем на зеленый. Так же и про любовь можно сказать, что она более сродни влечению, чем безразличию. Цель настоящей главы — не играть словами, а показать зависимость самого переживания любви от устоявшихся представлений о ней. Укоренившиеся в культуре понятия о любви ограничивают ее естественные проявления. Более того, понимание любви обществом является частью структуры контроля, скрытого в недрах общественного строя.

Что такое безоговорочная любовь?

Мы не ставим под сомнение ни магию любви, ни ее первостепенную важность. Жизнь без любви пуста. И все же в любви и интимной жизни люди сталкиваются со множеством проблем — как традиционных, среди которых и несчастные браки, и семейное насилие, и разводы, и одиночество, так и относительно недавно осознанных, например, связанных с боязнью вступить в связь или с синдромами «слишком сильно любящих женщин» и «любобной зависимости».

Мы уделяем такое внимание идеалу безоговорочной любви потому, что это понятие тесно переплетается с проблемами контроля и на уровне личности, и на уровне общества. Мы хотим показать, что любовь, важнейшее для человека переживание, стало объектом двойной морали, которая регламентирует, уродует и даже подрывает саму суть естественных проявлений любви, заботы и привязанности. Понятие «безоговорочной» любви не есть что-то самостоятельное. Оно является частью более широкой системы ценностей, разделяющей чистое и нечистое, бескорыстное и своекорыстное, духовное и мирское. Это те два полюса, вокруг которых вращается традиционная мораль. Мы хотели бы показать, как такое деление на полюса противопоставляет заботу о собственном «я» заботе о благе других, будто мы имеем дело с противоречащими друг другу понятиями. (290:)

Сам идеал безоговорочной любви содержит в себе кажущиеся парадоксы. С одной стороны, она провозглашается любовью без меры, а с другой — задает стандарт любви, с которым предлагается соизмерять все прочие ее проявления. Таким образом, любовь без меры превращается в меру любви. Кроме того, в той степени, в которой люди испытывают потребность в любви, в той же степени эта потребность является эгоистичной. В то же время, жажду любви можно удовлетворить, только освободившись от эгоистичных потребностей. Люблю ли я тебя просто потому, что ты — это ты, или потому, что любовь дает выход переполняющим меня эмоциям? Но любовь лишь тогда всеобъемлюща, когда я вырываюсь из пределов собственного «я» и соединяюсь с тобой. Это происходит благодаря прорыву границ того самого «я», которое испытывает потребность любви. В свою очередь, любовное переживание настолько тешит «эго», что человек привязывается к тому, кто (или что) дает ему столь прекрасное ощущение. Другими словами, парадокс заключается в том, что для того, чтобы испытать чувство, которое бы его удовлетворило, человек должен вырваться за пределы самого себя. Такие головомолки искусственны и необязательны, потому что проистекают от умственного подразделения на «я» и «других», на бескорыстное и эгоистичное. Безоговорочная любовь — одно из понятий, берущих начало в таких противопоставлениях¹.

Обычно основой выдвижения условий являются эгоистические соображения. Каждое из требований вроде: «Я буду тебя любить, если ты будешь любить меня», «Не мучай меня, сделай то, о чем я прошу», «Не мешай мне делать то, что я хочу», «Не пытайся меня изменить», «Доставь мне удовольствие» и т.п. — ориентировано исключительно на собственные интересы. Под безоговорочной любовью может пониматься только такая любовь, которая не зависит от того, заслуживает ли ее тот, кого

¹ В главе «Власть абстракций» показано, как дуализм и противопоставление своих и чужих интересов использовались для построения концепции социального и нравственного контроля. В главах «Атака на разум» и «Единство...» описаны уловки, применяемые для достижения превосходства. (291:)

любят. В идеале безоговорочная любовь только дает — без конца и без меры, не прося ничего взамен. Короче говоря, она бескорыстна. К тому же если ты чувствуешь, что тебя любят безоговорочно, неважно кто — другой человек (мать) или некое воплощение совершенства (Христос или (291:) гуру), — это означает, что тебя полностью принимают таким, каков ты есть, что бы это ни значило.

Когда идеалы, на которых строится представление о любви, оказываются несовместимыми с реальной жизнью, поскольку они отрицают или принижают жизненно важные стороны человеческой природы, результатом становится нечто большее, нежели просто разочарование. Усвоение нереалистических ценностей неизбежно создает серьезные личностные и межличностные проблемы. До тех пор, пока люди пытаются воплощать в жизнь идеалы, соответствовать которым невозможно, им остается либо сознательно терпеть заведомую неудачу, либо обманывать себя. Кроме того, несбыточное ожидание идеального поведения от других в конечном итоге неизбежно приводит к разочарованию или даже рождает ощущение, что вас предали. Другим результатом принятия идеалов, по которым невозможно жить, бывает восприимчивость к влиянию людей, якобы олицетворяющих эти идеалы².

Утверждение, что понятие безоговорочной любви является частью системы взглядов, составляющих основу авторитарных убеждений, поначалу может показаться парадоксальным. Разве безоговорочная любовь не есть полная противоположность контролю? Чтобы разобраться в этом, попытаемся ответить на следующие вопросы:

Почему идея безоговорочной любви вызывает у людей столь живой отклик и обладает столь мощной притягательной силой?

Какое мировоззрение и какой тайный смысл связаны с этим понятием?

Почему данное понятие является частью дуалистической системы морали, которая противопоставляет друг другу бескорыстное и эгоистичное, ценя первое и принижая второе, и как такое разделение используется в целях авторитарного контроля?³

Почему желание давать или получать безоговорочную любовь приводит в действие подсознательные силы, не позволяющие людям обрести целостность? (292:)

Люди преобразуются, когда испытывают чувство единения с другими. Вопрос в том, почему у многих возникает с этим столько проблем, если людям, как и другим общественным животным, присуща врожденная способность к объединению с себе подобными? Рассматривая эти вопросы, мы исследуем различные сложные аспекты сегодняшних взаимоотношений: власть, контроль, межличностные барьеры, подсознательные роли, соизмерение возможностей, выдержка, умение прощать.

Изрядная доля притягательности понятия «безоговорочная любовь» заключается в том, что это не просто абстрактная выдумка. Оно безусловно проистекает из человеческого опыта, причем по меньшей мере двоякого: первое — это сиюминутное ощущение свободы от всяких ограничений, условий или ожиданий, возникающее иногда в процессе переживания любви, а второе — испытанное большинством людей в определенный период (по крайней мере, в раннем детстве) чувство, что их полностью и безоговорочно принимают такими, каковы они есть. Оба переживания очень сильны, и воспоминание о них вызывает острое желание их возврата. К тому же каждому человеку свойственна естественная потребность чувствовать себя особенным, каждому хочется, чтобы его любили и принимали со всеми его достоинствами и недостатками, и это желание легко переходит в стремление постоянно ощущать одобрение и признание.

Если можно испытать нечто подобное безоговорочной любви, как в роли ее субъекта, так и в роли объекта, то почему же тогда ее относят к разряду «концепций»? Постараемся выяснить, в чем тут дело, соблюдая такт и не забывая об ограниченных возможностях словесных определений.

Подлинное любовное переживание несет в себе такую энергию, такой уровень возбуждения, что человек как бы вырывается за границы собственной личности и обретает способность входить в небывалый контакт с чем-то, находящемся вне его. В этот миг все личные проблемы, казавшиеся столь важными, исчезают. Вместе с тем вся нервная система «омывается» чрезвычайно приятным эмоциональным ощущением, которое в полном смысле этого слова воспринимается как чудо. Способность вступать в тесные отношения с другими и устанавливать связи, не подвластные времени, и делает человека, в числе прочего, социальным существом. (293:)

Это переживание является основным, первичным, поэтому, пребывая во власти его очарования, человек не задается вопросом о его природе. Разум начинает сравнивать состояния присутствия и отсутствия любви, лишь когда сила ее идет на убыль. Тогда и рождаются такие определения любви, как вечная, непреходящая, бескорыстная, безоговорочная, короче говоря, ее наделяют свойствами, отличными от прочих переживаний. Основная ошибка заключается в том, что мы имеем дело с переживанием, которое ощущаем как вневременное, и заявляем, что так может или должно продолжаться

² Примеры этого описаны в главе «Уловки гуру». В главе «Соблазны капитуляции» показано, почему люди путают покорность с любовью.

³ Более подробно об этом расколе говорится в главе «Сатанизм и культ запретного». (292:)

«всегда». Это, по сути, снова возвращает любовь в рамки времени, хотя мы продолжаем переносить на нее качества вневременного. Таким образом, не оговоренное никакими условиями любовное переживание сопряжено с тем моментом жизни, когда ощущение времени исчезает, однако концепция безоговорочной любви пронизана представлениями о будущем, в котором человек предполагает любить и быть любимым непреходящей любовью всегда. Такое недоразумение лежит в основе концепции безоговорочной любви⁴.

Но даже если это и так, что от этого принципиально меняется? Перед нами не просто упражнения для ума, призванные продемонстрировать логические противоречия. Поскольку безоговорочная любовь провозглашается вершиной любви, к которой стремятся все люди, происходит усвоение исторического представления о ее двойственной природе. В результате духовные устремления объявляются бескорыстными, а телесные потребности и желание самоутверждения — низменными и эгоистичными. На практике это означает, что любовь, как и духовность, связывают с жертвенностью, особенно с самопожертвованием. Последствия этого противопоставления оказываются крайне губительными — люди восстают против своего природного начала, что, в свою очередь, приводит к очередному психологическому расколу: одни устремления объявляются возвышенными, когда человек во имя любви пытается обойтись, как минимум, без надежд на награду, а другие — «нечистыми», когда он рассчитывает на некоторую (294:) взаимность. Эта система взглядов поощряет мазохизм и мученичество, что в результате порождает ситуации, когда женщины соглашаются терпеть жестокое обращение, а мужчины жертвуют собой ради неких идеалов, не заботясь о последствиях⁵.

Сами по себе понятия «обусловленное» и «безусловное» («безоговорочное») — абстрактные категории в рамках двойственного контекста, являющегося порождением человеческого разума. Однако противопоставление этих понятий выявляет реальное противоречие: стремиться давать или получать «безусловную» любовь — значит налагать на любовь условие, чтобы она не была ограничена никакими условиями. И это не просто каламбур. Абстракции, по сути своей, не учитывают живую ситуацию, а когда дело касается эмоций, это становится особенно опасным. Если абстракции упускают или принижают важные аспекты жизненных ситуаций, результатом могут стать странные, а зачастую и вредные последствия и отклонения. Чтобы надлежащим образом выявить путаницу, возникающую при рассмотрении концепции безусловной, безоговорочной любви, и проанализировать порождаемые ею конфликты, необходимо углубиться в отношения, существующие между временем и вневременным.

Любовь, время и вневременность

Оставим в стороне метафизику времени, включающую вопрос о том, является ли время объективным свойством Вселенной или оно зависит от субъективного восприятия человека (как считал Кант); возможно, для нас данное разграничение не столь уж важно. Существенно лишь то, что люди способны ощущать себя и во времени, и вне его, и что эти ощущения имеют совершенно различный характер. Когда человек полностью чем-то поглощен или когда он глубоко о чем-нибудь задумывается, он перестает ощущать течение времени, пребывая исключительно в настоящем. Чувство любви может быть всепоглощающим, а потому вневременным. (295:)

Ощущение себя частью потока времени («пребывание во времени») подразумевает способность ума в какой-то степени охватить и прошлое, и будущее. Наши цели и программы, желания и страхи, ожидания и амбиции неизбежно сопряжены и со стремлением заглянуть в будущее, и с обращением к прошлому, к памяти — отсюда рождается ощущение непрерывности, а значит, и времени. Все это — попытка задать условия нашего будущего. И в самом деле, условия можно ставить только будущему, но не настоящему. Настоящее, как и любовь, — таково, каково оно есть. Все, чего человек хочет добиться от другого, может, по определению, осуществиться лишь в будущем. Потому сам факт постановки условий ставит нас во временные рамки. Можно хотеть чего-то сейчас, но хотя само желание относится к настоящему, его осуществление принадлежит будущему. Не является исключением и желание, чтобы все оставалось так, как есть.

Разумеется, все, включая мысли о прошлом или будущем, происходит только в настоящем. Необходимо осознавать прошлое и будущее, чтобы иметь возможность ощущать непрерывность течения времени в каждый конкретный момент. Мы называем переживание вневременным, если хотим под-

⁴ Об аналогичном недоразумении, связанном с опытом мистического переживания, сопровождаемого ощущением вневременности, и о том, как при этом рождается представление о некоем идеальном состоянии, которое должно длиться вечно, более подробно написано в главе «Единство, просветление и опыт мистического переживания». (294:)

⁵ В главах «Религии, культы и духовный вакуум» и «Власть абстракций» показана связь между религией, моралью и самопожертвованием, описывается эволюция раскола между «чистым» и «нечистым», его связь с авторитаризмом и то, как далекие на первый взгляд абстракции влияют на нашу жизнь. В главе «Кто у руля?» подробно рассказано, как авторитарная идеология приводит к раздвоению личности и внутренним конфликтам. (295:)

черкнуть его отличие от тех мгновений, когда течение времени ощущается более отчетливо. Понятие «вневременный» имеет смысл только потому, что выпадает из основного контекста ощущения хода времени. Распознать каждое из этих внутренних психологических состояний — ощущение течения времени или ощущение вневременности — можно лишь, исходя из их контраста. Само понятие «вневременности» могло возникнуть только из сравнения воспоминания о каком-то моменте, когда казалось, что «время остановилось», с другими, когда бег времени ощущался особенно отчетливо. Только живое существо, которое может помнить, мечтать, думать о прошлом и будущем, способно распознавать различные состояния ощущения времени. Две кажущиеся противоположности — время и вневременность — в действительности присутствуют друг в друге, а потому состоят в так называемой диалектической взаимосвязи⁶.

Идеалы безоговорочной любви превращают в святыню только вневременное, утверждая, что любовь не меняется с течением (296:) времени. Напомним ряд требований, предъявляемых к идеальной любви: истинная любовь ничего не просит взамен; она не пытается изменить другого; она длится вечно. Интересно, однако, что все эти утверждения, свидетельствующие, на первый взгляд, о неподвластности времени, так или иначе соотносятся с ним: понятие «вечно» имеет отношение ко всему времени; отсутствие перемен или колебаний может наблюдаться только во времени; ни о чем не просить или не пытаться изменить другого означает предполагать существование во временном континууме. Все эти рассуждения о времени вовлекают в структуру исследуемых понятий само время, предполагая его бесконечную продолжительность в будущем.

Несмотря на то, что любовное переживание может создавать ощущение вневременности, безусловности, часто игнорируется тот факт, что переживание всегда происходит в некоей конкретной ситуации. А ситуация в большой степени определяется временем и накладывает свои условия. Люди не переживают момент вневременности в некоем вакууме, они приходят к нему, обладая прошлым, с надеждами и ожиданиями на будущее. Желание продлить чувство любви, боязнь утратить его или испытать разочарование из-за недостатка взаимности — все это привносит время во вневременный момент, тем самым, изменяя его. Хотя любовь дает ощущение вневременности, говоря «я тебя люблю» обычно подразумевают нечто большее, нежели «я испытываю это чувство в данный миг, и не более». Слова «я тебя люблю» обращены и к настоящему и к будущему, и предполагают, как минимум, некие сопутствующие условия, которые позволят чувству любви укорениться и расцвести.

Мы хотим, чтобы читателю стало ясно, что любовь, ощущаемая в конкретный момент как безусловная, может состояться только в ситуации, которой условия не только присущи, но и необходимы для ее продолжения. Поэтому вневременная любовь существует только в контексте времени. Хотя подлинные чувства имеют место в настоящем, они так проникают во временную среду нашей жизни и отражаются в ней, что любовь становится не просто мимолетным событием. Вот почему слова «я тебя люблю» имеют отношение к будущему.

Магия любви состоит в том, что она может прийти неожиданно, и тогда в организме человека открываются возможности для запуска особых биохимических процессов. Когда приходит любовь, человеку (297:) обычно хочется открыться ей, если только из чувства страха он не уходит в глухую оборону. Разумеется, если человек пережил глубокую личную драму, боязнь снова испытать любовь может оказаться настолько сильной, что вызовет желание скрыться от нее. Подлинная проблема человеческих взаимоотношений — создание условий для постоянного обновления любви. Поскольку многие ситуации способствуют как раз обратному, люди из страха потерять любовь часто пытаются превратить ее в свою собственность, посадить любовь в клетку, надеясь таким образом ее сохранить. Проблема в том, что для обновления любви человеческие отношения не должны быть застывшими, и люди сами должны меняться вместе со своими чувствами. Если что и меняется со временем, так это условия, при которых человек сохраняет способность открываться любви.

Самопожертвование, власть и любовь

Когда бескорыстие превращают в основу добродетели, а заботу о собственных интересах начинают считать если не отъявленным злом, то уж, разумеется, далеко не добром, это становится чревато большими недоразумениями в делах сердечных. Люблю ли я тебя потому, что ты — это ты, или потому, что ты воспламеняешь во мне яркие чувства? Что здесь главное: мои глубокие чувства или ты? Во что человек влюблен — в любовь, то есть в свое чувство влюбленности, или в другого человека? Что делать, если из-за разлада, гнева, разочарования или просто из-за отсутствия новизны эти чувства угасают, и тогда появляется кто-то другой, который воспламеняет их снова? Должен ли я во имя любви пожертвовать этими чувствами ради тебя или лучше следовать новой страсти, куда бы она ни завела? Решение столь сложной задачи не станет легче, если считать любовь бескорыстной, а страсть

⁶ Более полно то, что имеется в виду под диалектической взаимосвязью, объяснено в разделе «Преобразование системы символов» в главе «Власть абстракций». (296:)

— плотской и эгоистичной. Это превращает любовь в долг, поскольку ей сопутствуют обещания, идеалы или вполне понятное желание не причинять боль другому — что, в свою очередь, еще более ослабляет любовь, лишая ее былой магии. Чтобы снова воспламенить угасающее чувство, необходимы не долг или самопожертвование, а изменение ситуации, которая уже не обеспечивает необходимую для любви атмосферу.

Многие из нас влюбились в юности — в кого-то прекрасного и недоступного, возможно, в старшеклассника или кинозвезду. И хотя (298:) обуревавшие нас чувства были одновременно мучительными и пленительными, ситуация не способствовала их продолжительности, потому что не располагала некоторыми необходимыми условиями. Главное, что поток чувств был слишком однонаправленным. Утверждать, что это не настоящая любовь, а просто влюбленность, значило бы предвзято судить о столь непростых чувствах. Бескорыстная любовь обычно вспыхивает в конкретной ситуации — по большей части, в ранней юности, и с возрастом люди ее, как правило, перерастают. Если бы истинная любовь действительно не нуждалась во взаимности, то сохранение таких безответных эмоций считалось бы похвальным и здоровым, но это не так. Такая любовь не может долго существовать, потому что она совершенно лишена равновесия, как и идеальные представления о том, что истинная любовь не требует ничего взамен.

Если же в любовных отношениях начинаются взаимные счеты и выяснения, кто больше дает, а кто получает, — эта любовь обречена. Тем не менее, сведение любви к одному лишь даянию становится замаскированным авторитарным предписанием, диктующим человеку, каким ему следует быть, и является искусственным порождением морали, основанной на делении на бескорыстное и эгоистичное. Любовь не укладывается в рамки подобной дихотомии, а попытки принудить ее лишают людей возможности разумно общаться. «Ты — эгоист», «ты меня больше не любишь», «ты пытаешься меня контролировать», — такие аргументы часто идут в ход, когда жизнь не согласуется с идеалами. Все это — признаки изменившейся ситуации, требующей пересмотра. Идеалы безоговорочной любви в этом случае не только не помогают, но могут привести к еще большему отчуждению и, к тому же, вызвать у человека внутренний раскол, поскольку в его душе борются эгоизм и бескорыстие. При наличии любви даяние и получение неразделимы и никакой борьбы не происходит. Попытка разделить их свидетельствует, что равновесие в отношениях нарушено.

Усвоение представления о безоговорочной любви препятствует созданию условий, при которых любовь могла бы развиваться. Попытка следовать непригодному для жизни идеалу заставляет людей либо ощущать свою неполноценность (если они считают, что не соответствуют ему), либо поддаваться самообману (если они считают, что ему соответствуют). При этом формируется иллюзорный идеал (299:) чистоты, без высокопарного возвеличивания не может обходиться ни одна система авторитарного контроля. Разумеется, если мы кого-то любим, то можем каждый миг отдавать себя, не ставя никаких условий. Это не является предметом нашего обсуждения, как не является им и выяснение того, что же в действительности представляет собой такой идеал. Скорее, идеал безусловной любви требует от нас соблюдения постоянной безусловности. Такие идеалы не только порождают нездоровые отношения, но и стимулируют подсознательные проявления власти и контроля, губительные для любви. Сам по себе контроль не всегда вреден и может даже способствовать развитию отношений, если использовать его разумно и осторожно.

Любовь обладает энергией, выплескивающейся за границы человеческого «я» и наполняющей жизнь радостью и смыслом, с которыми не сравнится никакое самоутверждение. Чувство любви может ощущаться как бескорыстное, и когда люди влюблены, они часто ставят интересы любимого существа на первое место. Из этого легко сделать логический вывод, будто можно воссоздать любовь или продемонстрировать ее, признав интересы кого-то другого главенствующими. Неудивительно поэтому, что идеальную любовь связывают с самопожертвованием.

Его примерами изобилует задающая тон религия. В христианстве Бог проявляет любовь к своим творениям, принося в жертву самое дорогое — своего Сына, дабы спасти погрязшее в грехе эгоизма человечество. Образ распятого Христа приравнивает любовь к страданию, а страдание — к искуплению. Христос — единственное чистое (имеется в виду неэгоистичное) брэнное существо, безо всяких условий полностью отдает свою жизнь и любовь, чтобы спасти ближних. Вообще монотеизм, за редким исключением (деизм), возводит бескорыстие и покорность в ранг высших добродетелей. Если все мы — творения всемогущего Бога, то какая еще цель может быть у нас, кроме служения Его божественной воле? Противиться Божьей воле не только «грешно», но и неразумно. Христос как послушный сын авторитарного Отца является совершенной моделью добровольного самопожертвования и подчинения «высшим» целям.

Восточные представления о просветлении и космическом единстве тоже несут в себе внутренний смысл, идеализирующий бескорыстие: образ совершенного учителя, или просветленного, который (300:) слился с божеством, преодолев иллюзию обособленности до такой степени, что больше не отождествляет себя с самим собой как с отдельным существом. Следовательно, никакого эго нет, и

всякая деятельность, проистекающая от такого существа, направлена исключительно на благо других. Просветленные учителя изображаются любящими все человечество безусловной любовью: они переродились (вернувшись в человеческом облике в колесо перерождений) с единственной целью — привести других к высшим состояниям⁷.

Одно дело — в какой-то жизненной ситуации отбросить собственные интересы, что является естественным выражением заботы о других, и совсем иное — когда от вас ожидают того же в качестве доказательства любви. Такое ожидание может исходить как от других, так и от вас самих. Представление о чистой любви автоматически превращает любовь в некое подобие института, в рамках которого строго очерчены роли, обязанности и правила, регламентирующие поведение. Так, в частности, считается, что любовь Христа была чистой и безусловной, тем не менее тот, кто не подчиняется правилам христианства, рискует угодить в ад или чистилище или же, в качестве более утонченного варианта Божьей кары, лишается милости Господней. Гуру утверждает, что его любовь не оговорена никакими условиями, но если не покориться ему полностью (то есть не следовать его правилам), он теряет к вам интерес. Считается, что родители проявляют любовь к своим детям, принося себя им в жертву, а дети взамен должны их слушаться. Роль женщины в семье традиционно заключалась в том, что она во имя любви приносила свою индивидуальность в жертву мужу и детям.

Мы не сомневаемся в необходимости того, чтобы матери, общество или человеческий род в целом ставили на первое место благо детей — в том числе и проявляя к ним любовь. Во всех обществах много говорится о том, как важно уделять внимание детям, однако ожидается, что обо всем необходимым позаботятся родители, главным образом матери. Одна из причин того, что человечество находится под угрозой, заключается в том, что забота о благе детей предоставлена почти исключительно семьям и, в частности, матерям, хотя и те и другие больше не способны справляться в одиночку. В этом отношении общество стало походить (301:) на родителя, уклоняющегося от исполнения своего долга перед детьми. Старый общественный строй и его система морали основаны на том, что женщины ставят на первое место интересы мужчин и детей. И какими бы современными мы себя ни считали, нам трудно избавиться от этих глубоко укоренившихся убеждений и соответствующих ожиданий.

Способы формирования общественной системы ценностей и ее усвоения членами этого общества лежат в основе системы контроля, осуществляемого как на социальном, так и на личностном уровне. Посредством шкалы ценностей общество не только оправдывает контроль, но и руководствуется ею при распределении средств и установлении приоритетов, призванных впоследствии контролировать и направлять происходящие в обществе изменения. Если первостепенной ценностью является цель стать сильнейшей военной державой, то жизнедеятельность всего общества подчиняется этой цели. Кроме того, система ценностей не случайно используется людьми, чтобы контролировать самих себя⁸.

Мы не ставим под сомнение ценность самих ценностей. Общепринятые ценности, безусловно, должны существовать, во всяком случае, на некотором уровне, чтобы люди могли найти общий язык. Мы только пытаемся объяснить, каким образом причисление чистоты к разряду ценностей вытекает из двойственной системы морали, использующей неоднозначное понятие чистоты в качестве стандарта для измерения достоинств. Чем ближе стандарт к абсолюту, тем легче его использовать в качестве эталона. Вот почему золото, чистоту которого довольно легко измерить, стало эталоном измерения материального благосостояния. Наделяя представления о любви и добродетели признаком чистоты, мы тем самым задаем для каждой из них некий стандарт, такой же, как стандарт бескорыстия, который используют для определения достоинств по линейной иерархической шкале ценностей: чем бескорыстнее человек, тем он лучше⁹.

Чистый и нечистый — понятия взаимопроникающие. Как и множество других противоположностей, они имеют смысл только во взаимосвязи. Система морали, ставящая чистоту выше (302:) нечистоты, воздвигает иерархию ценностей, в которой все, что считается не абсолютно чистым, оценивается, исходя из стандарта чистоты. Таким образом, возникает правило: чем чище, тем лучше. Поэтому если чистая любовь не выдвигает никаких условий, то чем меньше условий выдвигает нечистая любовь, тем она лучше. И еще: если чистая добродетель подразумевает полнейшее бескорыстие, то чем бескорыстнее намерения человека, тем добродетельнее он сам. Вот почему понятие безоговорочной любви как любви без меры в действительности превращается в устройство для ее измерения. Если чистая любовь связана с жертвенностью, то чистоту этой любви можно измерить величиной жерт-

⁷ См. раздел «Функция просветления» главы «Единство...», а также главу «Чему служит бескорыстное служение?» из многократно упоминавшейся книги «Контроль». (301:)

⁸ О внутренних конфликтах, являющихся реакцией на самоконтроль, основанный на авторитарных ценностях, говорится в главе «Кто контролирует ситуацию».

⁹ В последнем разделе главы «Единство...» показано, почему идеалы чистоты, как это ни странно, являются порождением менталитета накопительства. (302:)

вы. Идеалы чистоты обязательно связаны с человеческими личностями, что приводит к атомистическому взгляду на взаимоотношения. В таком представлении взаимоотношения не рассматриваются как системы, влияющие на природу межличностного контроля. Напротив, такие идеалы заранее предполагают, что люди могут (и должны) полностью контролировать степень своей щедрости и жертвенности, как будто взаимоотношения на это никак не влияют. Если логически продолжить подобные рассуждения, можно прийти к выводу, что чем хуже взаимоотношения между людьми, тем скорее путем жертвенности можно доказать свою чистоту и любовь.

Ничто не может происходить в вакууме, вне всякой среды. Авторитарные системы иерархии власти являлись всеобъемлющей средой с тех самых пор, как человечество вступило в раннюю стадию накопления. И любовь как естественное проявление человеческих чувств тоже не существует сама по себе¹⁰. Может быть, одна из самых непростых для честного и открытого исследования областей — это взаимоотношения между любовью и властью. Разве стал бы кто-то подчиняться Богу, вождю или гуру и любить их, не считаясь они всевластными?¹¹

Идеал безоговорочной любви ставит любовь выше власти, считается даже, что власть может запятнать чистоту любви. На самом же деле это ведет к установлению двойного стандарта морали. Понятие (303:) бескорыстной любви укрепляет этот двойной стандарт, внося раскол не только в общественный строй, но и в психику живущих в его условиях людей. Предполагается, что есть две сферы: сфера любви, которая смыкается с духовностью, и развращающая сфера власти. Области, где можно хотя бы попытаться проявить бескорыстную добродетель, — это материнская любовь, романтическая любовь, духовные поиски, гуманистические устремления. Отдельно от них существуют сферы соперничества и власти, где весьма вероятно опасность «запачкать руки». Таким образом, считается, что служитель церкви, святой или мать чисты, во всяком случае, более чисты, чем солдат, политик, бизнесмен или актриса. Двойной стандарт в морали означает, что для каждой сферы определены свои правила игры. От первых ожидается, что они посвятят свою жизнь тому, чтобы путем бескорыстного служения стать образцом для других, вторые же посвящают жизнь достижению определенного успеха — при этом приходится чаще жертвовать совестью, чем собственными интересами. Разделение на чистое и нечистое отразилось и на отношениях между полами: женщинам предписывалось и в сексуальном, и в нравственном смысле быть более чистыми (то есть более целомудренными и жертвенными), тогда как мужчинам позволялись значительно большие вольности.

Желание сохранить обособленность этих двух сфер есть стремление к тому, чтобы любовь оставалась неподкупной, а значит, чистой. Однако это невыполнимо, потому что любовь не только существует в условиях власти, но и сама является проявлением власти, по крайней мере, потенциально. Народная мудрость подтверждает это, говоря о «власти любви» или утверждая, что любовь горы свернет. Трудности возникают там, где любовь и власть пересекаются. Попытки очистить любовь, устранив власть, не только не достигают цели, но, напротив, приводят к тому, что проявления власти меньше осознаются, что облегчает ей скрытое манипулирование людьми.

Покорность «другому» может проявляться весьма страстно. В авторитарных иерархиях покорность находит свое выражение в рамках структуры подчинения. В иерархических религиях — это подчинение Богу или гуру; в традиционных патриархатах — подчинение правителю и мужчинам. Господство и подчинение создают среду для эмоциональной покорности. Мы называем ее авторитарной покорностью, потому что она подразумевает подчинение без (304:) сопротивления благодаря усвоенным авторитарным ценностям. Как и в других ситуациях, покорность убирает барьеры, сдерживающие проявления любви. И пока человек согласен играть роль подчиненного, ему обеспечены приятные ощущения. Одной из причин, по которым люди в подобной ситуации продолжают подчиняться, является то, что человек легко привязывается к эмоциям, которые она порождает. Вследствие этой подчиненности чувство, которое ощущается как безоговорочная любовь, на самом деле оказывается функцией среды, где условием является подчинение. Любовь к Богу всегда была верным залогом возникновения страсти, потому что такой любви внутренне присуще подчинение.

Материнская любовь — общепризнанный образец безусловной любви — наилучшим образом демонстрирует связь между любовью и властью, как на личностном, так и на общекультурном уровнях. Самая привычная среда, в которой развивается безусловная любовь, — отношения между матерью и ребенком. Конечно, она может наблюдаться и между отцом и ребенком, но создается впечатление, что мужчинам легче удаётся соблюдать дистанцию, особенно в отношениях с маленькими детьми. Поскольку женщина вынашивает ребенка и кормит его своим молоком, присутствие у нее некоего генетического механизма, затрудняющего сохранение рубежа между ней и ребенком, имеет эволю-

¹⁰ В главе «Соблазны капитуляции» рассматриваются механические проявления любви в авторитарных условиях подчиненности.

¹¹ В главе «Власть абстракций» показано, как стяжательство повлияло на структуру власти и мораль. В главе «Сатанизм и культ запретного» прослеживается тесная связь между поклонением и властью. (303:)

ционный смысл. Достаточно хотя бы понаблюдать, насколько неодинаково действует детский плач на мужчин и на женщин. Независимо от того, являются подобные различия генетическими или нет, образец материнской любви — это мать, которая безоговорочно примет вскормленное ею дитя и готова отдать ему всю себя. В известном выражении «Его только мать может полюбить» отражены ожидания, возлагаемые на стойкость материнской любви.

Во многих культурах, где роли полов четко разграничены, а главенство мужчины воспринимается как нечто само собой разумеющееся, материнство считается делом священным. Здесь бытуют выражения: «Моя мать — святая» (имеется в виду, что она неумеренно жертвует собой ради других) или обращенное к сыну: «Никто не будет любить тебя так, как я» (то есть, никто не будет ставить человека на совершенно исключительное место так, как это делает мать). Возведение матери и материнства на пьедестал достигало столь крайней степени, что нанесенные им оскорбления порой служили поводом для (305:) кровавой мести. В таких культурах не только эмоциональная связь между матерью и сыном считается более прочной, чем связь между мужем и женой, но и власть женщины осуществляется через ее сыновей. Женщина, не имеющая сына, становится предметом жалости.

Женщины, как и мужчины, заинтересованы в обеспечении своей безопасности, благополучия и положения в обществе — факторов, влияющих на качество жизни. Если женщина лишена прямого доступа к власти, у нее не остается иного способа обезопасить себя, кроме как воспользоваться покровительством мужчины. Поскольку и финансовое благополучие женщин зависит главным образом от мужчин, традиционный путь «слабого пола» к власти основан на том, чтобы вынудить представителей сильного пола эмоционально зависеть от них. Поведение женщины регламентируется идеальным представлением о ее готовности к самопожертвованию, но и сама она использует тот же идеал, дабы контролировать (или пытаться контролировать) тех, кому приносит себя в жертву. При этом все участники процесса испытывают чувство вины и обиды. Неосознаваемое, завуалированное переплетение контроля и самопожертвования не раз заставляло людей обращаться к психотерапевтам и становилось предметом исследования в психологических трактатах и бесчисленных романах.

Жесткое распределение ролей между полами приводит к закреплению за каждым из них различных сфер власти, причем одна сторона неизбежно считает другую наивной, даже инфантильной. Действительно, поскольку любому из полов весьма трудно реализовать себя в сфере деятельности, где главенствует противоположный пол, в этом есть доля истины. Женщины часто говорят: «Мужчины — те же мальчишки», имея в виду, что их эмоциональное развитие замедленно и что они слишком заняты собой. От мужчин можно услышать: «Женщины — как дети, им нужна защита». Под этим подразумевается, что женщины слабы и не могут сами постоять за себя. Как мужчины, так и женщины всегда были кровно заинтересованы в том, чтобы сохранять за собой обособленные, дополняющие друг друга сферы власти, потому что такая ситуация придавала жизни надежность и упорядоченность. При этом каждый пол оставался, так сказать, ребенком в глазах другого, поскольку и во взрослом возрасте оба пола продолжали играть друг для друга роли отца и матери. Женщины по традиции полагались на мужчин, когда речь шла об (306:) экономической поддержке и физической защите, мужчины же искали у женщин эмоциональной поддержки и физической заботы.

Если лишить человека власти в одной сфере, это неизбежно влечет за собой попытку обрести ее в другой приемлемой культурной сфере. Вот почему власть женщин основана на эмоциональном и сексуальном влиянии. Хотя в современном обществе социальные роли полов уже не столь четко очерчены, традиционное деление на женские и мужские сферы деятельности не исчезло, как это может показаться на первый взгляд. Многие современные женщины жалуются, что мужчины фактически хотят видеть в жене мать, то есть человека, который ставит их на первое место и отдает им всю свою жизнь. Поскольку женщина видит свое первейшее предназначение в принесении себя в жертву своим детям (особенно когда они становятся старше), то и им она внушает, что любовь — это жертва. Девочки и мальчики обычно воспринимают это по-разному. Мальчики со временем начинают ожидать, чтобы женщины ставили их на первое место, доказывая тем свою любовь; девочки же усваивают, что жертвенное поведение — это способ заполучить и удержать мужчину, и часто начинают думать, что если мужчина в них нуждается и зависит от них, то это и есть любовь. Кроме того, матери ждут, чтобы дочери в свою очередь доказывали свою любовь к ним самопожертвованием. Вот почему взаимоотношения между матерями и дочерьми обычно бывают наиболее болезненными и запутанными.

Многие современные семьи подсознательно расставляют акценты на вопросах власти и авторитета, руководствуясь идеалом безоговорочной любви. Теперь, когда образ авторитарного отца вышел из моды, этот вакуум заполняет скрыто-авторитарный образ матери. Матери, как правило, отождествляют свою готовность всегда ставить детей на первое место с уверенностью, что они лучше понимают нужды своих детей. Такое убеждение, поддерживаемое обществом, может быть использовано для контроля над всей семьей: «Дорогой, нам пора домой — нужно укладывать детей».

Многие отцы благодушно мирятся с этим, потому что не могут или не хотят состязаться с той великой самоотдачей, которую принято приписывать материнской любви. Поэтому они обычно снима-

ют с себя основную ответственность за повседневное благополучие детей. Подобная ситуация создает порочный круг, поскольку, (307:) оставляя это поле деятельности, мужчины все более отдаляются от детей и тем самым только поддерживают убежденность женщины, что она действительно «лучше в этом разбирается». Часто можно видеть отца, с готовностью отдающего плачущего младенца матери и приговаривающего при этом: «Ну кто может сравниться с мамой?» Довольный, а иногда и снисходительный взгляд, которым отвечает ему жена, говорит не только о ее уверенности, что она единственная, кто может успокоить ребенка, но и о том, что это источник ее эмоционального удовлетворения и власти. Отцы тоже умели бы успокаивать детей, если бы дали себе труд задуматься о том, что для этого нужно делать.

В тех случаях, когда отцы все же берут на себя заботу о детях, матери, как правило, считают, что они должны это делать по их, материнским, меркам, до которых мужчины обычно не дотягивают. Общество поддерживает идеал матери, ставящей детей на первое место. Мужчины с ним соглашались, но сами редко проявляют готовность соответствовать столь высокому идеалу самопожертвования. Поэтому они мирятся с материнским эгоизмом и ищут власти и радостей жизни на стороне, в то время как женщина продолжает оставаться эмоциональным оплотом семьи. В сочетании со служением и жертвенностью материнская любовь также зачастую становится основой подсознательного авторитарного контроля.

Многие мужчины поначалу обещают делить ответственность поровну, не понимая, что это означает на самом деле. И когда они терпят неудачу, женщины часто воспринимают это как предательство. Женщинам не хочется нести всю ответственность за своих детей, особенно если у них есть какое-то другое занятие. Тем не менее, они обычно подсознательно стремятся занять положение главного эмоционального центра для своих детей и авторитета, определяющего, что для них лучше, и тем самым получить неограниченную власть в семье. Они хотели бы, чтобы им больше помогали, но на их условиях и при сохранении ими всей полноты власти. Поскольку это, по сути, превращает мать в «начальника» отца в деле воспитания детей, мужчина, по вполне понятным причинам, пытается уклониться от этого занятия, чем вызывает еще большее недовольство женщины.

Такой вполне заурядный сценарий приводит к появлению в семейной жизни скрытой неудовлетворенности и разочарований, (308:) имеющих глубокие последствия, включая и крах эротических отношений. Альтернативой так называемой зацикленности на детях, («Все лучшее — детям») может стать понимание того, что любой ребенок во все времена более всего нуждается в том, чтобы его родители состоялись как личности и были счастливы вместе. Для этого следует в корне изменить подход к ответственности и власти, провозгласив главной целью необходимость уравновесить потребности всех членов семьи. В этом случае на первое место будет поставлена личная, в том числе и сексуальная, жизнь семейной пары¹².

Контроль и межличностные барьеры

Современные выступления против семейного диктата используют понятие безоговорочной любви, чтобы положить конец контролю в близких отношениях между людьми. Этот контроль определяется самим существованием института брака. С момента, когда жених и невеста произносят традиционные клятвы, семейные роли строго расписаны — благодаря ограничительной сущности самого института и сильному общественному давлению, вынуждающему выполнять условия брачного контракта. Само выражение «брачные узы» подразумевает, что вступающие в брак уже заранее ожидают, что их будут контролировать. В наше время многие по-иному смотрят на отношения между супругами, поскольку как огня боятся контроля и считают, что люди не должны пытаться контролировать друг друга, особенно если они друг друга любят. Любить кого-то означает принимать его полностью. Желание, чтобы тебя любили таким, какой ты есть, и в ответ любить так же, вполне объяснимо. Это еще один из соблазнов концепции безоговорочной любви.

Когда мы полностью принимаем кого-то или нас полностью принимают, нашу душу как бы омывают струи любви и понимания, что невыразимо приятно. Но желая или ожидая, чтобы нас всегда полностью признавали, мы тем самым пытаемся продлить, распространить на будущее чувство, переживаемое в данный момент. Тому, у кого было счастливое детство, эти прекрасные ощущения хорошо знакомы, однако взрослые достаточно рано начинают формировать характер детей в соответствии со своими требованиями и оценками. (309:)

Родители колеблются между естественным стремлением принимать детей такими, какие они есть, и желанием утвердить свое право их контролировать. По мере того как ребенок взрослеет, признание и послушание все больше переплетаются; ребенок усваивает, что послушание создает условия для того, чтобы его признавали.

¹² Проблемы контроля и власти в семье рассматриваются в главе «Двойственность родительского авторитета» книги «Контроль». (309:)

Освобождение от родительского авторитета и указаний является частью процесса взросления. Если в юности желание безоговорочного, бесконтрольного признания вполне понятно, то стремление к полной бесконтрольности в зрелом возрасте свидетельствует о некотором инфантилизме. Дело в том, что для близких отношений взрослых характерно и проявление власти, и желание по крайней мере иногда контролировать другого.

Если человек последовательно придерживается предписанной ему обществом роли, регламентирующей его поведение и очерчивающей сферы власти, то вероятность конфликтов сводится к минимуму. Однако при любом длительном союзе, когда роли подвижны и люди ценят свободу от жестких ролевых установок, неизбежны значительные разногласия в вопросах о ценностях, о том, что и кому следует делать. Любые близкие отношения дают человеку некоторую власть над партнером, позволяющую его контролировать, и попытка игнорировать реальность этого контроля свидетельствует о нежелании взростеть. Исторически это новая проблема, возникшая в личной жизни в результате влияния демократических ценностей и идей о равноправии полов.

Для установления близости между людьми необходимо время, поскольку человек должен поверить, что его открытостью, готовностью сломать барьеры, отделяющие его от другого человека, не будут злоупотреблять. Близость может быть условием, но не гарантией взаимного приятия, тем более постоянного. Как это ни печально, но чем выше наши идеалы, тем меньше мы на деле способны принимать тех, кто им не отвечает. Попытки следовать идеалу, например, «всегда жить друг для друга», обычно порождают обиду, разочарование или неприязнь и в конечном итоге — еще большую закрытость.

Идеал безоговорочной любви также может усиливать замкнутость. Хотя этот идеал провозглашает необходимость оставаться открытым и приспосабливаться ко всему, что бы ни делал партнер, не пытаясь его контролировать, но существует и альтернативное (310) представление о возможности безоговорочно любить, оставаясь замкнутым. Например, бывали случаи, когда люди утверждали, что продолжают любить безо всяких условий, хотя при этом не желали даже еще раз увидеть предмет своей любви. Это могло означать, что их больше заботило то, как они сами выглядят в роли беззаветно любящего, нежели реальный любимый человек. Ошибкой было бы рассматривать любовь и контроль как нечто свойственное отдельному человеку, вместо того чтобы понять, что близость создает взаимозависимую систему отношений, которую ни один из партнеров не может контролировать полностью.

Если считать идеальной любовь, не ограниченную никакими условиями, может возникнуть ошибочное убеждение, будто власти и контролю вообще нет места в отношениях между близкими людьми. Мы привыкли ценить открытость и близость и при этом противиться контролю. Представление о том, что можно быть открытым своему партнеру и в то же время не стать объектом контроля с его стороны или не контролировать его самому, — есть заблуждение и способ самозащиты. Людям присуще естественное желание как-то контролировать свои чувства и направление, в котором развивается их жизнь. Быть открытым по отношению к другому человеку, к окружающему миру, да и вообще к чему угодно — значит подвергаться чьему-то влиянию, а следовательно, не вполне контролировать свои чувства. Быть открытым для своих детей — значит ощущать их боли и их радости. Поэтому в той мере, в которой человек открывает границы своей личности, своей души, он попадает под внешний контроль. При этом вполне естественно, что он сам хочет контролировать методы и степень этого контроля. Аналогичным образом люди стремятся контролировать загрязнение воздуха, от которого их не защищают никакие барьеры, поскольку от этого зависит их здоровье.

Очевидно, что если наша эмоциональная открытость по отношению к другому человеку дает ему право и возможность влиять на наши чувства, то нас, в свою очередь, должен активно интересовать характер его деяний. Понятно, каждому хотелось бы, чтобы другие совершали поступки, вызывающие у нас хорошие ощущения, а не плохие. Поэтому если кто-то может воздействовать на наше эмоциональное состояние, у нас возникает неизбежное ответное желание влиять на то, как он это делает, и контролировать (311:) его. Стремление ограничить влияние, оказываемое на нас другими людьми, независимо от того, является ли это стремление осознанным или бессознательным, тайным или явным, обычно приводит к тому, что мы либо начинаем сами их контролировать, либо стараемся себя от них как-то оградить.

Один из мощных и обычно подсознательных способов проявления контроля во взаимоотношениях между людьми — возведение и разрушение вокруг себя барьеров¹³. В отношениях с близкими людьми мы практически совершенно не владем этим средством. Можно вполне сознательно хотеть отгородиться от человека, который нас оскорбил, и все же быть не в силах так поступить. Или наоборот,

¹³ В книге «Контроль» есть специальный раздел, посвященный таким барьерам, — «Восток и Запад: взгляд изнутри и извне», где разбираются недоразумения, возникающие, когда люди отказываются признавать реальность барьеров, и показывается, что их возведение и разрушение — две стороны единого диалектического процесса. (312:)

иногда мы обижаемся и замыкаемся в себе, сами того не желая. Партнер может воспринять такое отчуждение как наказание и решить, что его пытаются контролировать, иными словами, стараются как-то его изменить. Обычно такие поползновения вызывают возмущение, и он либо может обвинить нас в том, что мы от него отгородились, либо сам стать более закрытым.

Контролировать эмоции, с проявлениями которых мы не желаем сталкиваться, в какой-то степени возможно, если пустить в ход такие средства, как отчужденность, подавление, отрицание, заверения, или если попросту удалиться. Однако эмоции не полностью поддаются контролю, поскольку невозможно избирательно отгородиться только от того, что приносит неприятные ощущения. И постоянное ощущение подконтрольности, и необходимость самому все время контролировать собственные так называемые отрицательные эмоции (подавляя или не выпуская их наружу) приводят к росту чувства неудовлетворенности, а это одна из важных причин того, что взаимоотношения, зарождавшиеся как взаимная любовь, терпят крах.

Способ, с помощью которого осуществляется контроль, часто остается неосознанным, что можно объяснить двумя основными причинами. С одной стороны, хотя контроль изначально присущ таким ролям, как роль родителя, супруга или учителя, но при этом его проявления бывают основательно замаскированы понятием «прав», (312:) неразрывно с ними связанных. Люди, исполняющие перечисленные роли, обычно считают (или объявляют) себя противниками контроля и могут осуществлять его незаметно даже для самих себя, думая, что действуют в рамках данных им прав или же что выполняют свой долг. С другой стороны, человек может быть убежден в том, что он не вправе пытаться контролировать кого-либо, поскольку общественное мнение утверждает, что это нехорошо. Однако те, кто выступает против контроля, недопонимают тот факт, что когда один человек говорит другому: «Перестань меня контролировать, иначе я тебя брошу», то этими словами он также пытается установить контроль. Нравится вам это или нет, контроль является неотъемлемой составляющей человеческой близости.

О том, насколько жестким может быть контроль в некоторых семьях, хорошо известно. При этом идеалом отношений между теми, кого связывает кровное родство, считается полнейшая взаимная открытость, верность, поддержка и безоговорочное приятие. Интересно проследить, что происходит, когда эти идеалы приобретают законный статус, претворяясь в права, обязанности и виды на наследство. Для многих кровное родство означает главным образом необходимость «стоять друг за друга всеми правдами и неправдами, что бы ни случилось». Фактически это равносильно запрещению родственникам отгораживаться друг от друга. В результате все свои чувства и переживания члены семьи не держат в себе, а вываливают в общий «семейный котел» и ждут такой же открытости от всех остальных. В итоге, однако, оказывается, что они бывают более невнимательны, более категоричны, требовательны и эмоционально жестоки друг к другу, чем к посторонним людям, которые, если бы с ними обходились подобным образом, давно прекратили бы столь неприятное общение.

Наряду с этим бытует правило, запрещающее «выносить сор из избы», то есть требующее, чтобы все происходящее в лоне семьи оставалось недоступным постороннему взгляду. Здесь, среди своих, за закрытыми дверями, выходят на поверхность те подавляемые стороны личности, отражающие дихотомию «самоотверженность—себялюбие», которые на людях выглядят не особенно привлекательно. Вот почему, вопреки идеальным представлениям о семье, она часто становится ареной страданий. И по этой же причине если кто-то попытался разорвать семейные оковы и зажить (313:) собственной независимой жизнью, это вызывает такую обиду, что вновь разрушить барьеры и вернуться обратно бывает чрезвычайно трудно. Хотя негласный запрет возводит преграды между членами семьи, обеспечивая каждому из них эмоциональную защиту, однако в этом есть и свои отрицательные стороны — не даром семья часто оказывается одним из величайших источников ненависти и насилия, а также рассадником эмоциональных отклонений. И дело здесь не только в том, что требование открытости как нечто обязательное губительно для настоящей любви, но и в том, что отсутствие возможности оградить свой внутренний мир заставляет людей терпеть жестокость и провоцирует их самих быть более жестокими в отношениях с близкими, нежели с посторонними. Кроме того, в семье люди ощущают наибольшую эмоциональную бесконтрольность. Это проявляется отчасти в нагнетании напряжения и в легкости, с которой члены семьи наступают друг другу на больные мозоли. Если следовать нашей теории, семья становится тем местом, где обычно сдерживаемые, неприемлемые стороны нашего «я» выплескиваются на поверхность, так как предполагается, что остальные члены семьи должны с этим мириться¹⁴.

Контроль — тема с бесчисленным множеством вариаций: от высказанной в лоб угрозы типа «Если ты этого не сделаешь, я тебя убью» до завуалированного отказа вроде: «Не сегодня, дорогой, — у меня разболелась голова». И отношение к контролю колеблется от полного его неприятия до отожд-

¹⁴ В главе «Кто контролирует ситуацию» подробно объясняется, почему дихотомия «бескорыстие—себялюбие» является ключевым фактором неосознанных динамических процессов, приводящих к «потере контроля» над собой.

дествления с заботой. Все это вполне объяснимо, ибо каждый стремится получить побольше того, чего ему хочется и, естественно, поменьше того, чего не хочется. Но даже если человек принимает почерпнутую у некоторых восточных религий теорию, согласно которой лучше всего вообще не иметь никаких желаний, он неизбежно начинает заниматься самоконтролем, пытаясь выяснить, есть ли они у него. Это приводит к внутренней борьбе между желаниями человека и идеалом отсутствия желаний¹⁵.

Подобно тому, как стремление контролировать окружающую среду и управлять ею для своих целей и нужд является врожденным (314:) свойством человека, так и желание контролировать других людей — тоже часть человеческой природы. Мы действуем так в целях самозащиты или самоутверждения, или потому, что якобы знаем, как следует поступать. Поскольку контроль в отношениях между людьми, особенно близкими, неизбежен, встает вопрос, для чего он, собственно говоря, нужен. Универсальных формул для всех разнообразных вариантов контроля не существует. Дать осознанный ответ на вопрос, что ты собираешься делать с контролем, довольно сложно, поскольку люди либо считают, что вправе контролировать других, либо уверены, что вправе не быть объектом контроля, причем в зависимости от ситуации эти позиции могут меняться. Помимо вопроса о праве на контроль, ситуация усложняется тем, что часто контролем явным образом злоупотребляют, и это стало причиной его дурной репутации. Контроль является неизбежной составляющей человеческих взаимоотношений, но, к счастью, при правильном с ним обращении он имеет и положительные аспекты. Контроль — один из способов, с помощью которых люди могут влиять друг на друга, открывая для себя широчайшие возможности. Если подойти к контролю осознанно, он может стать источником новизны и творческого подъема. Делая то, что хочет от нас партнер, мы испытываем особые переживания, которые могут преобразить как нас самих, так и наши взаимоотношения, а также дадут партнеру возможность почувствовать, что его действительно любят. Готовность обеих сторон изменяться под влиянием друг друга — вот что сохраняет трепетность и живость в самых продолжительных союзах. Перемены происходят благодаря взаимодействию контроля и покорности.

Контроль на любом уровне предполагает выдвижение неких условий. Идеальное понятие «безоговорочной любви» означает, что мы никак не оговариваем условия и степень нашей открытости. Таким образом, это лишний раз свидетельствует о недостижимости идеала, потому что никто не может полностью контролировать степень собственной открытости в каждый момент общения, и еще потому, что будущее, по сути своей, неопределенно. Идеал превращается в авторитарное предписание того, как надлежит поступать, что отдаляет нас от живого мига зарождения любви. Такие формулы являются скрытой попыткой контролировать любовь и саму жизнь.

Само понимание безоговорочной любви как любви самоотверженной и бескорыстной противопоставляет ее какой-то другой (315:) любви, оговоренной определенными условиями. При этом мы как бы не замечаем, что, объявляя любовь безоговорочной, мы тем самым предписываем ей необходимость отвечать достаточно жестким требованиям — не выдвигать никаких условий и быть совершенно бескорыстной. Любовь нужна людям, чтобы чувствовать себя состоявшимися, и эта потребность, как и другие потребности, эгоистична. Справедливы оба утверждения: и то, что любовь возможна лишь когда человек начинает беспокоиться о ком-то кроме себя самого, и то, что забота о других приносит самоудовлетворение. Нельзя втискивать любовь в рамки противопоставления условное—безусловное или бескорыстное—эгоистичное, в противном случае это приведет к разделению человеческого «я» на хорошую часть, которая старается любить бескорыстно, не прося ничего взамен, и эгоистичную, которая хочет получить что-то взамен и от которой никогда не удастся полностью избавиться.

«Любовная зависимость»

Теперь нелишне рассмотреть еще два вида зависимости (трактуя это понятие в широком смысле), поскольку они иллюстрируют связь между любовью и контролем. Первую иногда называют «любовной зависимостью», имея в виду зависимость от любви к тому, кто вам не подходит. Религиозная зависимость — еще одно недавнее дополнение к постоянно расширяющемуся списку зависимостей. Здесь подразумевается зависимость от определенных видов эмоциональных переживаний, являющихся частью религиозного контекста. Мы рассматриваем эти два вида зависимости одновременно, потому что им присущи сходные движущие силы. В сущности, если относить их к разряду зависимостей, проще и правильнее следовало бы назвать их «зависимостью от эмоциональной капитуляции»¹⁶.

¹⁵ Проблема, заключающаяся в желании не иметь желаний, обсуждается в книге «Контроль» в главе «Буддизм и злоупотребление отрешенностью». (314:)

¹⁶ В главе «Соблазны капитуляции» подробно говорится о том, почему покорность может быть столь соблазнительной. В главе «Ловушки для гуру» показано, как человек становится зависимым от поклонения ему других людей.

Контроль и капитуляция, надзор и освобождение, принуждение и согласие — эти противоположные аспекты взаимоотношений переплетаются в течение всей человеческой жизни. Они, как два лика (316:) Януса, определяют то, как мы относимся к своим переживаниям. Однако противопоставление здесь только кажущееся, на самом деле они тесно взаимосвязаны¹⁷. Когда взаимоотношения строятся на контроле, с одной стороны, и капитуляции — с другой, легко впасть в зависимость от удовольствий, приносимых тем или иным состоянием. Удовольствия от контроля — это Прометеевы удовольствия, связанные с проявлением власти. Власть может опьянять не хуже (а может, и лучше) любого наркотика; одержимым манией власти движет постоянная потребность устанавливать контроль — чаще всего над другими, но иногда и над самим собой.

Восторги покорности или капитуляции больше всего напоминают чувство, возникающее при мозабвенной самоотдаче, когда благодаря мощному разрушению всех барьеров мы как бы вырываемся за пределы собственной личности. Эмоции, называемые любовным или религиозным экстазом, столь незабываемы, что человеку, раз их испытал, невольно захочется их повторить. Эти чувства чаще всего возникают в особых условиях. В частности, чтобы пережить религиозный экстаз, необходимо, как правило, быть членом группы единомышленников, смысл существования которых заключается в полном подчинении той высшей власти, в которую все они верят. При этом групповое воздействие концентрирует и усиливает возделанные эмоции¹⁸.

Условия так называемой любовной зависимости также предполагают покорность некоей высшей власти, но в данном случае такая власть сосредоточена в любимом человеке. Дисбаланс власти, заставляющий человека полностью подчиниться господствующей стороне, приводит к тому, что вместе с чувством покорности возникает страстная любовь. При этом партнер, занимающий господствующее положение, может «подпитывать» эту страсть, удовлетворяя тем самым свою потребность во власти и поклонении, однако он вряд ли в состоянии испытывать настоящее уважение к проявляющему такую покорность. Если покорность односторонняя, то любовь и власть постоянно приходится механически стимулировать. Часто таким стимулятором становится жестокость, как бы подстегивающая и (317:) усиливающая ответную страсть. (В этом заключается, в частности, суть «Истории О», романа, в котором описаны крайние проявления садомазохизма.) Воспитание женщин традиционно предписывало им играть роль подчиненной стороны. Фрейд считал мазохизм имманентным свойством женщин, потому что в Викторианскую эпоху покорность была их главным средством достижения любви.

Любовная зависимость развивается при условии наличия власти, и страсть, которую она порождает, бывает совершенно механической, независимо от того, как она ощущается. Жертвы любовной зависимости нуждаются в человеке, которому они могли бы покориться, а его жестокое обращение может только усилить чувство любви. Это часто усугубляется верой в то, что беззаветная любовь может послужить «спасению» мучителя, смягчить его сердце и зажечь ответную любовь. Человек действительно попадает в зависимость от особой любви, вызванной покорностью, и тогда подчинение более сильному становится легким и естественным путем обретения любви. Этот сценарий может повторяться либо с одним и тем же партнером, или с другими, создающим для него такие же условия. Конечно, особа, играющая господствующую роль, попадает в зависимость от своей власти, выражающейся в данном случае в «обладании» человеком, «любящим» его настолько, что будет ему поклоняться при любых обстоятельствах. Весьма показательно, что такие зависимые, лишенные равновесия и цельности отношения выглядят, а изнутри часто и воспринимаются как безусловная любовь. Это во многом выявляет сущность самого идеала, согласно которому человек должен любить, как бы находясь в вакууме, независимо от того, как к нему относятся.

Сознательное восприятие жизни подразумевает соблюдение равновесия между контролем и покорностью, что не позволяет механически наслаждаться одним, отказываясь от другого. Покорность действительно разрушает барьеры между людьми и открывает доступ к любовным переживаниям. Но если это не приводит к положительным результатам (к числу которых мы относим повышение чувства собственного достоинства и доверия к себе), то все попытки оставаться открытым ради сохранения любви приводят к саморазрушению.

Итак, чтобы испытать «безусловную» любовь, необходимы определенные условия, но при раздвоении психики на «хорошую» (318:) часть, старающуюся быть бескорыстной, и на «плохую», осуждаемую за эгоцентризм, эти условия становятся искусственными и предсказуемыми. Подчинение поз-

Когда эти симметричные тенденции совпадают, между людьми возникают отношения, укладывающиеся в схему «гуру—ученик». (316:)

¹⁷ Эта глубинная взаимосвязь рассматривается в главе «Соблазны капитуляции» и в книге «Контроль» в главе «Злоупотребление отрешенностью».

¹⁸ В разделе «Побуждение к капитуляции» в главе «Уловки гуру» описываются переживания, сопутствующие религиозному обращению. (317:)

воляет идеализируемой части личности ощущать себя бескорыстной, а значит, и добродетельной, тогда как господство дает возможность эгоистической части обрести власть и уверенность. Мы хотим еще раз подчеркнуть, что настоящая чистая любовь может развиваться только в реальных жизненных условиях, при сбалансированных взаимоотношениях, а не в некоем вакууме. Сами же эти условия никогда не бывают чистыми — им присущи элементы власти, контроля и — чаще, чем хотелось бы, — господства и подчинения (взять хотя бы традиционное распределение ролей и власти между полами). Так или иначе, равновесие господства и подчинения, как правило, бывает нарушено. А для того, чтобы его восстановить, необходимо оценить, измерить власть, предписываемую каждой из социальных ролей, и лишь затем пытаться изменить ее распределение, выйдя за границы ролей.

Оценки и роли

Принято считать, что идеальная любовь должна быть не только всепрощающей, но и безмерной. И в самом деле, о какой количественной оценке любви может идти речь, если любимому прощается абсолютно все? Ведь любые мерки навязывают какие-то условия. Может показаться, что само желание измерить, сколько любви мы отдаем и сколько получаем, несовместимо с этим возвышенным чувством. При всяком измерении, естественно, происходит сравнение с прошлым, в результате чего оценивается качество настоящего. Измерение качества или количества взаимности разрушает искренность любви. Когда мы переживаем любовь во всей ее полноте, любые помехи, в том числе и попытки ее измерить, отходят на задний план. Но значит ли это, что для того, чтобы испытать истинную любовь, следует старательно избегать любых количественных оценок?

Любовь приходит просто и естественно, но для того, чтобы она не угасла, часто нужны особые условия. Многие из уже рассмотренных нами аспектов реальной жизни — стремление к власти, господство и подчиненность, согласие играть некую роль, притягательность контроля и покорности — содержат в себе определенные (319:) повторяющиеся элементы, подсознательно подготавливающие почву для удержания или возвращения чувства любви. Например, роли матери, мужа (жены) или ученика подразумевают необходимость быть открытыми для такого типа общения. Однако каждая из подобных ролей включает в себя элементы подчинения, в результате чего бывает крайне трудно или вообще невозможно отделить то, что делается из чувства любви, от того, что делается по обязанности. Если человек соглашается на определенную роль (или положение) и строго ей следует, оценка степени равновесности взаимоотношений, в которые он вступает, отходит на задний план. Дело в том, что большинство ролей не рассчитаны на то, чтобы отношения между ними были сбалансированными, то есть чтобы каждая сторона получала столько же, сколько отдает. В традиционном браке роль мужа заключается в обеспечении безопасности и защиты семьи, тогда как роль жены — в том, чтобы заботиться о муже и считать его интересы первостепенными. Союзу тех, кто способен довольствоваться таким положением дел, может всегда сопутствовать любовь. Точное исполнение традиционных ролей издавна служило цементирующим средством, придававшим прочность семье. Этому помогало то обстоятельство, что законы, на которых строились семейные отношения, воспринимались как данные Богом. Когда в такой ситуации производится попытка сравнительных оценок, то обычно оценивается качество выполнения указанных ролей.

Перед тем, кто не может или не хочет жить по устоявшимся правилам, встает вопрос, как сохранить любовь в длительном союзе, идя непроторенными путями. В этом случае для обеспечения условий, благоприятствующих любви, сравнения и оценки полезны и даже необходимы. Хотя случается, что люди не могут приспособиться к традиционным ролям, это вовсе не означает, что эти роли над ними не властны. Редко бывает, чтобы брак не оживил старых, устоявшихся представлений относительно того, как следует исполнять роли мужа и жены, а с появлением детей — отца и матери. Оставаясь в рамках древней системы ценностей, мы невольно ожидаем, что один будет отдавать, а другой получать, ибо так распределены их роли. Чтобы изменить стереотипы и построить равновесие по новому принципу, необходимо научиться правильно измерять количество даваемого и получаемого. Если же вовсе отказаться от оценок и сравнений, старые модели будут жить по-прежнему. (320:)

Если отношения складываются нормально, то нет и надобности в сравнительных оценках. Желание измерить вклад каждого члена семьи появляется вместе с сомнениями в наличии равновесия, а следовательно, вместе со стремлением к переменам. Если же кто-то протестует против необходимости оценок или сомневается в пригодности и обоснованности используемых при этом мерок, это значит, что существующее положение дел его вполне устраивает. Тому может быть множество причин — он может просто опасаться перемен, или испытывать большую удовлетворенность от нынешних взаимоотношений, или обладать большей властью. Попытка произвести сравнительную оценку — это способ оправдать необходимость перемен и проявить власть. В то же время преуменьшение значимости оценок и верность идеалу безоговорочной любви — способ оправдать нежелание перемен и точно такая же попытка проявить власть. Отсюда и берет начало классический диалог: «Если бы ты

любил меня, то вел бы себя по-другому», — «А если бы ты меня любила, то принимала бы меня таким, какой я есть». Аргументы противников контроля не уничтожают сам контроль, — просто они предоставляют большую власть тому, кто не хочет меняться. Особенно часто это происходит, когда оба партнера принимают систему ценностей безоговорочной любви.

Когда начинаются сравнения и оценки, это обычно служит признаком идущей или приближающейся борьбы, в которой каждый старается настоять на своем. Именно на этом этапе распадается большинство союзов. Представим себе двух независимых, замкнутых людей, испытывающих друг к другу безоговорочную, ничем не обусловленную любовь и при этом не пытающихся изменить друг друга, — это и будет доведенное до абсурда воплощение идеи безоговорочной любви. Аккуратное исполнение своих ролей помогает свести перемены к минимуму и разграничить сферы власти. Желание иметь отношения, выходящие за рамки существующих ролей, приводит к необходимости изменяться самому и способствовать изменению партнера. Поэтому когда условия, в которых складываются взаимоотношения, изменяются, требуется учитывать реальное распределение власти между партнерами и различие в желаниях и потребностях каждого. Если этого не делать, то способы использования власти становятся менее осознанными, а следовательно, и более пагубными для самих отношений. (321:)

Как только один человек начинает или хотя бы собирается начать изменяться, следовательно, изменилась сама ситуация, и поэтому второму участнику также приходится меняться. Даже тот, кто этому противится, на самом деле хочет перемен (обычно сам того не осознавая), но для него они сводятся к возврату некогда существовавших отношений. В сущности, в силу привычки гораздо труднее двигать систему отношений вперед, чем тащить ее назад. Всегда проще повторять известное, чем делать что-то новое. Следовательно, труднее приходится тому, кто хочет внести в отношения новизну, так как ему приходится проявлять инициативу, тогда как партнер может оставаться пассивным или даже сопротивляться. Обычно человек, стремящийся к переменам, выглядит более властным и менее привлекательным, чем тот, кто им противодействует.

Сравнительная оценка вклада партнеров в их взаимоотношения может помочь людям не возвращаться к старым ролям и тем отрицательным моментам, которые с ними сопряжены. Это механизм обратной связи, позволяющий измерить степень неудовлетворенности каждого, что часто бывает необходимо для сохранения «чистоты» любви. Без этого взаимоотношения, как правило, обостряются, что приводит к отчуждению, после чего любовь, как правило, идет на убыль. Отношения, определяемые ролями, авторитарны, поскольку заранее предписывают надлежащее поведение. Роли, воплощающие традиции, авторитетно указывают каждому его место и сферу деятельности. При этом они статичны, поскольку не прощают никаких изменений, выходящих за рамки роли. Если двое людей любят друг друга и при этом предпочитают жить по своему усмотрению, а не в соответствии с предписанными ролями, им неизбежно предстоит преодолеть трудности становления новых отношений и борьбы за главенство. Недостаточно просто открыться друг другу и отдаться чувству любви, необходимо суметь вместе расти и развиваться, учитывая меняющиеся потребности обоих партнеров. Каждый должен иметь полное право сказать: «До сих пор я шел у тебя на поводу, но теперь мы должны поменяться местами». Это и есть сравнение в действии.

Любовь без меры — атрибут старой системы морали, отвергающей эгоизм. Ее идеалом является бескорыстная любовь. Поскольку эгоизм тем не менее признается реальностью, встает вопрос, как с ним разумно справиться. Любовь между взрослыми людьми может успешно развиваться только в том случае, если существует (322:) некоторое равновесие между эгоизмом и щедростью, между контролем и покорностью, и если в том, как каждая из сторон проявляет свою власть, присутствует осознанная забота о партнере. Чтобы ни у одного из партнеров не возникало впечатление, что его просто используют, необходим механизм обратной связи. Вот почему сравнительные оценки могут способствовать созданию условий, позволяющих переживать безграничную любовь.

Если исходить из того, что любовь — это способность полностью принять человека таким, каков он есть, то тогда ею можно воспользоваться для проверки того, что именно человек способен принять. При этом мерой любви становится готовность прощать. Сознание того, что тебя готовы принять, как бы плох ты ни был, является наградой за любовь. При этом безоговорочное принятие провоцирует жестокое или саморазрушительное поведение. Постоянная проверка партнера на лояльность — пространственное занятие в условиях зависимости, характеризующейся так называемым взаимным притяжением и прощением. Мы полагаем, что чем больше человек склонен осуждать собственные недостатки, тем больше он нуждается во внешнем притяжении. Это подразумевает, что он хочет, чтобы другие принимали те его стороны, которые сам он принять не может. Прощение грехов — важная часть христианской морали, но она имеет и оборотную сторону, заключающуюся в том, что человек должен согрешить, чтобы получить эмоциональную награду — прощение. Считается, что вас только тогда любят по-настоящему, если любят даже «плохую» сторону вашей личности.

Прощение и игнорирование

По-видимому, любовь и прощение неразрывно связаны между собой, так как нельзя любить по-настоящему, не прощая любимому человеку его прегрешений. Обиды неизбежны при любых длительных отношениях, будь то дружба или интимная близость. При этом принято думать, что для сохранения любви, а то и просто дружеских связей, необходимо прощать. Существуют моральные соображения, которые возводят умение прощать в ранг добродетели. Это означает, что, по возможности, прощать стоит всегда, из чего следует, что чем сильнее обида, тем больше добродетели в прощении. Однако бесконечно прощать оскорбления или жестокость не очень-то умно, (323:) потому что тем самым только поощряешь обидчика продолжать вести себя подобным образом.

Для многих людей умение прощать — это проблема, как эмоциональная, так и интеллектуальная. Следует ли прощать всегда, а если не всегда, то когда именно? И даже если мы готовы простить или считаем, что это необходимо сделать, наши чувства иногда этому противятся. Для такой неуверенности есть веская причина, поскольку само понятие «прощение» достаточно сложно. Главным источником недоразумения служит отсутствие четких границ между оскорблением и несправедливостью, а также между прощением и умением не обращать внимания на обиды. Конечно, не каждая обида непременно бывает несправедливой, и даже если мы считаем себя несправедливо оскорбленными, наш обидчик может с этим не согласиться и чувствовать себя правым. Какая же в том заслуга — простить обиду, если обидчик, в сущности, прав?

Прощение, рассматриваемое как моральное обязательство — составная часть системы ценностей безоговорочной, безусловной любви, которую мы уже подвергали критическому анализу, а следовательно, здесь присутствуют все те же дилеммы. Совершенно очевидно, что безоговорочной любви в качестве механизма, позволяющего ей оставаться безоговорочной, необходим идеал безоговорочного прощения, таким образом, прощение позволяет нам при любых обстоятельствах сохранять хотя бы частичную открытость. Чтобы убедить себя в том, что мы любим безоговорочной любовью, приходится все время стараться игнорировать все, что этому препятствует. Если прощение даруется, в числе прочего, и из нравственных соображений, сам акт прощения рассматривается как свидетельство морального превосходства прощающего, что позволяет ему ощутить свое благородство. Однако разве можно сказать, что чьи-то дурные поступки преданы забвению, если мы считаем себя вправе их осуждать? Вопрос, в чем заключается добродетель «нравоучительного прощения», осложняется к тому же тем обстоятельством, что часто остается неясным, кто при этом больше выигрывает: тот, кто прощает, или тот, кого прощают.

Когда игнорирование чужих недостатков и дурных поступков диктуется соображениями идеологии, считающей такое поведение достойным, оно часто начинает выполняться автоматически и приводит к разрушению взаимоотношений, поскольку на самом деле (324:) под этим скрывается несогласие с поведением партнера и попытки подавить свое возмущение, а обиды, на которые стараются не обращать внимания, вытесняются в подсознание. Это может стать причиной депрессии (зачастую являющейся оборотной стороной подавляемого гнева), зависимости и даже многих телесных недугов. Однако обременять свою нервную систему такими чувствами, как возмущение и ненависть, или же копить в душе обиды — не менее разрушительное занятие, которое также может весьма пагубно отразиться на всей жизни человека.

Существует еще одна проблема, заключающаяся в том, что люди часто чувствуют необходимость защитить свой внутренний мир и поэтому прибегают к различным способам психологической самозащиты. Но и здесь все не так просто, потому что реакция самозащиты, как и многие другие поведенческие реакции, возникает бессознательно и становится привычной, то есть человек не отдает себе отчета в том, что, производя определенные действия или испытывая определенные чувства, он тем самым пытается себя защитить. Бессознательная линия обороны, появление которой вызвано прошлыми обидами, оказывается излишне жесткой и недостаточно избирательной — ведь многое из того, от чего она была призвана защищать, уже не существует. И люди, и обстоятельства со временем изменяются, и если мы будем продолжать цепляться за прошлое, это помешает нам принять настоящее во всей его полноте. С другой стороны, считать, что лучше вообще никак не защищать свой внутренний мир, то есть что следует всегда быть полностью открытым для любого воздействия, абсурдно.

Говоря о прощении, мы сталкиваемся с непростым вопросом: что в действительности происходит, когда мы стараемся не замечать, спускать обиды, игнорировать их, и как это сказывается на барьерах, ограждающих нашу личность? Должно ли такое игнорирование осуществляться по принципу «все или ничего» или возможны определенные градации? К каким последствиям может привести обыкновенное не обращать внимания на оскорбления, и когда подобная терпимость уместна, а когда — нет? Всегда ли прощение означает уничтожение психологических барьеров, или можно прощать, оставаясь закрытым, хотя бы частично? С этим связан немаловажный вопрос: как восстановить доверие к

партнеру? Ведь если ответом на прощение и открытость будет новая обида, все усилия вернуть доверие будут (325:) напрасными. Лишь со временем, когда человек убедится, что его открытостью не станут злоупотреблять, доверие может быть восстановлено.

Простой способ избавиться от обиды и гнева (или контролировать их) — это отгородиться от партнера настолько прочным барьером, что его поведение перестанет вас задевать. Можно возразить, что при этом о настоящем прощении говорить не приходится, поскольку старания игнорировать партнера свидетельствуют о том, что вас по-прежнему связывают некие узы. Но такое возражение справедливо лишь в том случае, если считать, что прощение подразумевает обязательную открытость. Махнуть рукой на старые обиды бывает гораздо легче, если есть уверенность, что больше обидеть вас не удастся, а это значит, что вам удалось прочно отгородиться от обидчика. Подобная позиция может быть выражена следующим образом: «Мы просто не ладим, ну и прекрасно». Можно избавиться от прошлых переживаний и все же сознательно стараться держать границы закрытыми. Более того, чем яснее человек осознает, что он защищается (возводит межличностные барьеры), тем больше у него возможностей изменить степень защиты в зависимости от изменившихся обстоятельств. Ведь степень прозрачности эмоциональных границ, огораживающих внутренний мир человека, меняется, и люди редко бывают абсолютно закрытыми или открытыми.

Есть подкупающая простота в том, чтобы четко и недвусмысленно обозначить грань, отделяющую нас от окружающих. Многие стараются не забывать старых обид, поскольку это помогает им сохранять защитные барьеры, призванные оградить их от возможных обид в будущем. Избавиться от этих заслонов (открыться) — не то же самое, что избавиться от обид и гнева. А поскольку, провозглашая идеал прощения, на эти различия не обращают никакого внимания, может оказаться, что люди не хотят забывать былые обиды из боязни ослабить преграду и вновь стать уязвимыми. Правда, если человек держится за свои обиды, это, как правило, подразумевает, что он столь же крепко держится за ограждающие его барьеры. Однако это правило выдерживается не всегда. Так бывает, когда человек оказывается в зависимом положении, в каком, например, находятся дети; тогда он лишь накапливает обиды, не имея возможности от них оградиться. Положение усугубляется тем, что во многих семьях фактически существует запрет на любые межличностные барьеры. (326:)

Уместно или нет вновь становиться открытым — зависит от обстоятельств, никаких готовых решений здесь не существует. Кроме того, вытеснение из памяти старых обид и игнорирование новых часто происходит само собой, бесконтрольно. Можно хотеть, но не суметь сделать это, или же остаться открытым, несмотря на все старания себя оградить. Если удастся пересмотреть ситуацию, лучше понять или яснее увидеть всю картину в целом, то изменение границ может произойти и без наших сознательных усилий. Чтобы сделать взаимоотношения более гибкими, гораздо продуктивнее призвать на помощь понимание и сопереживание, перестав навязывать партнеру идеализированные представления о том, как ему следует себя вести. Полезно посмотреть на происходящее его глазами, осознать свою долю вины, если таковая имеется, и понять, что никто не застрахован от стремления, пусть даже вполне оправданного, стать «главой семьи». То, что безоговорочная любовь и признание провозглашаются идеалом, а умение прощать — добродетелью, отнюдь не помогает позабыть все обиды, а лишь способствует формированию далеких от реальности стандартов, маскирующих готовность защищать себя.

У людей есть множество способов разочаровать или обидеть друг друга. Обидно, когда избранник обманывает ваши ожидания, тяжело чувствовать, что партнер вас просто-напросто использует; трудно пережить откровенный эгоцентризм, когда чувства, а иногда и благополучие других вызывающе игнорируются. В состоянии обиды многие предпочитают замкнуться в себе и затаиться. Вот почему с возрастом люди так часто теряют друзей и даже возлюбленных. Если человек надеется пронести сложившиеся отношения через годы, он должен овладеть умением возводить и разрушать барьеры между собой и другими людьми в зависимости от ситуации. Учитывая, что эти барьеры создаются в настоящем, но при этом рассчитаны на будущее, следует позволить им изменяться в соответствии с обстоятельствами и реальными взаимоотношениями, и тогда не придется решать заранее, какую степень открытости или закрытости необходимо поддерживать. Это предполагает умение мириться с неопределенностью ситуации, что дает больше возможностей для перемен. Проблема в том, что жизнь в условиях такой нестабильности требует понимания того, к каким последствиям она может привести. Разумеется, когда границы личной жизни определены (327:) раз и навсегда, они требуют меньше внимания, но если изменения все-таки происходят, это может привести к драматической развязке. В качестве примера можно вспомнить людей, которые предпочитают либо полностью отгородиться от мира, либо всегда быть полностью открытыми. Последние, будучи обиженными, — а такое случается часто, потому что они любят, чтобы их жизнь была у всех на виду (и ждут того же от других), — наглухо закрываются, отсекая возможность изменить что-либо в будущем.

Если для того, чтобы простить чью-либо вину, человек считает необходимым полностью отказаться от самозащиты, это может привести к закреплению бесперспективных, жестоких взаимоотноше-

ний (одним из наглядных примеров является избивание жен мужьями). В условиях, когда за насильем привычно следует прощение, периоды отчуждения сменяются открытостью, что позволяет, в очередной раз проявив покорность, вновь воспламенить угасающую любовь. В этой ситуации прощение способно только усугубить жестокость. Прощать, не требуя, чтобы партнер изменился, в данном случае губительно не только для самого прощающего. Это гарантирует, что сложившиеся нездоровые отношения таковыми и останутся, поскольку жестокое обращение постоянно вознаграждается. Но обычно душевно здоровый человек не отождествляет прощение с необходимостью обязательно разрушить межличностные барьеры, поэтому он в состоянии защитить себя при угрозе оскорбления и, в случае необходимости, надолго сохранить защитные ограждения¹⁹.

Избавиться от старых эмоций, не позволяющих адекватно реагировать на настоящее, полезно как для собственного блага, так и для блага других, которые, как правило, ценят, когда их не замуровывают в прошлом. Но освобождение от эмоций не означает, что заодно необходимо забыть о том, что заставило человека постараться оградить себя от определенного общения, или о том, как ему удалось это сделать. Чем яснее человек осознает это различие, тем легче ему прощать по-настоящему, то есть не позволять прошлым эмоциям омрачать будущее. Иногда такая позиция даже открывает перспективы новой любви. (328:)

Религиозные основы безоговорочной любви

Религии, возводящие прощение в ранг добродетели, осложняют понимание разницы между ощущением добродетели и ощущением любви. И восточные, и западные религии породили мораль отрешенности, согласно которой человек может обрести высшую награду только через отрешенность от награды земной (т.е. от эгоцентризма). И в тех и в других религиях для преодоления разрыва между духовным и мирским выдвигается идеал безоговорочной любви. Но вместо того, чтобы смягчить противоречие, но сам становится частью искусственного раскола²⁰. Безоговорочная любовь — это еще один высокий идеал, присущий моральной системе, противопоставляющей любовь и эгоизм. Первый и наивысший образец любви к человечеству явил Христос, доказавший готовность пожертвовать собой ради людей и простить их. Христианство провозглашает, что хотя никто не способен сравниться с Христом, но чем больше человек похож на Него, тем он лучше. Исходящая от Иисуса любовь, чистая, не запятнанная эгоистическими интересами, почитается как идеал и пример для подражания. Однако эти высокие идеалы скрывают лежащую в их основе авторитарную суть. В рамках христианства непокорность слову Божьему как непререкаемой истине влечет за собой возмездие.

Христос и Будда как социальные реформаторы смягчили свойственную иудаизму и индуизму жесткую привязанность к ритуалам. Проповедуя любовь и сострадание, они вдохнули в религию новый дух соперничества. Оба они призывали следовать идеалам бескорыстия и жертвенности — отказываться от привилегий (касты) и имущества, делиться с бедными, любить своих врагов и т.д. Оба стремились сделать гуманнее мир, где царили страдания и угнетение. Для этого они выдвинули идеалы бескорыстной чистоты, к которым человечество должно изо всех сил стремиться, и один из таких идеалов — безоговорочная любовь. Но что она может означать не только для людей, но и для самого Христа?

«Прости их Отче, ибо не ведают, что творят» — вот пример всепрощающей и всеобъемлющей любви Христа. И все же, с точки зрения логики, это несколько странно. Ведь не только те, кто казнил (329:) Христа, прекрасно знали, что делали, выполняя приказ, но знал это и Бог, пославший его на муки. Иуда, Пилат и прочие действующие лица просто воплощали замысел Бога. Христос всего лишь делал то, что требовал от него Отец. Послушный Сын был принесен в жертву, дабы продемонстрировать любовь Бога к людям. Христа принесли на алтарь, как жертвенного агнца, дабы открыть погрязшему в грехах человечеству путь к Богу. Насколько же безоговорочна любовь Бога? Получается, что не очень. Ведь если люди не делают того, что им говорят, их обрекают на вечные страдания. Человека заставляют проникнуться чувством вины и собственной неполноценности (плата за первородный грех), а затем им даются правила (заповеди), подчиняясь которым они могут почувствовать себя более достойными.

Безусловная любовь Христа — одна из составляющих общей этической системы. Обычно основное внимание уделяют самой любви, а не той системе ценностей, в которую она входит и которая является собой одну из наиболее авторитарных, а значит, и обусловленных структур на нашей планете. Чтобы заслужить любовь Христа, необходимо в него верить; чтобы заслужить прощение, нужно не

¹⁹ В главе «Кто контролирует ситуацию» уже говорилось о немотивированном на первый взгляд насилии и о своеобразной зависимости, проявляющейся в избивании жен. (328:)

²⁰ Более подробно о природе раскола между духовным и мирским и о том, как он привел к возникновению религий отрешенности и жертвенности, говорится в главах «Власть абстракций», «Связь с бесплотными авторитетами» и «Сатанизм...». (329:)

только покаяться и молить о прощении, но и согласиться с авторитарным определением того, «что есть грех». А это уже нельзя назвать свободой от условий.

Во всех религиях отрешенности любовь и самопожертвование неразрывно связаны. Когда безоговорочная любовь предстает в качестве предписания, которое требуется выполнять, она превращается в авторитарный механизм контроля. Если же любовь, прощение или самоотдача есть акт доброй воли, то их нельзя назвать жертвой. Жертвенность здесь возникает лишь тогда, когда все это делается ради следования идеалу. Человек при этом не только сам попадает под власть идеала — он хочет, чтобы ему подчинились и другие. В ходе истории контроль, осуществляемый посредством социальных ролей и жертвенной морали, вероятно, до некоторой степени смог умерить человеческую жестокость, хотя за такими идеалами всегда скрывались пороки. Но когда общая вера в то, что каждому предназначена своя роль, а каждая жертва будет вознаграждена, утрачивается, человеческие пороки вырываются наружу. В этой ситуации идеалы превращаются в препятствия для естественной человеческой способности любить. Любовь может сохраняться только при таких взаимоотношениях, которые возвышают обоих партнеров. (330:)

Вневременная любовь во времени

Любовь принято считать самым естественным, бесхитростным и самым искренним чувством. Но на деле становление любви — весьма сложный процесс, поскольку он развивается в конкретном социальном контексте и чреват разнообразными последствиями. Любовь или подчиняет человека, или дает ему власть, позволяющую контролировать других. Исторически выражения любви определенным образом регламентировались посредством конкретных ролей — мужа, жены, священника, монахини, учителя, ученика и т.д., каждая из которых предусматривала свой способ проявления открытости. Однако такое следование прототипам делает любовь шаблонной, укрощая ее стихийность, притупляя чувства. Поначалу люди охотно используют уже существующие роли в качестве способа выражения любви. Когда же роли начинают предписывать исполнение каждодневных обязанностей (а так оно обычно и бывает), что воспринимается окружающими как нечто само собой разумеющееся, все, как правило, заканчивается тем, что человек либо продолжает делать то, чего от него ждут, но уже безо всякого воодушевления, либо отказывается от роли и тогда ощущает себя виноватым. Эротический контекст в такой ситуации, бесспорно, отсутствует.

По мере того как старые социальные и моральные системы ценностей распадаются, исчезают и роли, делавшие их жизнеспособными. Идеалы любви всегда были тесно сплетены с ролями, а поскольку роли требовали самопожертвования, то того же требовали и идеалы. Современные люди, которые хотят сами решать свою судьбу, стремятся к любви спонтанной, свободной от требований ролевых отношений. Трудность для тех, кто склонен строить взаимоотношения по-новому, заключается в том, что только роли обладают механизмом, способным регулировать эмоциональную открытость или замкнутость. Идеал безоговорочной любви берет начало от старой двойственной, авторитарной системы морали, которая отделяет чистое от нечистого, безусловное от обусловленного. Люди, следующие этим идеалам, делают подчас весьма парадоксальные заявления, к примеру: «Я люблю тебя, не ставя никаких условий, поэтому, что бы ты ни делал, меня это совершенно не задевает». Или: «Если бы ты любила меня без всяких условий, ты бы старалась исполнять мои желания». Или: «Если бы ты любила меня без всяких (331:) условий, ты бы не предъявляла мне никаких требований». Парадоксальность двух последних высказываний заключается в том, что каждое из них эгоистично и, тем не менее, для своего оправдания взывает к бескорыстной любви. Такие идеалы любви имеют мало общего с самой любовью, ибо игнорируют реальные условия жизни, в которых присутствуют как личные интересы обеих сторон, так и их взаимоотношения, зависящие от этих интересов, но к ним не сводящиеся. Часто это означает, что человек не может отделить личные интересы от «интересов» самих взаимоотношений.

Переживание вечной любви дарит нам ощущение новизны и чистоты, но для того, чтобы любовь такой оставалась, ситуация также должна поощрять новизну. Поэтому большинство людей испытывают наиболее сильные чувства, когда их отношения только начали формироваться и их еще не коснулись обиды и разочарования. Вопрос в том, может ли бесконечная, вневременная любовь развиваться во времени. Могут ли слова «я тебя люблю» выражать нечто большее, чем сиюминутное чувство, и подразумевать, что любовь может длиться вечно? Ведь с течением времени жизненная ситуация меняется и развивается, и чувство любви может вписываться в нее или не вписываться. В реальной жизни всегда может произойти что-то, что заставит человека открыться или, наоборот, замкнуться в себе, иными словами, может породить или подрывать доверие.

Конкретная жизненная ситуация — та арена, где сталкиваются самоотверженность и эгоцентризм. Роли очерчивают сферы, где поощряется эгоцентризм или, напротив, требуется самоотверженность, иными словами, те, где требуется «давать», и те, где следует «получать». Их противоборство заложено

но в каждой из ролей, там, где речь идет о правах, обязанностях, долге. Тщательное следование роли помогает сохранять частичную открытость — обычно для определенного вида отношений. Если же мы отказываемся следовать какой-либо роли, тогда степень доверия или открытости более всего зависит от того, как и что мы отдаем или получаем. Представление о том, что можно или даже должно бесконечно отдавать, сохраняя при этом ничем не оговоренную открытость и не заботясь о взаимности, нельзя признать ни здоровым, ни реально осуществимым.

В отношениях, которые не держатся за роли, только осознанное, осторожное равновесие между отдачей и получением, между сохранением своей индивидуальности и слиянием с любимым может не (332:) только способствовать выживанию любви, но и позволить ей с течением времени расти и развиваться. Такую ситуацию можно сохранять и совершенствовать именно потому, что она строго обусловлена. К примеру, слуги работают за плату и при этом часто делают совсем не то, чего хотят их хозяева; напротив, понятие служения подразумевает добровольность и безвозмездность, а сферы служения определяются ролями. Служение, осуществляемое добровольно, от души, это бесценный дар; служение, ожидаемое или принимаемое как должное, — долг или неприятная обязанность. Условие, необходимое для поддержания любви, — не ожидать и не требовать служения во имя любви. То есть не следует надеяться, что партнер будет делать для вас то, чего вы не хотите делать сами.

Поэтому, хотя, с одной стороны, любовь безусловно проявляется лишь в каждый конкретный миг, изменение взаимоотношений с течением времени создает предпосылки для того, чтобы она могла существовать бесконечно. Однако реализоваться бесконечная и безграничная любовь, ничего не просящая взамен, должна в реальном времени, условия которого необходимо принимать в расчет. Многие из реальных условий не подходят для безусловной любви, и главное из них — бездумное проявление власти и контроля. Поскольку избавиться от власти и контроля в любви невозможно, необходимо хотя бы пользоваться ими осознанно и осторожно. Социальное неравенство губительно для любых попыток сознательного решения проблем, касающихся борьбы за власть в близких отношениях.

По сути, отрыв переживания от ситуации, в которой оно происходит, — вещь столь же искусственная, как и деление на обусловленную и безусловную любовь. Вневременная любовь, ощущаемая как безусловная, может исходить только из условий реального времени. Ситуации, определяющие эти условия, могут быть разными — от простого следования роли до взаимоотношений людей, которые сами решают свою судьбу. Любовь всегда одинакова и, вместе с тем, всегда различна: ее сила и магия не подвержены влиянию времени и составляют ее неизменную основу; различие ей придают постоянно меняющиеся ситуации и отношения между людьми. Это означает, что в основе безусловной любви всегда лежат некие условия. (333:)

Единство, просветление и опыт мистического переживания

Многие люди разными путями приходили к переживанию так называемых измененных состояний сознания. Слово «измененное» подразумевает, что и восприятие, и описание пережитого отличается от обыденных, повседневных переживаний. Два основных способа достичь такого состояния (вероятно, старых как мир) — это использование определенных веществ (растительных или синтетических) и специальных упражнений, которые приводят к тому, что процесс формирования в сознании переживания становится более свободным. Измененные состояния сознания могут также возникать в преддверии смерти, во время сильного стресса или спонтанно, без всякой видимой причины.

Мистическое переживание

Одним из тех измененных состояний, которые оказывают наибольшее влияние на нашу жизнь, является так называемое мистическое переживание. Сущность его заключается в возникающем ощущении полнейшего изначального слияния со всем миром. Назовем его «переживанием Единства». Такое переживание не поддается описанию с помощью привычных слов и понятий; человек ощущает, что он (334:) находится за гранью времени и пространства, за гранью жизни и смерти, и может как бы наблюдать за самим собой со стороны.

В шестидесятые годы Запад захлестнула волна ставшего популярным мистицизма. Сильные психоделические препараты, механизм действия которых и сейчас еще недостаточно изучен, влияют на нервную систему, каким-то образом трансформируя естественный процесс интеграции в мозгу, что делает доступными переживания, о которых раньше можно было узнать лишь из эзотерической литературы. Наркотики изменили мировосприятие многих будущих лидеров зарождавшихся в те годы общественных движений, многих молодых дарований, проявившихся затем в сфере искусства и науки. Восточные религиозные системы предлагали такие способы объяснения и усвоения этих переживаний, которые не могли дать западные религии. Некоторые экспериментаторы громко и публично превозносили свои новоявленные озарения, другие же без особого шума встраивали их в свое мировоззрение. На Запад хлынули восточные духовные учителя, приезжавшие либо по соб-

ственной инициативе, либо по приглашениям, и принимавшиеся за возделывание новой благодатной почвы. Подлинные мистические переживания, наряду с их толкованиями в русле восточной космологии, оказали огромное влияние на психологию, музыку, изобразительное искусство и моду. Под их воздействие попали даже те, кто был далек от психоделической культуры. В воздухе веяло мистицизмом.

Для тех, кто хотя бы однажды испытал ощущение Единства, стремление к максимально длительному пребыванию в этом особом состоянии может стать смыслом и целью жизни. К нему стремятся и те, кто сам не имеет опыта такого переживания, но наслышан о нем и верит в его реальность. Этому способствуют и так называемые духовные учителя, которые утверждают, что сами они постоянно существуют в столь возвышенном состоянии, и внушают, что мир Единства гораздо подлиннее и прекраснее нашей обычной действительности, где царят обособленность и разобщенность.

Несмотря на то, что все, кто испытал мистическое переживание, заявляют, что передать эти ощущения невозможно, различные культурные традиции все же пытаются вместить их в рамки собственных понятийных систем. Люди, имевшие опыт подобных переживаний, принадлежат разным культурам и эпохам, что самым существенным образом сказывается на их восприятии и последующей трактовке (335:) данного состояния. Мистические переживания возникают не на «чистом месте» — испытывающие их люди обременены конкретным мировоззрением, безусловно влияющим на их восприятие. Вот почему у индуистов бывают «индуистские» мистические переживания, у христиан — «христианские» и т.д. Поэтому христианские мистики могут видеть Бога во всем сущем и при этом сохранять веру в трансцендентного Бога, обязательную для дуалистического христианства. Восточный мистик может воспринимать все сущее как Божественное и не только признавать имманентного Бога, но и выстроить систему, где конечной реальностью является несомненный «анти-дуализм», «духовный монизм» (для индуистов — это Единство, Цельность, для буддистов — Ничто, Пустота). Таким образом, способ восприятия мистического переживания не может быть отвлеченным, а является исторически и культурно обусловленным.

Идея Единства — это абстракция, порождение разума, попытка сформулировать и описать мистическое переживание. Поскольку Единство относится к миру более возвышенному, нежели наш мир разобщенности и множественности, для его описания выбирается некое реальное качество или свойство, вычленяется, облачается абстрактным смыслом и овеществляется. При этом порожденная таким образом сущность признается более важной, чем индивидуальные проявления самой жизни. Попутно принижается значение многообразия (множества форм) бытия. Такой подход характерен для всех культур, где духовное противопоставляется мирскому и объявляется высшей ценностью¹.

На Востоке абстракции, почерпнутые из мистического переживания общности, породили не только понятие Единства, но и религиозную идеологию, этику и основанную на них иерархию. (Мы определяем идеологию как мировоззрение, содержащее идеальное представление о том, как надлежит жить, иначе говоря, мораль.) Мистическое переживание — важный исторический фактор, влияющий как на восприятие всего человечества, так и на жизнь отдельных людей. Но в процессе формирования идеологии, использующей понятие Единства, возникла мораль, принижающая индивидуальное «я» и не желающая считаться с интересами отдельной личности. Любое мировоззрение, отрицающее реальность или значимость (336:) индивидуального «я», неизбежно начинает превозносить бескорыстие и самопожертвование. Когда отказ от личных интересов провозглашается обязательным этапом на пути духовного совершенствования, мы имеем дело с моралью отрешенности. Такие системы морали никогда не могли всерьез побороть личную заинтересованность, а лишь заставляли ее скрывать, что приводило к падению нравственности. Мы постараемся показать, каким образом духовные лидеры используют понятие Единства для утверждения своей непререкаемости, а следовательно, авторитарности².

Всякий, кто пытается рассказать о своем опыте переживания Единства, как правило, начинает с предупреждения о том, что передать его словами невозможно. Приведем, однако, некоторые примеры таких описаний.

Ощущение пребывания в вечности — в мире, который всегда существовал и всегда будет существовать.

Ощущение, что невообразимо мощная энергия разрушает границы индивидуальности и дает сознанию возможность расшириться и вместить в себя все сущее.

Обычное деление на «я» и «не-я» либо мгновенно исчезает, либо становится очень нечетким.

¹ В главе «Власть абстракций» показано, как исторически развивались взаимоотношения между религией и моралью. (336:)

² Более подробно природа религий отрешенности и их ограниченность рассматриваются в главах: «Религии, культы и духовный вакуум», «Сатанизм и культ запретного» и в разделе «Системы символов и власть» главы «Власть абстракций». (337:)

Часто, почти всегда возникает чувство глубокого единения, слияния с Космосом (его можно даже назвать любовью).

Человек «знает», что мир, в который он попал, достижим.

Этот мир ощущается как нечто знакомое и притом неведомое.

Возникает чувство благоговения и сознание собственной незначительности, так что все обыденные заботы и волнения кажутся мелкими и бессмысленными.

Страх полностью отсутствует, потому что смерть ощущается как нечто совершенно нереальное. Или, если выразить это немного иначе: когда вы перестаете отождествлять себя со своим «я» и сливаетесь с Космосом, возникает ощущение, будто вы уже умерли и поэтому бояться больше нечего. Такое исчезновение страха — одно из самых удивительных, необычных ощущений: оно позволяет почувствовать столь полную свободу, о существовании которой вы даже не подозревали. (337:)

Человек чувствует себя совершенно независимым от оценок окружающих и свободным от таких мелочных чувств, как мстительность и соперничество. Ведь, в конечном итоге, все мы едины. При таком подходе любые так называемые отрицательные эмоции — злоба, ревность и т.п. — кажутся не только необязательными, но и глупыми, основанными на заблуждении.

Человек осознает, что он (или мы все) есть одно из проявлений Бога.

Все сущее (в том числе и сам человек, и то, каким предстает перед нами Космос) видится совершенным.

Первые ощущения от соприкосновения с этим всеобъемлющим Единством более реальны, нежели любая обыденная реальность, и столь прекрасны, что почти неизбежно возникает некое «опьянение» ими, эйфория, заставляющая стремиться к ним вновь и вновь. Беспредельное чувство свободы, вечности и единения с Богом и Космосом может быть столь сильным, что нельзя удержаться от мысли: как было бы замечательно, если бы все могли преодолеть привязанность к своему «эго», ибо именно это, как считается, мешает пережить данное состояние. Пребывание в нем как можно более долгое время может стать для человека главной целью жизни.

Тот, кто испробовал «запредельное», часто начинает видеть в обыденной реальности лишь негативные стороны — страх и стремление к власти, неутоленные желания, отчужденность, собственную ограниченность и неуклонное приближение смерти. В повседневной жизни на человека воздействуют эмоции окружающих, в том числе и отрицательные. Вместо того чтобы ощущать слияние с Вселенной, он чаще всего ощущает одиночество и неудовлетворенность. Совершенство оказывается недоступным идеалом. При этом те проявления нашего эго, которые приводят к разобщенности, — гордость, зависть, эгоизм, алчность, властолюбие, стремление к соперничеству и т.д. — не только кажутся жалкими и ничтожными, но оцениваются как абсолютно отрицательные. Переживание Единства начинает олицетворять собой все положительное, истинное, реальное. Разобщенность же становится неким пугалом, чем-то совершенно не нужным, даже врагом, который не дает нам ощутить Единство или, как в индуизме, майю — великую иллюзию. Тогда смыслом жизни, или духовным путем, становится преодоление разобщенности и всего отрицательного, что с ней связано. (338:)

Дуализм и отрешенность

Подлинное переживание всеобъемлющего Единства отличается от той умственной абстрактной конструкции, которая строится из попыток его описания и которой затем придается статус реальности, затмевающей реальность истинных личных переживаний. Не следует забывать, что переживание Единства доступно только отдельной личности. Единство — это абстракция, которая, претендуя на преодоление дуализма, сама таит в себе скрытую двойственность. Подразделение Космоса на две категории или два уровня реальности само по себе двойственно. Идеология Единства (в отличие от переживания Единства) противостоит идеологии множественности, называя себя «высшей» и более реальной. В то время как мистическое переживание Единства дает человеку ощущение своей глубокой связи с космосом, идеология Единства с присущим ей скрытым иерархическим дуализмом, напротив, отделяет духовное от мирского, а человечество от природы.

Дуализм делит все сущее на две основные категории. В западных религиях это, безусловно, разделение на Бога и Божье творение, при этом одна часть — в данном случае Бог — всегда ценится больше другой. Это порождает явную иерархию ценностей: Бог стоит выше, нежели Его творение. Кроме того, это создает еще одну иерархию ценностей внутри низшей категории, которая основана на добродетелях или предписаниях высшей. Иначе говоря, чем богоподобнее человек или, по меньшей мере, богобоязненнее (а значит, послушнее), тем он лучше. Такая же двойственность, основанная на принципе или-или, действует и в идеологии Единства, только там она скрыта за самим понятием, которое утверждает общность всего сущего и потому представляется всеобъемлющим. Но если единство ценится выше, чем разнообразие, неизбежным результатом становится попытка достичь этого единства, отрицая или преуменьшая значение обособленности. Действительно, во многих духов-

ных учениях Востока отождествление с принципом Единства подразумевает принижение роли обособленности, ее отрицание, отрешенность, отказ от нее. Тогда рост «духовности» или осознанности рассматривается как движение личности от индивидуального (то есть ограниченного) к всеобщему. Такие утверждения, как: «Все совершенно», «Все мы — одно целое», (339:) «Обособленность — всего лишь иллюзия», — являются примерами отождествления единственного и единого.

Отрешенность предполагает наличие двух, четко выраженных иерархических категорий, от нижней из которых необходимо отрешиться ради обретения высшей. Для оправдания этой жертвы высшую обычно объявляют святыней. Когда «единое» считается лучше или реальнее индивидуального и разнообразного, тогда решение личных проблем становится возможным только путем следования ценностям идеологии Единства. Это приводит к тому, что источником всех проблем объявляется забота человека о своем жизненном, личном благополучии. Таким образом, в восточной ментальности эгоцентризм рассматривается как абсолютное зло. Поэтому несомненным становится предпочтение сотрудничества — соперничеству, альтруизма — эгоизму и отдачи — получению³.

В статье о «духовных учителях» («Омни», март 1990) один из учеников некоего восточного гуру рассказал показательную историю о том, как его учитель в нескольких словах преподнес ему запоминающийся урок. Начиналось строительство храма, посвященного гуру. На церемонию закладки первого камня съехались ученики со всего мира. Многие из них привезли с собой ценные вещи, чтобы замуровать их под фундаментом. Рассказчик, к его несказанной гордости, был избран первым из тех, кто хотел положить туда свои подношения. Он вспоминает, как, возгордившись, что его выбрали первым, схватил крупный бриллиант и энергично бросил в яму. А когда оглянулся на учителя, тот тихо сказал ему: «Не слишком ли много ты получил?» В заключение рассказчик говорит, что под влиянием этих слов его присмирившее эго стало гораздо мудрее.

Для ученика, которого отчитал гуру, преподнесенный урок заключался в утверждении, что его дар не был достаточно чистым. Но можно рассмотреть этот случай и с совершенно иных позиций. Постройка храма в честь гуру и то, что ценные подарки были истрачены зря (их закопали в землю как символ величия гуру), — все это свидетельства колоссального и совершенно беззащитного эгоцентризма. Одна из самых дешевых уловок гуру — заставить людей почувствовать свою неполноценность, показав, что их поступки (340:) запятнаны эгоизмом, а сделать это всегда легко. Гуру, о котором идет речь, «получатель» даров, не смог отказать себе в удовольствии поставить своего ученика на место, дав тому ощутить свое ничтожество. А может, все дело в том, что дар ученика оказался недостаточно хорош? Но поскольку в глазах учеников гуру предстает как человек просветленный и преодолевший свое «эго», подобная трактовка ситуации для них просто немыслима.

Следовательно, ученик упустил шанс извлечь из этой истории подлинный урок: стремление гуру к самоутверждению и его готовность «получать» прячутся под маской просветленности и самоотверженности и таким образом остаются неосознанными. Поскольку чистота, а значит, и превосходство гуру воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, предполагается, что он заслужил любые «подношения», просто потому, что является просветленным. Таким образом, он может отчитать своего ученика за излишне активные действия, которые он сам же и спровоцировал и которые, по сути, полностью повторяют его собственные действия, разве что в более скромном масштабе, и при этом не показаться лицемером. Вопрос, кто отдает и кто получает, никогда не ставится, потому что «духовные» ценности маскируют то, что происходит на самом деле.

Функциональная суть просветления

Большинство восточных религий относят мистическое переживание к состояниям сознания иного порядка, называя его «просветлением». В индуизме это состояние воплощено в понятии «Единство», в буддизме — «Пустота». Отсюда и представление о так называемом просветленном, живущем в этом возвышенном состоянии все время, большую часть времени или, по крайней мере, гораздо больше времени, чем обычные люди, а в самом крайнем случае — способном достичь этого состояния. Традиционные представления о просветлении подразумевают, во-первых, полное слияние со Вселенной, не оставляющее места для проявлений «эго» или для возведения барьеров вокруг собственного «я», и во-вторых — иерархию ценностей, согласно которой чем человек бескорыстнее, тем он лучше; высшим состоянием объявляется полная самоотверженность.

Предполагается, что «просветленный» проявляет свою просветленность через бескорыстие и отказ от удовлетворения собственных (341:) потребностей. Таким образом, он предстает перед нами как воплощение безграничной щедрости, сострадания и любви, без малейшей примеси жадности, зависти, похоти или соперничества. Те, кто хотели бы прослыть просветленными, должны создать у людей впечатление, что они «выше всего», выше любых слабостей своего «я» — предпочтений, недо-

³ В главе «Любовь и контроль» объясняется, почему это приводит к конфликтам в отношениях между людьми. В трех последних разделах главы «Власть абстракций» показано взаимопроникновение этих категорий. (340:)

статков, страхов и желаний и т.д. Такой человек являет собой соблазнительный пример состояния, которое он может помочь обрести другим, состояния, дающего не только ощущение вечности, но и способного решить все повседневные проблемы.

Само возникновение особой категории под названием «просветленное состояние» есть проявление менталитета накопления, поскольку это состояние в конечном итоге достигается благодаря накоплению личных заслуг и моментов частичного просветления. И вот однажды — в этой жизни или в иной — человек преодолевает, наконец, барьер и приходит к финишу — становится совершенным проявлением божества, совершенным учителем, которому некуда больше стремиться. Вы трудитесь, чтобы обрести просветление, и когда цель достигнута, она навеки ваша. Так создается статичный и неизменный идеал. Переживание «единения» происходит вне времени, но понятие просветления превращает неподвластный времени миг в застывшее «вечно», длящееся даже за пределами времени. Ирония заключается в том, что достижение просветленного состояния подразумевает попытку втиснуть в рамки времени «вневременное переживание».

Наличие двух вариантов состояния — просветленности и непросветленности — создает еще одну дуалистическую систему ценностей, основанную на логическом построении «или-или». Это еще один пример того, как создание двух независимых категорий и придание одной из них большей ценности (быть просветленным — лучше) образует иерархию ценностей не только между двумя категориями, но и внутри менее ценной из них (непросветленной). В категории непросветленных человек считается тем лучше, чем ближе он к идеалу просветления. По сути, происходит то же, что и с измерением степени бескорыстия.

Разделение всего сущего на две категории — высшую (духовное) и низшую (мирское) — требует построения связующего моста между ними. И на Востоке, и на Западе это разделение создают религии, и они же становятся связующим звеном между этими двумя (342:) реалиями. Они изобретают «духовный путь» от низшего к высшему, регламентируя благие поступки, которые должны вывести человека «отсюда» (из нашего мира) «туда» (к тому, что понимается под спасением). На Востоке путь постепенного подъема духовности, определяемый кармой и цепью перерождений, ведет к высшей форме — просветленности, называемой также нирваной, мокшей, космическим сознанием и т.п. Такая концепция является линейной и иерархической, как и породившие ее религии. Некоторые школы (в тибетском буддизме) даже создали иерархические уровни просветленности, так что и среди просветленных одни являются более просветленными, чем другие. Поэтому для духовных подвижников животрепещущим является вопрос, как далеко человек продвинулся на избранном пути.

Из утверждения о существовании основополагающего Единства, пронизывающего все бытие, иерархичность автоматически не следует. Иерархия возникает в результате выдвижения идеалов просветления, когда нескольких людей начинают считать проводниками и воплощением Единства. Предположение, что некоторые люди воплощают или выражают истинную природу реальности в большей степени, чем остальные, легко приводит к возникновению авторитарной иерархии. К тому же, оно закладывает фундамент для увековечивания иерархии, потому что тот, кто знает лучше, может решать, кто именно просветлен, и, таким образом, наделять избранных авторитетом. Однако в том, что один человек, кем бы он ни был, определяет степень просветленности другого человека, есть изрядная доля странности. Надо полагать, что если человек просветлен, то он осознает свое положение сам, без всякой подсказки со стороны. Тем не менее, такой подход имеет место во многих духовных системах.

На первый взгляд, идеал просветления кажется совершенно свободным от коррупции, поскольку он подразумевает абсолютное бескорыстие. И все же именно это священное воплощение совершенства позволяет авторитаризму со всеми его пороками проявляться и активно процветать. Две идеальных конструкции работают в паре: идеал просветления обеспечивает авторитеты, а представление о карме в качестве космического закона морали дает метафизическое объяснение, почему просветленными авторитетами становятся одни, а не другие. Эти два понятия тесно переплетены и подкрепляют друг друга, создавая непроницаемую замкнутую систему, способную (343:) увековечить саму себя. Придание законной силы особому статусу просветленных основывается добродетельности их прошлых жизней, при этом уже обладающие этим особым статусом поддерживают идеологию кармы и перерождения как непререкаемую истину⁴.

Монотеизм с его верховным Богом явно авторитарен. Авторитаризм, пронизывающий восточную идеологию Единства, менее очевиден. Вера в то, что Бог присутствует везде и во всем, затрудняет построение централизованной иерархии. Однако понятие просветления приводит к появлению децентрализованных иерархий, каждую из которых возглавляет учитель. Именно это мы видим в восточ-

⁴ В главе «Создаете ли вы собственную действительность?» подробно описано, как работает карма. В главе «Власть абстракций» показано, почему представление о карме является моральной основой восточного мировоззрения. (344:)

ных религиях и их западных вариантах. Если монотеизм объявляет святым изреченное Слово Божье, то восточные религии приписывают святость тем, кто обрел просветление. Таким образом, понятие просветления порождает авторитаризм на личном, харизматическом уровне (гуру, учитель, аватара и будда). Здесь авторитетами являются не институты, а живые люди, хотя они почти всегда создают вокруг себя институты или сами являются их частью. Не случайно покорность и послушание учителю объявляются шагом (как правило, обязательным) на пути к просветлению.

Любая система, которая провозглашает одного человека отличным от других и ставит его над ними, не только порождает авторитаризм, но и сама является авторитарной по своей природе. Верующий христианин никоим образом не может усомниться в мудрости Бога, так же и непросветленный не смеет усомниться в словах или поступках просветленного. Вот почему гуру прощается любое поведение — их судят по иным меркам, согласно которым все, что бы они ни сделали, совершенно по определению. Стоит, однако, принять в качестве постулата, что для определенных людей опасности коррупции не существует в принципе, как коррупция становится неминуемой. Поэтому понятие просветления именно из-за своей возвышенности почти неизбежно ведет к самообману. Им можно оправдать любые злоупотребления, привилегии или излишества, создав хитроумный двойной стандарт для идеологической верхушки.

Даже в эзотерической литературе можно найти предупреждения относительно ловушек, подстерегающих на пути к просветлению. (344:)

Там говорится, что ни один человек, переживший подлинное просветление, никогда не станет утверждать, что он просветленный. Возможно, причина здесь в том, что любой по-настоящему мудрый человек знает, что, объявив себя просветленным, он превратится в некий статичный идеальный образец, навеки застывший пример для подражания, то есть окажется как бы в заключении. Оставим в стороне вопрос, существует или существовал ли когда-либо на свете человек, обладающий абсолютной космической мудростью, полностью свободный от эгоизма. Единственный, кто мог бы с уверенностью сказать, что такой человек есть, — он сам, причем он должен быть абсолютно уверен, что до конца избавился от самообмана, а это задача не из простых⁵.

В самой идее просветления присутствуют скрытые послышки, являющиеся частью нашего авторитарного наследия. Например, считается, что человек, достигший просветления и в наше время, и тысячи лет назад, будет говорить, по сути, одно и то же. Странное представление о завершенности и неизменности в постоянно развивающемся космосе! Да, у людей бывают просветляющие переживания, но разве всегда они бывают повторением старых прозрений, посещавших кого-то тысячелетия назад? Разве только протоптанной тропой с предсказуемым концом можно двигаться к «высшему знанию»? Чтобы поддерживать авторитарные религиозные иерархии, принцип просветления должен быть антиисторическим, неизменным и незыблемым. Именно таков восточный метод — закрепить за кем-то последнее слово и объявить его высшим авторитетом в вопросе космической истины.

Поначалу Будда не допускал в монастыри женщин. Когда же его вынудили, он разрешил принимать женщин на том условии, что они всегда будут подчиняться самым младшим из монахов-мужчин (то есть последним из новичков). Что это — пример неизменной мудрости? Или некоторые из идей Будды были не столь уж просветленными, а скорее определялись историческим контекстом? В его планы входила задача покончить со страданиями, но и нескольких тысячелетий оказалось недостаточно, чтобы выполнить ее. Неужели люди недостаточно хороши или недостаточно умны? В чем причина неудачи — в людях или в самой цели? Методы, предложенные (345:) Буддой для прекращения страданий, вытекали из принципа просветления, который подразумевает отрешенность от собственного «я» (эго) и от эгоцентризма. Поэтому, являясь религией отрешенности, буддизм, в сущности, авторитарен, а абсолютным авторитетом, определяющим, от чего именно надлежит отрешиться и как к этому подойти, является Будда. Кое-кто из современных буддистов возмутится, услышав, что мы говорим о буддизме как о религии отрешенности. Они считают, что эгоизм исчезнет сам, без усилий, благодаря освобождению или избавлению от заблуждений относительно существования эго. Мы считаем, что они ошибаются⁶.

Некоторые люди способны проникнуть в природу вещей глубже, чем остальные. Однако издавна считалось, что достигнуть истинной просветленности как высшего состояния души, обретаемого раз и навсегда, могут лишь особо мудрые и духовные. То обстоятельство, что отношение к просветлению во все времена оставалось неизменным, объясняется антиисторичностью самой идеологии Единства, согласно которой основная задача человека — преодолеть иллюзию обособленности. Ведь только обособленные существа могут изменяться по отношению друг к другу. Тем парадоксальнее выглядит позиция буддистов, воспринимающих весь материальный мир как череду непрерывных изменений, но

⁵ Почему эта задача столь сложна, показано в главах «Гуру, психотерапия и подсознание» и «Ловушки для гуру». (345:)

⁶ Подробно это обосновано в разделе книги «Контроль», посвященной буддизму.

считающих при этом, что духовным достижениям свойственно постоянство. Отрицание перемен в духовной сфере — это позиция в основе своей фундаменталистская, которая используется для защиты святынь и традиций⁷. Однако глубокое проникновение в суть вещей невозможно в отрыве от истории, поскольку каждой эпохе свойственны свои заблуждения. Показательно, что весьма важная, хотя и менее известная роль просветления заключается в прохождении сквозь «облачную завесу» заблуждений и иллюзий. Освобождение от иллюзий необходимо для выхода за рамки жесткой системы морали, исходящей из принципа взаимоисключающих противопоставлений (или-или) и являющейся источником большинства извращений и заблуждений. Любая идеология, выдвигающая статичные идеалы совершенства и постижения истины, неизбежно порождает собственные заблуждения. Антиэволюционный подход к проблеме мудрости и познания не только препятствует росту интереса к ним, но и ограничивает возможность (346:) создания новых систем, которые могли бы открыть людям путь к более свободному и углубленному восприятию мира.

Односторонность понятия Единства

Идеализация всеобщего единения и самоотверженности и их противопоставление обособленности привели к формированию «однобокой» духовности и морали. Переживание всепоглощающего состояния единения почти незаметным умственным усилием трансформируется в идеологию Единства, искажающую реальность и диктующую «правила жизни». Перечислим наиболее общие из них.

Переживание единения более реально, чем обыденная реальность, поэтому ценность общности превышает ценность разнообразия.

Состояние мистического переживания может длиться непрерывно, и чем дольше вы в нем находитесь, тем лучше.

Путь к общности лежит через отрицание индивидуальности. (Здесь описания общности превращаются в предписания для индивидуумов, которые больше не должны действовать как отдельные личности.)

Лучший способ приобщиться к этому состоянию — следовать за учителем, который его уже достиг.

Когда мы ощущаем себя частью чего-то большего (например, Космоса), из этого совершенно не следует, что целое более реально, нежели его части. Только индивидуум, личность может испытать подобное ощущение; точно так же только индивидуальный ум способен создать идеологию Единства — идеологию, которая «по-донкихотски» отрицает индивидуальную реальность породившего ее человека. Если, как мы полагаем, разнообразие («Множественное») так же реально, как и лежащая в его основе общность («Единое»), то попытка решить проблемы повседневной жизни, навязывая ей неуместные в данной ситуации ценности концепции Единства, обречена на неудачу. Единство и разнообразие неразделимы, из чего следует, что система морали, отрицающая обособленность и клеймящая эгоцентризм, лишь создает почву для морального разложения⁸. (347:)

Мы хотим показать, как возвышение одной стороны диалектических отношений (общность) над другой (обособленность) порождает непригодную для жизни мораль отрешенности. Если с точки зрения «Единого» все сущее совершенно, то как можно утверждать, что одно лучше, нежели другое, или вообще высказывать какие-либо предпочтения? Отсюда проистекает идеал духовности, подразумевающий полный отказ от каких бы то ни было оценок и предпочтений. Такой идеал подразумевает одинаковую любовь ко всем и вся, так как предполагается, что человек должен быть свободен от привязанности к какому-либо конкретному проявлению Единства, будь то человек или предмет. Поэтому было бы неверно думать, что конкретные жизненные проблемы, касающиеся таких вопросов, как власть, соперничество, зависть, ревность, обман, сексуальность и любые проявления эгоцентризма, могут быть решены путем принятия ценностей, проистекающих из восприятия жизни как некоего цельного полотна.

Однако если реальная жизнь соткана из индивидуальных обособленных существований, то попытки решить ее проблемы, обращаясь к ценностям, почерпнутым из другой системы абстрактных понятий (из мира Единства), могут привести лишь к недоразумениям и парадоксам. Степень открытости и закрытости человека в существенной степени определяется им самим — он инстинктивно определяет, что можно принять, а что следует отбросить. Это помогает ему защитить свой внутренний мир и сохранить индивидуальную целостность. И только благодаря наличию различий между индивидами существует почва для оценок, сравнений и суждений. Поскольку, взаимодействуя друг с другом и сталкиваясь с различными жизненными обстоятельствами, люди вынуждены давать оценки, выносить суждения и выявлять различия, ясно, что бессмысленно бороться с этим, просто объявив, что ес-

⁷ См. главу «Фундаментализм и потребность в уверенности». (346:)

⁸ Более подробно отношения между общностью и разнообразием, а также вопрос, почему идеология общности не может решить проблемы индивидуальной жизни, рассматриваются в книге «Контроль». (347:)

ли человек хочет соответствовать идеалу, он не должен ни о ком и ни о чем судить. Дело в том, что люди судят о чем-либо постоянно. Сравнение и суждение — это обязательная составляющая умственной работы, необходимой для классификации предметов и явлений, и именно от ее результатов зависит выживание человека. Поэтому довольно нелепо отдавать предпочтение идеологии Единства, поскольку из нее следует, что лучшее суждение — это отсутствие всяческих суждений. (348:)

Такие нелепости в изобилии встречаются в трудах мистиков, где множество кажущихся парадоксов возникает из-за смещения уровня личностной идентификации — от маленького индивидуального «я» до «Я» всеобъемлющего. Мистическое переживание общности обладает свойством вечности. Как легко перенести это качество на себя и сказать: «Я как личность вечен». Данная установка оправдывает любую теорию существования загробной жизни, в том числе и теорию кармы-перерождения⁹.

Переживание лежащей в основе бытия общности может существенно изменить отношение человека к повседневной жизни, а также к проблеме умирания и смерти. Оно может усилить способность сострадать и сопереживать и дарует возможность почувствовать себя участником вечной драмы. Кроме того, это ощущение может придать остроту кажущемуся парадоксу, заключающемуся в утверждении, что любой из нас — не более чем песчинка разума во Вселенной и в то же время — ее центр. Можно утверждать, что Бог — это все мы; думать так очень приятно, но не следует при этом отказываться от своей человеческой природы со всеми ее кажущимися слабостями.

Поскольку все, что принято считать научным или логическим доказательством, не приложимо к духовной сфере, проблема Единства никогда не подвергалась серьезной критике. С нападками со стороны откровенно дуалистических систем (монотеизм) удастся справиться довольно легко, потому что Единство принадлежит к более высокому уровню абстракции. С другой стороны, монотеизм может вместить все желаемые атрибуты политеистических богов в единого Бога, более абстрактного и недоступного, чем боги политеизма. Чтобы политеистических богов можно было отличать друг от друга, каждого из них приходится наделять отличительными чертами и особенностями; то же относится и к их сферам власти и влияния. Монотеизм создал новый принцип власти, включив все ее разновидности в одну абстрактную категорию — всемогущество. То же самое произошло и со знанием, которое превратилось во всеведение, и с добродетелью, ставшей совершенством. Находясь на более высоком уровне абстракции, монотеизм легко справляется с трактовкой идеей политеизма, тогда как политеизму это не под силу. Аналогичным образом, монотеизм как представитель более низкого уровня (349:) абстракции по отношению к идеологии Единства испытывает сложности с объяснением последнего¹⁰.

Пантеизм, который просто отождествляет весь мир с Богом, представляет собой еще более высокий уровень абстракции, поскольку полностью избавляется от дуализма. Откровенный пантеизм может привлекать умы своей простотой и внутренней последовательностью, однако ему свойственны серьезные затруднения морального плана. Если все есть Бог, то как же тогда одни поступки Бога могут быть лучше или хуже других? Как может одно качество (любовь) быть лучше какого-либо другого (например, алчности)? Идеология Единства именно для того и содержит в себе скрытый дуализм, чтобы можно было поставить некоторые проявления Единого выше других. И все же Единство — понятие более высокого уровня абстракции, чем монотеизм, поскольку владеет почти идеальным способом разделения духовного и материального. Единство может включать монотеизм в свою систему ценностей, тогда как монотеизм, по определению, лишен каких-либо других способов взаимодействия с общностью всего бытия, кроме ее отрицания. Вот практический пример: индуизм может признать Христа одним из аватара (чистым воплощением Бога) и, таким образом, одним махом принять христиан под свои знамена.

Некоторые мыслители Востока с давних пор осознавали, что большинство концепций Единства таят в себе скрытый дуализм. Способ, которым они пытались примирить это противоречие, сводился к использованию парадоксов, внушавших неким таинственным образом мысль, что части некоего целого отдельные и в то же время не отдельные. Примером могут служить высказывания типа: «Одно есть Много» (в формулировке индуизма) и «Нирвана есть самсара» (что, в терминологии буддизма, означает: «Пустота есть мир форм»). Логические построения, которые касаются событий, происходящих на разных уровнях, но не выходящих за их границы (здесь разные уровни представлены общностью и разнообразием), не вызывают ощущения парадоксальности. Парадокс возникает, когда мы в своих рассуждениях перескакиваем с одного уровня на другой, и в этом случае он может быть полезен, поскольку служит индикатором такого скачка, — если только к парадоксу не прибегают (350:) специально с целью прекратить дальнейшие расспросы, что бывает довольно часто. Проблема подоб-

⁹ Более подробно природа этого парадокса рассмотрена в главе «Атака на разум», а также в главе книги «Контроль», посвященной карме и перерождению. (349:)

¹⁰ Взаимосвязь между властью и четырьмя основными стадиями религиозной абстракции показана в главе «Власть абстракций». (350:)

ных концепций в том, что они представляют общность как нечто более реальное, чем разнообразие. При этом представление о просветлении по-прежнему базируется на отказе от «эго» и отождествлении себя только с одной из его сторон. При этом упускается один момент: если общность не более реальна, чем многообразие, то, как и в случае с пантеизмом, этика отрешенности, основанная на приоритете общности, ставится под сомнение.

Идеология Единства создает свой скрытый дуализм, придавая целому больше святости или реальности, чем его частям. Сакрализация понятия общности переносит ее в другую сферу — духовную, при этом возникает необходимость в жертвоприношении во имя этой святости. Когда высшей добродетелью объявляется бескорыстие, то духовный путь становится практикой, которая должна способствовать его развитию. Трудность проверки этой идеологии довершается тем, что обещанное воздаяние даруется после смерти. Абсолютно светская идеология (например, марксизм), требующая, чтобы «единицы» жертвовали собой во имя целого, не может позволить себе такую роскошь¹¹. Если воцарение этой идеологии не приведет в течение нескольких поколений к улучшению качества жизни, то такая идеология потеряет доверие и потерпит крах. И все же было бы серьезным упущением не интересоваться отдаленными последствиями любого мировоззрения, каким бы иррациональным оно ни казалось.

Существующая около трех тысячелетий восточная идеология Единства (один из самых длительных в истории экспериментов) берет свое начало в Упанишадах. Одно из отличительных свойств этой идеологии состоит в способности присущей ей системы морали выполнить то, для чего она была создана, а именно: устранить или хотя бы уменьшить разобщенность и эгоизм. Однако этой почти безупречной морали отрешенности до сих пор не удалось окончательно преодолеть эгоизм. Обычно это объясняют тем, что люди либо не приложили достаточно усилий для достижения данной цели, либо сами недостойны ее. («Всеми человечеству следует больше работать над своей кармой».) По нашему мнению, эта мораль потерпела фиаско не потому, что люди недостаточно хороши, а потому, что (351:) соответствующая ей система взглядов создает идеалы, достичь которых невозможно, и, таким образом, обрекает людей на неудачу, рождающую недоверие к себе. Не стоит недооценивать тот факт, что, просуществовав столь долгое время, она не смогла хотя бы уменьшить разобщенность между людьми.

Отнюдь не случайно идеология Единства родилась и получила развитие в рамках самой высокоорганизованной и внутренне раздробленной культуры — в Индии. Кастовая система, представляющая собой жесткую иерархию с регламентированными привилегиями, продемонстрировала один из самых могущественных и жизнестойких способов разделения людей. Мораль проста: люди выполняют возложенные на них обязанности и стараются искоренить в себе эгоизм; попутно они обретают «благоприятную карму», получая в награду новые все более удачные жизни. Каста, в которой рождается человек, есть производное его кармы. Объявление разобщенности иллюзией помогает жить как имущим, так и неимущим: привилегированные касты пользуются этим, чтобы отгородиться от окружающей нищеты, а низшие касты — чтобы легче сносить свое жалкое существование. Привилегированные счастливицы как бы говорят беднякам: «Смирись с судьбой, которую вы заслужили, и тогда в следующей жизни вам повезет больше». Именно отсюда проистекает глубокая людская покорность, характерная для рассматриваемой системы. Категория иллюзии выполняет роль космической мусорной свалки, куда можно выбросить все, что вам не нравится, или все, от чего вы хотели бы избавиться, — нужно только объявить сбрасываемое нереальным.

Холизм и взаимосвязанность

Теории общности завоевывают все больше сторонников, поскольку становится очевидным, что разобщенность и бездумный эгоизм — первостепенные причины превращения Земли в планету, непригодную для жизни. Модель Единства привлекает всех, кого волнуют вопросы экологии и мира, потому что она, как кажется на первый взгляд, заставляет людей осознать, что все в мире взаимосвязано, а именно это необходимо для благополучия планеты. Опасность холистического мышления заключается в том, что в этой схеме мироздания не находится равноправного места для обособленности. (352:)

В рамках философии холизма существует направление, утверждающее, что все предметы и явления в едином космосе столь тесно взаимосвязаны, что любое изменение в любой его части влияет на все остальное. При таком подходе все существующее рассматривается как гигантская подвижная система (мобайл), приходящая в движение от малейшего прикосновения. Если следовать логике холизма буквально и воспринимать эту теорию всерьез, то придется поверить, что движение песчинок на морском берегу может стать причиной или следствием, скажем, пожара в Бронксе или взрыва дале-

¹¹ В книге «Контроль», в главе, посвященной коммунизму, показано, что он использует старую религиозную этику, превозносившую самопожертвование. (351:)

кой звезды, — к такого рода предположениям приводит признание превосходства целостности над разнообразием.

Тяга к подобному «горизонтальному» холистическому подходу нередко свидетельствует о наличии скрытой антииерархической политической установки. Для иерархических концепций характерно «вертикальное» мышление, подразумевающее формирование и поддержание всевозможных барьеров и границ — признака разобщенности. Преобладание такого подхода и присущих ему оценок служит обоснованием царящего в мире неравноправия («я лучше тебя»). Поэтому в борьбе за справедливость очень соблазнительно бывает попытаться разрушить вертикальную структуру и иерархию. Однако, на наш взгляд, это может стать лишь очередной попыткой действовать по принципу или-или, отрицая реальность обособленности и межличностных барьеров. Не признавать, что подобные границы действительно существуют и что без них жизнь была бы невозможна, — значит отрицать реальные взаимоотношения, ибо отсутствие границ означает отсутствие субъектов отношений¹².

Любые взаимоотношения между любыми системами основываются на горизонтальных и вертикальных связях, а любая система обладает определенными границами, которые могут пересекать другие системы, расположенные выше, ниже или на одном с ней уровне. Так например, молекулы, входящие в состав клетки, находятся на более низком по сравнению с ней уровне, в то время как орган живого существа, в состав которого эта клетка входит, находится на более высоком уровне, и т.д. Человеческое существование можно рассматривать как иерархию взаимодействующих систем — от субатомной до общественной. Очевидно, что наиболее тесные (353:) взаимоотношения возникают между смежными системами, границы которых постоянно пересекаются.

Однако вовсе не обязательно, чтобы все происходящее в системе выплескивалось через ее границы, воздействуя на смежные системы. Так, брошенный в озеро камешек вызывает появление волн, которые вскоре исчезают, даже не достигнув берега и не оказав никакого влияния как на сам водоем, так и на живущих в нем рыбок.

Данное утверждение совсем не означает, что движение камешка или песчинки не может иметь далеко идущих последствий. Но это значит, что границы систем реальны и воздействия действительно могут быть локализованы или ограничены. Фактически одна из первоочередных функций границ и состоит в том, чтобы защищать находящееся внутри от ненужного или случайного вмешательства извне. Само по себе утверждение, что все взаимосвязано, не объясняет, как именно все взаимосвязано, какие предметы или явления оказывают большее влияние, нежели остальные, а какие вообще никак не влияют друг на друга. Если бы гигантский метеорит уничтожил Землю, то Солнце, вероятнее всего, уцелело бы, но не наоборот.

Будь все так тесно взаимосвязано, как в мобайле, трудно было бы найти место для человеческой свободы ведь чтобы свобода могла стать реальной, необходима определенная степень обособленности¹³. В любой системе вертикальность и горизонтальность неразрывно связаны (одно имеет смысл только по отношению к другому, и наоборот). И хотя в данной книге подвергаются критике авторитарные иерархии (вертикальность) и одобряется принцип равенства людей (горизонтальность), мы не собираемся исключать или принижать вертикальные структуры в угоду горизонтальным. Подвергнуть равенство и иерархию диалектическому преобразованию, вместо того чтобы подходить к ним как к взаимоисключающим категориям типа или-или, — один из способов лишить иерархию авторитарности, сохранив при этом ее служебную роль¹⁴.

Некоторые современные буддийские теории используют принцип взаимосвязанности с присущей ему «бесшовной» целостностью бытия, чтобы продемонстрировать иллюзорность границ. Неслучайно (354:) сторонники такого рода целостности используют статичное существительное «связанность» — производное от пассивного безличного причастия (связан). Это позволяет им заявить, что связанность не предполагает существования двух, субъектов и не содержит обособленных элементов или компонент. При этом они не хотят замечать, что существительное «связь» и активный глагол «связывать» подразумевают наличие чего-то, что вступает во взаимодействие, а следовательно, существование реальных границ, индивидуализирующих и обособляющих эти субъекты.

Для установления связи необходимы контактирующие друг с другом различные предметы или системы, обладающие границами (пусть даже проницаемыми и подвижными). Бессмысленно говорить о связи, если нет границ и некоторой степени обособленности. Хотя Вселенная может состоять из иерархий взаимосвязанных и перекрывающихся систем с неустойчивыми границами, все же у

¹² Проблемы взаимоотношений в условиях далеких от жизни идеальных представлений об открытости и закрытости рассматриваются в главе «Любовь и контроль». (353:)

¹³ В книге «Контроль» в главе «Кто я — живой человек или робот? Свобода воли и детерминизм в карме» объясняется, почему в отсутствии обособленных личностей свобода становится бессмысленной.

¹⁴ Более подробно этот вопрос рассматривается в главе «Свобода и равенство» («Контроль»). См. также раздел «Авторитет, иерархия и власть». (354:)

каждой системы такие опознавательные границы существуют, и они позволяют ей устанавливать связь с другими системами. Без этого Вселенная была бы одним огромным неструктурированным объемом — чем-то, напоминающим буддийское представление о Пустоте.

Буддийская концепция Пустоты утверждает, что абсолютная реальность лишена каких бы то ни было отличительных черт и по сути своей идентична понятию Единства. Вместо индуистского представления об иллюзорности мира (майя) буддизм выдвигает утверждение о всеобщей изменчивости, превращая в иллюзию постоянство, а значит, и личность. Оба учения служат одной и той же цели — отрицанию обыденной реальности (мира индивидуальных форм). Первейшая задача буддизма — избавление от страданий — сопряжена с избавлением от индивидуального «я», поскольку страдания связаны с его «нереальными» границами. Объявление всеобщей взаимосвязанности главной реальностью в мире изменчивых форм есть попытка избавиться от субъектов, которые вступают в связь (и страдают), а заодно и от менее привлекательной в эмоциональном плане традиционной концепции Пустоты. На деле это не что иное, как все тот же скрытый дуализм в мире реальности и иллюзий, какие бы названия ему ни давали.

Чередование процессов объединения (синтеза) и разъединения (распада) во Вселенной указывает на то, что разделение и обособленность по меньшей мере столь же реальны, сколь и (355:) взаимосвязанность. Это означает, что мироздание имеет «швы», и проблемы, порожденные эгоизмом, нельзя решить, свалив на него всю вину или отрицая его реальность. Все равно нам никуда не деться от простых истин: что бы мы ни ели, морковку или говядину, это подразумевает уничтожение одного для блага другого; люди живут за счет природных ресурсов, и когда население чрезмерно возрастет, оно уничтожит природные системы; разрушение и насилие — такие же составляющие мироздания, как созидание и любовь.

Древние изображения змея, пожирающего свой хвост, — это символ того, что единство включает в себя процесс самопоглощения и самоиспользования. Возникает вопрос: как это происходит, то есть как далеко распространяется забота и где та грань, за которой начинается использование? Мысль о том, что существу просветленному, реализовавшему себя или преодолевшему пределы своего «я» не нужно ничего знать о существовании этой грани, абсурдна, поскольку и перед ним всегда встают вопросы: «Что мне есть?» и «Что мне использовать для собственного выживания, для собственной выгоды, для собственного удобства, удовольствия или забавы?» Где проходят границы между заботой и использованием (два основных полюса обособленного бытия), которых мы решили придерживаться? От ответов на эти вопросы зависит очень многое, как для человека, так и для общества.

Ощущение взаимосвязи между людьми может быть очень мощным и ценным переживанием, помогающим облегчить страх и отчаяние. Но попытки сделать из него некую панацею, способную нужным образом изменить человеческое сознание, — всего лишь очередное свидетельство стойкости представлений о том, что все решает чистота помыслов. Некоторые даже считают, что безоговорочная любовь или сострадание — неперемное условие выживания человечества, то, без чего невозможен необходимый эволюционный скачок, и чем более бескорыстны эти чувства, тем лучше. Это уже рецепт, предписывающий людям, какими им следует быть, и показывающий, как можно измерить их гуманность. Здесь легко увидеть все ту же старую мораль отрешенности, клеймящую эгоизм, но только в замаскированном виде. Абсолютные стандарты, которые она выдвигает, авторитарны и иерархичны: чем больше любви, всепрощения и милосердия проявляет человек, тем он лучше. Такой прямолинейный подход не может учесть того, что открытость к (356:) контактам не всегда уместна, а границы и самозащита иногда нужны и выполняют созидательную роль¹⁵.

В то время как общность или взаимосвязанность объявляются святыней, сами люди и их насущные потребности не вписываются в рамки категории «святости». Выделение «святости» в отдельную категорию всегда приводило к созданию религий отрешенности, которые получали право определять и то, от чего необходимо отрешиться, и высшее благо, к которому приводит такая отрешенность. Идея высшей ценности жертвенности и самоотрешенности все еще является частью многих современных теорий, какими бы далекими от религии они ни были.

Каждая система морали вынуждена как-то определить свое отношение к эгоизму. С этим связаны проблемы индивидуального и коллективного выживания, а также неравномерного распределения власти и привилегий, что объясняется как генетическими, так и социальными причинами. Духовность, присущая мировоззрению Единства, создает высокие идеалы бескорыстной моральной чистоты, которые успешно работали в условиях авторитарных иерархий. Индуистские ашрамы, буддийские монастыри Тибета, центры дзэн-буддизма — все это авторитарные иерархии. Долг, послушание и жертвенность — вот основные ценности авторитарных структур, обеспечивающие их функционирование. Когда общность ставится выше разнообразия, будь то главенство «Одного» над «Многим»

¹⁵ О том, как «любовь без меры» превращается в мерило всех других разновидностей любви, см. главу «Любовь и контроль». (357:)

или государства над человеком, — всегда находятся те, кто, занимая более высокое место в иерархии, диктуют нижестоящим, что такое общность и чем во имя нее необходимо пожертвовать.

Отрешенность как накопительство

На первый взгляд тот факт, что все главные мировые религии основываются на морали отрешенности, кажется несколько странным, поскольку все они действуют в рамках культур, где накопление богатства, власти и престижа возводит людей на верхние уровни иерархии. Накопление представляется полной противоположностью отрешенности. Эта загадочное несоответствие становится понятным, если посмотреть на него как на результат постепенного расхождения (357:) интересов божественных и земных: накопление было именно той деятельностью, которая выводила человека вперед в мирских делах, тогда как отрешенность от мирских забот обеспечивала ему первенство в делах духовных. Как только общее направление человеческой мысли и поступков начало склоняться к модели накопления, этот подход незаметно стали применять по отношению ко всему, включая и отрешенность: появилась возможность, упражняясь в самопожертвовании, накапливать духовные заслуги.

Отрешенность — зеркальное отражение накопительства, но с такой же иерархической структурой, с той же идеей достижения определенных высот путем борьбы и расчета, со столь же честолюбивым менталитетом. Может показаться, что противоположна сама суть этих понятий (жертвенность в противовес приобретательству), но таково лишь первое впечатление, поскольку форма и внутренние структуры того и другого одинаковы. Мораль накопительства предлагает стандарты «правильности», что позволяет измерить степень «неправильности» (эгоизма, греховности или отрицательной кармы), а потом, прибегнув к жертвенности, накапливать заслуги. Забавно, что религии, провозглашающие отказ от накопительства, основаны на собирании и накоплении духовных заслуг, то есть являются по сути своей накопительскими. Перед нами всего-навсего очередной пример того, как принцип взаимосоисключения (или-или) порождает воинствующие противоположности, которые, пусть бессознательно, приводят именно к тому, с чем стараются покончить. Иерархический раскол между духовным (священным) и мирским порождает авторитаризм. Авторитарные иерархические структуры, в сущности, вырастают из отрешенности, всегда умеющей оправдать любую жертву во имя высшего идеала.

Духовный путь, являющийся составной частью идеологии Единства, подразумевает восхождение к просветленному состоянию путем культивирования бескорыстия. Этот путь, уже пройденный теми, кто пытался достичь просветления, изображается одинаковым для всех людей, независимо от исторической ситуации, в которой каждый из них находится. Рассматривая духовность вне истории, мы вырываем ее из эволюционирующей Вселенной. Если же, напротив, согласиться, что Единство встроено во Вселенную и также постоянно развивается, можно будет признать, что человеческая духовность изменяется, как и все остальное. (358:)

«Одно» и «Много», единство и разнообразие становятся противоположностями только в том случае, когда их делает таковыми мышление типа или-или. Диалектический принцип, отличающийся большей широтой, рассматривает их как взаимопроникающие полюса единого процесса существования¹⁶. Необходима такая точка зрения на духовность и мораль, которая не отдавала бы предпочтение одному из полюсов в ущерб другому. Провозглашение приоритета ценностей, почерпнутых из мистического переживания Единства, по отношению к другим ценностям приводит к созданию очередной дуалистической концепции типа или-или. Любопытно, что именно преодоление «двойственности» мировоззрения ставит себе в заслугу идеология Единства. Мистическое переживание не заканчивается ощущением общности, оно с него начинается. В дальнейшем оно должно быть естественным образом включено в равноправную реальность индивидуальной жизни отдельной личности.

Власть абстракций: Божественное слово и эволюция морали

«Вначале было Слово». Именно в распространении «Слова» или слов черпает силу религия. Человек вырвался вперед в процессе эволюции потому, что научился использовать свой сложный мозг, чтобы мыслить, запоминать и предвидеть будущее. Мы мыслим символами (словами), которые с помощью правил сочетания (грамматики) образуют язык. Способность мыслить символами и общаться на уровне символов стала тем эволюционным рубежом, перейдя который люди стали людьми.

Знание — сила, но еще более важная сила — язык. Именно благодаря словам создается, сохраняется и передается культура, поэтому слова — это то, что создает общее умонастроение, определяющее характерное для данной культуры восприятие реальности. Более того, слова побуждают людей к действию, воспаляя чувства предвидением успеха. Все исторические преобразования предваряют новые идеи, новые мысли, облеченные в слова. Поведение человека неотделимо от символов, формирующих его культурную среду, его мировоззрение. Огромное разнообразие человеческих обществен-

¹⁶ Подробнее о Единстве и диалектическом подходе авторов говорится в главе «Власть абстракций».

ных систем по сравнению с такими же системами других общественных животных стало возможным только благодаря языку. (360:)

Абстракции и власть

С властью, которую дает язык, тесно переплетена способность к абстракции. Может показаться, что рассуждения о способности ума к абстрактному мышлению к теме не относятся. Однако абстракции не только влияют на нашу повседневную жизнь, но и являются одним из важных источников власти. Каждое мировоззрение определяется собственной системой абстракций, и не случайно именно они используются для контроля над людьми. Религии создали наиболее мощные, убедительные и долговечные системы абстракций — системы, которые и по сию пору лежат в основе морали даже самых далеких от религии сообществ. В этой главе показано, как эволюция абстракций позволила религиям усилить свое влияние, сделав мораль более абстрактной, и как путем изменения системы символов можно воспитать неавторитарный подход к морали.

Нарицательное существительное «тигр» представляет собой абстракцию, включающую в себя всех конкретных тигров путем выделения общего и важного для них и отбрасывания того, что кажется несущественным (размер, окрас, пол и т.д.). Одно из философских значений глагола «абстрагироваться» — не принимать во внимание. Таким образом, абстрагируясь, мы не принимаем во внимание все, что является несущественным для смысла данного слова, то есть все индивидуальные особенности. По мере расширения круга игнорируемых особенностей уровень абстракции повышается: слово «животное» пренебрегает весьма большим числом особенностей и потому является более общим, чем слово «тигр». Тигр, как и любое имя нарицательное, обозначает абстрактный класс, куда, в данном случае в качестве членов, входят отдельные особи. Используя это слово, мы прибегаем к абстракции, а способность к абстрагированию значительно усиливает нашу власть. Теперь мы можем попросить других помочь нам охотиться на тигров или защитить от них.

Изобретение земледелия привело к одному из величайших скачков в истории человечества: люди получили возможность накапливать и хранить запасы пищи. Это имело колоссальные последствия. Человек освободился от необходимости непрерывно добывать пищу, перед ним открылся простор для специализации, то есть возможность заниматься разными видами деятельности. В результате стало возможным накапливать излишки продуктов питания и других (361:) ценностей и торговать ими. Тот, кто «владел» излишками или, точнее говоря, контролировал их использование и распределение, приобретал значительную власть над другими людьми. Если у меня избыток пищи, а у тебя — недостаток, то я могу «заплатить» тебе ею, чтобы ты сделал все, что мне нужно (в том случае, если я достаточно силен, чтобы не позволить тебе отнять ее у меня). Есть и иная возможность: я могу «нанять» людей, чтобы они меня защищали. Осталось сделать всего один маленький шаг, чтобы понять: иерархии власти позволяют одному человеку (или небольшому числу людей) контролировать всех остальных. С возникновением системы накопления иерархическое построение властных структур, когда на вершине пирамиды власти стоит авторитет, стало новым принципом организации общества. Оно пришло на смену традициям более ранних эгалитарных сообществ, в которых группа была единым целым.

Для успешного функционирования иерархии необходимы все более высокие уровни абстракции. И дело не только в том, что концепция иерархии сама является абстракцией. Появилась необходимость выделять людей в отдельные категории — классы и касты, в свою очередь тоже являющиеся абстракциями. Накопление повлекло за собой специализацию, а вместе с ней и резкое повышение значимости ролей. отождествление человека с ролью — это абстракция. Мы предполагаем, что создание иерархий, отдавших власть в руки относительно небольшого числа людей, было быстрым (а возможно, и неизбежным) путем к значительному усилению превосходства человеческого рода. Сложное разделение труда для выполнения, разных задач требовало обязательной координации. Кроме того, должен был существовать способ обеспечить такое положение, чтобы каждая специальность, необходимая обществу, приобреталась на длительный срок. Авторитарная иерархия в сочетании с самодостаточными системами веры была, вероятно, самым простым и быстрым способом обеспечить сплочение и контроль, необходимые для появления более сложных типов общественного строя.

Таким образом, накопление обусловило необходимость усложнения абстракций, что, естественно, потребовало дальнейшего усиления власти. Прежде всего, нужно было учитывать накопленное. Появление счета, а потом и математики позволило людям манипулировать абстрактными символами, которые можно было использовать и для других, более широких целей. Генерал мог сказать своему (362:) королю: «Чтобы выиграть войну, мне нужно еще 2000 солдат», после чего король призывал под свои знамена 2000 молодых. Эйнштейн, оперируя предельно абстрактными понятиями, смог прийти к выводу, что материя и энергия (также являющиеся абстракциями) взаимосвязаны и преоб-

разуемы. Результатом этого открытия стал «атомный век», когда власть не просто усилилась до небывалых пределов, но изменился сам способ ее использования.

Историю человечества можно рассматривать с точки зрения реализации все более усложняющихся абстракций. Соответственно, требовались все более квалифицированные специалисты, способные истолковывать эти абстракции и манипулировать ими в самых разнообразных сферах: в религии, науке или на бирже. Ценность — это абстракция. Придание символической ценности металлам, камням, монетам, бумажным деньгам, кредитным карточкам, акциям и облигациям подразумевает использование все более высоких уровней абстракции для обеспечения все более сложных форм обмена. Таков еще один способ достижения власти. Законы природы — это абстракции, так же как понятия добра и зла, моральные устои и мировоззрения — все, что регулирует человеческие взаимоотношения. Правила, так же как и культурные роли, — это тоже абстракции.

Сила абстракции определяется ее уровнем: чем он выше, тем более широкий круг частных случаев она охватывает. Неудивительно, что религии черпали силу в священных символах и образах божественного присутствия. Постепенно религиозные символы становились все более абстрактными, обретая способность подчинять себе новые области неведомого, а также становиться основой все более абстрактной морали, которая могла контролировать все большее количество людей. Мораль нуждается в определенной системе взглядов, способной объяснить, почему все устроено именно так, а не иначе, и почему люди должны воспринимать моральные нормы всерьез. По мере того как взаимодействие между людьми все больше усложняется, мировоззрение должно становиться все более абстрактным, чтобы справляться с возникающими сложностями.

Религии — это самые древние, самые консервативные и долговечные системы символов. Их мифы, образцы для подражания и моральные заповеди глубоко укоренились в культуре. Каким бы далеким от религии ни казалось общество, религиозное наследие по-прежнему оказывает влияние на его мировоззрение и ценности. Если (363:) какая-либо из господствующих религий начинает терять авторитет, это чревато серьезными историческими изменениями. Их следствием становится борьба между старым и новым за право контролировать системы символов — борьба между фундаменталистами, ревизионистами, сторонниками отделения церкви от государства и пророками всех мастей. На протяжении веков подобные столкновения случались не раз¹.

Эта глава посвящена эволюции абстракции в религии и ее влиянию на общество. Мы ограничимся только четырьмя главными, на наш взгляд, этапами осмысления духовного и рассмотрим анимизм, политеизм, западный монотеизм и восточную концепцию Единства. Мы не пытаемся изобразить историю религиозной абстракции в виде четкой эволюционной прямой. Начало подлинной эволюции религиозной мысли теряется во мгле истории. Однако мы исходим из того, что появление абстракций высших уровней было бы невозможно без существования более простых символов, на которых они могли бы основываться. Эйнштейн оперирует более абстрактными понятиями, чем его предшественники, но для построения своей теории он должен был опираться на созданные ранее абстрактные категории материи и энергии. Точно так же, прежде чем человек пришел к монотеизму, в его сознании уже должны были существовать боги политеизма. Это не значит, что указанные этапы всегда следуют друг за другом в строгом порядке: какой-то из низших уровней может быть пропущен благодаря контакту с более высоким уровнем.

Попробуем вкратце охарактеризовать каждую ступень.

Анимизм видит в силах природы и природных объектах отдельных духов, благодаря чему вся природа воспринимается в какой-то мере одушевленной и исполненной смысла². Считается, что духи, эти своенравные создания, действительно живут в ветре, дереве, горе, огне, медведе и т.д. Племенные или шаманские «природные религии» даже в наше время сохраняют анимистический оттенок.

Политеизм признает множество духов или богов, представляющих собой природные силы высшего порядка. Хотя считается, что они контролируют природу или воздействуют на нее с какой-то обособленной, вышестоящей позиции (во всяком случае, по (364:) сравнению с анимизмом), они по-прежнему глубоко связаны с природой. Здесь назревающее противопоставление мира духовности миру природы все еще остается частичным и размытым. (Окончательно, хотя и несколько поразному, этот дуализм проявился в западном монотеизме и восточной идеологии Единства.)

Монотеизм выдвигает идею существования одного-единственного всемогущего Бога, который не только является творцом и повелителем природы (и всего остального), но и коренным образом отличается от нее. Здесь дуализм, заключающийся в отделении духа от природы, становится абсолютным.

¹ Характерные для религии конфликты между новым и старым показаны в главе «Фундаментализм и потребность в уверенности».

² Слово «анимизм» произошло от латинского *anima*, что значит «дух». (364:)

Восточная идеология Единства рассматривает дух как нечто недифференцированное и нелокализованное. Истинной реальностью считается единство всего сущего. Дуализм в отношении к духу и природе возникает либо из-за того, что природа, материя и сама жизнь объявляются иллюзией (майя), либо в результате того, что природе придается статус более низкого уровня реальности.

В этой книге мы опустили целый ряд более мелких, второстепенных стадий, переходов, переплетений и различий в процессах становления основных религий. Если принять во внимание, что любая религиозная мораль исходит из неизбежности воздаяния за совершаемые поступки, становится понятно, почему религия — это та область, где люди особенно склонны подстраховаться. Это превращает ее в самую консервативную сферу культуры, так что возникающие новые религиозные формы часто просто накладываются на уже существующие. Вот почему в современных религиях — иудейско-христианской, мусульманской, индуистской и буддийской — все еще можно обнаружить остатки анимизма и политеизма³.

От анимизма к политеизму: конкретные абстракции идолопоклонства

Вероятнее всего, люди очень рано стали считать, что природные силы действуют преднамеренно, с определенной целью — это объясняется склонностью ума везде искать сходные причины. А отсюда совсем недалеко до веры в то, что силы природы и природные объекты (солнце, погода, животные, скалы, деревья и т.д.) служат (365:) вместилищами духов. Когда люди «заселили» невидимыми силами или духами всю природу, различия между «естественным» и «сверхъестественным» почти стерлись. Духи деревьев были частью деревьев, дух ветра странствовал вместе с настоящим ветром и т.д.

Анимизм возник в те времена, когда люди практически не имели возможности контролировать природу и были беззащитны перед ее силами, задававшими ритм их жизни. Анимистическое мировоззрение отчасти было способом установить некое равновесие сил между людьми и другими составляющими природы. Сама суть анимизма свидетельствует о том, что люди воспринимали себя как животных среди других животных, как силу среди других сил, с которыми необходимо считаться. Люди чувствовали себя частью природы, причем частью неотъемлемой и уязвимой, и испытывали страх и благоговение перед ее тайнами и мощью. Наделяя силы природы определенным смыслом, люди как бы получали возможность до некоторой степени влиять на природные явления посредством магических и умиротворяющих действий и ритуалов. Потребность в этом понятна — жизнь людей слишком сильно зависела от таких природных явлений, как снег, дождь, огонь и т.д.

Мы полагаем, что в эпоху раннего анимизма природа еще не понималась как абстрактная идея, поэтому использовать понятие «поклонение природе» можно только с позиций современного мировоззрения. До тех пор, пока природу не противопоставляют чему-то другому, например, культуре или сверхъестественному, это понятие не имеет смыслового значения. Само поклонение также подразумевает более осмысленное отношение к божественному, при котором священное в какой-то мере выделяется из природы, попадая в категорию «Иное»⁴.

В отличие от более поздних символов, которые стали олицетворять собой качества, абстрагированные от природы, анимистические символы, по-видимому, рассматривались как дополнение к тому, что изображали, а следовательно, обладали той же сущностью или подлинностью, что и сам объект. Например, вероятнее всего, считалось, что пещерные изображения животных обладают магической связью с самими животными, так же как имена в каком-то смысле были частью (а не просто заменой) сущности и силы своих носителей. Мы согласны с распространенным мнением, что анимистические (366:) символы, как изображения, так и имена, считались наделенными благожелательными магическими силами, которые можно было привести в действие, вступив в контакт с этими символами. Достаточно было нарисовать стрелу, пронзающую изображение животного, чтобы это могло его убить; достаточно узнать имя человека, чтобы обрести некоторую власть над ним⁵.

Первым и, возможно, самым важным шагом на пути становления религии было превращение «духов» (невидимые силы природы) в богов путем абстрагирования, то есть отделения их от природы и придания им облика и индивидуальности, иными словами — самостоятельного существования. Это привело к рождению политеизма — мировоззрения, через которое прошли все древние цивилизации. Возникло представление, что за ветром, например, скрывается некая сила, сотворившая все ветры. Таким образом, от стихии ветра абстрагировался бог ветра, управлявший ею, но вовсе не обязательно присутствовавший в каждом отдельном ветре. Различие между «скрывается за чем-то» и «скрывается внутри чего-то» может показаться весьма незначительным, но именно здесь проходит водораздел, позволивший религии создать поклонение и контроль. Между попыткой умиловить и контролиро-

³ Мы имеем в виду веру в разнообразных существ, обладающих сверхъестественными силами, — в богов, ангелов, демонов, бесов, духов, святых, бодхисаттв и т.д. (365:)

⁴ О связи между поклонением и властью см. главу «Сатанизм и культ запретного». (366:)

⁵ Более подробно это изложено в книге «Контроль», в главе, посвященной анимизму. (367:)

вать бога ветра и сам ветер есть существенная разница. Как только бог абстрагируется от своей стихии, его обязательно начинают наделять человеческими или сверхчеловеческими чертами (в том числе и полом). В этом случае легче понять его побуждения. Кто знает, что на уме у своенравного ветра? Зато бога ветра мужского пола может интересовать то же, что и всех мужчин: секс, девственницы, еда, богатство, власть, поклонение. Поэтому, чтобы добиться его расположения, можно принести ему жертву, а о его потребностях узнать через жрецов.

Различие между «за» и «в» содержит в себе первые ростки будущего раскола между естественным и сверхъестественным, между материей и духом. В эпоху раннего политеизма было положено начало разделению на священное и мирское, когда в процессе абстрагирования священного от природы произошел перенос основного смысла жизни за пределы самой жизни.

Боги и богини, созданные в процессе первых религиозных абстракций, были совершенно конкретными, то есть абстрагированные от природы качества воплощались в священных персонажах, (367:) наделявшихся человеческими свойствами и человеческим обликом или обликом животного, но с человеческой сутью. Потом эти персонажи досконально воплощались в росписях и скульптурах. Как только бог получал конкретную форму, его можно было связать с определенным местом. Считалось, что ранее божества обитали в особых святых местах, а позже — в посвященных им храмах, в виде идолов. Как только их местонахождение становилось известно, возникала возможность обращаться непосредственно к ним, используя подношения, жертвы, ритуальные и культовые обряды. Хотя боги стали олицетворять собой иной порядок бытия, они все еще оставались тесно связанными с природой. Они жили в природе — на земле, на небе, в воде, в подземном мире — и проявлялись в природных явлениях.

Во времена политеизма считалось, что боги ведут себя почти как люди, разве что обладают большей мощью и необыкновенными качествами. Наделение богов конкретными чертами подразумевает такой уровень абстракции, когда эти черты проявляются более ярко, чем у обычных людей (что и делает их богами). Творимые по образу и подобию человека, божества могли проявлять жалость, сострадание, гордость, гнев, мстительность, похотливость, родительскую любовь и т.п. Как и люди, они могли быть капризными, склонными оказывать покровительство или ненадежными. Считалось также, что они соперничают друг с другом, зачастую прибегая при этом к не очень-то честным приемам. Таким понятным и доступным божествам легче поклоняться, приносить жертвы и возносить хвалы, их легче улаживать и уговаривать, их легче винить. И, что важно, теперь для прямого контакта с ними можно использовать язык — в виде молитв, гимнов, плачей, обетов и т.д. При этом некоторые особые слова начинают возводиться в ранг священных.

Мы рассматриваем главным образом политеистические религии древнего Ближнего Востока (Шумера, Месопотамии, Египта), где зародилась письменность. С ее возникновением процесс абстрагирования ускорился, поскольку стало возможным совершенствовать и развивать уже существующие концепции. Кроме того, «начертанное слово» позволяло контролировать большее число людей, распространяя среди них божественные повеления. Политеистические культы, как правило, обладали обширным пантеоном богов (в Древнем Египте их насчитывалось более двух тысяч), каждый из которых обладал своими возможностями, обязанностями и целями. В (368:) современном понимании ближневосточные божества представляли собой владык, чьи храмы были мощными, независимыми экономическими подразделениями — обширными владениями, где порой трудились тысячи человек и где создавались и распределялись продукты питания и другие средства существования. Считалось, что люди созданы для единственной цели: служить богам, освобождая их от физического труда. Симбиотические отношения хозяин-слуга стали отражением ранней городской иерархии. Боги зависели от людей, удовлетворявших их очень схожие с людскими повседневные потребности (в еде, одежде, омовении и т.д.), люди же зависели от богов, обеспечивавших как их личное благосостояние, так и благосостояние государства. Ничего нельзя было сделать без благоволения божества. Служение стало необходимым условием обретения божественной милости.

Абстракции раннего политеизма обладали конкретностью в самом что ни на есть буквальном смысле этого слова — люди поклонялись идолам (статуям, изображениям), считая, что в них на самом деле обитают божества. Когда богов много, единственная возможность отличить их друг от друга — наделить их различными характерными чертами. Эти черты можно изобразить, и тогда картина или статуя легко превращается во вместилище божества. От ранних анимистических амулетов и росписей до идолопоклонства — всего один шаг. Объекты поклонения в обоих случаях воспринимались как нечто «реальное», а не просто как некий символ. Но если наскальная роспись, как полагали наши предки, имела магическую связь с настоящим животным (а позже, вероятно, с его духом), то идол уже воплощал абстракцию, идею, но благодаря ему символ как бы оживал. Серьезным недостатком таких конкретных абстракций была необходимость охранять идола, потому что в случае его захвата или уничтожения божественная защита оказывалась утраченной, что подрывало моральный дух поклонявшихся ему людей.

Абстракции политеизма способствовали чрезвычайному росту могущества правителей, поскольку государь как жрец высокого ранга становился посредником в общении с богами или (как египетские фараоны) сам считался настоящим божеством. Ранний политеизм положил начало длительному процессу, в результате которого создание священных абстракций перестало быть делом простых людей. Государственные религии, неизменным компонентом которых (369:) стали официальные посредники между людьми и богами, породили класс религиозных профессионалов, хранителей Слова, — только они одни знали, как следует обращаться к божеству. Они же обнародовали повеления богов и объявляли, какое наказание постигнет тех, кто откажется им повиноваться. Письменность была особым, элитарным достоянием специальных служителей (жрецов), которые расшифровывали и истолковывали священные тексты (а также их создавали). Когда священное слово буквально высечено в камне, оспаривать его нелегко — для этого были необходимы официальные исправленные версии, также высеченные в камне. Такие исправления позволяли реорганизовывать пантеон богов в соответствии с изменениями политической власти. Религиозная элита в союзе с правителями получила монополию на создание системы религиозных символов — основы мировоззрения, которому подчинялись все остальные системы общественных символов. Так складывалась симбиотическая связь между религиозной и политической властью, в которой религия подтверждала право правителя на власть, а правители узаконивали право религии подтверждать ее.

Иерархичность и расширение сферы светской власти получили дополнительную поддержку с возникновением новых религиозных представлений о нравственности. В анимистических культурах законы, которым подчинялось общество, проистекали из традиций, унаследованных от предков. За время долгого господства политеизма мораль все чаще искала опору в религии. Боги стали олицетворять абстрактные нравственные понятия: доброту, милосердие, справедливость, порядок, снисходительность, воздаяние и проч. Это положило начало формированию абстрактной системы морали, получившей наиболее полное развитие в главных религиях, существующих и поныне, благодаря чему они стали основой современной нравственности.

Становясь все более абстрактной, религия одновременно становилась более принципиальной. Разные принципы боролись за то, чтобы считаться главенствующими и сформировать иерархию ценностей, определив, например, чьи слова должны пользоваться наибольшим авторитетом или какие из богов самые справедливые и могущественные. Еще одним важным шагом к более высокому уровню абстракции стали поиски и осмысление некой высшей силы, стоящей за сонмом богов. В ранних мифах о сотворении мира некая (370:) потусторонняя сила, часто женская, приводила в движение все мироздание, но на этом ее влияние заканчивалось. По мере милитаризации общества появилась тенденция приписывать функцию сотворения всех богов единому могучему Богу-творцу, распределившему затем между ними полномочия и сферы влияния. На этом этапе пантеон политеизма приобрел структуру божественной иерархии власти, которая не случайно напоминает королевский двор с монархом во главе.

В течение тысячелетий и боги и богини обладали одинаково широким диапазоном полномочий и не дискриминировались по половому признаку. Жрицы часто бывали столь же всемогущими, как и жрецы; нередко они стояли во главе храмов, посвященных божествам мужского пола. Однако по мере усиления и укрепления ранних государств все большее влияние приобретали боги мужского пола, а вместе с ними и мужчины — священники и писцы. Это иерархическое, централизующее движение внутри религии развивалось параллельно с расширением верховной власти и укреплением того, что теперь называют патриархатом. Частично эта тенденция выразилась в замене могущественных и независимых богинь новыми верховными богами мужского пола, которые подчинили себе женские божества и низвели их до роли своих супругов и наложниц. Такой переход к господству мужской силы привел к воцарению на Ближнем Востоке иудейского монотеистического Бога, олицетворяющего мужское начало и предполагающего исключительно мужское жречество.

В ранних анимистических культурах таинство деторождения, естественно, ценилось очень высоко и даже служило объектом поклонения, поскольку являлось необходимым условием выживания. Постепенно понятие жизненной силы и общий принцип воспроизводства абстрагировались от природных процессов и приобрели сакральное значение. В условиях раннего политеизма земледельческих культур плодородие было главным священным символом, определявшим благосостояние и процветание общины. Поскольку женская детородная функция и сексуальность в смысловом отношении ассоциировались с плодородием и плодовитостью, для этих древних религий культ женщины (богини) также был основным. Благодаря этому женщины обладали определенным статусом и пользовались уважением (независимо от их реальной власти), но по мере роста милитаризации все это стало сходить на нет. (371:)

Религия по сути своей консервативна, что объясняется боязнью оскорбить невидимые силы, а также эмоциональной привязанностью к ощущению, что тебя охраняют традиционные божества. Этот консерватизм (наряду с первоначальными абстракциями, рассматривавшими женщину как сози-

дательницу жизни, кормилицу и средство воспламенения мужской чувственности) в достаточной степени объясняет, почему женские религиозные символы, в том числе и сами богини, сохраняли популярность, в то время как в реальной жизни женщины все больше утрачивали свое положение и власть. По мере милитаризации общества женщины становились все более зависимыми, пока в конце концов законы не низвели их до положения собственности мужчины. Попутно символы, обожествляющие мужскую иерархию, одержали окончательную победу в борьбе с более сексуально равноправными символами плодородия.

Движение к более высоким уровням абстракции можно особенно наглядно проследить на примере трансформации мифов о сотворении мира. Поначалу творение, включая и сотворение космоса, связывалось с женским началом, так как способность к творчеству буквально ассоциировалась с физическим актом деторождения и таинством появления новой жизни. Мужская роль в продолжении рода еще не была ясно осознана, если понималась вообще. И поскольку плодородие признавалось качественной принадлежностью женщины, нет ничего удивительного в том, что на Ближнем Востоке женские божества были главными персонажами ранних мифов о сотворении мира.

Когда понятие «творчество» абстрагировалось от физического процесса и обрело символическую самостоятельность, представление об акте творения коренным образом изменилось: мысленное созидание стало предшествовать физическому и главенствовать над ним. Это позволило рассматривать творение как осознанный контролируемый акт, превращая его из пассивного действия в активное. Такой важнейший сдвиг нашел свое отражение в библейской фразе: «В начале было Слово». Творческое начало обрело новое место в системе символов, превратившись из таинственной и неконтролируемой физической способности — деторождения — в умственную способность, более широкую и сознательно направленную. Теперь бог-творец мужского пола мог творить все — живое и неживое — посредством символов, просто руководствуясь своим желанием. (372:)

О том, как изменились символы творения, превратившись из женских (плодовитая женщина и земля, физически осуществляющие акт творения) в мужские, написано достаточно много. Обязательным условием такого изменения должно было стать хотя бы частичное понимание роли отцовства. Творческое начало ассоциировалось теперь с плугом, фаллосом, семенем, спермой и т.д., в то время как созидательная сила женщин перестала признаваться. Материнское чрево и земля низводятся до роли пассивного вместилища животворящего семени (спермы), которое теперь почитается единственным носителем жизненной силы, духом, требующим воплощения. Впоследствии выдающийся философ древности Аристотель столь убедительно изложил эту позицию, что она оказала огромное влияние на всю средневековую мысль. Можно привести множество примеров того, как этот сдвиг отразился в религиозной мифологии. Один из самых показательных — библейское описание того, как Ева была в буквальном смысле слова сотворена из мужчины (из ребра Адама) и стала второстепенным персонажем, помощницей мужчины. В Новом Завете Бог уже со всей определенностью называется «Отцом» и выступает в роли творца всего сущего.

Абстрагирование творческого начала от физического использовалось не только для того, чтобы принизить роль женщины, но и для того, чтобы умалить значение тела, чувственности и самой природы. Человеческая сущность, в том числе и жизненная сила, абстрагировались от человека — животного, а затем превратились в феномен высшего порядка (душу). Чувственное влечение и сам половой акт (который, бесспорно, остается проявлением животной природы) стали препятствием для духовной реализации. Так родилось представление о женщине как об искусительнице, послужившей причиной «грехопадения» мужчины.

Отделение творческого начала от природы и чувственности и превращение его в абстрактный символ сопровождалось разделением на священное и мирское, результатом чего явилось абстрагирование духа от природы. Конечно, само понятие природы — это абстракция, существующая только в противопоставлении культуре, которая сама является такой же абстракцией. Урбанизация углубила противоречие между понятиями «культура» и «природа», которое чрезвычайно усилилось в результате отрыва духа от природы. Мужчины стали ассоциироваться с духовностью и культурой, а (373:) женщины — с более низкой материальной, биологической и природной сферой. Этот новый метафизический раскол достиг крайнего проявления в иудейском монотеизме и был увековечен в христианстве и исламе. В христианской Троице уже и вовсе не остается места для женщины. Средневековые христиане вели дебаты относительно того, есть ли у женщины душа, и даже в наше время некоторые мусульманские секты утверждают, что женщины не имеют души и никогда не смогут попасть в рай.

Несмотря на то, что политеизм подчеркивал различие между людьми и богами, естественным и сверхъестественным, по-прежнему считалось, что боги обитают в природе. Предполагалось, что они не только непосредственно воздействуют на природу, но и являются ее фактическим порождением. Боги воспринимались как некая высшая форма жизни — обособленная, но не оторванная от жизни земной. Они могли плодиться, вступать в брак, страдать от ран и иногда даже умирать. Считалось, что боги постоянно вмешиваются и в природу, и в человеческую жизнь, но при этом демонстрируют

не только свою силу, но и некоторую степень зависимости от людей. В то время конфликт между духовным и мирским еще не стал абсолютным.

Способность абстрагироваться — одно из необходимых условий понимания общего в конкретных проявлениях. В этом, по сути, и заключается одно из значений термина «понимание». Основная функция религии состоит в том, чтобы объяснить неизвестное и помочь с ним справиться. Когда благодаря использованию абстракции человек стал лучше понимать природу, религии пришлось стать еще более абстрактной, дабы сохранить свое господство над миром природы. Чем лучше мы понимаем природу, скажем, грома или солнечного света, тем труднее нам поверить в существование бога грома или солнца и тем меньше мы в нем нуждаемся.

Для религии последним средством сохранения власти стало разделение космоса на две категории — естественное и сверхъестественное, что стало возможно благодаря вычленению священного из повседневной жизни. (Это не значит, что такое решение было запланировано сознательно.) Когда религиозные представления абстрагированы от действительности, их легче сохранять в неприкосновенности. Чем выше уровень абстракции, тем дальше отстоят эти принципы от конкретных событий повседневности и тем лучше защищены от посягательств на их якобы безупречную природу. Когда (374:) раскол между духовным и материальным (следовательно, между религией и природой) становится абсолютным, любой брошенный религии вызов всегда можно парировать простым заявлением, что «священное» недоступно сугубо мирскому пониманию. По мере того как характеристики священного становились все более абстрактными, увеличивался и разрыв между божеством и людьми. Его крайним выражением стала монотеистическая концепция единого всемогущего Бога, сделавшая разрыв между божественным и мирским, между Всевышним и его творением абсолютным.

Монотеизм: универсальная абстракция

Принцип иерархии (и это знает каждый генерал) — необходимое условие наращивания и успешного применения власти. Иерархическая организация божественного пантеона привела к формированию иерархической системы ценностей (по степени нравственности и добродетели). Для контроля и управления большими социальными группами с помощью государственных структур, опирающихся на принципы накопления и монархические устои, потребовалась более абстрактная религия с соответствующей абстрактной моралью. Так появилась мораль светских иерархий, объявленная священной, которая оправдывала разделение людей по классово-кастовому принципу с учетом «чистоты» и наследственного превосходства.

Религией более высокого уровня абстракции стал монотеизм, получивший распространение на Западе. Иудеи, превратив своего племенного бога из просто лучшего бога в единственного Бога, создали более универсальный абстрактный символ, ставший общепринятым и приведший к формированию новой системы понятий. Когда в XIII веке до н.э. Моисей запретил поклоняться идолам и иконам, это радикальное нововведение послужило поводом для наложения запрета на культ других божеств, укрепив тем самым основы монотеизма. Бесплотный Бог, лишенный материального облика и конкретного обиталища, обладал большими преимуществами, поскольку связь между ним и его последователями невозможно было разрушить, украв или уничтожив иконы, разгромив храм или изгнав служителей культа.

Объявив, что Бога невозможно выразить и тем более изобразить, иудеи создали еще более абстрактный символ, который коренным (375:) образом отличался от более конкретных, человекоподобных абстракций политеизма. Такое повышение уровня абстракции позволило иудеям считать своего Бога всемогущим, в результате чего сила Слова Божьего как средства социального управления значительно возросла. Десять библейских заповедей — это не только жизненные предписания; по крайней мере первые пять из них фактически содержат требование подчиняться Богу, с указанием, какая кара ждет нарушителя (в частности, идолопоклонника) и его потомков вплоть до «третьего и четвертого колена». Постепенно ритуалы политеизма сошли на нет, хотя в Ветхом Завете Бог продолжает строго карать за идолопоклонство. Бог иудеев, хотя он и считался «непостижимым», сохранил такие человеческие эмоции, как гнев, мстительность или милосердие, а позднее (в Новом Завете) он произвел на свет сына с помощью земной женщины, как это делали боги политеизма.

Следуя принципу эволюции абстракции, заключающемуся в создании более прогрессивного религиозного мировоззрения, способного дать более понятное объяснение неизвестным явлениям и предложить адекватные пути преодоления жизненных проблем, монотеизм сменил политеизм, который в свое время вырос из анимизма. С ростом численности населения участились контакты между племенами и народами, у каждого из которых были свои поверья, следовательно, возросло соперничество и конкуренция мировоззрений. Для преодоления новых трудностей понадобился более высокий уровень абстракции. Представления об иерархии враждующих богов поначалу неплохо объясняли

иерархические столкновения людей. Но способность данной системы мировоззрения объединить разные народы была ограничена.

Сила монотеизма заключается в его более универсальной и простой системе объяснений и трактовок видимого и невидимого мира. Он оказался способным сформировать более гибкую и устойчивую основу для взаимодействия с миром средствами морали. Монотеизм пришел на смену политеизму главным образом потому, что его Бог оказался более могущественным и всеобъемлющим, чем все боги политеизма, а концепции монотеизма более абстрактными. Политеистические мифы о сотворении мира всегда были туманными, поскольку отсутствовало понимание того, как именно бог-творец или боги-творцы могли сотворить что-то, в том числе и себя. С приходом монотеизма миф о сотворении мира обрел силу и простоту. Бог (376:) создал все потому, что обладал волей и божественной силой. А для этого было необходимо абстрактное понятие всемогущества.

Каждый из богов политеизма должен был иметь конкретные черты и собственную сферу власти, чтобы его можно было отличать от других. Монотеизм создал новое представление о власти, объединив все силы в одно абстрактное качество — всемогущество. Для того чтобы быть по-настоящему всемогущим, Бог должен был также быть всевидящим и всезнающим. Кроме того, будучи началом и концом всего, он не мог быть сотворен кем-то другим, а потому ему надлежало быть вечным. Его поступки должны были восприниматься как безусловно правильные, поэтому сам он должен был олицетворять все добродетели. Именно поэтому вопрос, является ли Бог — источник всего сущего — также и источником зла, стал для монотеизма самым сложным⁶. Как бы то ни было, Всевышний представляет собой более высокий уровень абстракции.

Окончательное абстрагирование духа до уровня единого принципа способствовало усилению иерархического контроля. Это новшество сделало Слово Божье непререкаемым. Когда богов много и они соперничают между собой, ни один из них не обладает абсолютной властью карать за грехи. Их слова противоречат друг другу, поэтому всегда можно уклониться от послушания, переключившись на другого бога или поклоняясь сразу нескольким. Такие боги не могут требовать полного послушания или принуждать к нему, поскольку каждый обладает лишь своей собственной, частичной властью. Напротив, всеведение позволяет осуществлять тотальный контроль. Формула «Старший брат присматривает за тобой», доведенная до абсолюта, внушает людям уверенность, что Богу известны каждая их мысль, каждый шаг. Страх перед неотвратимой Божьей карой стал новой основой для психологического контроля, то есть контроля над сознанием. Не случайно люди, избранные для того, чтобы обеспечивать послушание Слову Божьему, облакались большой властью и авторитетом.

Мировоззрение монотеизма авторитарно по самой своей сути. Если существует некто всемогущий, то все остальные, разумеется, не только обладают меньшим могуществом, но и вообще хуже во всех отношениях. Подъем иерархии на новый уровень, где вся власть проистекает из одного источника, мог осуществиться только (377:) благодаря доведению разрыва между Богом и людьми до абсолюта. Каждый новый уровень религиозной абстракции характеризовался все большей покорностью человека и его униженностью перед лицом божества. Превращение Бога в абсолютную силу, которой надлежало слушаться во всем, способствовало развитию у людей недоверия к себе и к своим силам, а это, в свою очередь, ведет к формированию личности, легко поддающейся влиянию авторитетов и готовой следовать за теми, кто «лучше знает». А лучше знают, разумеется, хранители и толкователи священного Слова⁷.

Доведя до абсолюта дуалистический разрыв между Богом и всем остальным миром, монотеизм одновременно усилил поляризацию таких парных понятий, как душа и тело, культура и природа, дух и материя, люди и животные и др. При политеизме границы, разделяющие эти понятия, были более размыты. Монотеизм же приобрел силу и привлекательность именно благодаря абсолютности, непререкаемости своих правил, беспрекословное исполнение которых призвано гарантировать безопасность, дарить надежду на будущее благополучие и способствовать сплочению общества.

На Западе многие негласно признают, что монотеизм стал значительным шагом вперед по сравнению с политеизмом. Возможно, это действительно так, учитывая, что абстракции монотеизма привели к переменам, которые в нашем представлении связаны с понятием «прогресс», — к усилению власти над людьми и силами природы, к более совершенной технологам и более сложной общественной организации. Однако вопрос о том, действительно ли монотеизм в конечном итоге принес с собой прогресс в области морали, оспаривают в первую очередь мыслители феминистского толка, связывающие монотеизм с мужским господством, а также те, кто усматривает в нем виновника утери духовной связи между человеком и природой и пренебрежения экологическими проблемами. Одно представляется бесспорным: с монотеизмом связаны самые темные страницы истории человечества. За

⁶ См. раздел «Проблема зла» главы «Сатанизм и культ запретного». (377:)

⁷ Об отношении религии к социальной иерархии см. также главу «Религии, культы и духовный вакуум». (378:)

примерами не нужно далеко ходить: это завоевание туземных племен и обращение их в рабство, инквизиция и даже нацизм.

Вопрос о том, имеет ли одно мировоззрение моральное превосходство над другим, невозможно рассматривать без учета (378:) исторической среды, в которой существуют соперничающие мировоззрения. И хотя сравнивать разные системы ценностей достаточно сложно, необходимо признать, что по крайней мере в одном важном отношении монотеизм обеспечивал реальное по тем временам моральное превосходство. Не вдаваясь в сложные проблемы, связанные с оправданием любых моральных требований, признаем тот факт, что для нас моральным превосходством обладает то мировоззрение, которое побуждает людей лучше относиться друг к другу. Так, например, система, запрещающая рабство или человеческие жертвоприношения, с моральной точки зрения превосходит ту, которая их поощряет, а потому является лучшей.

Принципиальность, как правило, считают положительным качеством, так как предполагается, что человек, следующий определенным принципам, руководствуется интересами, вытекающими не из личных соображений, а из более или менее постоянной системы ценностей. Такие люди обычно считаются более предсказуемыми и, следовательно, достойными доверия. В силу абсолютности своего авторитета монотеизм оказался способен утвердить такие моральные принципы, которым люди следовали с большей охотой, чем принципам его соперника — политеизма, не предложившего ничего похожего на последовательную этическую систему.

В мире этического произвола иудеи стали предметом восхищения благодаря своим строгим идеалам и нормам поведения — семейным и общинным. Десять заповедей четко сформулировали систему запретов: нельзя лгать (лжесвидетельствовать), воровать, убивать, прелюбодействовать, посягать на жену или собственность ближнего. Пока на передний план не выдвинулось христианство, иудаизм оставался религией, которая завоевывала все новых сторонников, распространяя свое слово и свою мораль. После вавилонского пленения иудеев в VI веке до н. э. их идея единобожия стала странствовать по миру вместе с ними. Одна из причин, почему столь многие из них добились высоких постов в бюрократических структурах тех стран, где они находили приют, заключалась в том, что правители могли им доверять. Позже это преимущество было унаследовано христианством, мораль которого основывалась на сходных принципах. Но при этом идея Спасителя и отказ от обрезания и от строгих правил в отношении пищи, на которых настаивало иудейство, сделали христианство гораздо более привлекательной религией. (379:)

Победа христианства над другими популярными в те времена культами и тайными религиями была предрешена, когда император Константин сделал его официальной религией Римской империи. Одной из наиболее вероятных причин такого выбора могло быть то, что христианство предлагало надежную систему убеждений и принципов, которую можно было использовать для укрепления этого разваливающегося, пришедшего в упадок колосса.

Монотеизм отдал силу Слова, творчества религиозных символов и абстракций, исключительно в мужские руки. В итоге это привело к десакрализации женского начала. Поскольку древние иудеи были в основном пастухами и не были тесно связаны с земледелием, плодородие не стало для них главной святыней. Как и у большинства пастушеских племен, в их религии еще до прихода к монотеизму господствовали боги-мужчины. Племенной бог иудеев, который постепенно поднялся до уровня единственного Бога, сохранил мужские черты. Даже став всеобщим и якобы недоступным для восприятия, Бог Ветхого Завета сохранил в завуалированном виде все мужские особенности. Он обращается почти исключительно к иудеям-мужчинам, заключает соглашения только с ними (в этом символический смысл обрезания), использует в качестве посредников пророков-мужчин и только на мужчин возлагает моральную ответственность. Позже, в христианской Троице, для женщины вообще не остается места: назвав Бога «отцом», его как бы «официально» объявили мужчиной.

Существует один непонятный вопрос: почему женщины «голосовали» за ранний монотеизм — неприкрыто патриархальную структуру, которая явно умалила их признанную символическую роль. Можно предложить несколько правдоподобных исторических объяснений, в том числе и то, что у них не было особого выбора. В условиях ближневосточного политеизма женщинам жилось несладко, хотя на словах поощрялся культ женского начала и женских божеств. Развивающиеся военные державы были иерархиями, жестоко использовавшими людей, в частности, рабов. Когда основой власти стало узаконенное убийство, соответствующие законы и правила постепенно настолько понизили статус женщины, что чувственность и способность к деторождению стали товаром — им пользовались и злоупотребляли. Женщину можно было убить за прелюбодеяние, тогда как насилие над ней рассматривалось исключительно как (380:) преступление против ее владельца (отца или мужа). Возможно, именно по этой причине женщины могли счесть, что патриархальный монотеизм лучше вырождал их интересы: в условиях его более строгих моральных законов с женщинами и детьми обращались лучше. Несмотря на то, что женщины по-прежнему оставались собственностью мужчины, десять заповедей провозглашали новые семейные ценности. Мужчины-иудеи снискали известность и

уважение тем, что тщательно охраняли свои семьи. Нормы общинной жизни также предоставляли женщинам защиту. Если муж избивал жену, она могла обратиться к раввину или общине и, опираясь на закон, потребовать, чтобы мужа наказали; поэтому рукоприкладство по отношению к женам было нечастым явлением. Жестко контролируемая общинная мораль требовала проявлять заботу о членах общины и их безопасности. Присущие ей строгие общинные ценности, наряду с убежденностью, что иудеи — народ, «избранный Богом», придавали иудаизму нерушимую силу, благодаря которой он жив и поныне, по прошествии четырех тысячелетий. Впоследствии Христос, проявляя заботу о бесправных и обездоленных, объявил, что души мужчин и женщин равноценны. Даже ислам, монотеистическая религия, допускающая наибольшую дискриминацию по половому признаку, поначалу предлагала женщинам гораздо лучшее обращение, нежели то, с которым они в то время сталкивались.

Монотеизм с его абстрактным Богом сумел выдвинуть неопровержимые абстрактные принципы, применимые в любых условиях. Мы полагаем, что повсеместное распространение монотеизма получило в том числе и потому, что предлагал воплотить представление о лучшей жизни, а его универсальные ценности способствовали сплочению людей. Однако сегодня та самая авторитарная мораль, которая в прошлом казалась панацеей от всех бед, стала помехой на пути борьбы с кризисами сегодняшнего и завтрашнего дня. Упрощенное, дуалистическое мировоззрение, скрывающееся за авторитетными утверждениями, оказалось недостаточно гибким для того, чтобы справиться с разнообразными моральными проблемами, порожденными технологическим прогрессом и неконтролируемым ростом населения⁸. (381:)

Можно усмотреть интересные параллели между двумя высшими уровнями религиозной абстракции — монотеизмом и идеологией Единства. Обе эти могущественные идеологии сохранились до нашего времени и лежат в основе двух древнейших из существующих религий — иудаизма и индуизма. И брахманы (высшая каста индуизма), и иудеи считают себя избранными; и иудейский монотеизм, и индуистское Единство составляют сущность мировоззрений этих мировых религий. Иудаизм лежит в основе и христианства, первоначально бывшего иудаистской ересью, и ислама, а индуистский принцип Единства оказал большое влияние на другие восточные религии — буддизм и джайнизм.

Единство — вершина религиозной абстракции

Единство, высшая ступень религиозной абстракции, — это именно тот аспект восточной философии, который в наше время стал повальным увлечением на Западе. Древняя религия арийских завоевателей (Веды), вытеснившая местные верования, представляла собой сочетание политеизма, культа предков и ритуальных жертвоприношений, характерных для греческого и других индоевропейских религиозных направлений. Позднее (в I тысячелетии до н.э.) более развитая философия упанишад выдвинула принцип Единства, недвойственности всего сущего (адвайта). В индуизме его современным выражением стала Веданта. Это подняло уровень абстракции индуизма на тот уровень, где Брахман (Единый) объемлет все сущее. Как и в случае всех других абстракций, здесь игнорируются любые отличия, и абсолютной реальностью объявляется всепроникающая тождественность. И все же с отличиями приходится считаться, даже если принизить их значение, назвав их иллюзией (майя). С появлением абстрактного понятия «майя», которое нивелирует множественность бытия, разнообразие одновременно и принимается во внимание, и отрицается или низводится до уровня менее значимого⁹.

Так индуизм, который является религией политеистической и в то же время якобы монистической, изобрел способ, чтобы «и волки были сыты и овцы целы». (Монизм утверждает, что все состоит из одной первичной субстанции.) В то время как вершину пирамиды (382:) занимала неизменная категория Единства, на более низких уровнях абстракции допускалось существование политеистического пантеона божеств. Сначала «Единое» подразделялось на три воплощения: Брахму-творца, Вишну-хранителя и Шиву-разрушителя. Сотворение, сохранение и разрушение стали абстрактными принципами, лежащими в основе «танца жизни». А из этих трех принципов возникли разнообразные проявления, которые можно было воплотить в человеческом облике и сделать предметами поклонения. Многие из них прежде были божествами местного политеизма. В этой сугубо патриархальной религии (еще одна мужская троичка) существует также и женское начало в виде богинь, являющихся порождением мужских божеств. Индуизм обязан своей долговечностью тому, что он обладает привлекательностью для каждого: интеллектуалы и мистики выбирают высший уровень абстракции —

⁸ В главе «Фундаментализм...» показано, как защита Слова Божьего стала разновидностью «идеологической безответственности», которая больше озабочена сохранением идеологии, чем ее последствиями для людей. (381:)

⁹ См. главу «Единство, просветление и опыт мистического переживания». (382:)

Единство, остальные получают эмоциональное удовлетворение от ритуалов и поклонения одному из его проявлений — личному божеству или гуру.

Чем абстрактнее символ, тем больший диапазон явлений он может охватить. Слово «плод», например, — более абстрактное понятие, чем «апельсин». Понятие «пища» может означать как потребление материальной пищи, так и вкушение пищи духовной (насыщать может и любовь). Единство — это абстракция, которая, по определению, царит над всем и потому может объять все и вся. Единство — более высокий уровень абстракции, чем монотеизм, которому присущ изначальный дуализм: творец (Бог) и творение (все остальное).

Проще говоря, монотеизм не может вместить в себя принцип общности бытия или взаимодействовать с ним, иначе как отрицая его. Монотеистический Бог должен быть обособленным и отличным от всего остального. Единство же может вместить в себя всех богов, в том числе и монотеистического. Индуистское Единство может считать (и считает) Христа одним из многих аватара (живым воплощением божества) и тем самым включает в себя все христианство. Будда для многих индуистов также является одним из великих аватара, а буддизм — одной из индуистских сект. Подобная всеобщность Единства, способного принять под свои знамена все и вся, противоречит присущей монотеизму исключительности («Да не будет у вас иных богов, кроме меня»; «Нет Бога кроме Аллаха»). Являясь самым абстрактным из всех религиозных принципов, Единство наиболее защищено от прямых нападок. (383:)

Индуистское Единство и буддийская Пустота — это, по сути, одна и та же абстракция, в том смысле, что (Оба понятия недифференцированы и всеобъемлющи. Будда, будучи реформатором, стремился изменить структуру морали, уничтожив кастовую систему и заменив множество ведических ритуалов, дорогостоящих и недоступных для широких масс, правилами общественной нравственности. Индуистская идеология Единства делает акцент на постоянстве и выступает за упрочение кастовой системы, являющейся основой неизменности. Буддизм же, напротив, подчеркивает всеобщую изменчивость («Все течет»). Концепция Пустоты для начала, образно выражаясь, «опустошило» Единство, упразднив богатый арсенал индуистских божеств и связанные с ними ритуалы. Это упростило метафизику и выдвинуло на первый план моральные реформы Будды. Поскольку изначальным принципом буддизма было «приятие» и поскольку Пустота может быть столь же всеобъемлющей абстракцией, как и Единство, то буддизм по мере своего распространения включил в себя существовавших ранее местных божеств и духов. Это удалось сделать благодаря сохранению характерной для индуизма многоуровневой системы понятий. (Единство главенствует над иерархией божеств, которые являются его воплощениями.) В некоторых школах буддизма лишенная формы Пустота точно так же стала заполняться иерархическими уровнями мира форм: божеств, духов, демонов и бодхисаттв.

Хотя восточные представления о космическом единстве не кажутся двойственными, скрытый дуализм в мировоззрении Единства все же присутствует. Считая единственной реальностью «единообразие», идеология Единства отбрасывает все отличия (множественность) на низший уровень. В буддизме присутствует аналогичный дуализм — между лишенной формы Пустотой и миром изменчивых форм. На смену явному монотеистическому дуализму «Бог — все остальное» пришел скрытый, более утонченный дуализм «общность — разнообразие». В монотеизме превыше всего Бог, поэтому ему следует приносить жертвы; в идеологии Единства превыше всего общность, поэтому можно пожертвовать любым проявлением индивидуальности. Обе разновидности дуализма сочетаются с моралью, оправдывающей усиление иерархического контроля¹⁰. (384:)

Когда один символ обладает большим могуществом, чем другой, он может его поглотить, включить в себя. Если используемый уровень абстракции перестает нас удовлетворять или внушать доверие (нередко благодаря развитию светской мысли), возникает тенденция к поиску следующего уровня. Способность восточного мировоззрения создавать более высокие уровни религиозной абстракции, легко согласующиеся с научными абстракциями, может объяснить причину популярности восточных религий на Западе. Принцип Единства — очень высокий уровень абстракции, поэтому, когда он проникает в сознание, люди зачастую стараются подвести под него свои прежние убеждения, в частности связать с Единством проповедь любви Иисуса Христа. А эзотерический мистицизм суфизма сделал попытку привнести Единство в ислам. (Исламу свойствен в высшей степени жесткий дуализм, так что суфиям пришлось стать эзотериками, дабы их не казнили за богохульство.)

Чем более абстрактным является понятие, тем выше его обобщающие возможности, но при этом оно упускает из виду частности, иногда жизненно важные. Вычленив священное из природы, различные религии, хотя каждая на свой манер, ставят природу на весьма низкий уровень в иерархии ценностей. Иерархии — это сложные организации, имеющие четкую пирамидальную форму. Дистанциро-

¹⁰ Об этом и о том, почему пантеизм, отождествляющий Бога и мироздание, не мог быть принят религией отрешенности, говорится в главе «Единство...». (384:)

вавшись от природы, религии стали более изощренными и упрощенческими одновременно. Монотеизм объясняет все происходящее просто проявлением Божьей воли. Единство заходит еще дальше и относит разнообразие либо к разряду иллюзий, либо, в лучшем случае, к менее значимой реальности, которую надлежит преодолеть. Далее, каждая из религий разрабатывает сложные теории, космологические и теологические, призванные убедить в том, что именно в ее упрощенческие объяснения необходимо верить.

Переходя от отдельных «духов», обитающих в природе, к скрывающимся за природой абстрактным принципам и силам, понятия духовности сами становятся более абстрактными. Благодаря манипулированию верой в священные символы, олицетворяющие собой новые абстракции, появилась возможность контролировать более широкие области человеческого поведения. По мере того как деятельность людей становилась более специализированной, возникла необходимость в более организованном обществе, что, в свою очередь, потребовало оправдания самого принципа его организации. (385:)

Иерархии возникающих систем священных символов отражали и оправдывали развивающиеся иерархии светской власти.

Сложные общественные иерархии нуждались в определенных механизмах внутреннего контроля, и источником для них стала религия. На Западе удерживать людей в строгих рамках помогали покорность Божьей воле и боязнь Господнего гнева. Монотеистическому мировоззрению исконно свойственна авторитарность, так как основой его непременно служат богооткровенные писания, излагающие непререкаемые правила, по которым надлежит жить. Авторитаризм ислама очевиден, если учесть, что буквальное значение слова «ислам» — покорность. На деле это означает покорность словам Бога, содержащимся в Коране. Иудейско-христианская религия также основывает свою мораль на заповедях, которым следует беспрекословно подчиняться¹¹.

В отличие от монотеизма, Единство не служит некоему обособленному всемогущему авторитету, который диктует человеку, каким ему надлежит быть. Поэтому авторитарные тенденции, присущие религиям, превратившим веру в «институт веры», в идеологии Единства менее очевидны. Авторитаризм Единства заключается не в конкретных правилах, а в более обобщенном абстрактном законе, утверждающем, что чем человек бескорыстнее, тем он лучше. Этот закон поддерживает еще более абстрактная сила — карма, гарантирующая, что каждый получит по заслугам. Мировоззрение Единства требует наличия некой внутренней силы, способной оперировать страхом и желанием, дабы создать мораль отрешенности, необходимую для того, чтобы внушать идею «добровольного» самопожертвования. Абстрактная система кармы весьма подходит для этой цели¹².

Восточные религии превратили божественное воздаяние и наказание в безличный универсальный закон. Поэтому на Востоке карма стала абстрактным принципом, лежащим в основе всех поступков и оправдывающим схему, по которой устроено общество. Если считать, что плоды добродетели и порока не всегда проявляются в одной жизни, получается, что они должны из жизни в жизнь накапливаться и учитываться в космических реестрах, определяя, какой (386:) будет следующая жизнь. Кроме того, карма действует подобно мосту, ведущему к весьма абстрактной цели — выходу из круговорота индивидуальных жизней и слиянию с космосом. Вот ее простая формула: чем меньше вы сопротивляетесь своей карме, тем меньше кармы создаете и тем лучше вам будет.

Все главные мировые религии, сохранившиеся до наших дней, связывают окончательное воздаяние с существованием загробной жизни. Чтобы идея божественного воздаяния работала, необходимо абстрагировать от жизни нечто такое, что продолжалось бы и после смерти. Монотеизм считает земную жизнь чем-то второстепенным по сравнению с загробной, а восточные религии вообще отрицают ее реальность. Перенос внимания с проблем выживания на Земле на загробную жизнь стал возможен благодаря силе абстракции, которая обеспечила человечеству больший контроль над жизнью.

Абстракция — продукт мысли, который может иметь или не иметь отношение к чему-то еще, помимо самой мысли. Можно спорить о том, что представляет собой идея кармы — отражает ли она некий действительно объективный закон или является способом, организации человеческого существования. Абстрактный моральный закон, обладающий властью карать и награждать, может вызвать у современного рационального человека больше доверия, чем антропоморфный Бог¹³. Бесспорно лишь то, что концепция кармы стала одним из самых мощных механизмов, контролирующих поведение человека, какие когда-либо знала наша планета. Жестокий и безличный, закон кармы действует как всеведущий Бог, отслеживая и оценивая каждый наш шаг. В сочетании с идеями чистоты и бес-

¹¹ Природа присущей монотеизму дуалистической морали отрешенности показана в разделе «Добро и зло» главы «Сатанизм и культ запретного».

¹² Некоторые основные элементы кармы подробно описаны в главе «Создаете ли вы свою собственную действительность?». (386:)

¹³ Подробно это рассматривается в главе книги «Контроль», посвященной карме.

корыстия (столь же абстрактными) он заложил основу для создания могущественной системы «морали отрешенности»¹⁴.

Проблемы, связанные с отделением общности от разнообразия, возникают в том случае, если общность воспринимается как нечто более ценное и реальное, чем индивидуальная жизнь. Единство и множественность («Одно» и «Много») — две стороны диалектического процесса, которые не могут существовать друг без друга; при этом ни одна из них не обладает приоритетом. Эгоизм и бескорыстие (387:) также неразрывно связаны друг с другом. Мораль, ставящая знак равенства между добротелью и бескорыстием, может оказывать мощное воздействие на человеческие поступки, но не в состоянии покончить с эгоцентризмом. Он просто находит себе лазейки, находя выражение в формах, считающихся общественно приемлемыми, или проявляет себя неосознанно. Состояние нашего мира есть свидетельство того, что ценности «морали отрешенности» не способны успешно справиться со столь сложной проблемой, как эгоцентризм.

Абстракция, мышление типа «или-или» и дуализм

В последнее время возникает все более ясное понимание ограниченности линейного мышления. По законам линейного мышления, следствие напрямую связано со своей причиной, а вывод — с предпосылками и по крайней мере отчасти предопределен ими. Линейное мышление основано на бинарных суждениях типа «или-или». Дуализм — абстракция, лежащая в основе мышления такого рода, — означает раскол космоса, реальности, жизни — как бы мы это ни называли — на две обособленные взаимоисключающие категории. Присущее монотеизму деление на творца и творение — один из примеров абсолютного дуализма. Другими примерами являются дух и материя, реальность и иллюзия, земное и небесное и т.д. Деля реальность на обособленные бинарные категории, дуализм способствует дальнейшему развитию мышления типа или-или. Именно этот тип мышления приводит к противопоставлению таких понятий, как себялюбие и забота, потребность и любовь, а на более абстрактном уровне — эгоизм и альтруизм, постоянство и перемена. Другие примеры классических категорий дуализма — душа и тело, природа и культура, добро и зло, свой и чужой, субъект и объект, высшее и низшее, рассудок к чувство, бескорыстное и своекорыстное, мужское и женское, объективное и субъективное и т.д.

Что же неизбежно следует за созданием таких обособленных категорий? Из врожденной склонности к предпочтению один созданный полюс начинает цениться выше другого. Деление по принципу «или-или» действует в угоду простой морали, в условиях которой добро и зло, бескорыстное и своекорыстное полностью обособлены друг от друга. Это приводит к неизбежному принятию ошибочного следствия: подавляй один полюс противоположности (тот, что (388:) считается плохим, неправильным или менее ценным), можно автоматически укрепить другой. Неизбежное следствие — усилия, направленные на устранение или отрицание приниженной категории.

Может быть, человеческий мозг так устроен, что ему легче мыслить категориями или-или, а может — такая склонность имеет глубокие корни в нашей культуре, или же верно и то и другое. Возможно, развитие дуалистических категорий и мышления типа «или-или» произошло в то время, когда человечество, придя к использованию символов благодаря возникновению письменности и понятия числа, стало осознавать силу абстракции. При манипулировании символами четкое определение категории облегчает обращение с ней. Это особенно справедливо для работы с числами. Числа как будто созданы для мышления типа «или-или»: или у меня три монеты, или не три, а две, пять или ни одной. Здесь нет ни промежуточного, ни двусмысленного состояния. Мы предполагаем также, что культуры, не имеющие письменности, менее склонны к абстракциям, а создаваемые ими категории бывают не столь явно дуалистическими.

Важно понимать, почему четкие деления, жесткие границы и зачастую искусственные противопоставления — результаты двухполюсного, бинарного, мышления — поддерживают и укрепляют авторитаризм. Мышление по принципу «или-или» способствует организации и контролю людей. Авторитарность строится на таких противопоставлениях, как: «делай так, а не иначе», «это — правильно, а то — неправильно» и «я — здесь, а ты, авторитет, — там, наверху». Добро и зло в виде четких, обособленных абстрактных категорий еще больше облегчили контроль над людьми. Бинарная мораль, способствующая глубокому усвоению понятий добра и зла, бескорыстного и своекорыстного, в сочетании с всеведущим Богом или абстрактным принципом (кармой), которые «видят» каждый шаг человека, отдает контроль внутренним механизмам — таким, как страх и вина¹⁵.

¹⁴ Природа и ограниченность религий, построенных на отрешенности, показаны в главе «Религии, культы и духовный вакуум». В главе «Сатанизм...» говорится об отрешенности в рамках монотеизма, а в главе «Единство...» — в восточных системах. (387:)

¹⁵ Более подробно этот процесс рассматривается в разделе главы «Сатанизм и культ запретного», посвященном добру и злу. (389:)

Когда одна сторона дуалистической пары ценится больше другой или же рассматривается как «высшая» (что бы это ни значило), это приводит к образованию иерархии ценностей. Дуалистическое мышление склонно к формированию иерархий, ибо противопоставление одного человека другому облегчает задачу разделения их на категории. Иерархии ценностей, основанные на таких категориях, (389:) как чистота (кастовая система) или благородство (монархические системы), оправдывали существование авторитарных иерархий.

От авторитарных иерархий недалеко до эксплуатации одних людей другими. Люди превратились в ресурсы, которые можно использовать, накапливать и воспроизводить. Любому правителю, не вступивший на этот путь, рисковал быть повергнутым более удачливыми соперниками. На Востоке одним из самых могущественных оправданий иерархии стало абстрактное понятие чистоты. Первоначально идея чистоты произошла от ритуалов очищения и омовения, выполнявшихся в качестве подготовки к другим ритуалам. Позже выполнять некоторые ритуалы позволялось только верхам, а еще позже представители верхов объявили себя более чистыми от рождения. Когда чистота превратилась в абстрактное свойство, она стала качеством «приобретаемым», а не только «создаваемым» с помощью конкретных очистительных ритуалов. Сама чистота стала иерархическим понятием в том смысле, что человека считали или более, или менее чистым. Это способствовало укреплению наследственных аристократических линий и классовых границ, что сохраняло четкость, а также «чистоту» уровней власти. Мышление типа «или-или» отлично подходило для этих целей: или ты брахман, или неприкасаемый; или свободный, или раб; или знатный человек, или простолюдин.

Сегодня есть люди, выступающие против дуалистического мышления. Они сознают, что утверждение: «Я такой (высший), а ты сякой (низший), и это различие между нами естественно, а потому разное положение, которое мы занимаем, обоснованно», используется для оправдания чудовищного неравенства. Некоторые экологи справедливо связывают дуализм «культура—природа» с отчуждением цивилизации от природы и ее хищнической эксплуатацией.

Исследуя ограниченность как мышления типа или-или, так и лежащих в его основе дуалистических категорий, мы не утверждаем, что с ними нужно или можно покончить. Это было бы таким же дуализмом, только в другом обличий. Попытки покончить с дуализмом, противопоставив его холизму и придав последнему статус высшей категории, создадут лишь очередную пару противоположностей. Дуалистическое мышление может увеличивать понимание, способствовать большей ясности, оно уместно и полезно во многих областях, где оперируют четкими категориями. В качестве примера можно привести вычислительную технику, которая построена на двоичном (390:) коде («да»/«нет» или «включено»/«выключено»). Мышление по принципу «или-или» облегчает абстрагирование. Проблема заключается не в самих дуалистических абстракциях, а в том, где и как их используют. Существуют области, где мышление типа «или-или» работает хорошо, — но есть и такие, где оно приводит к созданию ложных или даже пагубных противоречий.

Применительно к морали именно такой двойственный, или дуалистический, способ мышления искажает восприятие людьми мира и самих себя. Попытки действовать на основе подобного искаженного мировосприятия лежат в основе моральных дилемм, повсеместно угрожающих сегодня социальному строю. Без агрессивности, присущей мышлению типа «или-или», нам удалось бы лучше понять эгоизм как реальное явление и взаимодействовать с ним на более практичной и выгодной основе. Вместо этого мы отрицаем значимость и даже необходимость эгоизма. В нас настолько сильна такая моральная обусловленность, что мы всю жизнь сражаемся с этой частью самих себя (со своей «самостью»), без которой — так нам внушили — лучше будет и нам самим, и миру. С другой стороны, наша мораль упускает из виду положительные и необходимые аспекты эгоцентризма, связанные с творческим началом и самобытностью (в итоге люди переживают внутренний раскол и смятение). Вот почему многие из тех, кто и не думал избавляться от эгоцентризма, тем не менее так и не нашли способа ужиться с ним, не испытывая чувства вины, — это еще одно свидетельство того, насколько глубоко обусловлено наше обычное подсознательное отношение к нему.

Вся ирония в том, что вина и отчаяние — следствия попыток (безнадежных) избавиться от себя-любия — усиливают «погруженность в себя», что не имеет ничего общего с заботой о других и в буквальном смысле слова является проявлением эгоцентризма. Это создает порочный круг замкнутости на самом себе, так как почти любое чувство вины возникает из чувства вины по поводу собственного эгоизма. Мышление типа «или-или» порождает разные виды реакций. Один из примеров — очень заметно проявившаяся в наше время установка «сперва я» (мы называем ее синдромом Эйн Ранд¹⁶), (391:) являющаяся реакцией против пуританского превознесения бескорыстия и утверждающая эгоизм в качестве «истины». Это способ позволить людям безудержно стремиться к цели (само-

¹⁶ Эйн Ранд (1905-1982) — писательница и философ, род в России, с 1926 г. жила в США. В своих полемических романах («Первоисточник», 1943), отстаивала идеи разумного эгоизма и политического консерватизма, противопоставляя их альтруистическим тенденциям современной государственной благотворительности. (Примеч. ред.) (391:)

утверждению), не задумываясь о средствах. Но, являясь реакцией типа «или-или» (как и все «качания маятника»), она тоже делает ошибку, принимая один из аспектов личности за целое. Если бы мы, не впадая в крайности, сумели признать реальность и неизбежность существования в человеческой природе как эгоцентризма, так и альтруизма, то смогли бы уделить больше внимания необходимости уравновесить эти две реалии, как в своей жизни, так и в наших социальных системах¹⁷.

Восточные духовные направления интуитивно предвидели существенные ограничения линейного мышления в смысле возможностей расширения сознания. При этом большинство из них пришли к выводу, что серьезной помехой для достижения высших уровней сознания является сама мысль. Как это ни печально, непосредственно вытекающее отсюда принижение роли мысли является показательным примером линейного мышления типа «или-или». Ошибка здесь — в предположении, будто линейным мышлением исчерпываются все разновидности мышления. Таким образом, восточная методология отрицает мысль, дабы выйти за ее пределы, но не осознает при этом опасности, связанной с подобным «разоружением». Авторитаризм как раз и основан на таком «умственном разоружении», которое укрепляет его способность эмоционально контролировать людей, манипулируя страхами, желаниями, покорностью и т.д. В этом серьезный недостаток восточного мировоззрения.

Поскольку избавиться от мышления невозможно, его обесценивание ведет главным образом к тому, что оно становится бесплодным, некритичным и наивным, а в конечном итоге приводит к более бессознательному состоянию (в противовес более осознанному). Уникальными в своем роде существами — людьми — нас делает способность использовать мысль не только как средство решения проблем, но и как творческое начало, содействующее творческой интеграции нашего опыта самопознания. «Каковы пределы мысли?» — такой вопрос может задать только мыслящее существо. Вполне возможно, что возможности мышления как средства познания вовсе не столь малы, как предполагалось ранее. Мысль о том, что мы как вид (392:) уже исчерпали наши мыслительные ресурсы, сама по себе свидетельствует об узости взглядов и своеобразном высокомерии, особенно если учесть, что умственные способности человека были существенно ограничены авторитарной структурой общества.

Несмотря на то, что значительная часть истории — продукт мышления типа «или-или», люди так и не осознали, что двойная модальность суждения — лишь одна из возможностей, хотя и самая легкодоступная. Ее преобладание отчасти объясняется дуалистическими системами морали, которые характерны для религий отрешенности. Отрешенность дуалистична по своей природе, поскольку должно быть то, от чего необходимо отрешиться, и нечто, получаемое взамен¹⁸. Наши иерархические институты еще больше программируют и укрепляют в нас привычку к дуалистическому мышлению, используя его для оправдания своих привилегий. Ведь в основе привилегий всегда лежит принцип «я — такой, а ты — другой».

СИСТЕМЫ СИМВОЛОВ И ВЛАСТЬ

Власть в обществе напрямую зависит от того, кто создает и контролирует его систему символов. В течение всей истории абстракциями осознанно или неосознанно пользовались те, кто создавал их в собственных интересах для обоснования своих привилегий. Несмотря на то, что власть политических иерархий опирается в основном на насилие и физическое принуждение, их угрозы недостаточно для долгосрочного поддержания подобных обществ. Применение одного лишь страха и наказания ограничивает эффективность и производительность труда, не побуждая людей к добросовестной и творческой активности. К тому же такие системы часто подвержены переворотам. Если реальная награда за труд невелика, то людям остается верить, что их ожидает некое воздаяние в будущем. Отличавшиеся долговечностью авторитарные иерархии создавали системы символов, использовавшие авторитет религии для оправдания существующей власти и для того, чтобы дать людям надежду на посмертные блага. Религии авторитарных систем также служили утешением для правящей верхушки, предпочитающей обычно не замечать, что низостоящие подвергаются беспощадной эксплуатации. (393:)

Любая мораль отрешенности, превознося духовность, облегчает использование всего мирского (в том числе и самой жизни) и злоупотребление им во имя так называемых высших принципов. Это достигается благодаря созданию, возвышению, прославлению и обожествлению главной абстракции — жертвы. Вначале жертва была конкретной, подразумевавшей материальные объекты: пищу, животных и даже людей. Впоследствии жертва, как и чистота, перешла в разряд абстракций. Из способа умиловить богов подношениями она превратилась в моральный императив, который свелся к самопожертвованию. Это, в свою очередь, способствовало движению системы морали от подчинения конкретным правилам, например, десяти заповедям, к общему предпочтению отрешенности, что по-

¹⁷ В главе «Любовь и контроль» показано, почему признание бескорыстия непременным атрибутом идеальной любви является частью авторитарной системы морали. (392:)

¹⁸ См. раздел «Дуализм и отрешенность» главы «Единство...» и раздел «Добро и зло» главы «Сатанизм и культ запретного». (393:)

степенно привело к формированию нового менталитета. Самопожертвование абстрактно, потому что оно подразумевает не какую-то конкретную жертву, а общую линию поведения. Мораль отрешенности отлично подходит для авторитарных социальных иерархий, которые укрепляют власть, жертвуя теми, кто находится на нижних уровнях иерархии. Такую мораль внедряют всюду, где это возможно, заставляя людей добровольно жертвовать собой и насаждая авторитарные добродетели вроде неукоснительного долга, верности и послушания. Эти добродетели тоже превращаются в абстракции, поскольку похвальным считается не какой-то конкретный долг, а долг в целом.

Сегодня наше выживание как вида зависит от того, будем ли мы использовать то, чем владеем (в том числе себя и других), более осознанно и осмотрительно. Характерные для морали отрешенности системы символов, создающие иерархическую расстановку властных структур благодаря превращению «различий» в узаконенное господство и подчинение, уже не способны справляться с миром, находящимся на грани. Принесение многих в жертву немногим — требование, выдвигаемое обществом накопления, — более не продуктивно. Это связано с тем, что иерархическая, требующая жертв авторитарная мораль действует, создавая препятствия разуму, доверию к себе и любви, необходимым для выживания. Впервые в истории высокий уровень развития техники увеличил силу человека до таких пределов, когда экосистемы нашей планеты сами по себе уже не способны устранять вред, наносимый природе человеком.

Если мир устроен так, что людям для благопристойного обращения друг с другом необходима основанная на авторитарных (394:) убеждениях система морали, которая в качестве главного средства воздействия использует страх наказания, то наши шансы на выживание невелики. Если для того, чтобы держать в узде разрушительные аспекты эгоцентризма, человечеству необходимо внушать недоверие к самому себе (свойственное всем авторитарным системам морали), то мы обречены оставаться детьми, не способными сознательно распорядиться силой, которую предоставил нам разум.

Старые системы символов, которые действуют и поныне, были созданы в эпоху, когда человечество только вступало в стадию накопления, а ресурсы представлялись неисчерпаемыми. Тогда казалось, что можно накапливать без конца. Авторитарные иерархии и поддерживавшая их мораль отрешенности были частью старых механизмов управления, которые позволяли строить пирамиды, создавать сложные цивилизации и поддерживать вождей, накопительские амбиции которых были столь велики, что они стремились к мировому господству. Гитлер — всего лишь недавний тому пример¹⁹.

С развитием техники ситуация резко изменилась — оказалось, что ресурсы ограничены, что убийство — пустяковое дело, а система символов, как-то сдерживавшая насилие, внушает все меньше доверия. Этот переход от мира беспредельного изобилия к миру ограничений, к которым относится и ограниченная способность планеты справляться с загрязнением, есть следствие безудержного накопления. Именно этот перелом вызвал необходимость смены парадигмы, подразумевающей и смену системы символов и ее связи с властью. Какую бы форму ни приняла новая система, она должна предусматривать переход от накопления к сохранению, от эксплуатации к заботе и от потусторонних надежд к надеждам в этой жизни.

Преобразование системы символов: диалектический аспект

По-видимому, Вселенной присуще нечто, что проявляется через борьбу противоположностей. Вот несколько примеров таких полярных понятий: постоянство и изменчивость, рост и спад, творчество и (395:) разрушение, жизнь и смерть, порядок и хаос, свобода и рок; на физическом уровне — положительные и отрицательные заряды в субатомных частицах; в обществе — конфликт между равенством и различными проявлениями власти; на эволюционном уровне — взаимодействие сотрудничества и соперничества. В такой ситуации легко мыслить дуалистическими категориями, потому что противоположности — самый явный аспект Вселенной, а значит — его легче всего заметить. Ограничения дуалистического мышления связаны с отрицанием других способов построения картины мира. Возможное единство, скрывающееся за кажущимися противоположностями, и диалектические взаимоотношения между двумя полюсами труднее уловить; к тому же они требуют более сложных абстракций и мыслительных процессов, нежели те, на которые способно дуалистическое мышление по принципу «или-или».

К счастью, человеческий разум может оперировать и другими мысленными категориями, позволяющими иметь дело с чрезвычайно важными процессами, не поддающимися линейному осмыслению по принципу или-или. Мышление типа или-или способно справиться только с задачами соответствующего уровня, и попытки использовать его для решения более сложных проблем, не решаемых в рамках дуалистического подхода, всегда приводят к неудаче. То, что исторически получило название

¹⁹ В разделе «Отрешенность как накопительство» главы «Единство...» показано, что отрешенность — зеркальное отражение и продукт менталитета накопления. Иначе говоря, отрешенность может осуществляться только благодаря морали, основанной на принципе накопления духовных заслуг и самопожертвования. (395:)

«диалектическое мышление», является иным способом работы мысли, позволяющим более адекватно оценить суть взаимоотношений различных процессов.

Если бинарное мышление типа или-или подразумевает статичность и обособленность противопоставляемых категорий, то диалектическое мышление ориентировано на динамические процессы их взаимодействия и выявляет развитие противоположностей, направленное на их объединение. Диалектический подход подчеркивает динамическую связь кажущихся противоположностей и позволяет воспринимать две взаимосвязанные части как единое целое. Каждая из сторон не только абсолютно необходима для существования другой, но и часто содержит в себе аспекты другой противоположности. Жизнь и смерть являются, таким образом, взаимопроникающими, а не взаимоисключающими категориями, так же как контроль и покорность (подчиненность). Подчинив контроль идеологии, можно контролировать собственные эмоции. Подобным же образом действуют привязанность и отчужденность. Привязавшись к одному (396:) человеку или идее, мы отчуждаемся от других, и тем самым выходим из-под их контроля. Даже идеология, пропагандирующая отчужденность, приводит на самом деле к скрытой привязанности к самой идеологии и к эмоциональному контролю, обуславливаемому этим отчуждением. Покорность вызывает появление привязанности к тому, от чего пришлось отказаться в результате «капитуляции», и к сильным чувствам, вызываемым этим действием²⁰.

Хорошим примером диалектического взгляда на противоположности является диалектическая связь между сотрудничеством и соперничеством. Эмоциональная путаница, с которой для многих связан вопрос соперничества, возникает оттого, что соперничество и сотрудничество принято противопоставлять, а не считать диалектически переплетенными категориями. Простая и утвердившаяся позиция — отдавать моральное предпочтение сотрудничеству, в то же время симпатизируя в душе «победителям». Можно полагать, что соперничество питает эгоцентризм, порождая границы и обособленность. Можно сосредоточиться на агрессивности соперничества: ведь наша победа — поражение другого. И все же очень трудно найти примеры чистого сотрудничества, не «запятнанного» соперничеством. В хороших командах, будь то спорт или бизнес, члены команды действуют сплоченно, чтобы обойти соперников.

Давайте рассмотрим пример деятельности, которая на первый взгляд кажется свободной от соперничества. Группа людей собирается вместе, чтобы помочь соседу построить дом. Нам трудно понять, в чем тут соперничество, поскольку многие действия мы рассматриваем сквозь призму отношения к человеку как доминирующему виду. Ведь во время строительства мы лишаем жилища (а часто и жизни) другие виды обитавших там живых существ. Здесь сотрудничество людей еще больше увеличивает то превосходство, которое мы имели в соперничестве с другими видами.

В последнее время в деловом мире распространилась новая парадигма, согласно которой ценится выигрыш обоих партнеров, а не какой-то одной стороны. Для равных партнеров подобное взаимодействие представляется беспроеигрышным. Но до чего же удручающе наивно выглядят имущие, когда чувствуют свою моральную правоту, играя друг с другом в игру без проигрыша и не учитывая влияние своей общей победы на неимущих, находящихся вне игры! (397:)

Возможность играть в беспроеигрышные игры — это привилегия. Для того, чтобы войти в такую игру, необходимо сделать какой-то взнос, иначе она не будет беспроеигрышной. Мы не собираемся отрицать ценность или перспективность парадигмы беспроеигрышных взаимодействий. Просто это еще один пример того, как сотрудничество на одном уровне чаще всего означает соперничество на другом. Тому, кто ставит сотрудничество выше соперничества, очень легко пребывать в неведении относительно этого элемента соперничества.

Соперничество и сотрудничество — два тесно связанных полюса эволюционного развития, которое лежит в основе любых изменений. Соперничество — это эволюционный механизм совершенствования, который расширяет возможности, способствуя развитию мастерства, появлению новизны и красоты. Гармония, связанная с сотрудничеством, очевидна. Однако и во взаимодействии сотрудничества и соперничества тоже есть своя гармония, пусть менее признанная и воспетая. Будучи раз замеченной, она способна открыть более широкую перспективу, которая избавит нас от многих наших неосознанных агрессивных суждений. Если для выживания нам необходимо расширение сознания, а не его ограничение (создаваемое противопоставлением полюсов), то нам следует ясно понимать природу своей склонности к соперничеству, чтобы использовать его там, где оно желательно, и сдерживать там, где разрушительно.

На первый взгляд, соперничество кажется производным от эгоизма, тогда как сотрудничество представляется более бескорыстным. Мы говорим «представляется», потому что, не сули сотрудничество личных выгод, оно встречалось бы куда реже. Сотрудничество может увеличить нашу личную власть, богатство, заслугу и безопасность. Принимая совместное участие в каком-то большем, чем личные нужды деле, человек удовлетворяет свою очень существенную потребность: чувствовать себя

²⁰ См. главу «Соблазны капитуляции». (397:)

элементом социума. К тому же лозунг «Давай, и тебе воздастся сторицей» гораздо более привлекателен, чем лозунг «Давай, и взамен не получишь ничего».

Игнорирование диалектической взаимосвязи между бескорыстным и своекорыстным, между альтруизмом и эгоизмом — причина многих моральных неясностей и дилемм. Оно порождает то, что мы называем духовным парадоксом. Его можно сформулировать следующим образом: именно эгоизм служит препятствием для нашей высокой духовной реализации, лишает нас места в раю или лучшего (398:) последующего воплощения (реинкарнации). Поэтому, стараясь избавиться от эгоизма, мы достигаем своим духовных целей. Парадокс заключается в том, что, сосредотачивая всю свою жизнь на собственном духовном развитии, мы проявляем высшую степень эгоцентризма, только в несколько более скрытом виде. Превознося духовные награды, религия изображает их главным образом в виде более возвышенных наслаждений. Однако стремление к наслаждению, каким бы возвышенным оно ни было, есть проявление эгоизма.

Ранние школы буддизма отчасти уловили означенный парадокс, и так называемый «обет бодхисаттвы» стал попыткой разрешить это несоответствие. Бодхисаттвой изначально называли существо, которое считали далеко продвинувшимся на пути к просветлению — состоянию Будды, или нирване. (В наши дни этот термин приобрел более широкий смысл: люди часто принимают обет бодхисаттвы как показатель того, что основное в их жизни — бескорыстное служение другим.) Обет формулируется так: «Я отказываюсь от собственного просветления и буду работать только ради просветления других, пока все живые существа не обретут просветление».

Здесь осуществляется попытка избежать духовного парадокса путем достижения максимальной степени бескорыстия — жертвенного отказа от собственного просветления. Такой обет не только не затрагивает всей сложности и глубины феномена эгоцентризма, но и не решает проблему парадокса. Он предлагает простое, чисто количественное решение — стать еще более бескорыстным. Но это приводит к очередному парадоксу: как можно помочь другим достичь чего бы то ни было (в данном случае просветления), если сам не знаешь, что это такое? Нужно либо иметь представление о том, что означает это пока неизвестное состояние, либо полагаться на слова кого-то, якобы просветленного, о том, какая работа должна быть проведена для достижения этого состояния. В любом случае указать правильный путь может только некий посторонний авторитет (учитель или традиция). Более того, обет бодхисаттвы содержит также скрытый смысл и неявно выраженную цель: если бы человек смог жить в полном соответствии с обетом, он бы достиг просветления, ибо жизнь в согласии с обетом, который заключается в абсолютном бескорыстии, делает его достойным просветления.

Взгляд на категории «бескорыстное» и «эгоистическое» как на взаимосвязанные диалектические противоположности не (399:) устраняет моральных дилемм, но изменяет подход к ним. Усвоение дуалистической морали отрешенности порождает внутренний конфликт между «хорошей» (бескорыстной) и «плохой» (своекорыстной, плотской) частями человека, что создает предпосылки для «недоверия к себе», поскольку человек никогда не сможет стать «абсолютно хорошим»²¹.

Предлагаемый здесь диалектический подход — не только интеллектуальный прием. Это способ повысить уровень абстракции и тем самым расширить свой кругозор. Он не отрывает процесс от содержания и тем самым учитывает движение, вместо того чтобы овеществлять абстракцию, превращая ее в нечто застывшее и обособленное. Диалектический взгляд на пары противоположностей — обособление и слияние, закрытие и открытие границ, бескорыстное и своекорыстное, множественность и единичность — может привести к глубокому изменению в душе человека, если такая точка зрения действительно лучше отражает то, как устроен мир. Одна из весьма веских причин полагать, что мир устроен именно так, заключается в том, что предложенная версия объясняет, почему никогда не удавались попытки устранить одну из сторон противоположности.

Перечисленные выше (и некоторые другие) пары кажущихся противоположностей, если рассматривать их лишь в рамках системы «или-или», соответствуют Вселенной, в которой каждый полюс борется с противоположным за первенство. Поэтому чем человек бескорыстнее, тем он менее эгоцентричен, и наоборот. На этой основе строились все морали отрешенности. Оба понятия — и «бескорыстное», и «своекорыстное» — являются абстракциями, поскольку каждое из них абстрагирует лишь одну сторону живого, целостного человека. Будучи абстракциями, они имеют смысл только во взаимосвязи друг с другом. Пользуясь метафорой из теории гештальт-восприятия, они друг для друга — как фигура и фон, нуждающиеся друг в друге, чтобы существовать.

Возможно, самой главной противоположностью является противопоставление общности и разнообразия, «Единственного» и «Многого». Анимистическое мировоззрение не обладало абстракциями для их разделения. Политеизм прославлял разнообразие, населяя мир множественными силами. Монотеизм создал жесткий (400:) дуализм между «Единственным» (Бог) и «Многим» (Божие творения).

²¹ Движущие силы внутренней борьбы между так называемыми «хорошей» и «плохой» частями нашего «я» показаны в главе «Кто контролирует ситуацию». (400:)

И наконец, идеология Единственности породила понятие общности, абстрагируя его от разнообразия, а затем, объявив эту категорию более реальной, придала ей главенствующее значение. Взгляд на общность и разнообразие как на диалектически взаимосвязанные категории порождает более широкую абстракцию, которая признает за отдельными индивидами такую же значимость, как и за составляемым ими целым. Такой подход может поддерживать как бескорыстное, так и своекорыстное, рассматривая то и другое как взаимозависимые полюса мироздания.

Диалектическое мышление может показаться более сложным. Отчасти это связано с тем, что оно отличается от обычного способа мышления, привычного для нашего разума. Оно также более требовательно к умственным усилиям, необходимым для четкого отслеживания непрерывно меняющейся ситуации. Кажущаяся простота дуалистического подхода — продукт искусственного разделения реальности на две части. Возникающие в связи с ним противоречия суть наследие, с которым нам предстоит разобраться. Дуалистическое мышление упрощает жизнь, поскольку позволяет создавать правила, простые для запоминания и механического применения («это хорошо, а это плохо»). Новое время требует новой морали, способной учитывать взаимодействие обоих аспектов человеческой сущности — альтруистического и эгоистического, не придавая последнему оттенка греховности. Ведь этот оттенок ему придает сама устаревшая мораль, построенная на принципе «или-или».

Необходимым условием настоящих перемен является такой пересмотр ценностей, который не просто привел бы к перетасовке старых форм, а по-новому конструировал бы Слово, используя неавторитарные предпосылки. Ибо понимание наших будущих перспектив можно приобрести лишь путем перестройки системы символов и порождаемых ею ценностей. Старый порядок не уступит контроль над системой символов без боя: ведь для него это означало бы полную утрату собственной власти. Настоящая борьба сегодня, на наш взгляд, происходит в сфере контроля Слова. При этом на карту поставлено не только то, каким будет наше будущее, но и то, будет ли оно у человечества вообще. (401:)

Эпилог: Куда нам идти?

За масками авторитарной власти скрывается идея о существовании некоего высшего разума, который знает, что лучше для других. Результатом обычно бывает следующее: кто-то утверждает, что либо сам обладает высшим разумом, либо может правильно истолковать его указания. Подобное наблюдается в разной степени в разных сферах. Самые крайние формы это принимает в тех случаях, когда убежденность в моральном превосходстве сочетается с верой в непогрешимость. Олицетворением такого сочетания является образ гуру, что и послужило поводом для названия нашей книги. Исходя из изложенного, нередко делают вывод, что авторитет больше заботится о нашем благе, чем мы сами, и эта забота о высшем благе объясняется его бескорыстием. Достижимо ли состояние абсолютного бескорыстия или абсолютной непогрешимости — вопрос, по меньшей мере, спорный. Кроме того, возникает еще один вопрос: как можно быть уверенным, что кто-то действительно достиг такого состояния? Как бы то ни было, ясно одно: подчинение другому человеку на том основании, что он претендует на моральное превосходство или на знание верного пути к истине, не только порождает коррупцию и ложь, но и лишает людей личной ответственности.

Рассмотрим стадии развития человеческого индивида в качестве метафоры, помогающей понять наш взгляд на прошлое человечества, на то, где оно находится сегодня и каким должен быть его (402:) дальнейший путь. В этой аналогии доисторический период подобен младенчеству: как и для младенцев, главной заботой человечества в это время было выживание. На ранней стадии жизнь человека целиком зависит от небольшого числа близких людей. С приходом земледелия человеческий род вступил в период детства. Как и у ребенка, этот период примечателен ростом и расширением границ. По мере быстрого увеличения населения на смену небольшим сплоченным группам пришла более сильная авторитарная иерархия. Именно тогда было положено начало тем авторитарным формам, которые сохранили свое господство до наших дней, в том числе и в области современных систем морали.

Промышленная революция и активное использование природных ресурсов, ставшее возможным благодаря достижениям науки, ускорили развитие и расширение границ человечества, ознаменовав начало периода его юности. Этому этапу присуща повышенная сосредоточенность на себе. Подростки совершают поступки, не очень-то представляя себе их последствия, особенно последствия для других людей. Юность нередко бунтует против авторитета взрослых, но не против самого авторитаризма. Как правило, молодежь обращается к старым богам и идолам или создает новых, чтобы следовать им. Часто молодое поколение культивирует с себе нелепую непререкаемую веру в собственную правоту или в правоту своих товарищей, игнорируя любые сведения, которые могли бы их отрезвить. Такая позиция собственной непогрешимости, направленная против сторонних авторитетов, уже сама по себе авторитарна. Кроме того, в юности многие думают и ведут себя так, будто они бессмертны.

Ключевой момент взросления — осознание того, что мы смертны. Такое осознание приводит к смене жизненных ориентиров, что, в свою очередь, меняет основные привычки. Когда мы понимаем, что старение и умирание — это часть жизни, перед нами встает вопрос, как встретить старость и смерть осознанно и достойно. Взрослость — время, когда человек начинает жить, думая об отдаленных последствиях, а не только о сиюминутных радостях. Люди все больше внимания уделяют заботе и уходу, они вынуждены отказываться от излишеств, которые уже не может выдержать начинающий стареть организм. Приходит понимание того, что, хотя смерть и неизбежна, от наших поступков, тем не менее, может зависеть не только продолжительность, но и качество нашей жизни. (403:)

Как переход от юности к зрелому возрасту, как правило, не обходится без некоторой борьбы, так и примирение с реальностью смерти редко проходит безболезненно.

Мы полагаем, что человечество в целом тоже борется с необходимостью проститься с юностью, потому что осознает, что и оно смертно. Речь здесь совсем не о том, что род человеческий исчезнет с лица Земли, когда взорвется Солнце. Человечеству угрожает гибель в результате его собственной саморазрушительной деятельности, и когда мы это осознаем, придется решать по-настоящему важный вопрос: смогут ли люди изменить свои привычки во имя того, чтобы продлить жизнь на нашей планете? Так же как и для отдельного человека, для всего нашего вида такое осознание потребует радикального пересмотра ценностей и умения проявлять заботу и осмотрительность. Людям, как в младенчестве, придется ощутить на себе всю хрупкость человеческой жизни. Разница в том, что теперь, столкнувшись с грозной опасностью, мы способны понять, что выживание или гибель зависят только от нас самих. Как и для каждого отдельного человека, встреча с неизбежностью смерти для человечества в целом — это часть процесса развития, вынуждающая пересмотреть ценности и приоритеты с учетом того, как наши сегодняшние поступки повлияют на наше выживание в будущем. Такой пересмотр необходим для того, чтобы повзрослеть — и каждому отдельно взятому человеку, и всему виду в целом.

Еще один важный элемент, сопутствующий взрослению, — осознание того, что в конечном счете другие не могут знать, что лучше для тебя самого. Авторитарная власть, политическая или идеологическая, оставалась главной формой контроля на протяжении исторического детства и юности нашего вида. Сюда относятся и поиски спасителя, который устроил бы все наилучшим образом. Сама идея спасителя содержит в себе предположение, что существует некто, кто лучше нас знает, что нам нужно, а потому все, что он ни скажет, является абсолютно непререкаемым. Подход к решению проблем в расчете на спасителя не только удерживает людей на стадии детства, но и является первоосновой старых парадигм. Кроме того, это всегда оправдывало насилие и жестокость. Прежние парадигмы непременно опирались на некий авторитет — будь то гуру, вождь, мудрец, аватара, наместник бога на земле или пророк, — который объяснял, что такое жизнь и как надлежит жить. И основной вопрос, стоящий (404:) в настоящее время перед человечеством, заключается в том, как изменить этот старый метод, который мы уже переросли.

Прошлое по природе своей обладает большим преимуществом — его доводы весомы и им сопутствует безусловное доверие. Поэтому вполне естественно, когда приоритет отдают старым решениям, которые работали в прошлом, — сказывается сила привычки или традиции: как известно, всегда легче идти проторенным путем. Столь же естественно верить в то, что старые решения по-прежнему работают, просто их нужно лучше выполнять или проводить в жизнь более настойчиво. Такой курс хорош до тех пор, пока не становится ясно, что все попытки разумнее использовать старые формы лишь ухудшают дело. Наступает момент, когда прошлое больше не в состоянии управлять тем, что происходит сейчас. Когда старые пути ведут в тупик, решения, которые раньше были верны, только порождают новые проблемы. Вот почему сегодня ощущается острая потребность в смене парадигмы.

Ответ на вопрос «Куда идти дальше?» должен стать итогом взаимодействия взглядов разных людей, отражающих их желание не только выжить, но и создать мир, у которого есть будущее. Хотелось бы надеяться, что саморазрушение — не единственный путь, по которому мы можем идти, что у нас достаточно ума и смелости, чтобы в случае необходимости изменить даже самые что ни на есть устоявшиеся шаблоны. Сейчас такая необходимость назрела. Как ни странно, но то, что впереди — тупик, даже хорошо: он подталкивает нас к переменам. Старые системы веры, морали, а также способов организации власти, ее сохранения и использования привели человечество туда, где оно находится сегодня, но дальше вести его они не способны. Все это стало средством самоуничтожения. Если человечество хочет расти и развивать свой огромный творческий потенциал, оно должно осознать, что стоит на грани гибели.

В этой книге мы нарисовали только часть картины, показывающей, насколько глубоко авторитаризм проник в души людей и в общественные организации. В более объемном, упоминавшемся ранее, труде под названием «Контроль», частью которого является эта книга, будет рассмотрен более широкий диапазон вопросов, проблем и убеждений, в основе которых скрыт авторитаризм. Мы решили написать об этом потому, что неперенным условием, предшествующим перемене и ускоряю-

щим ее, является понимание не только (405:) того, что перемена необходима, но и того, почему она необходима. Наша книга предлагает не программные решения в форме готовых рецептов, а иной способ осмысления проблем. И прежде всего мы стремимся показать, что если реформа проводится авторитарным способом, то перед нами вовсе не реформа.

Главная опасность для человечества — его многократно усиленная благодаря техническому прогрессу способность нанести непоправимый вред как себе самому, так и экосистемам Земли. В сочетании с авторитарными иерархиями это не только ведет к коррупции, но и дает возможность верхам бездушно эксплуатировать низы. В младенческий период развития человечества, когда благополучие группы зависело от заботы о каждом ее члене, малышей защищали и опекали все сообща. Теперь же детям, будущему рода человеческого, грозит опасность затеряться во всеобщем хаосе, особенно если их родители не могут или не желают о них заботиться. Такое отношение людей друг к другу — еще один яркий пример того, что путь, которым мы идем сейчас, ведет в тупик.

Один из основных источников насилия на нашей планете — это все те же нежеланные, нелюбимые дети, не знающие родительской заботы и ласки. Вырастая, они обычно не только озлобляются и часто вступают на путь преступления, но и становятся «бомбами замедленного действия», которые могут в любой момент взорваться, уничтожив все, что их окружает. На наших глазах рождается мир, полный людей без надежды, часто движимых завистью и злобой, людей, которые ни во что не ставят свою собственную жизнь, а вашу и подавно. Может ли их заботить вопрос сохранения жизни на планете? Повсеместный рост населения в сочетании с непрерывно увеличивающимся разрывом между имущими и неимущими порождает все большее число людей без надежды на будущее. Когда значительная часть наших сограждан лишена надежды, ситуация становится опасной для всех. Если мы хотим выжить, нам нужны люди, верящие в лучшее будущее и достаточно ценящие себя, чтобы заботиться о ближних и о нашем мире в целом. Это предполагает создание жизнеспособной морали, которая ставила бы на первое место ценность человеческой жизни и благо всех наших детей. Общество должно взять на себя роль родителей всех живущих в государстве детей, не возлагая ответственность за них только на законных родителей. (406:)

Создание новой морали — наша общая задача. Но если основа ее останется авторитарной, она обязательно принесет все те же старые плоды: недоверие к себе и беззастенчивое использование людей во имя некоего неопровержимого «высшего» принципа. Можно возразить, что было бы слишком утопично ожидать от обыкновенных людей, чтобы они относились к себе как к мерилу справедливости и надлежащим образом заботились о судьбе мира. Действительно, история еще не знала такого, но ведь и столь острой необходимости никогда прежде не возникало. Дело не в том, что люди должны стремиться к личной ответственности, взаимоуважению и заботе о ближнем, чтобы стать или ощущать себя более нравственными. Нет, все это необходимо для того, чтобы просто выжить.

Наша гипотеза, изложенная в этой книге, заключается в следующем: загадку кажущейся двойной природы человека, в том числе и его способность отделить друг от друга проявления насилия и любви, можно объяснить мощным и глубоким воздействием авторитарного программирования. Если наша точка зрения окажется верной, то это добрая весть: значит, мы не завязли в трясине биологического развития, не зашли в эволюционный тупик. Мы всего лишь погрязли в устарелых убеждениях и методах, которые не дают возможности увидеть открывающиеся перед нами горизонты.

Идея демократии распространилась по свету за исторически короткий период времени потому, что она вселила в людей надежду обрести больший контроль над своей жизнью. Демократические идеалы привели большую часть населения планеты к тому состоянию, в котором оно сейчас находится. Однако демократия сама по себе не способна справиться с главными опасностями, угрожающими сегодня миру, ибо в лучшем случае она может служить лишь отражением ценностей, признаваемых членами демократического общества. Если большинство населения такого общества придерживается (хотя и в разной степени) авторитарных ценностей и убеждений, это налагает серьезные ограничения на демократичность самой демократии. И все же демократия — подлинный пример власти идеи.

Если, как мы утверждаем, современные проблемы есть действительно функция отживших авторитарных убеждений, то это воистину вселяет надежду: кажущиеся вечными структуры на самом деле полностью зависят от убеждений, живущих в сознании людей. (407:)

Хотя убеждения упорно противятся всякой реорганизации, но стоит им измениться, как тут же наступают перемены, принося с собой неожиданные следствия. Уже само по себе ясное понимание скрытой природы и глубины авторитарных убеждений может подорвать их силу.

Для нас надежда заключается в возможности преодоления авторитарного прошлого, в возможности всем вместе построить будущее, в котором самой важной будет считаться задача сохранения нашей планеты в состоянии, пригодном для обитания на ней пестрого разнообразия взаимосвязанных и взаимозависимых форм жизни. Если эта задача будет выполнена, мир станет лучшим местом для всех живущих в нем, потому что впервые со времен младенческого периода развития человечества благополучие каждого вновь станет неотъемлемым условием общего выживания.